

Г. А. Черемисинов

ПАРАДИГМА
ДИРЕКТИВНО-ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В двух частях

Часть 1

Саратов
Издательство Саратовского университета
2012

УДК 330.342.17 (83); 334.012 (470) (09); 338.0
ББК 65.01 (013.7); 65.02; 65.9 (2)
Ч46

Черемисинов, Г. А.

Ч46 Парадигма директивно-плановой экономики : российский опыт хозяйственных преобразований : в 2 ч. / Г. А. Черемисинов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. – Ч. 1. – 348 с. : ил.
ISBN 978-5-292-04168-9 (ч. 1)

В настоящее издание вошли переработанные научные материалы, опубликованные в 1994–2011 гг., а также новые материалы. Исследуются методологические и теоретические проблемы экономической науки, дается историко-хозяйственный анализ возникновения, становления и трансформации директивно-плановой системы отечественной экономики, рассматриваются воззрения представителей различных направлений социально-экономической мысли на российскую хозяйственную практику советского периода.

Для преподавателей, научных работников, аспирантов, студентов и всех интересующихся теорией и историей отечественной экономики, развитием экономической науки.

Ил. 10. Табл. 102.

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор *А. В. Латков*
кандидат экономических наук, доцент *Е. В. Огурцова*

*Работа издана по тематическому плану 2012 года
(утвержден на Ученом совете Саратовского государственного
университета, протокол № 6 от 15.05.2012 г.)*

УДК 330.342.17 (83); 334.012 (470) (09); 338.0
ББК 65.01 (013.7); 65.02; 65.9 (2)

ISBN 978-5-292-04168-9 (ч. 1)
978-5-292-04167-2

© Черемисинов Г. А., 2012
© Саратовский государственный университет, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	5
Раздел I. НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	13
Глава 1. Постановка проблемы: теоретико-методологические аспекты использования понятия парадигмы в экономической науке	13
Глава 2. Государственное предпринимательство как типологический признак развития российской экономики	30
Раздел II. ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ДИРЕКТИВНО-ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ	44
Глава 3. Государственная поддержка промышленного подъема в конце XIX – начале XX века	44
Глава 4. Чрезвычайная экономика военных лет (1914–1921 годы).....	65
Глава 5. Новая хозяйственная стратегия советской власти	90
Глава 6. Влияние государственного предпринимательства на формирование конъюнктуры торгового кризиса (1922/23–1923/24 годы)	123
Глава 7. Создание индустриально ориентированного государственного предпринимательства (1924/25–1925/26 годы)	161

Глава 8. Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства (1926/27–1928/29 годы)	219
Глава 9. Формирование предпосылок инвестиционно- мобилизационного роста государственного предпринимательства (1929–1932 годы)	265
Глава 10. Макроэкономическая динамика в период нэпа	308
Глава 11. Закономерности системных преобразований российского хозяйства в XX веке: становление и перестройка директивно-плановой экономики.....	321

ВСТУПЛЕНИЕ

Экономическая теория столкнулась сегодня с нелегкими испытаниями. Назревшие реформы сотрясают наше общество до основания, заставляют пересматривать бытовавшие мнения о закономерностях хозяйственного развития России. Коренная ломка общественных устоев разжигает страсти, и экономистам достается не меньше, чем политикам.

Почему распалось длившееся не менее полувека содружество советской экономической науки и официальной политики? Этот вопрос затрагивает интересную проблему понимания и истолкования теоретических положений, выдвигаемых различными школами экономистов. В условиях затяжного социально-экономического кризиса занятие подобными абстрактными рассуждениями может показаться наивным. Но видимость обманчива. Обращение к методологии подготавливает почву для серьезного прорыва экономической теории вперед, к новым знаниям.

Обновление науки сопровождается «инвентаризацией» ее исходных посылок. Ученые пытаются понять влияние «предрассудков» – предварительно составленных суждений отдельного автора или целого научного направления на формирование его взглядов и построение концепций. Прежде всего это касается идеологических предрассудков, которые обуславливают приверженность либеральному или классово-групповому, социалистическому мировоззрению.

Здесь следует заметить, что само по себе слово «предрассудок» означает пред-суждение, т.е. суждение, высказанное до окончательной проверки всех фактических моментов. Это вовсе не говорит о неверности суждения. Не только история принадлежит нам, но и мы принадлежим истории. Предрассудки отдельного человека в гораздо большей степени, чем его суждения об экономике, определяются традициями и конкретными социально-экономическими условиями жизни.

Идеологическая окраска экономической науки сгущается в процессе перевода теоретических положений со специального, профессионального языка на язык повседневного общения. Здесь рациональные аргументы теряют силу и делят власть над умами с эмоциональным воздействием. В сфере массового обыденного сознания экономическая теория уступает место риторике и политике. Постижение этих взаимосвязей приближает к ответам на сокровенные вопросы: за чьи прошлые «грехи» должна каяться наука, в каком обществе мы жили и живем, почему существовала теоретически и политически «ненормальная», как теперь модно говорить, «командно-административная система» народного хозяйства, где искать ее истоки?

Каждая эпоха понимает себя и свое прошлое по-своему. Все зависит от выбранного горизонта времени, до которого распространяется взгляд размышляющих людей. Взвешенный теоретический подход поворачивает нас лицом к уходящей вглубь веков отечественной истории. Ее нельзя отбрасывать ни по чьей прихоти. Нелепо вести отсчет только с октября 1917 г., а тем более с момента начала «перестройки» или политического развала Советского Союза. Настала пора перешагнуть через порог надуманной схематики.

Сейчас крайне важно разобраться в происходящих событиях, дать им трезвую оценку на основе нашего собственного отношения к реальным проблемам. Ведь понимание есть в конечном счете самопонимание, осмысление перемен в российском обществе, которые связывают воедино прошлое и настоящее. До сего времени мы пребываем в ситуации сплошных разрывов.

Общепринятые до конца 80-х гг. XX столетия теоретические схемы не годятся для объяснения процессов «создания рынка» и становления многоукладной экономики, тем более в экстремальных условиях обвального спада производства, структурной отраслевой перестройки, развала и натурализации хозяйственных связей, интенсивной инфляции и т.д. Они были рассчитаны на иную модель механизма регулирования двухсекторной государственно-кооперативной экономики (с громадным перевесом казенной собственности), сориентированной на противоположные тенденции: постепенный рост валового национального продукта, фиксированные цены, устойчивое денежное обращение и т.п. Логика науки перестала соответствовать логике хозяйствования.

Отрыв теории от практики усугубился в конце прошлого века разладом между внешне привлекательными целями экономической политики, ее сомнительными средствами и плачевными результатами. К сожалению, политики пытались видоизменить нашу экономику ценою любых потрясений и разрушений, не чувствуя границу дозволенного. Такая решительность была основной причиной углубления кризиса в экономике, чрезвычайно затрудняя ее реформирование, ибо в народном хозяйстве нельзя ожидать полезных сдвигов без устранения влияния дестабилизирующих факторов, наращивания объема производства и ресурсов накопления капитала. Для этого придется восстанавливать многое, уже испорченное почем зря, т.е. двигаться в обратном направлении.

Реформы обозначают очередной исторический разрыв. Необходимость переустройства становится возможностью, когда общество перестает довольствоваться тенденциями своего развития, когда появляются силы, способные изменить существующий порядок вещей. Предпосылкой и непременным условием общественных преобразований выступает критика прошлого и настоящего ради будущего. Она заставляет пересматривать устоявшиеся взгляды на историческую судьбу страны. Новое видение формирует соответствующие идеологические предрассудки, которые проникают в обыденное сознание, политику, социальные науки, вытесняют господствовавшую ранее идеологию. Рекомендации экономистов в бурные времена воспринимаются лишь в лозунговой форме. От-

дельные, разрозненные теоретические положения занимают место некогда целостных концепций, создают видимость солидного обоснования проводимым мероприятиям.

Конфликт старого и нового усиливается «нуждой выше крайности», обострением противоречий интересов различных социальных слоев населения. Дополнительный накал борьбе идей придают стремящиеся к власти партийные группировки. В пиковые моменты политических сражений нагнетается атмосфера всеобщего отрицания прошлого. Возникает ощущение, будто рвется связь времен.

В реформах, проводимых с 1990-х гг., пока преобладал дух разрушительности. Они были направлены на слом прежней, «тоталитарной» системы и проходили под девизом переделки до основания всех общественных уложений. Прошлое ассоциировалось в массовом сознании с однопартийным режимом и его стрижнем – марксистской коммунистической (социалистической) идеологией, ведь тонкая и умелая интерпретация «марксистско-ленинского учения» на протяжении нескольких десятилетий буквально цементировала общество.

Но достаточно стройная, непротиворечивая теоретическая схема социалистической экономики была отброшена политикой поощрения «цивилизованного» рынка. Подвергшиеся обструкции принципы директивно-плановой системы отступили под натиском «преимуществ» либерального, частного хозяйственного предпринимательства. В результате наша страна испытала исторический разрыв в политике, экономике, идеологии, социальных науках, который вызвал общенациональный кризис, грозящий развалом государственности.

Мы оказались в ситуации двойного разрыва. Один достался нам в наследство от прошлой системы, сделавшей все, чтобы отрешиться от многовековых традиций народа и начать отсчет нового времени с момента захвата власти большевиками в 1917 г. Второй разрыв дополнил первый на рубеже 80–90-х гг. XX века. Победившее «демократическое» руководство попробовало отослать в небытие еще 70 лет отечественной истории.

Оба разрыва при внешней несхожести имели общие черты. Они чрезвычайно идеологизированы. В них преобладали групповые интересы правящей верхушки, нетерпимость к инакомыслию. И для большевиков, и для сегодняшних реформаторов характерна непримиримая борьба с «пережитками» прошлого. Рационально сформулированные абстрактные цели – коммунистическая или рыночная перспектива – поддерживали революционный настрой. В обоих случаях вводилась своя периодизация истории страны, страдающая узостью временного горизонта, отгороженного «новейшим летоисчислением».

Указанные разрывы расщелили развитие российского хозяйства, российской экономической мысли на три отрицающих друг друга периода. Такое аномальное состояние во многом объясняется активным влиянием политики и идеологии на хозяйственную деятельность и общественные науки. В былые годы КПСС ограничивала рамки исследований «современностью» – сроками правления очередного лидера государства или датами существования своего режима. Видение нынешнего руководства также стеснено обстоятельствами последних лет. Поэтому не стоит удивляться, что теоретическое обоснование реформ так и осталось ущербным.

Истолкование исторических тенденций всегда будет половинчатым, если оно довольствуется только противопоставлением предшествующего периода последующему, не показывает логики перехода между ними. Осознание преемственности сейчас необходимо во благо возрождения России. Пришла пора преодолевать противоестественную разорванность нашей жизни, обратиться к кладези забытых традиций прошлого, погасить пламя разрушающего радикализма. Сохранение старого – такая же свободная установка, как и переворот или обновление.

Устранять внутреннюю надорванность предстоит и экономической науке. Ход общественных процессов снижает авторитет господствовавших прежде мнений и заставляет по-иному осмыслить советский период в жизни страны. Десятилетия, истекшие с начала политики «перестройки» в середине 1980-х гг., образовали то требуемое отстояние во времени, которое удаляет от сиюминутности оценок директивно-плановой экономики. Завершенность эта-

па функционирования советской централизованно-управляемой экономической системы выделяет его из актуальности событий и включает органической составной частью в непрерывную историю отечественного хозяйства. Создается благоприятная ситуация для того, чтобы раздвинуть временной горизонт изучения событий, перекинуть мостки из дореволюционной эпохи в настоящее.

К сожалению, такой подход к теоретическому анализу текущих социально-экономических преобразований объективно невозможен по причине их незавершенности. Нынешние реформы пока можно оценивать односторонне – лишь по отношению к прошлому, ведь научное объяснение исторического места той или иной эпохи предполагает ее сопоставление не только с предшествовавшими, но и с последующими событиями.

Вглядываясь в минувшее, мы не уходим в чуждые миры, а остаемся у самих себя, занимаемся самопознанием. Встреча с прошлым показывает условность, даже мелочность предрассудков, очерчивающих пределы научного видения каждого общественного разрыва. Преодоление обособленности отдельных эпох охватывает в целостности историю Отечества, как бы оно не именовалось – Русь, империя, СССР, Российская Федерация. Оно высвечивает точки соприкосновения противоборствующих идеологий, содействует достижению более высокой общности между людьми, исповедующими разные ценности, облегчает текущее реформирование.

Замысел этой книги подсказали автору коллеги, предложив собрать уже имевшиеся отдельные исследования по директивно-плановой экономике в единую монографию. Воплощение идеи потребовало переработки разрозненных фрагментов и наработки нового научного материала, обобщения их в целостную концепцию. Проведенное исследование надобно считать рамочным, очерчивающим круг проблем и подходы к их решению, намечающим направления и контуры дальнейшего научного поиска.

Понимание директивно-плановой экономики как парадигмы предопределило рубрикацию и содержание частей и разделов монографии. Термин «парадигма» используется в трех основных значениях: во-первых, как господствующий в науке образ мышле-

ния, во-вторых, как образец хозяйственного поведения, в-третьих, как образец решения научных задач. Соответственно им выделены разделы научно-методических основ исследования заявленной темы, исторического места директивно-плановой экономики и методологии парадигм в контексте истории социально-экономической мысли.

Масштабы поставленной проблемы и фундаментальность понятия парадигмы обусловили изучение проблематики в традиционном для отечественной экономической науки сочетании экономической теории, экономической истории и истории экономической мысли. Такая многоаспектность связана с выбором методологии, адекватной решаемой научной задаче.

В первой части книги раздел научно-методических основ исследования посвящен теоретико-методологическим аспектам использования понятия парадигмы в экономической науке и характеристике государственного предпринимательства как типологического признака развития экономики России.

Историческое место отечественной директивно-плановой экономики рассматривается во втором разделе в широком временном интервале. Истоки современного государственного предпринимательства как предшественника централизованного планового управления национальной экономикой обнаруживаются в правительственной поддержке промышленного подъема в конце XIX – начале XX века. Становление самой директивно-плановой системы руководства российской экономикой происходило поступательно-возвратно на протяжении более пятнадцати лет – с Первой мировой войны и до завершения первой пятилетки. Почти столько же времени – с середины 1980-х гг. до конца 1990-х гг. – заняла трансформация «советской» модели экономики в либерально-рыночную.

Вторая часть книги включает раздел методологии парадигм в контексте истории социально-экономической мысли. Критическая оценка воззрений серьезных ученых, использование результатов их концептуальных построений и исторических экскурсов, парадигмального историко-экономического анализа – плодотворное направление теоретических изысканий, обеспечивающее прира-

щение знаний экономической истории и теории. Особый интерес представляет сопоставление достижений альтернативных научных школ: неоклассической системной парадигмы Я. Корнаи, неомарксистской парадигмы миросистемного анализа И. Валлерстайна, «Другого канона» Э. Райнерта. Расширению поля научных исследований и обогащению инструментария социально-экономической науки содействуют обзор теории и методологии историко-экономической герменевтики и обращение к духовно-нравственным проблемам формирования российской модели экономики.

Раздел I
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 1
Постановка проблемы:
теоретико-методологические аспекты использования
понятия парадигмы в экономической науке

Изучение теории и истории отечественного хозяйства имеет важное методологическое значение для формирования и развития современной экономической науки. Без него невозможно создание единой, внутренне не противоречивой концепции, объясняющей закономерности функционирования российской экономики в рамках новой индустриальной истории, на протяжении последних полутора веков.

Проблема изучения долгосрочной экономической динамики, охватывающей не одно десятилетие, решена уже на уровне учебных курсов в развитых странах Запада, американских¹ и шведских учебников². У нас же до последнего времени преобладали логические конструкции «переходной» экономики, ограниченные сроками осуществления политики рыночного либерализма.

Объявление в экономике «переходного периода» означает, что теоретические схемы директивно-плановой системы, впрочем как и современной стандартной неоклассической теории, оказались

¹ См.: Макконел К. Р., Брю С. Л. Экономикс : Принципы, проблемы и политика : в 2 т. М., 1992.

² См.: Эклунд К. Наша экономика. М., 2004.

непригодными для объяснения процессов создания многоукладной рыночной экономики в экстремальной обстановке передела собственности, обвального спада производства, деградации отраслевой структуры, развала и натурализации хозяйственных связей, инфляции и растущей безработицы.

Сегодня все острее ощущается потребность в становлении «россиеведения» как полноценного и приоритетного направления обществознания³. Плодотворным направлением исследований в этой области может быть методология парадигм, под которыми чаще всего разумеют теоретические устои, господствующие в научных кругах на протяжении определенного исторического этапа. При выработке новой парадигмы, т.е. целостной системы представлений об обществе и происходящих в нем переменах, классические или традиционные воззрения не отбрасываются, а входят в формирующуюся систему представлений в качестве частного случая⁴. Таким особым случаем была парадигма экономической мысли, которая сложилась в СССР в годы нэпа (в конце 20 – начале 30-х гг. XX в.) и соответствовала директивно-плановой хозяйственной системе.

В литературе встречается и более широкое толкование понятия парадигмы. Содержание культурно-экономической парадигмы раскрывается как совокупность способов организации производства, норм и правил хозяйственного поведения, доминирующих социальных типов хозяйствующих субъектов и др.⁵

Американский философ и историк науки Томас Кун определял понятие парадигмы широко и многоаспектно, пользовался им для периодизации научно-технических достижений, имея в виду сумму технико-производственных знаний и способы их практической реализации.

³ См.: *Рязанов В. Т.* Хозяйственный строй России : на пути к другой экономике. СПб., 2009. С. 6.

⁴ См.: *Абалкин Л. И.* Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения // *Экономическая история России : проблемы, поиски, решения : Ежегодник.* Вып. 3. М. ; Волгоград, 2001. С. 15, 17, 18.

⁵ См.: *Белоусов А. Р.* Становление советской индустриальной системы // *Россия XXI.* 2000. № 2. С. 37; № 3. С. 42.

Под парадигмой Т. Кун подразумевал признанные всеми научные достижения, которые в течение известного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений. Термин «парадигма» тесно связан с понятием «нормальной науки» – исследованием, прочно опирающимся на одно или несколько прошлых научных достижений, признаваемых в течение некоторого времени определенным научным сообществом основой для его дальнейшей практической деятельности. В наши дни такие достижения излагаются учебниками⁶.

Ученые применяют одни и те же правила и стандарты научной практики, если их исследовательская деятельность строится на основе одинаковых парадигм. Общность установок и видимая согласованность, которую обеспечивают одобренные примеры научного творчества, служат предпосылками нормальной науки, т.е. генезиса и преемственности в традиции данного направления научного поиска. Способ введения термина «парадигма» таит в себе логический круг. Парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму⁷.

Установившееся употребление понятия парадигмы означает принятую модель или образец. Но смысл слов «модель» и «образец», подразумевающих соответствие объекту, не полностью покрывает определение парадигмы. Стандартное применение парадигмы – разрешение на копирование примеров, каждый из которых может ее заменить. Но в науке парадигма редко бывает объектом копирования. Она представляет собой объект для дальнейшей разработки и конкретизации в новых или более трудных условиях⁸.

Термин «парадигма» Т. Кун использует в двух различных смыслах. С одной стороны, для обозначения всей совокупности убеждений, ценностей, технических средств и т.д., характерной для членов данного сообщества. С другой стороны, для выделе-

⁶ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11, 28.

⁷ Там же. С. 29, 229.

⁸ Там же. С. 44.

ния одного элемента в этой совокупности – конкретных решений задач, которые, когда они применяются в качестве моделей или примеров, могут заменять правила как основу для решения еще не разгаданных головоломок нормальной науки. Первый смысл термина как набора предписаний для научной группы можно назвать социологическим, второй как общепризнанные примеры – образцовым⁹.

Венгерский экономист Янош Корнаи предложил специфическое понятие «системная парадигма». Он пишет: «Парадигма – это долговременно существующий способ мышления научного общества. Сменяющие друг друга поколения изучают ранее созданную парадигму по учебникам. Это критерий, которому отвечает *системная* парадигма. Она позволяет взглянуть на длительный исторический период и обеспечивает определенный круг исследователей интеллектуальным путеводителем, что и призваны делать парадигмы»¹⁰.

Автор перечисляет главные свойства системной парадигмы: системный анализ; охват всех обществоведческих наук; институциональный подход; историческое объяснение происходящего; политический либерализм и индивидуальный выбор; изучение перехода от системы к системе; выявление недостатков функционирования системы; сравнение между общественными системами¹¹.

Я. Корнаи отличает системную парадигму от экономической парадигмы, основанной на эконометрике и математических методах. В основе системной парадигмы лежит стремление воспринимать реальность с разных сторон. Поэтому сторонники системной парадигмы готовы серьезно поступиться научной строгостью и точностью. Ее методология «мягче», чем методология «полужесткой» или явно «жесткой» экономической парадигмы. Но перед системной парадигмой стоят проблемы, которых последняя избегает¹².

⁹ См.: Кун Т. Структура научных революций. С. 228.

¹⁰ См.: Корнаи Я. Системная парадигма // Вопр. экономики. 2002. № 4. С. 6.

¹¹ Там же. С. 10–12.

¹² Там же. С. 12.

Директивно-плановая система хозяйствования, сформировавшаяся в СССР в годы нэпа, и ее теоретическое отражение в научных трудах и учебниках соответствуют почти всем признакам (свойствам) системной парадигмы, перечисленным Я. Корнаи, кроме одного – идеологии либерализма и адекватной ей концепции «economics». Вероятно, поэтому теоретик не упоминает о парадигме директивно-плановой экономики.

Впрочем, директивно-плановая экономика была самостоятельной системной парадигмой хотя бы потому, что в СССР изучался вузовский курс политической экономии социализма, который отражал исторические реалии. Фундамент этой научно-методической концепции заложили в эпоху нэпа российские экономисты В. П. Акуленко, В. А. Базаров, Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Крицман, В. В. Новожилов, Е. А. Преображенский, С. Г. Струмилин, Л. Н. Юровский и др.

Думается, что, кроме перечисленных теоретических взглядов, допустимо иное объемлющее воззрение. Хозяйственный механизм общества можно рассматривать как своеобразную хозяйственную парадигму: систему экономических знаний и практических навыков, образцов (примеров) поведения, стимулов и регуляторов воспроизводства, организационных форм, правовых, культурных, религиозных норм, идеологических установок. У каждого народа образуется свое сочетание частного почина и государственной регламентации, идеологии индивидуализма и соборности, почитания традиций и веры в здравый смысл. Оно формирует тип работника, трудовую этику, потребности, хозяйственное право, которые придают национальные особенности экономике. «Парадигмальный» подход позволяет учесть специфику течения отечественной истории.

Изучение российского директивно-планового хозяйствования закладывает предпосылки для разработки обобщающей экономической теории, предполагает углубление методологии, аналогичное прорыву, совершенному в 30-е гг. XX столетия. Тогда Дж. М. Кейнс показал ограниченность господствовавшей классической теории, занимавшейся изучением рыночного регулирования, и доказал, что классики – от Д. Рикардо до А. Маршалла и

А. Пигу – рассматривали частный случай макроэкономического равновесия в ситуации совершенной конкуренции, гибких цен, стабильного объема полностью используемых производственных ресурсов.

В дополнение к этой сравнительно статичной теории Дж. М. Кейнс предложил динамичный подход – анализ развития экономики в условиях меняющегося уровня макроэкономического равновесия на внутреннем рынке страны. Он исследовал действие рыночных регуляторов при неполном и неэффективном использовании факторов производства в смешанном, частно-государственном хозяйстве. В отличие от своих предшественников Дж. М. Кейнс сотворил теоретическую модель экономики, которая отразила наступившие перемены в ведущих мировых державах: становление мощного корпоративного финансово-промышленного уклада, разрастание казенного сектора, особенно в сфере социальной инфраструктуры, и активное включение государства в процесс хозяйственного регулирования.

Но XX в. дал миру еще один образец новой экономической системы – почти полностью государственное хозяйство с директивно-плановым управлением. Опыт Советского Союза подтвердил, что экономика способна функционировать и устойчиво развиваться в режиме, непохожем на практику западных стран. Стало быть, теоретическую модель Дж. М. Кейнса следует рассматривать как частный случай, наряду с которым может полноправно существовать научная концепция экономики «советского» типа.

Задача современной экономической науки состоит не столько в том, чтобы увидеть различие в хозяйственных системах, сколько в том, чтобы найти общие моменты и через различие показать объединяющее начало. Необходимо сформулировать еще более «общую», нежели у Дж. М. Кейнса, экономическую теорию. А для этого нужен иной методологический подход.

В основе концептуальных построений Дж. М. Кейнса лежит созданная нашим соотечественником М. И. Туган-Барановским теория среднесрочных, инвестиционных циклов, которая дает возможность изучать колебания макроэкономического равновесия в условиях изменения объема и эффективности использова-

ния производственных ресурсов. Она исследует циклические перепады конъюнктуры народного хозяйства продолжительностью от 3 до 12 лет.

Теоретические построения Дж. М. Кейнса позволяют изучать функционирование экономической системы определенного типа, но они мало пригодны для исследования переходов от одной системы к другой. Такая ограниченность связана с методологическим подходом английского ученого. Он занимался динамикой суммарного объема инвестиций, а не их составом, т.е. он не ставил проблему преобразований отраслевой структуры народного хозяйства. Ведь инвестиционные циклы редко выходят за рамки одного десятилетия, а это слишком узкий временной отрезок для описания трансформации экономической системы. Кроме того, Дж. М. Кейнс специально не анализировал возможное изменение отношений собственности и механизмов регулирования экономики в процессе реформирования.

Проблему исторического развития экономических систем и смену хозяйственных парадигм целесообразно решать, используя сформулированную Н. Д. Кондратьевым¹³ концепцию больших циклов или длинных волн – процессов преобразования социально-экономической структуры, охватывающих полувековой временной горизонт (45–60 лет).

Модель больших циклов (длинных волн) Н. Д. Кондратьева обладает серьезным концептуальным научно-практическим потенциалом и может служить методико-методологической базой историко-экономических исследований и прогнозирования долгосрочных тенденций государственного регулирования российской экономики. Теоретическая модель кондратьевских циклов – уникальный инструмент познания. Заложенный в ней принцип снимает формально-логические противоречия между индивидуально-описательным (идеографическим) и абстрактно-схематическим (номографическим) подходами. Любое историческое событие понимается и как результат стихийного сцепления обстоятельств, и как звено в закономерной цепи явлений. Систематизация явлений,

¹³ См.: Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // *Вопр. конъюнктуры*. 1925. Т. 1, вып. 1. С. 28–66.

выяснение их повторяемости во времени дают в руки исследователя ключ к толкованию причин общественных процессов, к постижению логики истории. На основе опыта прошлого, конечно со всеми оговорками, можно предсказывать вероятное наступление событий в будущем.

Все элементы больших циклов взаимозависимы, но не один из них не является первопричиной длинной волны. Экономические процессы органически сочетаются с событиями, кажущимися на вид случайными, приходящими извне, такими как открытие и освоение новых месторождений полезных ископаемых, научные достижения, военно-политические конфликты. Изучение различных сфер человеческого общества с точки зрения их соответствия друг другу не менее значимо, чем выделение отдельных доминирующих причинно-следственных связей.

Воспроизводственные циклы задают своеобразную форму развития общественных явлений. Оно протекает как процесс взаимодействия противоположных тенденций, попеременного преобладания каждой из них, где возможны спады и подъемы, своя периодичность. Модели экономических циклов описывают развитие и разрешение противоречий интересов субъектов как периодические процессы, в результате которых осуществляется воспроизводство противоречий. Циклическая форма развития политико-экономических противоречий показывает повторяемость событий, взаимосвязь факторов и закономерности историко-экономического процесса, в ходе которого причины и следствия могут меняться местами.

В теоретической модели больших циклов взаимодействует несколько факторов: накопление капитала, динамика банковского процента, формирование и развитие рынков сбыта продукции, изменение соотношения сил различных стран на мировом рынке, передел сфер влияния в международном хозяйстве, действие социальных групп внутри отдельных государств, использование достижений науки и техники в производстве и функционирование денежной системы. Полувековые волны характеризуют процессы перестройки всей социально-экономической структуры.

Теория циклов допускает совмещение методологии институционализма и динамических макроэкономических моделей. В

рамках институционального подхода обретает свое место директивно-плановая система в качестве одной из возможных парадигм хозяйствования. Изучение уникального исторического опыта СССР имеет непреходящее значение для общетеоретических постановок проблемы государственного предпринимательства. Советская экономика – это своего рода «классика» казенного ведения дел.

Концепция больших циклов объясняет закономерные процессы переплетения технологических, социально-демографических и экологических факторов общественного развития. Отраслевая структура исторически формируется как «слоеный пирог». Сферы деятельности, лежащие в ее основании, уже прошли стадию зрелости. Они служат источником финансовых, трудовых и материальных ресурсов для новых отраслей, которые инициируют колебания долгосрочной конъюнктуры.

Демографическая ситуация в стране зависит как от естественного прироста (убыли), так и от миграции населения. Движение рабочей силы тесно связано с направлением потоков капитальных вложений, созданием условий занятости и приемлемого уровня доходов. Во время восходящей фазы большого цикла усиливается приток дешевой рабочей силы с периферии мирового хозяйства в индустриальные центры, а также во вновь осваиваемые регионы. Наплыв трудовых ресурсов поддерживает высокие темпы накопления и препятствует крутому повышению заработной платы. Но ухудшение конъюнктуры делает миллионы людей безработными, прежде всего иммигрантов и переселенцев. Происходящие в точках соединения двух волн сдвиги в экономике сопровождаются большим трением, пока квалификационный состав рабочей силы не придет в соответствие с запросами производства. Текущая безработица в эти годы становится структурной, вынужденной и длительной. Конкуренция еще больше снижает издержки на оплату труда и занятость. Поэтому миграция рабочей силы, доходы в сочетании с уровнем занятости и индексами цен во многом будут определять резервы экономического роста нашей страны в ближайшие годы.

Экологическая составляющая воспроизводства (плодородие почв, месторасположение земельных участков, содержание по-

лезных компонентов в природных ресурсах, богатство лесных угодий и рыбных промыслов, погодно-климатические характеристики и т.д.) накладывает свой отпечаток на функционирование хозяйственного механизма, влияет на колебания цен. Динамика цен на сельскохозяйственную продукцию и товары добывающей промышленности – один из ключевых элементов больших циклов конъюнктуры. Относительно высокий уровень мировых цен на сельхозпродукцию и топливно-сырьевые ресурсы отмечается во время повышательных волн. Напротив, дешево продаются указанные товары в периоды депрессивного состояния мирового хозяйства.

Рост цен всякий раз стимулировал предложение продовольствия и природных материалов, но в то же время подталкивал к поиску альтернативных источников. Долгосрочный инвестиционный бум обычно начинался с использования новых видов топлива и сырья, т.е. с более интенсивной эксплуатации природных запасов. Ресурсные ограничения преодолевались, однако возникали новые пределы разрушительного воздействия на окружающую среду. Завершение очередного цикла знаменовалось ухудшением экологической обстановки.

Концепция больших циклов в экономике показывает, что хозяйственная деятельность человека не только создает экологические проблемы, но и находит пути их решения. Как правило, новый большой цикл начинается с появления научно-технических решений и технологий, способных улучшить использование сырья и топлива в производстве продуктов и услуг. Ресурсная база промышленности обновляется и позволяет снижать нагрузку на окружающую среду. Кроме того, возникают более экологически чистые технологии.

Изменения в структуре отраслей могут уменьшать долю производств, оказывающих самое разрушительное воздействие на природу. Долговременный экономический подъем сопровождается усиленным созданием и накоплением капитала. Приток средств в экономику позволяет направлять деньги на устранение последствий разрушения экологии, на предотвращение возможного загрязнения природы. Особенностью нарождающейся длинной вол-

ны является быстрое развитие отраслей экобизнеса, связанных с восстановлением среды обитания людей. Сегодня, на стыке двух больших волн, закладываются предпосылки выхода из очередного глобального экологического кризиса.

Большие циклы определяют динамику развития хозяйственного механизма общества, который можно рассматривать как своеобразную хозяйственную парадигму. Господствующие образцы хозяйственного поведения сводят воедино обособленные устремления различных людей, социальных групп, коммерческих предприятий и некоммерческих учреждений, государственных органов управления. Перечисленные субъекты вынужденно приспосабливаются к существующей экономической ситуации. В то же время они деятельно, соразмерно собственной мощи видоизменяют условия хозяйствования, приближают грядущие структурные сдвиги в экономике, подготавливают очередные реформации экономической мысли и хозяйственных регуляторов. При этом возникает напряженность и зреют конфликты между социальными силами, благополучие которых связано с новоявленной или изживаемой системой ценностей.

Смена хозяйственных парадигм, как правило, сопряжена с коренной перестройкой отраслевой структуры экономики, когда освоение серии научно-технических достижений и передовых технологий создает перспективные сферы и формы организации предпринимательства. Межотраслевой перелив капитала направляет людей на открываемые рабочие места. Распределение занятости трудоспособного населения определяет интересы, идеологические предпочтения и расстановку сил социальных групп, формирует неповторимый социально-исторический «портрет» каждого цикла. Происходят изменения в системе стимулов и регуляторов воспроизводства, организационных и правовых форм хозяйственной деятельности.

Концепция больших циклов является одной из важнейших теоретико-методологических и исторических предпосылок мирорсистемного анализа. Большие циклы – мирохозяйственная модель, охватывающая межстрановые и внутристрановые социально-экономические процессы. Изучение истории хозяйства России

в длинноволновом аспекте органично включает ее в мирохозяйственный контекст. Исследуется взаимосвязь внешних и внутренних факторов долгосрочного экономического развития нашей державы. Методологически снимается противопоставление политико-экономического воздействия извне (зарубежных сил) или изнутри (различных групп россиян) на ход отечественной истории, особенно в периоды системных трансформаций, реформирования и революционных потрясений.

Модель кондратьевских циклов преодолевает односторонность теоретических схем микро- и макроэкономики, углубляет понимание роли государства в экономической системе. Государство рассматривается как субъект хозяйственных отношений внутри страны и на мировой арене, который логично связывает уровни взаимодействия и теоретические схемы национальной и международной экономики. Циклический миросистемный анализ позволяет выявлять общие моменты, закономерности и специфику исторического развития российской экономики в условиях международного разделения труда.

Существует возможность приращения теоретико-экономических и историко-экономических знаний посредством изучения фазовых особенностей больших циклов. Переход от исследования восходящей волны к исследованию нисходящей волны и, наоборот, от изучения Б-фазы к изучению А-фазы предполагает смену исходных теоретических посылок и построение моделей, описывающих специфику каждой из фаз в рамках единой концепции.

Такой подход отражает реальные историко-экономические изменения при чередовании фаз больших циклов: обновление «исторических декораций», т.е. условий существования мирового хозяйства; смену моделей экономического развития (устойчивый рост, многолетняя депрессия); перестройку социально-экономической структуры (отраслей, институтов, организационных форм хозяйствования, идеологических предпочтений и т.д.); реформирование механизмов хозяйственного регулирования; перекраивание системы международного разделения труда и рыночных связей; переориентацию потоков инвестиций, рабочей силы, сырья, научно-технических знаний; системные трансформации в мире и в отдельных

странах; изменение форм конкурентной борьбы (политико-экономическое соперничество, военное противостояние).

Исследование закономерностей развития экономики России предполагает углубление и обогащение теоретико-методологического анализа, в частности использование понятия пороговых изменений. В отечественной экономической науке о пороговых значениях показателей рассуждают преимущественно в контексте экономической безопасности нашей страны, понимая под ними критическую величину индикаторов (показателей), границы изменения экономических параметров, пределы допустимого воздействия на различные элементы хозяйственных систем. Упоминание о пороговом уровне развития национальной экономики как единстве количественных и качественных характеристик в контексте экономической безопасности встречается и у зарубежных авторов¹⁴.

«Пороговый» подход представителей социально ориентированной мысли¹⁵ оспаривается «рыночными фундаменталистами», приверженцами «мейнстрима» – нынешней стандартной экономической теории. Так, по мнению А. Н. Илларионова, понятие экономической безопасности не используется в мировой экономической науке и ей ничего не известно ни о пороговых значениях, ни о странах, которые при достижении этих пороговых значений оказались бы «за критической чертой»¹⁶.

Столь жесткая полемика типична для нормативных суждений, оценивающих прикладное применение теоретических положений, схем, моделей в экономической политике, напрямую затрагивающей интересы людей. Впрочем, спор явно или неявно возвращается и апеллирует к теоретико-методологическим конструкциям, к их соответствию социально-экономической реальности.

Методологический потенциал исследований пороговых изменений не исчерпывается сферой международных экономических

¹⁴ См.: Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011. С. 76, 294.

¹⁵ См.: Глазьев С. Ю. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века. М., 1997. С. 164–165.

¹⁶ Илларионов А. Н. Критерии экономической безопасности // *Вопр. экономики*. 1998. № 10. С. 35, 37.

отношений. Разработка концепции пороговых изменений обусловлена насущными потребностями самой экономической науки и ее междисциплинарными связями. О проблемах использования абстрактных математических рассуждений писал еще в конце XIX в. А. Маршалл, наблюдая математизацию экономической науки школой математиков-маржиналистов. По мнению ученого, в экономической науке нет места для длинных рядов дедуктивных рассуждений, за исключением случая, когда чистый математик использует экономические гипотезы ради развлекательных упражнений в математике, чтобы показать возможности математических методов¹⁷. Функция анализа и дедукции в экономической науке состоит не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных звеньев¹⁸. Сейчас необходимо очередное критическое переосмысление роли и функций математических методов в экономических исследованиях.

Методология пороговых изменений позволяет сочетать количественное и качественное понимание мира экономики, осуществлять исследование на стыке наук. Создаются предпосылки укрепления географической составляющей экономической теории, отражения в единстве цифровых и содержательных аспектов пространственного размещения различных хозяйственных систем.

«Пороговый» метод побуждает к активизации комплексных эколого-экономических изысканий, к выявлению многомерных взаимозависимостей между эксплуатацией природных ресурсов и социально-экономическим развитием. Ученые-экологи сформулировали ряд интересных положений, которые должны обогатить арсенал макроэкономической теории, способствовать нахождению оптимальных средств разрешения важнейшего, исходного противоречия хозяйственной деятельности между производством и потреблением.

Речь идет об эффектах превышения допустимых порогов воздействия на природные системы, следствием чего может стать неспособность Земли прокормить все возрастающее в численно-

¹⁷ См.: *Маршалл А.* Принципы политической экономии : в 3 т. Т. 3. М., 1984. С. 225.

¹⁸ Там же. С. 212.

сти человечество. Возникает тревожный парадокс: действия, направленные на повышение уровня жизни, таят в себе опасность ухудшения общего состояния мировой экономики. Каждая из тенденций научно-технического прогресса требует осмысления возможных последствий использования его достижений. Скопление населения в урбанизированных районах приводит к истощению местных запасов воды, топлива и способности к хранению и переработке отходов, превышая пороги допустимого воздействия. Результатом нагрузок на окружающую среду становится повышение цен. Отсутствие сбалансированности возможностей природных систем и потребностей развивающихся городов делает тщетными попытки поднять уровень жизни их обитателей¹⁹.

Прогресс мировой экономики по-прежнему сопровождается ухудшением окружающей среды. По мнению экономиста Германа Дали, сохранение темпов экономического развития на современном уровне может привести к опережающему росту затрат по сравнению с выгодой, что будет означать начало эры «антиэкономического развития», ведущего к бедности, а не богатству. В эксплуатации природных систем имеются экономические пороги. Следуя современным схемам, экономическая активность может достичь такого уровня, когда затраты на прирост производства мирового валового продукта будут превышать цену, которую общество согласно заплатит за этот прирост²⁰.

Ущерб от гибели лесов, ухудшения состояния почв, изменения климата, кислотного загрязнения, истощения нефтяных запасов будет выражаться в реальных денежных единицах, и будущие поколения ощутят их на себе. Сочетание перечисленных явлений может привести многие нации к критическому порогу стабильности.

При превышении естественных, критических порогов допустимого воздействия изменения в природных системах происходят быстро и непредсказуемо. За непродолжительный промежуток времени мы переступили через множество природных

¹⁹ См.: Браун Л. Р., Поустел С. Пороги изменений // Мир 80-х годов. М., 1989. С. 33, 34.

²⁰ Там же. С. 35.

порогов. Сложно оценить, как ответят экологические системы на антропогенные нагрузки; еще меньше известно о том, как изменения в природных системах отразятся на экономических и политических процессах²¹.

Современное общество балансирует у пороговых значений экологической и социальной стабильности. Взаимосвязь экологии, экономики, общества и политики заставляет давать себе отчет в том, что любая система, выведенная из состояния равновесия, функционирует непредсказуемо. К сожалению, отсутствие комплексных исследований затрудняет выявление связей между экономическими и экологическими показателями, делает тщетными попытки прогнозирования.

Интерпретируя слова А. Маршалла, следует заметить, что предсказание будущего и объяснение прошлого – это не различные операции, а одна и та же деятельность, осуществляемая в противоположных направлениях, в одном случае от причины к результату, в другом – от результата к причине²². Поэтому у методологии пороговых изменений есть необъятная область применения в экономической истории. Попытки такого анализа применительно к отечественной истории покажут свою продуктивность.

Историко-экономический подход – неотъемлемая часть макроэкономических исследований различных временных рядов показателей и качественных параметров, в том числе современных. Он предполагает сочетание количественного, математического анализа и содержательного описания причинно-следственных связей, выявления закономерной взаимозависимости между факторами историко-экономического процесса. Названная методология открыта для абстрактных, «исключающих» исследований и для конкретных, включающих многообразные факторы, теоретических моделей.

Перспективным направлением научного поиска представляется формулировка и апробация в качестве рабочей гипотезы посылки о том, что макроэкономическая динамика определяется не только трендами – долговременными тенденциями изменения

²¹ См.: Браун Л. Р., Поустел С. Указ. соч. С. 48, 49.

²² См.: Маршалл А. Указ. соч. С. 213.

временных рядов, но и пороговыми изменениями. Соответственно предполагаются нижеследующие дефиниции.

Пороговая величина – это предельное значение экономического параметра (состояния экономической системы или ее отдельных элементов-подсистем), при котором количественные изменения сопровождаются изменением качественных характеристик (свойств), переходом из одного режима функционирования в другой, сменой тенденций развития.

Пороговые изменения – это преобразование социально-экономических процессов и систем, связанное с достижениями их пороговых состояний и переходом через пороговые значения режимов их функционирования и развития.

Глава 2

Государственное предпринимательство как типологический признак развития российской экономики

Для построения обобщающей теории отечественной экономики недостаточно идей западного либерализма. В основе традиционных воззрений «economics» на хозяйствование лежит односторонний взгляд частного лица, а государство выступает производным от рыночного обмена элементом. С таких позиций нелегко понять закономерности становления, существования и преобразования директивно-плановой системы советской экономики. Более продуктивным оказывается иной методологический подход, согласно которому государство выступает главным субъектом в национальной экономике, определяющим траекторию и качество экономического роста, социальную структуру и хозяйственный механизм страны.

В экономической науке нет пока устоявшегося, общепринятого понимания тенденций развития российского хозяйства. Имеются разные оценки роли государства в социально-экономической жизни нашей страны. Изучение отечественного государственного предпринимательства как типологического признака закладывает предпосылки для создания единой концепции развития российской экономики в рамках индустриальной истории – на протяжении последних полутора веков.

Настоящее научное исследование опирается на ряд теоретико-методологических предпосылок. Прежде всего, государство – полноправный, самостоятельный субъект хозяйственной деятельности, «естественный» участник целой системы экономических отношений. Важнейшим средством достижения его политико-экономических целей является государственное предпринимательство, т.е. непосредственное участие государственной власти в хозяйственной жизни страны, связанное с использованием имеющейся казенной собственности и источников ее пополнения. К государственному предпринимательству обычно относят казенное производство, торговые монополии, займы и субсидии, поступление и расходование средств бюджета.

Экономические функции государства многообразны. Властные структуры присваивают на основании публичного права часть доходов населения в виде налогов, пошлин, сборов и других повинностей. Это безвозмездное, неэквивалентное присвоение казной определенной доли общественного продукта. Средства, собранные путем изъятия части национального дохода, могут использоваться для такого же безвозвратного расходования.

Кроме того, государство выступает субъектом обычных рыночных отношений. Государственные учреждения в различных отраслях действуют как производители и продавцы своей продукции, как покупатели чужих товаров. Административно-хозяйственная система предстает в роли заемщика на кредитном рынке, когда берет в долг денежные средства у частных лиц и организаций. Казначейство рассчитывается по своим обязательствам аналогично другим должникам. Коммерческие отношения предполагают равный, на основе гражданского права, товарно-денежный обмен, оплату приобретаемых благ и услуг. Между двумя обозначенными крайностями располагается целый спектр хозяйственных отношений государства по привлечению и использованию средств с различной степенью эквивалентности (возмездности).

Таким образом, частно- и публично-правовая хозяйственная деятельность государства составляют неотъемлемый, органический компонент социально-экономической жизни страны. Более того, концепция государства-хозяина предполагает не столько разделение,

сколько совмещение в его предпринимательской инициативе заботы о пополнении казны с регулированием экономики в собственных интересах. Поэтому с хозяйственной деятельностью переплетаются функции государственного управления: организация кредитно-денежного обращения, законодательное установление налоговых платежей, регулирование режима внешнеэкономических связей, регламентирование цен, тарифов, условий найма рабочей силы.

Объединяющей основой государственного предпринимательства служит бюджет. Именно размер и характер обращения бюджетных ресурсов определяют первенство государства во всей экономической системе страны. Государство стремится повседневно приумножать свои финансовые возможности, как и всякий иной субъект хозяйствования. Правда, рассматривать государственные структуры в виде единого субъекта можно лишь с известными оговорками.

Власть представлена многочисленным слоем служащих, образующих иерархию управления. Между отдельными группами управленцев объективно, в силу их принадлежности к разным ведомствам, существуют противоречия. При распределении финансовых потоков на каждом уровне административно-хозяйственного руководства преодолеваются разногласия заинтересованных сторон. Право окончательного использования государственных ресурсов передается в руки частных лиц, коммерческих и некоммерческих организаций. Государственное предпринимательство объединяет в одну систему всех хозяйничающих за счет казначейства. Так образуется сводный субъект экономической деятельности с расплывчатыми границами, но с ярко выраженным общим интересом: доступом к ресурсам бюджета. Деятельность государства, связанная с использованием казенной собственности и источников ее пополнения, может быть охарактеризована как предпринимательская, поскольку ей движет мотив расширения кругооборота контролируемых хозяйственных ресурсов.

Понимание государства как хозяина традиционно для отечественной экономической мысли. В частности, об этом толковал сто с лишним лет тому назад представителям российской императорской династии С. Ю. Витте, после чего и был назначен премьер-министром страны.

С. Ю. Витте, главный финансист, отвечавший за развитие экономики державы, считал объединяющим началом государственно-хозяйства бюджет (казну) и синонимами понятия «финансовое хозяйство» и «государственное хозяйство»¹. Он говорил, что разнообразная хозяйственная деятельность, приносящая государству доходы, ведется на основе норм права. Частно-правовые доходы «власти предрезающие» получают в виде доходов от собственного имущества (лесов и земель) и в виде промысловых доходов от принадлежащих казне промышленных предприятий и капиталов. В этих случаях государство выступает в качестве частного хозяйства, подчиняясь действию законов конкуренции, издержек производства и прочих экономических законов, изучаемых политической экономией. При получении общественно-правовых доходов государство выступает в качестве хозяина общественного, с принудительным характером. К общественно-правовым доходам относятся регалии (доходы) от промысловой деятельности государства, поставленной в монопольные условия, пошлины и налоги².

Мудрый хозяйственник точно отразил противоречивость интересов и приоритетность целевых установок государственного предпринимательства. С. Ю. Витте писал: «Хозяйство государственное, преследуя выгоды государственной казны, подчиняется в своих действиях высшим интересам охраны народного благосостояния, а потому должно отказываться от фискальных выгод, идущих в разрез с преуспеванием народного хозяйства, спешествование которому составляет одну из важных задач современного государства. С другой стороны, государственное хозяйство может преследовать цели гораздо более отдаленные <...> может производить такие расходы, выгоды от которых наступят лишь в сравнительно очень отдаленном времени»³.

Постановка вопроса о государстве-предпринимателе содержится в трудах современника С. Ю. Витте – немецкого социолога

¹ *Vitte S. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. СПб., 1912. С. 416.

² Там же. С. 449.

³ Там же. С. 417.

М. Вебера. Широкий взгляд автора объединил социологические, политические и экономические аспекты проблемы. М. Вебер указывал на превращение политики в предприятие, а чиновной бюрократии в самый могущественный социальный слой населения страны⁴. Оригинальный мыслитель писал: «В мирное время государство является крупнейшим предпринимателем и самой могущественной инстанцией, господствующей над налогоплательщиками. В военное время оно обладает безграничным правом пользоваться всеми доступными ему хозяйственными ресурсами страны. Современная рационализированная форма государственного предпринимательства позволила в ряде областей достичь таких результатов, которые оказались бы, конечно, немислимыми <...> для каких-либо иных общественных совместных действий»⁵.

Взгляды М. Вебера по-своему отразились в современных институциональных концепциях. Объединение договорной (контрактной) теории государства и теории выбора в рыночной экономике позволило выдвинуть теорию «общественного выбора», в основе которой лежат три элемента: методологический индивидуализм, концепция «человека экономического» (*homo economicus*) и концепция политики как обмена. Такой синтез послужил «мостом» между индивидуальным расчетом и групповыми решениями, между экономикой и политикой. Теория коллективного выбора, объясняющая согласование отдельных индивидуальных интересов через механизм торговли или обмена, была распространена на исследования в области правительственной политики.

Теории рыночного обмена и фирмы применяются для объяснения мотивов поведения бюрократов и законодателей. По мнению одного из основоположников теории общественного выбора Дж. М. Бьюкенена, «в рамках заданных ограничений бюрократ пытается максимизировать свою собственную полезность. Он не отличается в этом отношении от других людей. Трудно ожидать, что он будет продвигать некие неясно определенные „обществен-

⁴ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 660, 661.

⁵ *Burton C. Ю.* Указ. соч. С. 599.

ные интересы“ до тех пор, пока они не будут согласовываться с его собственными»⁶.

Аналогично рассуждают Э. Б. Аткинсон и Дж. Э. Стиглиц. Они полагают, что бюрократы стремятся увеличить размер своего учреждения в точном соответствии с теорией фирмы, призывающей максимизировать управленческую функцию полезности. В число переменных функции полезности бюрократа входят заработная плата, приработок на службе, общественная репутация, власть, патронаж (покровительство), результаты деятельности учреждения, свобода производить перемены и свобода управления учреждением⁷.

Поведение профессионального политика весьма похоже на деятельность государственного чиновника. Это сходство отмечал Дж. М. Бьюкенен: «Политик выберет тот вариант решения из набора приемлемых для себя альтернатив, исполнение которого максимизирует его собственную полезность, а не полезность его избирателей. Такая возможность выбора является одним из основных побудительных мотивов политиков. В широком смысле слова это их „политический доход“, и он должен рассматриваться как часть общего вознаграждения за исполнение должностных обязанностей. „Политический доход“ может быть, хотя и необязательно, превращен в денежный эквивалент»⁸.

Конкретизация институционального подхода достигается в концепции групповых интересов и групп давления, когда в теоретической модели снимаются две жесткие предпосылки: неподкупность законодателей и государственных служащих и равенство всех участников общественного выбора. О процедуре извлечения политической и бюрократической «ренды» (дохода) писал Дж. М. Бьюкенен⁹. Перспектива получения выгодных взяток, процентов или «побочного продукта» сделок непосредственно связана с величиной и сложностью государственного бюджета, с мас-

⁶ Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Серия : Нобелевские лауреаты по экономике. М., 1997. С. 413.

⁷ См.: Аткинсон Э. Б., Стиглиц Дж. Э. Лекции по экономической теории государственного сектора. М., 1995. С. 425.

⁸ Бьюкенен Дж. М. Указ. соч. С. 408.

⁹ Там же. С. 410.

штабом государственного присутствия в экономике. В процессе принятия бюджетных программ имеются обширные возможности для получения «презента» с производителей и фирм, чьи прибыли увеличиваются благодаря реализации этих финансовых проектов.

Бюрократия преследует собственную выгоду, сосредоточивая средства у себя в ведомствах. Централизация денежных источников усиливает социальный статус и распорядительные полномочия госаппарата. Государственные служащие лишь постольку содействуют развитию отечественной экономики, поскольку оно отвечает их личным стремлениям. Это нормальное проявление «естественной» заинтересованности человека в удовлетворении своих потребностей. Чем больше ресурсов распределяют по своему усмотрению чиновники всех уровней сверху донизу, тем сильнее зависимость общества от управленческой бюрократии и больше возможностей для неформальных, «теневых» экономических отношений¹⁰.

Совпадение интересов делает государственную бюрократию естественным союзником бюрократии частных корпораций. Между ними имеет место взаимодействие, сращивание. Наблюдается стирание граней между чисто бюрократическими, исполнительскими и политическими функциями. Политизация высшего слоя чиновничества способствует слиянию бюрократической верхушки с высшими управленцами корпораций. Типичными оказываются факты, когда отслужившие свой срок государственные служащие назначаются на ключевые посты частных корпораций, а высшие менеджеры из бизнеса приходят на казенные должности.

Это воспроизводство правящего политико-экономического слоя верно подмечено Ф. И. Шамхаловым: «В процессе постоянного перемещения служащих между бизнесом, политической сферой, администрацией государственного аппарата формируется ядро правящей элиты, включающее людей, которые свободно

¹⁰ С. И. Сметанин пишет о существовании «теневого экономики» в России уже в XVI в.: «Административная система управления экономикой уже тогда порождала „теневую экономику“, когда люди, оказавшиеся в ее сфере, использовали ее для организации собственного предпринимательства» (*Сметанин С. И. Особенности промышленного предпринимательства в России XVI–XVII вв. // Традиции и опыт российского предпринимательства : История и современность. Волгоград, 1997. С. 17*).

переходят от командных ролей в верхах одной из господствующих иерархий к подобным же ролям в другой иерархии или совмещают ключевые посты в разных сферах»¹¹.

Однако в экономической теории крайне редко и скупо разбираются мотивы поведения государственного аппарата как субъекта хозяйственной деятельности, который имеет свои специфические сословные интересы. Одним из объяснений подобного положения дел может служить идеологическое господство правящей бюрократии, поддерживаемое ее политико-экономической мощью. Говоря об идеологии бюрократии, Й. Шумпетер подчеркивал, что она «...помимо прочего, включает чисто идеологическое отрицание того факта, что ей присущ групповой интерес, который может влиять на проводимую ею политику. Это – первый пример влияния идеологии на анализ, первый, потому что под влиянием именно этой бюрократической идеологии сформировалась антинаучная привычка экономистов рассматривать государство как надчеловеческое учреждение, деятельность которого направлена на общее благо, и игнорировать реальные факты из области государственного управления»¹².

Развитие экономики идет по равнодействующей от столкновения и сочетания интересов государства и других участников хозяйственной деятельности. Каждый стремится укрепить занимаемые в соперничестве позиции. Многие экономические функции выполняются как государственным, так и частным предпринимательством. Кому достанется первенство, решают сила, преобладание коммерческих или политических соображений, национально-культурные традиции народа и конкретные исторические условия.

Исследование казенного предпринимательства предполагает использование методологии институционального подхода. Национальную экономику следует рассматривать, прежде всего, как многоуровневую (многоукладную) систему, построенную по принципу иерархически подчиненной пирамиды. В ней (снизу вверх) присутствуют: 1) дорыночный сектор натурального домашнего хозяйства;

¹¹ Шамхалов Ф. И. Государство и экономика : основы взаимодействия. М., 2000. С. 112.

¹² Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 44.

2) сектор индивидуальной трудовой деятельности и кооперативов; 3) мелкий и средний частнохозяйственный бизнес и розничная торговля; 4) корпоративный сектор, включая оптовую торговлю, биржи и банковские учреждения; 5) государственный сектор.

Одновременное сосуществование различных социально-экономических систем говорит об их относительной самостоятельности и взаимной обусловленности. Каждый уклад имеет свои специфические механизмы хозяйствования, из которых складывается целостный механизм самонастройки всей национальной экономики.

Так, домашнее хозяйство не является производителем продуктов для обмена и связано с товарным обращением через потребительский спрос, налоговые и трансфертные платежи, сбережение и инвестирование личных доходов. По существу, это вне рыночная часть общества. «Классический» рынок начинается с мелкотоварного уклада и наибольшего распространения достигает в частнокапиталистической среде. Регуляторами рыночных отношений служат свободная конкуренция, колебание спроса и предложение товаров, динамика цен, прибыли, процентных ставок, доходов и занятости.

Труднопредсказуемые изменения конъюнктуры вольного рынка не типичны для крупных предприятий. Их система управления включает элементы прогнозирования и планирования хозяйственной деятельности, контролирующую конкуренцию, формирование уровня цен и заработной платы, расчет прибыли, объем производства и сбыта изделий. Солидные финансово-кредитные учреждения проводят свою процентную политику.

В государственном хозяйстве царит почти полная противоположность рыночной стихии. Видоизменяется и ослабевает конкуренция между казенными предприятиями и учреждениями. Ощущается неистребимое стремление к монополизации и бюрократизации экономики. Жесткая и зачастую мелочная регламентация вкупе с огромными ресурсами обеспечивает некоторую стабильность государственного предпринимательства, но отнимает у него гибкость и мешает быстро приспосабливаться к нововведениям.

Вышерасположенный уклад – «надстройка» – играет ведущую роль по отношению к нижестоящему в иерархической лестнице

укладу. «Пирамидальная» концепция укладов позволяет объяснять взаимосвязь и соподчиненность интересов в отечественном хозяйстве. Между укладами выстраивается последовательная соподчиненность – иерархия, так как по мере укрупнения хозяйствующих субъектов растет их мощь, расширяется влияние на общественную жизнь. Чем солиднее предприниматель, тем легче ему получить кредит, научно-техническую и коммерческую информацию, пополнить материальные ресурсы, привлечь квалифицированные кадры. К экономическому господству добавляется политическое, ибо хорошо известно, что власть накапливается, как и деньги. Мелкие хозяева охватываются, контролируются и используются верхними звеньями экономики в интересах крупного капитала. Венчает пирамиду государство, которое опирается на самый сильный, передовой уклад.

Обычно в стране наблюдаются взаимодействие и достижение соответствия между состоянием хозяйственного механизма, соподчинением интересов социальных групп, соотношением частного и государственного предпринимательства, законодательным регламентированием экономической деятельности, а также динамикой колебаний конъюнктуры. Государство играет решающую роль в формировании структуры и установлении порядка функционирования перечисленных компонентов социально-экономической сферы. Они составляют круг тех обстоятельств, к которым приспособляется правящая власть и которые она приспособливает к собственным нуждам.

Государственный аппарат выступает особым, самостоятельным субъектом в экономических отношениях с обществом, т.е. с прочими субъектами хозяйствования. Чиновные управленцы располагаются на вершине пирамиды социальной иерархии. К их узкому, привилегированному слою применима дефиниция «сливок» политико-экономической бюрократии, данная Ф. Броделем: «К этой крохотной группке стекается все: им принадлежат власть, богатство, значительная доля прибавочного продукта; за ними – право управлять, руководить, направлять, принимать решения, обеспечивать процесс капиталовложений и, следовательно, производства. Обращение богатств и услуг, денежный поток замыкают-

ся на них. Ниже их находилось многоэтажное множество агентов экономики, тружеников всяких рангов, масса управляемых»¹³.

Хозяйственные отношения государства регламентируются нормами публичного и гражданского права. Пропорции между публично-правовой и гражданско-правовой деятельностью обуславливают структуру и размер казенного предпринимательства, показывают объем ресурсов, присваиваемых и используемых им безвозмездно, с некоторой долей возмездности и за счет эквивалентного товарно-денежного обмена. Границы распространения государственного хозяйствования очерчивают пределы, в которых допускается частное ведение дел.

Господствующее сословие утверждает юридические нормы, регулирующие хозяйственный оборот в стране. Государство не только выступает гарантом соблюдения принятых нормативных актов, но и слывет учреждением, которое способно менять «правила рыночной игры», пренебрегая ради своей выгоды потребностями любых физических лиц и организаций. Правовое поле включает субъектов экономики в отношения равенства или соподчинения.

Законотворчество дает возможность государственному аппарату определять социальную стратификацию – расслоение общества на группы по различным признакам: доходам, имуществу, профессиям и т.д., управлять социальной мобильностью – передвижением людей из одного слоя в другой, сооружать удобную социальную иерархию. Бюрократия сохраняет свою незыблемость, успокаивая конфликтующие силы, разрешая противоречия интересов социальных групп.

Правительство строит свои отношения с частными дельцами, кооперацией, казенными предприятиями и организациями, наемными работниками, всем населением, используя регламентируемые законодательством формы: бюджет, налоги, займы, кредитно-денежную эмиссию, процент по ссудам, заработную плату, доходы, прибыль, цены, обменный валютный курс, таможенные пошлины и т.п. Поименованные формы составляют хозяйственный механизм общества и механизм согласования многочисленных экономических интересов.

¹³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 469.

В «каркасе» социальной и институциональной структуры хозяйственного механизма развивается экономика страны, осуществляется казенное предпринимательство, складываются важнейшие макроэкономические пропорции и параметры. На пульсацию внутреннего рынка серьезно влияет работа «государственной машины» посредством текущего хозяйствования и перedelки социально-экономических институтов.

Между динамикой конъюнктуры экономики страны, хозяйственным механизмом, правовыми нормами и образцами трудового поведения людей, социальной структурой и государственным предпринимательством существует тесная взаимозависимость. Экстраординарное изменение количества ресурсов, втягиваемых в оборот государственного сектора экономики, как правило, сопровождается соответственными переменами в хозяйственном законодательстве, трудовой этике народа и его социальном расслоении, режиме функционирования регуляторов рыночного равновесия, конъюнктурных колебаниях и фундаментальных условиях общественного воспроизводства.

Социально-экономические преобразования могут быть постоянно возобновляемыми, кумулятивными. Так, реформирование бывает цикличным в случаях длительного, почти непрерывного, чрезвычайного расширения казенного предпринимательства. Преднамеренное значительное увеличение доли национальных хозяйственных ресурсов, поступающих в распоряжение казны, каждый раз побуждает «власти предержажшие» ограничивать доходы и имущественное владение граждан, подавлять интересы различных групп населения и перекраивать социальную структуру, ужесточать юридические кондиции для проявления частной хозяйственной инициативы, ухудшать действие рыночных регуляторов.

Чем активнее государственный аппарат вторгается в стихийное течение воспроизводственных процессов, тем весомее становится его роль в поддержании макроэкономической сбалансированности и тем слабее реализуются функции рыночной самонастройки хозяйства. Предпринимательская экспансия высших кругов бюрократии пресекается резким падением темпов роста или разрушением экономики.

От размеров казенного предпринимательства зависят траектория и качество экономического роста страны. Ключевыми параметрами развития служат пропорция между потреблением и накоплением (сбережением) в национальном доходе, норма централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и характер их инвестирования или расходования. Социально-экономическое реформирование связано с пороговыми уровнями воздействия государства на экономику. Преодоление государственным предпринимательством пороговых уровней активности сопровождается качественным изменением отдельных элементов экономической системы или всей хозяйственной парадигмы.

Исследование исторических аспектов государственного предпринимательства конкретизирует методологию институционализма и циклической динамики. Воспроизводственные циклы обуславливают колебания экономического роста, обратимость институциональных изменений, периодичность и закономерность преобразований государственного предпринимательства. Развитие хозяйственного механизма страны осуществляется как эволюция и смена хозяйственных парадигм, включающих в себя систему экономических знаний и практических навыков, образцов поведения, стимулов и регуляторов производства, организационных форм, правовых, культурных и религиозных норм, идеологических установок. Обновление хозяйственных парадигм сопряжено с коренной перестройкой отраслевой структуры экономики, освоением научно-технических достижений и передовых технологий, созданием сфер и форм организации предпринимательства. «Длинноволновое обрамление» помогает объяснять «переходные» состояния отечественного хозяйства, определять исторический вектор перестройки государственного предпринимательства и прочих социально-экономических институтов.

Финансы – это самый важный механизм централизованного регулирования экономики. От состояния бюджета (соотношения доходов и расходов) зависит функционирование народного хозяйства. В свою очередь, объем налоговых повинностей населения в пользу государства (фискальная нагрузка) обуславливается конъюнктурой национальной экономики. Хозяйственный подъем

увеличивает доходы людей и их платежи в казну. Кризисные спады сопровождаются противоположными тенденциями. Перемены в бюджетной сфере дают старт серьезным преобразованиям в остальных хозяйственных сферах.

Чередование периодов длительных спадов и мощных подъемов в отечественной экономической истории совпадало с изгибами в тенденциях казенного хозяйствования. С одной стороны, государство уступало натиску объективно складывавшихся условий, приспосабливалось к устойчивым переменам конъюнктуры. С другой стороны, политика правительства оказывала прямое влияние на пульсацию хозяйственной жизни страны, определяла размах и частоту конъюнктурных колебаний. Кроме того, высшие круги бюрократии в собственных интересах законодательно перекраивали систему рыночных институтов и изменяли «правила игры» (правовые нормы и обычаи) в экономике.

Государство ощущало себя самым сильным субъектом хозяйствования, от поведения которого в нашей экономике зависело почти все. Государственное предпринимательство было своеобразным «перекрестком» политики, экономики и продвижений по «социальной лестнице» распределения занимаемых должностей, доходов, распорядительных полномочий и т.п. Поэтому всякий раз коренное обновление правительственной программы намечало перелом в долгосрочных тенденциях конъюнктуры. Административные новшества занимали видное место среди условий перехода от одной многолетней фазы циклического развития экономики («длинной волны») к другой. Реформация выполняла функцию «стрелок», переводивших народное хозяйство с «пути» повышательной волны конъюнктуры на «путь» понижательной волны, и наоборот.

Исторический опыт нашей страны дает возможность обогатить мировую экономическую науку исследованием процессов структурных переходов от одной хозяйственной системы к другой на стыке двух больших волн. Изучение преобразований и функционирования экономики в переломных точках больших экономических циклов важно с точки зрения экономической теории, поскольку возрастает степень ее обобщений. Российский опыт показывает свои частные проявления экономической динамики в ситуациях кризисной трансформации, т.е. эволюции в чрезвычайных условиях.

Раздел II

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ДИРЕКТИВНО-ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Глава 3

Государственная поддержка промышленного подъема в конце XIX – начале XX века

Роль государства в российской истории трудно переоценить. Государственная власть была связующим самодовлеющим началом, объединившим множество народов на огромной территории. Государственность налагала свою печать буквально на все, в том числе и на хозяйственную деятельность. Забота о пополнении казны заставляла самодержавие оказывать содействие отечественной экономике, вынуждала считаться с ее объективными тенденциями.

Истоки российского государственного предпринимательства восходят к временам Петра I. О современном государственном предпринимательстве речь можно вести с 60-х гг. XIX столетия, когда после отмены крепостного права в России сложились условия для индустриализации на основе применения вольнонаемного труда. Комплекс реформ, проведенных «сверху» императорской властью во второй половине XIX в., ускорил процесс назревавших социальных преобразований. Преимущественно натуральный крепостнический уклад стал разлагаться рынком и вытесняться капиталистическим производством. Наметился переход от аграрного общества к индустриальному.

Становление российского хозяйства шло в неразрывной связи с мировыми экономическими процессами. Развитые страны не только служили образцом для подражания, но и активно влияли на экономику России через международное разделение труда. Чтобы не терять статуса одной из великих держав, России пришлось создавать собственную крупную промышленность.

На исходе XIX столетия М. И. Туган-Барановский верно подметил, что «...и в новейшее время, как и при возникновении нашей фабричной промышленности при Петре I, русское правительство, поощряя рост фабричного производства, руководилось, главным образом, так называемыми „государственными“ соображениями, т.е. стремлением увеличить платежные силы населения для пополнения государственного казначейства. Рост производительных сил есть единственно возможная опора политического могущества»¹. Экономические интересы крупных промышленных и торговых капиталистов играли важную, но второстепенную роль. Главным действующим лицом отечественной индустриализации было государство.

Также представляют интерес рассуждения С. И. Сметанина о том, почему в России возникло сначала именно государственное предпринимательство. Автор считает, что централизованное государство сформировалось у нас до того, как естественным путем стало развиваться крупное товарное производство, до развития крупного частного предпринимательства. Поэтому государству самому пришлось заниматься предпринимательством для обслуживания казенных нужд. Частное предпринимательство было связано с государственным хозяйством, государственными интересами. Эта господствующая роль государства в промышленности усилилась в XVIII в., когда появилась посессионная, казенная мануфактура. Преодоление этой особенности российского предпринимательства началось с Екатерины II, но и ко времени Октябрьской революции господствующая роль государства в экономике сохранилась, что не

¹ Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997. С. 521.

могло не отразиться на дальнейших преобразованиях в организации хозяйства страны².

Не оспаривая предыдущих суждений, можно предложить такое объяснение. Самодовлеющая роль государственного предпринимательства в российской экономике объективно обусловливалась спецификой исторического развития: высоким удельным весом натурального домашнего хозяйства в потреблении граждан, низкой производительностью общественного труда, невысокими денежными доходами и слабой покупательной способностью населения, неразвитостью рыночных институтов, ограниченностью торгового и денежного оборота, малыми резервами накопления капитала, относительным избытком природных компонентов производительных сил в сравнении с накопленными капитальными благами.

Россия была небогата свободными денежными средствами. Прибыли национальной промышленности соответствовали ее скромным размерам. Ведущий сектор экономики – отсталое, экстенсивное сельское хозяйство – также не мог порадовать значительными накоплениями. Рассчитывать на крупные вложения иностранного капитала не приходилось из-за неразвитости внутреннего рынка. В стране отсутствовала разветвленная транспортная сеть – необходимое условие широкого распространения торговли.

В этих условиях правительство приступило к реализации долгосрочной государственной программы сооружения железных дорог. Именно железнодорожное строительство стало основой экономического подъема России с конца XIX в. до Первой мировой войны, стержнем промышленной революции, вокруг которого формировалась вся хозяйственная политика самодержавия.

Если частное предпринимательство ориентировано на получение прибыли – превышение выручки над затратами, то задача казначейства потратить все деньги, какие к нему поступили, чтобы идеально свести баланс бюджета. Естественно, что и хозяйство-

² См.: *Сметанин С. И.* Особенности промышленного предпринимательства в России XVI–XVII вв. // *Традиции и опыт российского предпринимательства : История и современность.* Волгоград, 1997. С. 18, 28.

вание за счет казны также тяготеет к простому сведению концов с концами. Ведь богатейшим фондом для расширения дел служит не прибыль, а бюджетное ассигнование. Вполне допустимы убытки от осуществления правительственных программ, лишь бы они компенсировались приростом других финансовых ресурсов. Не исключается и бюджетный дефицит. Достаточно только побеспокоится о выплате процентов по государственному долгу. Государство может поддерживать, даже в ущерб себе, те сферы экономики, которые обеспечивают его интересы, усиливают финансовую и военно-политическую мощь, способствуют внутренней социальной стабильности.

Приведенные выше соображения позволяют понять мотивы, побудившие самодержавную власть заняться строительством системы железных дорог, о размахе которого можно судить по данным табл. 3.1. Дорогостоящая затея опиралась на привлечение иностранного капитала. Западноевропейские банки предоставили России во второй половине XIX в. государственные займы на нужды развития железнодорожного транспорта в сумме 1,5 млрд руб. золотом. С помощью этих инвестиций к началу XX столетия было введено в действие 70% всех железнодорожных путей. Еще примерно 1,5 млрд золотых рублей иностранных займов израсходовано было на те же цели после 1900 г.³

Таблица 3.1

Сооружение железных дорог в России государственным и частным подрядчиками в 1841–1913 гг., верст*

Год	Государство	Частные общества	Всего
1841–1860	954	513	1 467
1861–1870	1 147	7 451	8 598
1871–1880	57	11 089	11 148
1881–1890	5 023	2 349	7 372
1891–1900	7 750	11 272	19 092
1901–1909	7 542	3 678	11 220
1910–1913	2 267	3 688	4 955

Примечание. * 1 верста равна 1,0668 км. Сост. по: Статистический ежегодник на 1914 год. Пг., 1914. С. 663.

³ См.: Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 10.

С 1857 г. до конца 1870-х гг. сооружением рельсовой сети занимались преимущественно частные акционерные компании при покровительстве и поддержке правительства. Государство брало займы деньги под свою гарантию, осуществляло высшее руководство железнодорожной политикой и контролировало финансы частных дорог.

Поскольку уральская металлургическая промышленность находилась на низкой технической ступени, в состоянии глубокой депрессии и отсутствовало свое отечественное машиностроение, постольку все необходимое для железнодорожного хозяйства завозилось из-за границы. Поэтому самодержавие отдавало предпочтение невысоким таможенным барьерам. Беспешлинный привоз рельсов и иных железнодорожных принадлежностей способствовал ускоренной постройке обширной транспортной сети.

Однако свободный ввоз иностранных товаров подавлял в конкурентной борьбе неокрепшее национальное производство и противоречил стремлению обладать собственной крупной промышленностью. Защищая российский рынок от зарубежной продукции, правительство с 1877 г. перешло к политике протекционизма. Если в 1870-е гг. отношение пошлин к ценности привоза составляло 11%, то в 1880-е гг. – уже 18%⁴.

Переход к уплате пошлин в золотой валюте, хотя и по прежним ставкам, увеличил размер тарифа наполовину по причине низкого курса бумажного рубля. Дальнейшее общее повышение пошлин происходило в 1881 г. на 10%, в 1885 г. на 20% и в 1890 г. еще на 20%⁵. Период интенсивного роста таможенного обложения завершился в 1891 г. изданием по существу запретительного таможенного тарифа России.

Вопреки утяжелению налогового обложения импортных товаров, их ввоз устойчиво возрастал с 1890-х гг. Это говорило о всеобщности и силе промышленного подъема России, ибо типичный эффект протекционизма бывает избирательным – привилегии получают одни отрасли экономики за счет других.

⁴ См.: *Пешехонов В.В.* Экономическая политика самодержавия (централизация экономической власти). СПб., 1906. С. 42.

⁵ См.: *Донгаров А. Г.* Указ. соч. С. 17.

Перемены в таможенной политике сопровождались реорганизацией финансов и денежного обращения, которые пребывали в хроническом расстройстве. Излюбленным способом – закручиванием «налогового пресса» – казначейские чиновники ликвидировали прежние бюджетные дефициты к концу 1880-х гг. Податное давление вкупе с покровительственными таможенными тарифами обеспечивало активный торговый баланс. Положительное сальдо внешней торговли доставляло стране золотую валюту. На 1 января 1887 г. золотой фонд России насчитывал 422 млн руб., 1893 г. – 886,9 млн руб., 1903 г. – 1 497 млн руб., 1914 г. – 2 189,4 млн руб.⁶

В 1890-х гг. первостепенное значение в пополнении золотых резервов приобрели внешние займы. Сумма заграничных кредитных операций за 1893–1898 гг. составила 1 млрд руб.⁷ Накопление золотых запасов подготовило условия для проведения денежной реформы и перехода к золотомонетному обращению денег. С 1897 г. возобновился размен бумажного рубля на золотую монету по фиксированному курсу 1,5 руб. ассигнациями за 1 золотой руб. Государственные займы в твердой иностранной валюте плодотворно повлияли на конъюнктуру русского рынка. Приток золота в обращение увеличил денежную массу, снизил процент и удешевил кредит. Избыток недорогих свободных денег стимулировал расширение деловой активности.

Вдохновителем затяжного процветания промышленности в конце прошлого столетия оказалось государство. С наступлением 1880-х гг. правительство вновь взяло сооружение железных дорог в свои руки и выкупило за 1882–1900 гг. около 20 тыс. верст уже эксплуатируемых линий у частных владельцев. В 1890-е гг. железнодорожная эпопея достигла своего пика. Под ответственность казначейства было вложено в железнодорожное строительство 2,7 млрд руб.: 45% этой суммы получено было от налогов и сборов с населения, остальные 55% – путем займов внутри страны и за рубежом⁸.

⁶ См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 13.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ См.: В.В. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России. СПб., 1907. С. 101; История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 1. М., 1976. С. 172.

Невиданное доселе строительство железных дорог создавало практически безразмерный спрос на рабочие руки, материалы, машины, топливо и т.д. Необходимость привлечения трудовых ресурсов вынуждала увеличивать заработную плату работников. Рост доходов и запросов населения подталкивал цены потребительских товаров вверх. Складывались благоприятные обстоятельства для отраслей, производивших предметы потребления. В них притекали капиталы, и, наряду с расширением старых велась постройка новых фабрик. Обычное краткосрочное улучшение конъюнктуры обрело на долгое время опору в стабильном сбыте продукции.

Отрасли инвестиционного комплекса – строительная индустрия, машиностроение, металлургия и т.п. – обеспечивали материалами и оборудованием не только расширение рельсовой сети, но и сооружение дополнительных мощностей в других производствах. Кроме того, промышленному строительству сопутствовало интенсивное гражданское градостроение. Поэтому пропорционально объему всех капитальных вложений в народное хозяйство наращивался потенциал самого инвестиционного комплекса.

Темпы поступательного движения российской экономики ограничивались не со стороны рыночного спроса, а со стороны предложения отечественного капитала, недостаток которого восполняли средства иностранцев. Вплоть до 1897 г. учетный процент в Западной Европе оставался низким, и обилие свободных ссудных фондов явилось основной причиной широкого притока в Россию иностранных капиталов в конце XIX в.⁹

Зарубежные капиталы поступали в Россию по двум каналам: в виде государственных займов и частных инвестиций. Средства первого источника почти целиком расходовались на прокладку железнодорожных линий. Обустройство страны надлежащими стальными путями сообщения имело также замысел открыть перспективный, емкий рынок для крупной промышленности. Заполнить расширявшееся рыночное пространство могли лишь новые фабрики и заводы, оснащенные современной техникой. Возведение большого числа частных предприятий осуществлялось благодаря щедрому авансированию из второго источника.

⁹ См.: *Туган-Барановский М. И.* Указ. соч. С. 346.

Сферой повышенного интереса иностранного капитала были отрасли, которые обслуживали сооружение железных дорог, в первую очередь производство чугуна и стали, металлообрабатывающая промышленность. Из всей суммы в 2 242 млн руб. западные инвесторы поместили в акции 1 986 млн руб., в облигации 256 млн руб.¹⁰

Основной всплеск инвестиционной активности пришелся на годы максимального железнодорожного строительства. Именно в это время была создана новая, южная, металлургическая база, которая использовала месторождения каменного угля и железной руды в районе Донецка. Изначально донецкая промышленность специализировалась на продукции для железнодорожного хозяйства и создавалась силами иностранных предпринимателей под опекой правительства. Ее можно считать полугосударственным учреждением. За десятилетие железнодорожной «горячки» расход металла в целом по империи увеличился на 120 млн пудов. В 1900 г. государственное потребление железных изделий составляло 48% общего объема, народное потребление – 14%, фабрично-заводское использование – 16%¹¹.

В конце XIX столетия русская промышленность жила в основном иностранными капиталовложениями, только 21% всего капитала имел туземное, русское, происхождение. На рубеже веков возобладала тенденция к уменьшению зависимости нашей экономики от иностранного капитала. В 1901–1904 гг. заграничных капиталов было вложено в российскую промышленность 182 млн руб., а русских – 209 млн руб. В 1910 г. капитал всех разрешенных 17 иностранных компаний составил 33,7 млн руб., тогда как 181 русская компания имела капитал 190,4 млн руб. Всего же с 1908 по 1912 г. было выпущено новых русских ценных бумаг на 3 657,4 млн руб. Отечественный рынок поглотил 70,8% этой эмиссии капитальных ценностей. Остальная часть досталась зарубежным инвесторам¹².

Накануне Первой мировой войны доля иностранного капитала в отраслях группы «А» составляла примерно 60%, в отраслях

¹⁰ См.: *Вавилин И. П.* Иностранные капиталы в России. М., 1925. С. 85–86.

¹¹ См.: *Первушин С. А.* Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 131.

¹² См.: *Вавилин И. П.* Указ. соч. С. 89 ; *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 189.

группы «Б» не превышала 18%. Если удельный вес тяжелой промышленности достигал 40%¹³ от общего объема промышленного производства, то суммарную долю иностранного капитала в отечественной промышленности в 1914 г. можно принять равной $\frac{1}{3}$.

Рост экономического потенциала России наглядно проявлялся в бурном развитии отраслей тяжелой промышленности, причем, как показывают данные табл. 3.2, существенное ускорение индустриализации произошло в 90-е гг.

Таблица 3.2

Добыча угля, нефти и производство чугуна в России в 1860–1913 гг., млн пуд.

Показатель	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1913 г.
Каменный уголь	18,3	42,4	200,6	367,5	986,7	1 522,4	2223,8
Нефть	–	–	–	226,0	706,3*	588,4	560,0
Чугун	19,6	20,8	26,0	55,2	176,8	185,7	264,0

Примечание. * Максимальная добыча в 1902 г. Сост. по: Статистический ежегодник на 1914 год. С. 136, 148, 176.

Промышленный подъем не изменил аграрно-сырьевой специализации России в международном разделении труда. Во внешней торговле страны преобладали сырьевой экспорт и импорт промышленного сырья, полуфабрикатов и готовых изделий. Превышение вывоза над привозом, судя по табл. 3.3, неизменно доставляло значительную часть твердой валюты для расчетов с заграницей, поддерживало курс рубля, стимулировало приток иностранного капитала.

Таблица 3.3

Динамика внешней торговли России в 1881–1912 гг., млн руб.

Год	Экспорт	Импорт	Сальдо, превышение экспорта над импортом
1881–1885	549,8	528,5	21,3
1886–1890	630,5	415,0	215,5
1891–1895	623,1	468,9	154,2
1896–1900	698,3	608,8	89,5
1901–1905	941,4	632,1	309,3
1906–1910	1 204,6	910,3	294,3
1911	1 591,4	1 161,7	429,7
1912	1 518,8	1 171,8	347,0

Сост. по: Статистический ежегодник на 1914 год. С.583, 590, 591.

¹³ См.: Донгаров А. Г. Указ. соч. С. 21, 31.

Правительственные заботы не ограничивались крупной промышленностью, в которой видели олицетворение могущества России. Одновременно бюрократия вела активную аграрную политику, ибо ведущим сектором экономики оставалось сельское хозяйство и подавляющая часть населения жила в деревне. Вклад русского крестьянства в промышленный подъем страны был ничуть не меньше доли участия иностранного капитала.

Общее направление политики самодержавия в отношении крестьянства можно определить как «отрицательное стимулирование». Казначейство «поощряло» земледельцев больше производить и продавать зерна, увеличивая налоги. Нужда в деньгах заставляла повышать товарность земледелия. Напряженный экспорт зерна позволил накопить запасы золота в стране, укрепить рубль и провести денежную реформу в 1895–1897 гг. Но до второй половины 1890-х гг. хлеб стоил дешево, и крестьяне, продавая много зерна, снижали уровень его цен.

Перелом неблагоприятных для сельского хозяйства ценовых тенденций к концу XIX в. и проведение начиная с 1906 г. земельной реформы П. А. Столыпина содействовали наращиванию производства и денежных доходов в аграрном секторе. Рост хлебной торговли и зарубежных поставок зерна поддерживался также расширением железнодорожной сети. Объем перевозок зерна возрастал быстрее, чем его производство, что говорило об увеличении товарности сельского хозяйства.

Хлеботорговые обороты ускорялись, расширялись и становились более планомерными благодаря помощи государства. Оно сглаживало колебания рыночной торговли, выдавая кредиты под закупку зерна. Размер кредитной эмиссии Государственного банка на хлебозаготовительные цели в 1909 г. составлял 96,5 млн руб., в 1910 г. – 151,3 млн руб., в 1911 г. – 205,0 млн руб., 1912 г. – 198,0 млн руб., в 1913 г. – 253,9 млн руб. Помимо того, казенные железные дороги выделили самостоятельно ссуд в 1908 г. на сумму 61 млн руб., в 1909 г. – 63 млн руб. и в 1910 г. – 44 млн руб.¹⁴

Обстоятельный аналитический обзор, проведенный С.А. Перушиным, показал усиление зависимости конъюнктурных колеба-

¹⁴ См.: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 113.

ний экономики России от ее аграрного сектора. Динамика русского хозяйства в 1870–1913 гг. выглядела так¹⁵: подъем в самом начале 1870-х гг. с переломом к худшему в 1871–1872 гг.; застой середины 1870-х гг. с минимумом в 1876 г.; оживление в конце 1870-х гг. с максимумом подъема в 1878–1879 гг.; депрессия с 1882 по 1886 г. с минимумом в 1886 г.; краткосрочное оживление в 1887–1889 гг. с переломом к худшему в конце периода; депрессия 1891–1892 гг.; всеобщий подъем экономики с 1893 по 1899 г. и кратковременная заминка в 1897–1898 гг.; кризис 1900 г., переходящий в длительную депрессию 1902–1908 гг., кризис в 1905 г.; очередной подъем с 1909 г. по 1913 г. с незначительной заминкой в 1911–1912 гг.

Тесная связь обнаруживалась между объемами вывоза хлеба и напряженностью торгово-промышленной жизни страны. Колебания хлебного экспорта и дивидендов акций совпадали. Сельское хозяйство влияло на деловую активность изменением покупательной силы деревни в зависимости от количества собранного и проданного зерна. Размер урожая, экспорта и хлебных цен определял также объем накопления капитала от сельскохозяйственного производства. Образовавшийся остаток денег сначала вызвал изменение учетной ставки на денежном рынке, а затем воздействовал на уровень цен фондов и акций, эмиссию ценных бумаг на рынке капиталов. Оживлению в промышленности, как правило, предшествовали урожайные годы.

Если в 1870–1880-е гг. отмечалась синхронная пульсация русской и западной конъюнктуры, то с наступлением XX в. между ними наметилось серьезное расхождение. Логически аргументированное обоснование этой тенденции предложил С. А. Первушин: «Парадоксальный на первый взгляд факт ослабления видимой связи динамики русского народного хозяйства и ее конъюнктуры с конъюнктурой мирового хозяйства объясняется внутренним ростом народного хозяйства, его торговли и промышленности. Из „инородного тела“ в русском, по существу, сельскохозяйственном организме (еще в семидесятых и восьмидесятых годах, зависящем не столько от стихийных процессов развития русского рынка и

¹⁵ Подробнее см.: Первушин С. А. Указ. соч. С. 162–164.

русского капитала, сколько от Парижской биржи) наша промышленность и торговля уже к середине 90-х годов становится органическим элементом русского народнохозяйственного целого – органически с ним переплетается, все в большей степени подчиняясь колебаниям русского рынка в широком смысле этого слова»¹⁶.

Одновременно усиливалось влияние внутреннего массового спроса и наплыва золотой валюты от хлебного экспорта на хозяйственную конъюнктуру. Скопление огромных свободных денежных средств в сельском хозяйстве стало богатым источником финансирования энергичного экономического подъема России в 1910–1914 гг. Такого длительного оживления практически не было в развитых странах, оказавшихся накануне мировой войны в депрессивном состоянии.

Ритм длительных конъюнктурных колебаний российского рынка просматривался и в истории становления отечественной банковской системы. Государственный банк с правом эмиссии национальной валюты был учрежден 31 мая 1860 г. Новый банк не только регулировал выпуск рублей в обращение, но и выполнял обычные операции коммерческого кредитования: учет векселей, куплю-продажу драгоценных металлов и процентных бумаг, платежи доверителей, прием вкладов и т.п. Однако вплоть до 1890-х гг. XIX в. Государственный банк преимущественно оставался «расчетной кассой» Министерства финансов, давал займы казначейству, покрывал бюджетные дефициты.

Обслуживанием же частного хозяйственного оборота занимались коммерческие банки. Они возникали не без помощи казны. Среди основателей русских банков были и заграничные фирмы, и поступление иностранного капитала помогало укреплению отечественной банковской системы. Связь с мировым денежным рынком в те годы была уже настолько тесна, что подъемы и спады в нашем хозяйстве совмещались с подобными процессами на Западе.

Преобразование Государственного банка в соответствии с уставом 1894 г. преследовало две противоположные цели: проведение денежной реформы и усиление влияния на народное хозяй-

¹⁶ Первушин С. А. Указ. соч. С. 212.

ство посредством эмиссионных и учетно-вексельных операций. Но финансовая политика самодержавия дорожила больше твердой валютой, видя в ней опору внешнего государственного долга. Поэтому выпуск кредитных билетов ограничивался жесткой нормой – в пределах 600 млн руб. требовалось 50%-ное обеспечение, а сверх этой суммы – полное покрытие золотом. Активность сдерживалась и желанием накопить максимальный золотой запас.

Сосредоточенные фиском – государственной казной – денежные ресурсы шли на финансирование промышленности и торговли. Этот перелив капитала технически осуществлялся при посредничестве акционерных банков. Конторы посредников обеспечили более 2/3 всего прироста учетно-ссудных операций за 1905–1914 гг.¹⁷ Благодаря правительственной поддержке акционерные коммерческие банки прогрессировали быстрее Государственного банка.

В развитии банковской системы России в конце XIX – начале XX в. важную роль играло государство. Самодержавная власть, будучи самым крупным клиентом, вкладчиком и заемщиком в одном лице и владельцем главного банка страны, фактически, дирижировала всей кредитно-денежной сферой. В годы плохой конъюнктуры Государственный банк брал на себя то, с чем не справлялись частные банки, поддерживал кредитование хозяйственного оборота. В «добрые» времена он «питал» коммерческие банки своими ресурсами.

Перечисленные выше методы государственного регулирования экономики воздействовали на деловую активность опосредованным или косвенным образом. Непосредственно же на рыночный спрос влияли обычные доходы и расходы бюджета, а также чрезвычайное поступление и расходование средств государственных кредитов.

До 1880-х гг. XIX в. консолидированный государственный долг резко прибавлял в весе всякий раз после займов на ведение очередной войны. Однако уже в мирное время, с 1886 по 1903 г., задолженность казны возросла в 1,5 раза – с 4 418 до 6 652 млн руб.¹⁸

¹⁷ См.: Юровский Л. Н. Банки в России и в СССР // Кредит и банки. Теория банковского кредита. Организация банковского дела. Банки в СССР и за границей. Государственное финансовое законодательство Союза ССР. М., 1929. С. 395.

¹⁸ См.: Вавилин И. П. Указ. соч. С. 28.

Причиной тому было новое явление – государственное предпринимательство, связанное с сооружением железнодорожной сети. После Русско-японской войны 1904–1905 гг. потребности железных дорог поглощали существенную часть «сверхбюджетных» денег. Из всей суммы чрезвычайных расходов за 1910–1914 гг. (1 376 млн руб.) на нужды министерства путей сообщения было потрачено 529,5 млн руб., или 38,5%¹⁹. Эта цифра близка к доле железнодорожных займов в государственном долге на 1 января 1913 г. равной 35%, или 3 115 млн руб. из 8 858 млн руб.²⁰

Структура статей государственного бюджета в 1886–1910 гг. отражена в табл. 3.4. Более подробная роспись обыкновенных расходов и доходов казначейства в 1885–1914 гг. представлена в табл. 3.5 и 3.6.

Таблица 3.4

Структура государственных доходов и расходов в 1886–1910 гг., млн руб.

Год	Обычные (избыток (+), дефицит (-))			Чрезвычайные (избыток (+), дефицит (-))			Сальдо (избыток (+), дефицит (-))
	доходы	расходы	избыток (+), дефицит (-)	доходы	расходы	избыток (+), дефицит (-)	
1886–1890	886	860	+ 26	108	105	+ 3	+ 29
1891–1895	1 076	988	+ 88	133	207	- 74	+ 14
1896–1900	1 580	1 381	+ 199	82	304	-222	- 23
1901–1905	1 979	1 836	+ 143	382	582	- 200	- 57
1906–1910	2 489	2 314	+ 175	340	417	- 77	+ 98

Сост. по: Статистический ежегодник на 1914 год. С. 353.

Итоги табл. 3.4 подтверждают некоммерческий характер хозяйственной деятельности казначейства. Даже если по обычным бюджетным статьям балансировалось устойчивое положительное сальдо, то в «сверхплановых» финансах постоянно зияли прорехи. Дефицит денежных ресурсов возникал в годы интенсивного железнодорожного строительства и Русско-японской войны. Средняя же долговременная уравновешивала выгоды и убытки.

¹⁹ См.: Статистический ежегодник на 1914 год. Пг., 1914. С. 362.

²⁰ См.: Пасвольский Л., Моультон Г. Русские долги и восстановление России. М., 1925. С. 43.

Таблица 3.5

Обычные доходы государственного бюджета России в 1885–1914 гг., млн руб.

Год	Государственные налоги и пошлины			Доходы от государственных регалий и имуществ			Всего доходов
	прямые	косвенные	всего	казенной винной операции	казенных железных дорог	всего	
1885	130,1	360,1	539,5	–	10,6	80,5	765,0
1886	124,3	385,0	557,9	–	12,7	82,8	782,2
1887	81,1	412,6	546,4	–	18,3	103,7	832,1
1888	83,9	461,2	602,7	–	22,3	120,0	899,2
1889	89,1	472,8	619,9	–	33,4	124,7	931,9
1890	90,7	474,9	625,4	–	49,3	144,3	952,0
1891	88,4	440,1	590,5	–	60,6	151,5	895,8
1892	91,1	474,6	632,0	–	74,4	181,3	973,4
1893	100,3	511,6	680,5	–	85,1	182,8	1 049,0
1894	101,9	581,1	755,4	–	115,9	221,6	1 156,8
1895	105,7	586,1	763,6	10,8	194,6	310,4	1 255,8
1896	99,3	582,9	756,2	27,7	293,2	444,0	1 368,7
1897	101,2	596,2	772,1	52,4	277,8	485,1	1 416,3
1898	103,6	634,6	824,2	102,1	348,2	599,4	1 584,8
1899	121,2	668,6	885,4	110,7	347,5	518,2	1 673,3
1900	131,7	657,8	877,4	117,9	361,6	650,4	1 704,1
1901	130,7	686,3	911,4	163,3	348,6	717,3	1 799,4
1902	132,8	428,1	661,7	484,5	407,9	1 069,9	1 905,4
1903	134,9	440,0	681,9	542,2	453,3	1 177,2	2 031,8
1904	134,5	418,2	656,8	543,4	454,5	1 186,4	2 018,2
1904	126,7	408,3	634,7	609,3	431,5	1 239,1	2 024,5
1905	163,0	493,9	769,8	697,5	490,9	1 379,8	2 271,6
1906	183,1	509,6	815,0	707,1	510,3	1 427,1	2 342,4
1907	194,0	526,4	857,6	709,0	512,5	1 442,5	2 417,8
1908	198,6	529,5	879,5	718,8	567,9	1 523,1	2 526,3
1910	215,9	592,4	978,5	767,0	625,9	1 633,3	2 781,0
1911	223,9	629,1	1 043,3	783,1	708,0	1 778,0	2 952,0
1912	243,3	650,4	1 092,8	824,6	742,3	1 882,4	3 105,9
1913	249,8	671,0	1 139,0	837,6	787,1	1 966,2	3 240,5
1914	263,5	708,9	1 204,6	935,8	858,3	2 182,7	3 521,6

Сост. по: Статистический ежегодник на 1914 год. С.356, 357.

Таблица 3.6

Обычные расходы государственного бюджета России в 1885–1914 гг., млн руб.

Год	Министерство финансов	Министерство путей сообщения	Министерство торговли и промышленности	Военное министерство	Морское министерство	Платежи по государственным займам	Всего
1885	108,2	30,0	–	206,6	38,8	263,5	813,7
1886	116,3	28,5	–	211,9	45,0	263,9	835,1
1887	109,1	32,2	–	210,9	40,3	280,7	842,2
1888	107,6	35,3	–	212,1	40,9	279,4	845,8
1889	107,6	50,0	–	225,9	40,7	270,6	871,8
1890	109,2	81,6	–	228,1	40,6	262,6	903,1
1891	113,4	81,2	–	226,1	45,4	247,8	900,4
1892	120,1	84,7	–	234,8	48,1	251,0	928,0
1893	124,3	94,3	–	236,9	50,3	266,7	965,7
1894	132,3	116,8	–	239,1	51,2	270,7	1 009,9
1895	140,6	162,9	–	285,4	57,1	284,9	1 137,8
1896	188,5	195,9	–	294,3	59,5	268,0	1 229,0
1897	204,3	226,8	–	293,7	85,2	258,4	1 299,6
1898	214,3	264,9	–	303,2	67,2	273,4	1 358,2
1899	237,2	288,1	–	333,5	83,6	275,7	1 463,5
1900	280,9	322,9	–	331,5	88,5	266,8	1 555,4
1901	308,4	388,5	–	334,6	93,0	276,4	1 664,8
1902	334,4	446,2	–	343,1	100,4	290,1	1 802,1
1903	366,3	456,4	–	350,9	113,9	288,6	1 883,0
1904	349,7	449,0	12,0	372,4	112,9	297,4	1 906,8
1905	339,1	448,9	12,3	378,1	116,6	306,4	1 925,1
1906	347,1	477,2	37,9	392,5	111,6	356,4	2 061,1
1907	429,2	507,6	32,1	405,6	87,7	374,4	2 195,9
1908	432,4	521,2	33,1	462,5	93,4	397,6	2 387,7
1909	459,8	551,4	39,2	473,3	92,2	394,9	2 451,4
1910	409,4	537,3	39,1	484,9	95,8	409,0	2 473,1
1911	403,2	543,1	41,6	493,4	120,8	399,3	2 535,9
1912	424,6	555,2	53,5	526,2	176,1	393,6	2 721,6
1913	472,3	639,3	60,6	551,2	228,1	402,7	3 012,6
1914	494,5	739,9	71,6	599,1	250,3	402,8	3 302,6

Сост. по: Статистический ежегодник на 1914 год. С. 358, 359.

С конца XIX в. российское самодержавие всеми способами наращивало свою финансовую мощь и усиливало воздействие на хозяйственные дела страны. Только обычные доходы бюджета с 1885

по 1914 г. повысились в 4,2 раза, а расходы – в 3,7 раза. Сравнение динамики государственных финансов и важнейших показателей экономического развития России в 1885–1913 гг. приводит к интересным выводам. Итоговые статьи бюджета возрастали быстрее расширения объемов производства зерна (284,7%) и экспорта хлеба (максимальный в 1910 г. – 270,2%), но уступали темпам потребления железа в народном хозяйстве (705,7%). Иными словами, рост запросов казначейства опережал продуктивность аграрного сектора, но отставал от подъема промышленности.

Весьма примечателен был опыт формирования доходной части госбюджета. «Министерство финансов, – писал в 1906 г. В. В. Пешехонов, – имело возможность не только расширить свою власть над экономической жизнью страны, но и сделать ее почти независимой как от общего хозяйственного уровня плательщицкой массы, так и от временных колебаний в ее прибытках»²¹. Стационарное состояние прямых налогов с населения сопровождалось непрерывным ростом косвенного налогообложения, которое в 1885 г. давало 74% всех налоговых поступлений, а в 1914 г. – уже 86%. С 1902 г. главный источник косвенных налогов – питейные сборы – был объявлен монополией государства. Ежегодные доходы от казенной винной операции увеличились с 1902 по 1914 г. почти в 2 раза и едва не достигли 1 млрд руб. Эта сумма сопоставима с иностранными займами на железнодорожное строительство в 1880–1890-е гг. XIX в. и немногим меньше половины всех частных инвестиций в промышленность России, осуществленных до Первой мировой войны.

Еще одной зоной казенного предпринимательства были железные дороги. Если в 1895 г. на две важнейшие зоны хозяйствования приходилось 66,2% доходов государственных регалий и имуществ и 16,4% всей суммы обыкновенных бюджетных доходов, то в 1914 г. Эти доли соответственно выросли до 82,2% и 50,9%. Казна начала жить в основном за счет производственной деятельности своих предприятий. Хотя надо оговориться, что выручка от реализации алкогольной продукции включала не только монопольную прибыль, но и налоговый сбор.

²¹ Пешехонов В. В. Указ. соч. С. 19.

Доходы от государственной собственности – имущество и регалий – занимали в 1885 г. среди бюджетных источников малозаметное место – 10,5%. В 1914 г. они доминировали, обеспечивая 62% всех текущих финансовых ресурсов самодержавия. За те же годы абсолютная сумма денег, доставляемых казенной собственностью, увеличилась в 27 раз – с 80,5 до 2 182,7 млн руб.

Становление обширного государственного сектора экономики потребовало и надлежащих затрат. На рубеже веков расходы МПС превосходили размер процентов по государственному долгу и ассигнований на военные нужды, т.е. сделались самой солидной статьей расходной части бюджета. В 1904 г. появился новый источник государственного предпринимательства – дотации Министерству торговли и промышленности.

Темпы роста госсектора обгоняли бурный подъем крупной частнокапиталистической промышленности. Доходы от железных дорог, даже с учетом индекса цен, за 1885–1913 гг. реально «потяжелели» в 62,6 раза, расходы стали весомее в 20,8 раза. Для сравнения: производство железа за то же время дало восьмикратную прибавку – с 32,2 до 264 млн пудов, добыча угля выросла с 260,2 до 2 199 млн пудов²², или в 8,5 раза. Во всю промышленность, не считая ремесленно-кустарную, в 1903–1913 гг. было вложено 2 230 млн руб., а в железнодорожный транспорт – 2 002 млн руб. Участие государства в этих последних инвестициях можно, вероятно, оценить по его доле в общей протяженности железнодорожных путей – 70% и удельному весу в коммерческих перевозках – 75%²³.

Формирование огромной зоны государственного предпринимательства оказывало двоякое влияние на конъюнктуру российского рынка. С одной стороны, централизация денежных средств в руках правительства затрудняла доступ к свободным капиталам и сковывала инициативу частного сектора. Налоговое бремя ограничивало доходы и платежеспособные потребности населения. Экспорт зерна и таможенная политика ощутимо сокращали народное потребление.

²² См.: *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика... С. 253; Статистический ежегодник на 1914 год. С. 136; *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 221.

²³ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 1. С. 171.

Государство целенаправленно перераспределяло капиталы из отраслей, производивших предметы потребления, в отрасли, выпускавшие средства производства или оказывавшие производительные услуги – транспорт. Относительное уменьшение личных доходов и доли потребительского сектора в народном хозяйстве высвобождало ресурсы для усиленного накопления капитала и индустриализации страны.

С другой стороны, экономическая политика самодержавия поощряла частный бизнес в тяжелой промышленности и железнодорожном строительстве. Государственные заказы практически непрерывно стимулировали улучшение конъюнктуры на протяжении всего промышленного подъема, начиная с 1870-х гг. XIX в. Емкость казенного рынка расширялась параллельно с общим объемом товарооборота в стране. Бюджетные расходы и учтенный товарооборот одинаково выросли с 1885 по 1913 г. в 3,7 раза. Отношение первых ко второму колебалось в это время вокруг уровня 16%.

Сопоставление динамических рядов табл. 3.7 показывает сужение размаха колебаний по мере перехода от показателей сельского хозяйства к показателям финансовой сферы. Абсолютная величина отклонений (сумма абсолютных величин максимального и минимального значений показателей) в течение 1885–1913 гг. составила по валовому сбору хлебов 66,9% (1889 г. и 1893 г.), экспорту хлебов 156,0% (1892 г. и 1909 г.), потреблению железа 53,8% (1894 г. и 1902 г.), товарообороту 26,6% (1899 г. и 1902 г.), доходам бюджета 18,1% (1891 г. и 1906 г.), расходам бюджета 13,0% (1891 г. и 1895 г.).

Очень размеренный, сбалансированный рост бюджета поддерживался специфическим механизмом поступления доходов, который почти не зависел от состояния деловой активности в стране. Наоборот, расходы государства создавали устойчивый дополнительный спрос, «подкармливали» частную предприимчивость. Заказы на прокладку стальных путей сообщения помогали промышленности благополучно пережить «тяжелые времена» депрессии. Подъем индустрии, в свою очередь, открывал новые рынки сбыта для сельского хозяйства. Поэтому капризы природы – урожаи и недороды – не так остро сказывались на денежных накоплениях земледельцев.

Таблица 3.7

Ежегодный прирост (цепные индексы) важнейших показателей экономического развития России в 1885–1913 гг., %

Год	Валовой сбор хлебов	Экспорт хлебов	Потребление железа	Учтенный товарооборот	Доходы бюджета	Расходы бюджета
1885	–	–	–	–	–	–
1886	+ 21,1	– 20,2	+ 12,7	0	+ 2,3	+ 2,6
1887	+ 13,0	+ 38,4	- 11,2	+ 14,3	+ 6,4	+ 0,8
1888	– 3,8	+ 37,1	+ 6,3	+ 1,8	+ 8,0	+ 0,4
1889	– 24,0	– 14,9	+ 11,3	+ 1,7	+ 3,7	+ 3,1
1890	+ 21,1	– 9,9	+ 24,8	+ 1,7	+ 2,1	+ 3,5
1891	– 21,8	+ 4,5	+ 3,2	0	– 5,9	– 0,3
1892	+ 16,7	– 53,7	+ 1,3	+ 1,6	+ 8,7	+ 3,1
1893	+ 42,9	+ 80,2	+ 6,1	+ 8,3	+ 7,8	+ 4,0
1894	+ 6,6	+ 28,9	+ 36,6	+ 10,7	+ 10,3	+ 4,6
1895	– 6,2	– 11,9	+ 13,1	+ 8,2	+ 8,6	+ 12,7
1896	+ 6,6	– 4,0	+ 17,8	+ 5,2	+ 9,0	+ 8,0
1897	– 12,5	+ 9,7	+ 21,0	+ 6,1	+ 3,4	+ 5,8
1898	+ 17,8	+ 4,9	+ 15,2	+ 5,8	+ 9,4	+ 4,5
1899	+ 12,1	– 32,5	+ 12,0	+ 24,1	+ 8,0	+ 7,7
1900	– 5,4	+ 22,4	+ 8,9	0	+ 1,9	+ 6,3
1901	– 12,5	+ 12,7	– 2,8	+ 2,6	+ 5,6	+ 7,0
1902	+ 36,3	+ 25,5	– 17,2	– 2,5	+ 5,9	+ 8,9
1903	– 5,3	+ 10,9	– 2,7	+ 2,6	+ 6,7	+ 4,5
1904	+ 11,9	+ 3,5	+ 16,2	+ 3,4	– 0,7	+ 1,3
1905	– 14,5	+ 14,5	– 5,3	+ 1,6	+ 0,3	+ 0,9
1906	– 13,7	– 16,9	+ 2,5	+ 2,4	+ 12,2	+ 7,0
1907	+ 14,1	– 8,8	– 10,5	+ 4,2	+ 3,1	+ 6,6
1908	+ 3,2	– 12,7	+ 6,9	+ 5,6	+ 3,2	+ 8,7
1909	+ 22,9	+ 102,3	– 0,7	+ 1,5	+ 4,5	+ 2,7
1910	– 2,5	+ 3,7	+ 14,2	+ 4,5	+ 10,1	+ 0,9
1911	– 18,0	– 6,8	+ 28,0	+ 10,7	+ 6,2	+ 2,5
1912	+ 28,4	– 29,7	+ 10,3	+ 9,8	+ 5,2	+ 7,4
1913	+ 11,8	+ 14,1	+ 2,8	+ 8,1	+ 4,3	+ 10,6

Примечание. «+» – повышение; «–» – понижение. Рассчитано по: *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 156–157.

Государственное предпринимательство, преследуя собственные интересы, выполняло функцию стабилизатора экономического развития державы. Сооружение железных дорог казной преобладало над частным железнодорожным строительством в годы плохой конъюнктуры в 1881–1890 гг. и 1901–1909 гг. Только государственному сектору с некоммерческой ориентацией хозяйствования позволительно было осуществлять громадные инвестиции без расчета на скорый эффект. Возникавшие убытки компенсировались субсидиями казначейства.

Правительство содействовало промышленному подъему в конце XIX – начале XX в., расширяя зону государственного предпринимательства. Политическая власть и распоряжение необъятными централизованными финансовыми ресурсами предоставляли министерскому аппарату возможность управлять развитием частной инициативы и ходом промышленной революции в России.

Глава 4

Чрезвычайная экономика военных лет (1914–1921 годы)

Развитие отечественного государственного предпринимательства коренным образом изменилось в течение двух войн – Первой мировой и Гражданской. Милитаристские приготовления и ведение боевых действий изменили привычное течение воспроизводственных процессов. Интенсивно изымались средства на нужды оборонной промышленности и снабжение войск. Это уменьшало реальные доходы населения и предприятий. Военная обстановка укрепляла позиции государства в экономике, расширяла его права, поскольку неординарное перераспределение ресурсов осуществлялось по указаниям центральной власти.

Экономический подъем 1909–1913 гг. после краткосрочной заминки в самом начале войны продолжался еще в 1914–1915 гг. Крупные займы самодержавия и обильный выпуск бумажных денежных знаков благоприятствовали инфляционному разбуханию казенно-войскового спроса. В 1914 г. рыночная конъюнктура оставалась стабильной и цены повысились всего на 1%.

Все эмитированные кредитные билеты поглощал расширявшийся торговый оборот. Бумажные деньги замещали полноценные, которые уходили из официального обращения после приостановки с началом войны обмена золотых монет на банкноты. Общий рост цен сдерживало также прекращение внешней торговли через

западные границы, наводнившее внутренний рынок экспортным сырьем и хлебом. Промышленность приладилась к изменившимся потребностям и едва справлялась с заказами на предметы снабжения и снаряжения армии.

Мобилизация увеличила численность поставленных под ружье с 1 370 тыс. человек в 1913 г. до 14 440 тыс. человек в 1916 г. и до 15 070 тыс. человек в первой половине 1917 г.¹ Призыв на воинскую службу миллионов деревенских жителей сопровождался ростом рыночных закупок продовольствия и фуража. Интендантские заготовки сельхозпродукции пополняли доходы крестьян. В первые военные годы зажиточная деревня и казначейство, предъявляя устойчивый спрос, поддерживали высокую конъюнктуру рынка.

Производительные силы страны использовались с максимальным напряжением и все чувствительнее подтачивались войной. Избыток населения рабочего возраста позволил сравнительно легко перенести массовый призыв в армию в 1914 г. и 1915 г. Но мобилизация 1916 г. заметно сказалась на состоянии трудовых ресурсов. Замена мужского труда женским и детским понизила выработку в промышленности, уменьшила обрабатываемые земельные угодья в сельском хозяйстве.

Финансовые последствия войны явственнее всего проявились в дороговизне. Средний индекс цен в 1915 г. по отношению к 1913 г. равнялся 130, а в 1916 г. – уже 203. В январе 1917 г. он достиг отметки 294, в марте – 315². Началась дезорганизация народного хозяйства России, не привыкшего к подобным колебаниям.

Падение покупательной способности денег перераспределяло доходы и капиталы между различными группами населения. Наряду с этим, происходил более серьезный процесс перехода огромных ресурсов в руки государства. Инициатором инфляции было Министерство финансов, которое выпускало излишние деньги в обращение. Осуществляя чрезвычайную эмиссию денежных знаков, правительство получало колоссальные доходы.

¹ См.: *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 123.

² См.: *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 17, 18.

О механизме образования эмиссионного дохода писал Л. Н. Юровский: «За изъятые из народного хозяйства материальные ценности государство возвращало народному хозяйству бумажные ценности в виде кредитных билетов и государственных займов. Те барыши, которые часть населения получала благодаря инфляции, помещались затем в огромных суммах в эти бумажные ценности, и такие суммы, инвестированные в облигации или оставшиеся на текущих счетах и в наличных деньгах, в порядочной мере растаяли уже к февралю 1917 года. Но даже и в той мере, в какой они с частнохозяйственной точки зрения еще не растаяли, они в народнохозяйственном смысле представляли собою лишь ассигновки на будущие хозяйственные блага, ибо реальное богатство, в обмен на которое они были выданы казной, было уже съедено, изношено и расстреляно на фронтах и в тылу»³. Интересы пополнения казны, как всегда, стояли выше интересов отдельных общественных групп и всего населения страны.

Возможность извлечения ресурсов при помощи эмиссии зависела от соотносительной динамики цен и количества денег в обращении. Денежная масса к 1 марта 1917 г. по сравнению с 1 января 1914 г. возросла в 4,5–5 раз. Цены за тот же период повысились в 3,5 раза. Ценность денежного обращения по покупательной силе накануне войны равнялась примерно 2 000 млн руб., а 1 марта 1917 г. составляла уже около 3 188 млн руб. Такое расширение емкости рынка по отношению к денежными знакам позволило посредством эмиссии изъять из оборота ценностей примерно на 5 000 млн зол. руб.⁴

В годы войны государственный кредит и эмиссии давали правительству больше средств, чем оно получало от обычной системы бюджетных доходов. Однако выпуск в обращение денежной массы, не обеспеченной товарными фондами, поднимал не только номинальные доходы казначейства, но и общий уровень цен. Инфляция обесценивала все источники государственных доходов. Если бы государство перешло к подвижным налоговым ставкам, ценам и тарифам на казенные товары и услуги, то оно, фактически,

³ См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти... С. 32.

⁴ Там же. С. 27.

подтвердило бы падение ценности денег и подорвало тем самым основу своего кредита. Правительство выбрало иной путь, начав борьбу с повышением цен, не желая признавать потерю покупательной силы денежной единицы. Устанавливая своей властью твердые или, вернее, указные цены правительство закупало товары по относительно низким расценкам.

Д. В. Кузовков писал: «В конечном счете такой момент, как обесценение налоговых ставок и крушение кредитной системы, который носил, казалось бы, технический характер, превращался в исходную причину натурализации хозяйства и невольных устремлений к замене рыночного механизма государственным регулированием со всеми их грандиозными социально-экономического характера последствиями»⁵.

Самой обширной зоной казенных заготовок была закупка провианта, и правительство отстаивало свои интересы при помощи управления хлеботорговым оборотом. Меры государственного регламентирования хлебных рынков находились в тесной связи с положением дел в сельском хозяйстве, где под воздействием ряда причин товарность хлебов сократилась с 12,4% в предвоенное пятилетие до 7,4% в 1915 г.⁶

Спрос на продовольствие в отличие от его предложения был напряженным из-за наличия громадной армии, концентрации городского населения, увеличившегося на 1,5 млн человек к октябрю 1915 г., интенсивной эмиссии бумажных денег. Такое соотношение спроса и предложения проявлялось в неуклонном росте хлебных цен сначала на потребительских рынках, затем на рынках поставщиков зерна.

Административные мероприятия по стабилизации розничных цен начались вскоре после объявления войны. Наступил период «губернаторского регулирования» рынка. Местные органы управления стали издавать таксы, которые утверждали цены на внушительный список товаров, преимущественно на продовольствие и на отдельные предметы широкого потребления. Таксировки от-

⁵ Кузовков Д. В. Процесс натурализации народного хозяйства (1916–1920 гг.) // Финансовое оздоровление экономики. М., 1990. С. 22.

⁶ См.: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов... С. 131.

личались необычайной территориальной пестротой и вносили неразбериху в снабжение.

В начале 1915 г. был издан закон, предоставивший командующим войсками военных округов право запрещать вывоз нужных армии припасов, устанавливать цены на продовольствие и фураж, в случае недостаточного предложения на рынке назначать реквизицию по специально установленным расценкам. «Война за хлеб», с ее вооруженными заградительными отрядами, которая была наиболее ярким методом борьбы с рынком, началась уже в 1916 г.⁷

С июля 1914 г. по сентябрь 1916 г. индекс цен на 4 главных хлеба (пшеницу, рожь, просо и гречиху) и муку (пшеничную и ржаную) вырос в 2,1 раза. Количество выпущенных в обращение бумажных денег за тот же период возросло с 2 321,1 до 7 587,1 млн руб., или в 3,3 раза, а курс рубля опустился до 63,1 коп. зол.⁸ Однако почти до конца 1916 г. темпы роста хлебных цен отставали от динамики общего индекса важнейших продуктов, в том числе мяса, соли, миткаля, но опережали вздорожание керосина и каменного угля.

Рыночный механизм ценового равновесия спроса и предложения стал давать сбои. Торговцы придерживали запасы в ожидании дальнейшего удешевления рубля и спада производства. Государство расширяло размах своих заготовительных акций, чтобы наладить снабжение не только армии, но и городов по указным ценам. Декретирование розничных цен влекло за собой контроль над оптовым оборотом. Поэтому регулирование стихийно шло в направлении к государственной монополии заготовок и пайковому распределению продуктов.

Летом 1915 г. состоялось учреждение Особого совещания по продовольственному делу, органа, из которого при Временном правительстве возникло Министерство продовольствия, реорганизованное после Октябрьской революции в Наркомпрод. Особое совещание сразу же объявило твердые цены на все хлебные изделия. Но самым серьезным шагом правительства до Февральской революции оказалось введение в конце 1916 г. продовольственной

⁷ См.: Кузовков Д. В. Процесс натурализации народного хозяйства. С. 32.

⁸ См.: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов... С. 150.

разверстки. Состояние хронического дефицита неизбежно привело к распределению по карточкам сперва сахара, затем хлеба, потом мясопродуктов и т.д.

Регулирование торговли и цен при самодержавии распространилось на рынки масла, мяса, сахара, соли, промышленного сырья, топлива, металла и т.п. Кроме Особого совещания по продовольствию, Государственная дума создала Особые совещания по обороне, топливу и перевозкам. Председатели этих совещаний имели широкие права в отношении расширения или закрытия предприятий, изменения специализации производства, разрядки продукции, топлива, сырья, реквизиций и назначения цен. Наряду с особыми, возникли заводские совещания отдельных однородных предприятий. Так, творчество царских чиновников породило бюрократическую систему централизованного управления экономикой России.

Но не только из министерской среды исходила инициатива координации и планирования народного хозяйства. Крупные торговцы и промышленники объединялись в военно-промышленные комитеты, которые управляли целыми отраслями. В 1915–1916 гг. были учреждены комитеты по топливу, делам хлопчатобумажной, суконной, льняной, джутовой, кожевенной, бумажной промышленности и т.д. Они выполняли функцию посредника между казной и предприятиями⁹. Совпадение интересов бюрократии и капиталистов оформилось в систему государственно-монополистического регулирования экономики.

С одной стороны, государство уступало натиску объективно складывавшихся условий, приспосабливалось к подвижкам конъюнктуры. С другой стороны, политика правительства оказывала прямое влияние на динамику конъюнктурных колебаний. Перемены в бюджетной сфере дали начало серьезным преобразованиям в остальных хозяйственных сферах.

В 1916 г. затраты царской власти на войну превысили пороговый уровень. После этого началось разрушение бюджетной сферы, и функционирование отечественной экономики перешло в режим

⁹ См.: Рудой Я. Государственный капитализм в России во время империалистической войны. Л., 1925. С. 40, 41.

деградации и распада. Роспись бюджета 1917 г. предусматривала все выплаты казначейства в сумме 24 млрд бумажных руб., но фактические расходы достигли почти 40 млрд руб.¹⁰ В 1918 г. денежное исчисление и планирование бюджета потеряло всякий смысл.

Казна извела около 50 млрд руб. за три с половиной года боевых действий. Если скорректировать эту номинальную цифру на покупательную силу денег по индексам товарных цен, то она составит 21 млрд довоенных руб.¹¹ Следовательно, почти половина национального дохода страны приносилась в жертву «высшим государственным» соображениям.

Чрезвычайные обстоятельства военного времени положили начало процессам, которые влияли друг на друга. Содержание от мобилизованной армии и субсидирование оборонно-промышленного комплекса требовали таких огромных затрат, что не покрывались обычными доходами бюджета. Правительству приходилось усиливать свое воздействие на экономику, чтобы добыть недостающих средств.

Народное хозяйство страдало не только от непомерного изъятия ресурсов. Плачевное состояние финансов, директивное управление, займы и эмиссии разрушали традиционный механизм самонастройки российской экономики, изживали частную инициативу и рыночные методы регулирования. Инфляция в сфере денежного обращения разрывала многие товарно-торговые связи и, как следствие, ускоряла падение объема производства. Иссякали запасы основного и оборотного капитала. Обесценивались денежные доходы, и казна вновь возвращалась к исходной ситуации бюджетного дефицита.

Все перечисленные процессы поддерживали и взаимно обуславливали друг друга, образуя замкнутый круг. Сокращение притока ресурсов всякий раз поощряло государство еще глубже «залезать в карман» народа и ужесточать воздействие на экономику. Дальнейшее истощение стратегических резервов и потеря управляемости в народном хозяйстве открывали очередной цикл развития тенденции к всеобщему огосударствлению.

¹⁰ См.: Пасвольский Л., Моультон Г. Русские долги и восстановление России. М., 1925. С. 62.

¹¹ См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 15.

Падение доходов государства шло быстрее, чем растрчивались производительные силы империи. Утрата финансовой мощи влекла за собой ослабление политической власти. Ухудшение экономического положения в стране и деградация механизма хозяйственного регулирования приводили не только к изменению политики правительства, но и к смене самого правительства. Опыт двух революций 1917 г. убеждает в этом.

Временное правительство получило военные кредиты за границей и разместило ценные бумаги внутреннего «Займа свободы». Но расходы казначейства отчаянно росли по мере того, как расшатывался государственный строй, а поступление налогов прекращалось. Дефицит, который покрывался казначейской эмиссией, был так велик, что государство не могло уже ограничиться выпуском кредитных билетов прежних образцов – техника их печатания оказалась слишком сложной.

В обращение стали поступать новые денежные знаки, так называемые «керенки». 1 марта 1917 г. в обращении находилось 10 041 млн руб., а 1 ноября того же года – 19 577,4 млн руб., т.е. за восемь месяцев денежная масса почти удвоилась. Несмотря на продолжавшееся накопление бумажных денег крестьянством и вытеснение сделок в кредит наличными расчетами, потребность оборота в деньгах резко снизились. Реальная ценность денежной массы с 1 марта по 1 ноября 1917 г. упала с 3 188 до 1 919 млн руб. Количество бумажных денег в обращении за то же время возросло на 90%, а цены увеличились в среднем на 224%.

При новой власти цены росли уже быстрее выпуска денег. Но «нажимы» на печатный станок были настолько сильны, что сумма извлеченных Временным правительством ценностей достигла громадных размеров – 1 735,6 млн руб.¹² Казначейство максимально использовало эмиссию в период между Февральской и Октябрьской революциями.

Эмиссионная деятельность государства обрушила покупательную способность рубля к моменту октябрьского переворота ниже 10 довоенных коп. В 1917 г. хлебные вольные цены росли

¹² См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 43.

быстрее всех промышленных товаров (за исключением мануфактуры). По 15 губерниям Европейской России осенью 1917 г. цены были выше аналогичных в 1914 г. для ржи на 1 844%, овса на 1 463%, миткаля на 1 592%, сапог мужских кожаных на 1 000%, кровельного железа на 618% и т.д.¹³

Усугубление трудностей снабжения армии и работающих на нее отраслей промышленности продвинуло дальше политику регулирования производства, торговли и цен. Обнаружилась тенденция к вытеснению форм товарно-денежного хозяйства. Принятие постановления от 25 марта 1917 г. «О передаче хлеба в распоряжение государства» явилось следующим узловым пунктом на пути к ликвидации денежной системы. Вслед за хлебом в июле 1917 г. в монопольное обладание государства перешло минеральное топливо Донецкого (угольного) бассейна. Под действие новых законов и административных распоряжений постепенно попали текстильная, мукомольная, маслобойная, кожевенная, сахарная, бумажная, металлическая и другие отрасли промышленности.

Система нормированной выдачи продуктов населению в условиях продовольственного кризиса разделила российский рынок. На официальном рынке действовали твердые цены, и по карточкам распределялись казенные фонды. Нелегальный, «черный», рынок диктовал свои подвижные цены в зависимости от колебаний платежного спроса и предложения продукции. Государство расширяло контроль над товарооборотом, ограничивало частную торговлю. В сентябре 1917 г. вышел приказ о передаче в руки Министерства продовольствия для обмена с крестьянством 60% продукции текстильной промышленности, оставшейся после выполнения военных заказов¹⁴.

Попытки наладить обмен товарами между городом и деревней не увенчались успехом. Крестьянство не торопилось с реализацией хлеба по фиксированным расценкам. Безудержная инфляция превращала зерно в более надежную валюту, чем бумажный рубль. Под давлением земледельческого населения указные цены на хлеб

¹³ См.: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов... С. 155.

¹⁴ См.: Карр Э. История Советской России. М., 1990. С. 496.

поднимались дважды. Такая политика содействовала окончательной дискредитации Временного правительства в последние месяцы его существования в глазах голодающих горожан.

Временное правительство исчерпало все резервы своей экономической политики и ушло с исторической сцены...

Подводя итоги государственных экономических мероприятий между двумя революциями 1917 г., Л. Н. Юровский писал: «Регулирование заключалось главным образом в установлении твердых цен, более низких, чем рыночные цены, и в „плановом распределении“, т.е. в распределении, ликвидирующем действие регуляторов товарно-денежного хозяйства. Речь на деле не шла, да и не могла идти в этот период разложения производительных сил о рационализации хозяйственных процессов, как процессов прежде всего производственных, а лишь о распределении того, что уже имелось, или еще производилось в народном хозяйстве. Хотя и создавались постепенно элементы планового хозяйства, но исключительно планового хозяйства „распределительного“ типа, т.е. того, которое не может не устанавливаться в осажденной крепости, где наступит голод и холод. Усилия этого периода направлены были уже не к регулированию, а к преодолению рынка <...> Все то, что было сделано в этом направлении в течение описанного времени, подготавливало наступление следующей эпохи, когда была поставлена проблема уничтожения денег»¹⁵.

Октябрьская революция дала России мирную передышку меньше чем на полгода. В 1918 г. разгорелся пожар гражданской войны. Страна страдала не только от боевых действий, но и от упадка производительных сил. Хозяйственная разруха заставила жить экономику по законам военного лагеря.

Национальный доход России в 1920 г. не превышал 40% от уровня 1913 г.¹⁶ Фонд личного потребления уже не обеспечивал даже простого, по довоенным нормам, восстановления рабочей силы. Полностью исчез фонд накопления. Продолжалось «проедание» основного и оборотного капитала республики. Непроизводитель-

¹⁵ См.: *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти. С. 46.

¹⁶ См.: *Крицман Л. Н.* Героический период Великой русской революции // Вестник Коммунистической академии. 1924. Кн. 9. С. 137.

ное потребление не снижалось, поскольку подавляющая часть промышленности работала на оборону, а численность красноармейцев возросла с 1 млн человек в начале гражданской войны до 5 млн человек в 1920 г.

Практически все отрасли народного хозяйства в период «военного коммунизма» функционировали в режиме сокращающегося воспроизводства. Наиболее устойчивым к процессам разрушения производительных сил оказалось сельское хозяйство – основа тогдашней экономики России. Советская власть пошла навстречу пожеланиям крестьянства, передала ему 150 млн десятин конфискованных помещичьих, удельных, казенных, монастырских и прочих земель. Крестьянский надел увеличился примерно на 70%¹⁷. Одновременно происходило усреднение размеров единоличных земельных угодий за счет передела крупных владений и изменения поголовья рабочего скота.

Маломощные крестьянские усадьбы разительно уступали по эффективности крупному хозяйству. Поэтому «осереднячивание» крестьянства, при внешней социальной привлекательности усиливало действие разрушительных факторов гражданской войны: потери рабочих рук, уничтожения поголовья скота, нехватки орудий труда и удобрений, общего опустошения деревни. Валовой сбор хлеба в 1920 г. уменьшился по сравнению с 1917 г. на 29%, а по отношению к довоенному уровню на 37,5%. Поголовье лошадей в 1920 г. составило 75% от поголовья 1916 г., крупного рогатого скота – 79%, овец и коз – 55%, свиней – 72%. Крестьянские наделы становились хозяйством для собственного потребления. Значение сельского хозяйства как поставщика продовольствия и промышленного сырья неотвратимо скатывалось к нулю.

Истощение запасов основного и оборотного капитала сказывалось в промышленности ощутимее, чем в деревне, обходившейся ручным трудом и тягловой силой животных. В течение двух войн количество занятых в мелкой, ремесленно-кустарной промышленности убавилось с 3 706 до 1 578 тыс. чел., а валовая продукция уменьшилась с 1 528 до 660 млн руб.¹⁸

¹⁷ См.: История социалистической экономики СССР : в 7 т. М., 1976. Т. I. С. 80.

¹⁸ См.: Крицман Л. Н. Указ. соч. С. 134, 135, 136.

В бедственном положении оказались наиболее капиталоемкие отрасли народного хозяйства – крупная промышленность и железнодорожный транспорт. Цифры табл. 4.1 говорят о катастрофических последствиях семилетней милитаризации страны и гражданской междуусобицы.

Таблица 4.1

Показатели крупной ценовой промышленности России в 1913–1920 гг.

Показатель	1913	1917	1918	1919	1920
Число занятых, тыс. чел.	2 592	2 596	2 011	1 335	1 223
Валовая продукция, млн руб.	5 621	3 848	1 845	955	818
Выработка на 1 занятого, руб./чел.	2 169	1 482	917	715	669

Сост. по: *Струмилини С. Г.* Производительность труда в СССР за 40 лет // Советская экономика 1917–1957 гг. М., 1957. С. 122.

Огромный ущерб наносился почти абсолютным прекращением внешней торговли, так как до начала боевых действий российская промышленность получала из-за границы машины, оборудование, сырье для текстильных фабрик и другие иностранные товары. Изменения экспортно-импортных потоков в 1913–1920 гг. представлены в табл. 4.2.

Таблица 4.2

Внешняя торговля России в 1909–1920 гг., млн зол. руб.

Год	Экспорт	Импорт	Баланс
1909–1913	1 501,4	1 139,7	+ 361,7
1914	897,8	1 107,8	– 210,0
1915	274,8	867,3	– 592,5
1916	280,8	1 111,2	– 830,4
1917	129,1	610,9	– 487,8
1918	6,0	111,7	– 105,7
1919	0,2	82,6	– 82,4
1920	1,4	29,3	– 27,9

Примечание. * – «+» положительный; «-» – отрицательный. Рассчитано по: *Кондратьев Н. Д.* Экспорт сельскохозяйственных товаров СССР // Пути сельского хозяйства. 1927. № 10. С. 86.

Свертывание внешнеторговых отношений и разрыв связей внутреннего рынка обостряли диспропорции в народном хозяй-

стве, обрекали на вынужденное бездействие все новые предприятия. Из 9 750 промышленных предприятий, зарегистрированных в 31 губернии Европейской России на конец августа 1918 г., фактически, функционировали 6 066, или 66,2%; из них с полной нагрузкой работали 54,1%¹⁹. К концу 1920 г. состояние и загрузка производственных мощностей существенно ухудшились.

Основные тяготы гражданской войны выпали на долю рабочих, горожан. Ускорилось начавшееся еще в мировую войну опустение городов. Осенью 1920 г. население 40 губернских центров сократилось по сравнению с 1917 г. на 33%, составив 4 300 тыс. против 6 400 тыс. человек. Численность других 50 крупных городов уменьшилась на 16%, или с 1 517 до 1 271 тыс. чел. Наибольшие потери понесли Петроград – 57% и Москва – 44,5%²⁰. Отток городского населения в сельскую местность оказался самым массовым в хлебопотребляющих районах – нечерноземной полосе и центральной части России. Реальная заработная плата опустилась в 1917 г. до 73,4% от довоенного уровня. К 1921 г. она едва дотягивала до 1/3 потребления рабочих в 1913 г.

Общие тенденции развития российского народного хозяйства военных лет прослеживаются в табл. 4.3. Оживление деловой активности 1913–1915 гг. постепенно перешло в депрессию 1916 г., которая, в свою очередь, оборвалась спадом производства в 1917 г. Стремительно углублявшийся кризис сотрясал экономику военного коммунизма на протяжении всей гражданской войны. Первые признаки перелома конъюнктуры к лучшему наметились лишь в 1921 г.

Конъюнктурные колебания имели далеко не одинаковый размах в различных сферах народного хозяйства. Сопоставление показателей за 1913 г. и 1920 г. дает следующие результаты. Валовая продукция сельского хозяйства уменьшилась на 33%, мелкой промышленности, которая преимущественно специализировалась на переработке сельскохозяйственного сырья, – на 57%.

¹⁹ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 1. С. 151.

²⁰ См.: *Карп Э.* Указ. соч. С. 557.

Таблица 4.3

Важнейшие экономические показатели России в 1913–1921 гг.

Год	Индекс общего уровня цен	Количество денег в обращении, млрд руб. (в среднем)	Добыча нефти, млн т	Добыча каменного угля, млн пуд.	Выплавка чугуна, млн пуд.	Выплавка стали, млн пуд.	Потребление хлопка, млн пуд.	Производство сахара, млн пуд.
1913	1,0	2,0	9,1	2 199,0	264,0	–	23,9	–
1914	1,01	2,5	9,0	2 182,0	264,1	290,0	27,7	105,4
1915	1,30	4,5	9,4	1 919,0	225,0	250,6	24,5	91,3
1916	2,03	7,5	9,9	2 096,0	231,9	260,8	28,2	72,6
1917	6,73	17,0	8,7	1 814,0	184,5	188,0	20,3	55,9
1918	101*	40,5	5,5	730,0	31,5	24,5	–	20,3
1919	656*	141,0	4,6	511,0	6,9	12,1	1,0	4,9
1920	8 140*	697,5	3,5	467,0	7,0	9,9	0,8	5,5
1921	80 700*	8 085	3,8	516,0	7,6	9,9	0,9	3,0

Примечание. * На 1 августа соответствующего года. Сост. по: *Первушин С. А.* Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 221.

В крупной цензовой промышленности производство обуви снизилось на 69%, льняной пряжи – на 75%, шерстяной пряжи – на 83%, пищевых продуктов – на 84%, спичек – на 85%²¹, хлопчатобумажных тканей и сахара – на 95%. Добыча нефти упала на 61%, угля – на 78%, выплавка стали – на 96%, выплавка чугуна – на 97%. Наименьшие отклонения отмечались в отраслях, производивших продовольствие, топливо, сырье и предметы потребления первой необходимости. Наибольшие перепады имели место в черной металлургии и машиностроении. Но они не могли сравниться с темпами изменений в сфере товарно-денежного обращения. Уровень цен и размеры эмитированной денежной массы возросли за тот же период в несколько тысяч раз.

Различная скорость течения кризисных процессов в отдельных частях народного хозяйства подчеркивала интересную законо-

²¹ См.: История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 2. С. 316, 329.

мерность. Чем сильнее было влияние на данную сферу экономики государства, тем шире оказался размах ее конъюнктурных колебаний. Взаимная зависимость государственного предпринимательства и движения конъюнктуры народного хозяйства подтвердилась вновь, но в отличие от предыдущего периода промышленного подъема с отрицательной стороны.

Политика «пролетарского» правительства сохранила преемственность в делах своих предшественников. Ход событий диктовался сочетанием объективных обстоятельств и активного административного воздействия. Государственное предпринимательство уступало действию стихийных рыночных регуляторов, но одновременно изменяло режим их функционирования. Советская власть с еще большим усердием налегла на печатный станок. Выпуск денежных знаков, судя по табл. 4.4, возрастал с головокружительной скоростью, а их реальная ценность почти так же быстро испарялась.

Таблица 4.4

Показатели денежного обращения России в 1917–1921 гг., млн руб.

Дата	Количество бумажных денег в обращении	Реальная ценность денежных знаков в обращении
1 ноября 1917	19 577	1 919,4
1 января 1918	27 650	1 331,9
1 января 1919	61 326	379,3
1 января 1920	225 015	93,0
1 января 1921	1 168 596	69,6

Сост. по: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 71, 73.

Чрезвычайная военная экономика России в 1918 г. достигла очередного поворотного пункта в своем историческом движении. На фоне общей тенденции кризисного ухудшения конъюнктуры количественные изменения начали получать новое качественное выражение. Разрушение производительных сил приобрело динамику обвала. Качественный скачок совершили в это же время показатели индекса цен, выпуска бумажных рублей и реальной ценности рублевой массы в обороте. Разложение сферы товарно-денежного обращения толкало страну в направлении безде-

нежного обмена и распределения продуктов. Товарно-денежное хозяйство быстро вырождалось в натуральное.

Тенденция к натурализации народного хозяйства зародилась вскоре после объявления кампании 1914 г. Введение твердых цен создало замаскированный налог на прибыль промышленной буржуазии и доходы крестьянства, понизило реальную заработную плату работников. Выпуск бумажных денег Временным правительством почти исчерпал общепринятые источники уплаты налогов. Обычные резервы казначейских поступлений иссякли в 1918 г. Обострение финансового положения заставило советское правительство искать выход

«Этот выход, – как констатировал Д.В. Кузовков, – был найден по пути расширения и углубления системы указных цен. Если у государства не хватало денег, чтобы оплатить необходимые ему продукты по новым, повышенным ценам, оно вынуждено было брать на рынке эти продукты по прежним расценкам, иначе сказать, оно должно было часть продуктов присваивать без предоставления эквивалента под видом установления твердых цен. Если у государства оказались исчерпанными все денежные формы присвоения ценностей народного хозяйства, оно неизбежно должно было перейти к непосредственному, натуральному присвоению этих ценностей; поскольку происходило отмирание денежной налоговой системы, вместо нее стихийно должен был появиться натуральный налог <...> Вместо того чтобы окончательно исчезнуть, налог превращался в единственный универсальный метод покрытия государственных доходов, заменяющий и государственный кредит, и эмиссию, и доходы от государственных предприятий. Однако в то же время этот налог выступал уже не в денежной, а в натуральной форме, скрытой пока под оболочкой твердых цен»²².

Декрет ВЦИК от 3 февраля 1918 г. аннулировал государственные займы, заключенные «правительствами российских помещиков и российской буржуазии» и правительственные гарантии по займам различных предприятий и учреждений. К тому времени внутренний государственный долг России достиг 44 млрд руб., а внешний – 16 млрд руб.²³

²² Кузовков Д. В. Процесс натурализации народного хозяйства. С. 21.

²³ См.: Вавилин И. П. Иностранные капиталы в России. М., 1925. С. 35.

Аннулирование долгов не решило проблему финансирования правительственных расходов. Наоборот, официальные власти полностью лишились одного из каналов получения средств – займов. Оставалось еще два источника бюджетных доходов – налоги и печатание денежных знаков. В 1918–1919 гг. шла работа по приспособлению старой податной системы к изменявшимся условиям. Налоги частично преобразовывались или отменялись. Натурализация хозяйственных отношений, обесценение денег, экспроприация крупных личных сбережений окончательно разрушили денежную налоговую систему. В феврале 1921 г. Наркомфин приостановил взимание всех денежных налогов, что послужило основанием для расформирования налогового аппарата.

Эмиссия становилась единственным источником покрытия текущих расходов. Выпуск бумажных денежных знаков помогал сбалансировать расчеты Наркомфина, хотя внутри государственного хозяйства он играл второстепенную роль. В основном денежное обращение обслуживало обмен товарами и услугами казенного сектора экономики с частным сектором и частнохозяйственный оборот. Справедливо замечание Л. Н. Крицмана: «Деньги, передаваемые государством его органам и его работникам, не могли получить применения в рамках бюджетного хозяйства, а только вне его. Эмиссия являлась легальной пуповиной, связывавшей официальное пролетарско-натуральное хозяйство с подпольным товарным и товарно-капиталистическим, с нелегальным рынком»²⁴.

Общая тенденция свертывания товарно-денежных отношений в народном хозяйстве закреплялась перестройкой кредитных и финансовых институтов, которая началась сразу же после Октябрьской революции. В декабре 1917 г. вышел декрет о национализации частных банков. Они зачисляли свои активы и пассивы на баланс Государственного банка и объединялись с ним в единый Народный банк РСФСР. Накануне 1920 г. на баланс Народного банка было передано ценностей на 12,8 млрд руб., или 90% капитала бывших акционерных коммерческих банков²⁵.

В условиях вырождения товарно-денежного хозяйства национализация означала не только перевод банков под командование

²⁴ Крицман Л. Н. Указ. соч. С. 123.

²⁵ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 1. С. 93.

государства, но и быстрое отмирание всех их прежних функций. Из многих операций банковской системы сохранилась и разрослась только одна – выпуск кредитных билетов. После Октябрьской революции эмиссия стала чисто казначейской, т.е. покрывала денежные расходы государства без предоставления банку какого-либо обеспечения. Эмиссией и распределением денег занимался Народный банк РСФСР, который поглощал остальные финансовые институты.

Логический конец реформированию и унификации финансово-кредитной системы положил декрет Совнаркома от 19 января 1920 г. «Об упразднении Народного банка», который формально ликвидировался, а на деле вошел в Наркомфин под названием «Бюджетно-расчетного управления». Бюджетная работа к 1920 г. превратилась в особый порядок распределения бумажных денег – «расчетных знаков».

Изъятие промышленных ресурсов и непроизводительная трата их на нужды армии оставляли предприятиям мало средств, которых не хватало даже для простого воспроизводства. Фабрики и заводы «проедали» свой основной и оборотный капитал. Это противоречило рыночной организации народного хозяйства, предполагавшей эквивалентный, возмездный обмен благами и услугами. У частного сектора экономики отсутствовали солидные собственные резервы, чтобы устойчиво переносить длительное разорение. Приходилось хозяйничать без выгоды за счет государства, частично покрывая убытки из казны.

Советское правительство, продолжая воевать, вынуждено было продвигаться все дальше по пути централизации управления экономикой и планирования. Сам собой напрашивался логичный выход – национализация, с передачей капиталистических заведений на баланс казначейства. Эта мера в условиях натурализации хозяйственных связей позволила непосредственно присваивать необходимые товары и услуги.

Довершением этой тенденции стало постановление президиума ВСНХ о национализации мелкой промышленности от 29 ноября 1920 г., согласно которому в ведение республики переходили предприятия с числом рабочих свыше 5 при наличии механическо-

го двигателя и свыше 10 при отсутствии такового. Таким образом, практически вся промышленность России стала зоной государственного предпринимательства.

Для руководства казенной экономикой еще в декабре 1917 г. был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). В области административно-хозяйственного управления правительство большевиков пошло по стопам предшественников. Преемственность экономического развития отмечали в 20-е гг. исследователи – современники событий.

Так, Л. Н. Крицман писал: «В основу работы пролетарского хозяйственного строительства легли как исходный материал централизованные хозяйственные органы дооктябрьской России, государственные: министерства, превращенные в народные комиссариаты и монополистические организации капиталистов: синдикаты и созданные в эпоху империалистической войны государственно-капиталистические регулирующие органы, превращенные в главные управления промышленности („главки“) <...> Новые хозяйственные органы <...> являются выражением тех же тенденций, которые пробивали себе дорогу и раньше, но – в противоположность прежнему – выражением последовательным, стремящимся идти до конца»²⁶.

В условиях экономики военного коммунизма формировался жестко централизованный бюрократический аппарат управления народным хозяйством. Государство распоряжалось, по существу, всеми отечественными производительными силами, стремилось стать единым и единственным их хозяином.

В 1920 г. в составе ВСНХ насчитывалось 52 главка, 13 производственных отделов и 8 смешанных отделов, которым подчинялись отдельные отрасли промышленности. Создавались групповые (кустовые, районные) производственные объединения – тресты. На начало 1920 г. в стране было 179 трестов, объединивших 1 449 предприятий²⁷. Громоздкая система управления приступила к выполнению тех функций, с которыми раньше успешно справлялись отдельные предприниматели. Коммерческий расчет уступил место

²⁶ Крицман Л. Н. Указ. соч. С. 95–96.

²⁷ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 1. С. 246.

государственному предпринимательству в крайне неблагоприятной обстановке развала рыночных связей, натурализации и растущей убыточности хозяйства. Воспроизводство за счет собственного капитала предприятий сменилось хозяйствованием за счет ресурсов, принадлежащих государству.

По мере натурализации хозяйственных отношений в стране денежный бюджет превращался в материальный. Эта тенденция набрала силу в 1919 г. в связи делением бюджетных операций на оборотные и прямые. Оборотные статьи бюджета не отражали реальных бюджетных поступлений и выплат. Они предназначались для бухгалтерского учета движения ценностей внутри государственного хозяйства без всякой оплаты. Сфера обращения ресурсов в натуральной форме без участия денег раздвинула свои границы после отмены оплаты за продукты и услуги, предоставляемые государством.

Одновременно сокращались реальные прямые доходы и расходы, которые являлись действительными денежными поступлениями и затратами бюджета. Наконец, взаимные расчеты между советскими учреждениями через государственный бюджет прекратились. Непосредственное использование промышленных запасов стало важным источником натуральных доходов государства.

По меткому замечанию Д. В. Кузовкова, «...это проедание запасов национализированной промышленности, которое так тяжело отразилось на ее последующей истории – недостаток оборотных капиталов и т.д., – сыграло положительную роль в наиболее критический для пролетарского государства период 1918–1920 гг.: товарные фонды промышленности, попавшие в распоряжение нового государства, сослужили ему еще большую службу, чем огромный золотой фонд, накопленный самодержавием. Эти фонды, наряду с продрозверсткой, составили ту материальную базу, которой не имели белогвардейские правительства»²⁸.

Свободный рынок вольными ценами разрушал товарный оборот по твердым указным ценам. Государство боролось со «спекуляцией» и, отстаивая свои интересы, вводило монополию. В конце

²⁸ Кузовков Д.В. Процесс натурализации народного хозяйства. С. 28.

1917 г. и первой половине 1918 г. была установлена казенная монополия на торговлю ряда важнейших товаров – сельхозмашинами, шерстяными тканями, кожей и т.д., а также подтверждена монополия государства на хлеб, объявленная ранее Временным правительством.

Развал денежного обращения и натурализация хозяйства вынуждали государство заменять торговлю организованным распределением продуктов. Декретом СНК от 21 ноября 1918 г. «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» при ВСНХ была учреждена Комиссия использования. Декрет провозгласил не просто национализацию, а замену частной торговой сети распределительными пунктами кооперации и продовольственного ведомства – Наркомпрода.

Постановление ВСНХ и Наркомпрода от 26 ноября 1918 г. распространило казенную монополию на важнейшие предметы первой необходимости: сахар, кондитерские изделия, чай, соль, спички, ткани, обувь, мыло и др. Запрещение частного сбыта указанных товаров пополнило государственное хозяйство несметным множеством мелких складов, лавок, магазинов.

Формой распределения продуктов среди населения был «паек», документом на его получение – «карточка». Количество продуктов, которые отпускались по карточкам, в целом зависело от наличия фондов в руках государства, а применительно к отдельным группам потребителей – от их «важности» с точки зрения аппарата управления народным хозяйством.

Укреплялись также позиции «черного рынка», на котором преобладали бартерные сделки. Вместо валютного измерения цен люди зачастую пользовались стихийно выделившимися товарными эквивалентами: зерном, солью, ситцем и т.п. Большинство людей были связаны с вольным рыночным обменом. Нелегальная торговля – «мешочничество», – появившаяся еще во времена Первой мировой войны как дополнение к обычному рынку, в годы гражданской войны оставалась единственной формой частного оборота. В 1918–1919 гг. государственные заготовительные органы доставили потребителям 64,4 млн пуд. хлеба и 82,3 млн пуд. привезли мешоч-

ники²⁹. Если брать основную статью расходов – питание, то даже горожане от $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ потребностей удовлетворяли покупками на «черном рынке»³⁰.

Но существование и сопротивление «свободной» торговли не изменили направленность экономической политики советской власти. Государственное предпринимательство вытесняло, ограничивало вольный рынок, заменяя его плановыми разнарядками. Заготовка хлеба и зернофуража Наркомпродом достигла в 1918/19 г. 107,9 млн пуд., в 1919/20 г. – 212,5 млн пуд., в 1920/21 (неурожайном году) – 283,9 млн пуд.³¹

Резкое падение эмиссионных доходов лишало казну средств даже для оплаты крайне низких твердых цен за хлеб и превращало хлебную монополию в слегка прикрытый натуральный налог. Если в 1919 г. разверстка касалась хлеба, зернофуража и мяса, то в 1920 г. к ним добавились масло и другие сельскохозяйственные продукты, сырье. О соотношении источников поступления государственных ресурсов можно судить по данным табл. 4.5.

Таблица 4.5

Ценность продуктов, извлеченных продразверсткой и эмиссией денег, млн зол. руб.

Год	Ценность продуктов, извлеченных продовольственной разверсткой	Ценность продуктов, извлеченных эмиссией денег
1918/19	127	523
1919/20	253	390
1920/21	451	200

Сост. по: Крицман Л. Н. Указ. соч. С. 123.

Ко второй половине 1920 г. процесс натурализации хозяйства подошел к своему логическому завершению. Если в январе 1920 г. розничные цены московских рынков превышали уровень 1913 г. в 6 тыс. раз, то в декабре 1920 г. – в 30 тыс. раз³². Вольные цены превосходили указные в начале 1917 г. в 7 раз, а в начале 1920 г. – в 47 раз³³.

²⁹ См.: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов... С. 309.

³⁰ См.: Крицман Л. Н. Указ. соч. С. 116, 117, 118.

³¹ См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 64.

³² См.: История социалистической экономики СССР. Т. 1. С. 392.

³³ См.: Крицман Л. Н. Указ. соч. С. 123.

Твердые цены перестали служить реальным эквивалентом продуктов и услуг и годились лишь для условного учета. Распределительные цены, привязанные к заготовительным, также утрачивали практическое значение. Реализация за деньги продукции государственных предприятий и сырья, собранного Наркомпродом, выглядела формальной процедурой. Потребляли эти предметы те же казенные предприятия и учреждения, их работники, получавшие государственное жалование. Поэтому советская власть отважилась на безденежный, бесплатный продуктообмен.

Декрет от 4 декабря 1920 г. предписывал государственным и кооперативным распределительным пунктам отпускать трудящимся продовольственные продукты по карточкам бесплатно. Затем такой порядок распространился на предметы широкого потребления, почтовые, телеграфные, транспортные, коммунальные услуги и т.п. Произошла почти полная натурализация заработной платы. Декрет предполагал не только отмену уплаты наличными, но и отказ от расчета любыми бухгалтерскими перечислениями.

Истощение денежных источников и отсутствие возможности всегда оплачивать выполненную работу надоумили государство в 1919 г. попробовать, а в 1920 г. ввести основательно трудовую и гужевую повинность населения. Новая форма привлечения к труду мало отличалась от армейской мобилизации и была естественной в годы войны. В это время правительство могло командовать всеми производительными силами страны по своему усмотрению. Однако существовали и другие причины перемен в использовании трудовых ресурсов.

Национализация ведущих отраслей промышленности сделала государство крупнейшим нанимателем многомиллионной массы рабочей силы. Отношения хозяйственного аппарата с работниками строились на отказе от обычных товарно-капиталистических методов найма и управления. Размер и виды оплаты, продолжительность рабочего дня и другие условия труда определялись «сверху» в соответствии с государственными соображениями.

Традиционные способы регулирования спроса и предложения наемного труда не действовали. Постоянная мобилизация отправляла на фронт наиболее активное мужское население и тем самым

подрывали рынок рабочей силы. Он разделил участь крушения других рынков: денег, товаров и капиталов. Деградация рыночных механизмов заставила искать иные формы организации казенного хозяйства. В кодексе законов о труде 1918 г. уже предусматривалась всеобщая трудовая повинность. По декрету от 29 октября 1918 г. биржи труда были преобразованы в местные органы Наркомтруда и стали единственным и обязательным, в частности и для нанимателей, каналом распределения рабочей силы.

Постановление Совета обороны от 19 ноября 1919 г. ввело следующие государственные повинности: 1) натуральную дровяную; 2) трудовую по заготовке, погрузке и выгрузке всех видов топлива; 3) гужевую для подвоза грузов к городам и транспортным узлам. Наконец, декрет 5 февраля 1920 г. о всеобщей трудовой повинности превратил ее в основу хозяйственной системы военного коммунизма. Бесплатное распределение материальных благ и услуг вполне соответствовало принудительной организации труда.

Так, за семь лет войны экономика России стала чрезвычайной. Произошло почти всеобщее огосударствление экономики и ее превращение из рыночной в преимущественно натуральную. Процессы реформирования взаимно поддерживали друг друга и усиливали действие общей тенденции, т.е. имели необратимый кумулятивный характер. Инициатором перемен и постоянным фактором дестабилизации была правительственная политика финансирования военных расходов на протяжении всего периода 1914–1921 гг. Возник жестко централизованный аппарат «планового» управления, который постепенно замещал распадавшиеся звенья механизма рыночного регулирования.

Государство приспособляло народное хозяйство не только к нуждам войны, но и к своим интересам. Институциональные изменения в формах собственности и управления закрепляли позиции бюрократии в отношениях с остальными субъектами. Национализация земли, банков, транспортной сети, промышленных предприятий вытесняла частную собственность на средства производства и обращения. Создание всеобъемлющего хозяйственного центра сковывало предпринимательскую инициативу. Государственный аппарат стремился стать единственным хозяином

производительных сил страны. В ходе национализации сложился уникальный комплекс государственного хозяйства, в котором административные органы выполняли функции и собственника, и предпринимателя.

Новая система функционирования экономики зародилась в экстремальных условиях войн и революций. Поэтому максимальное огосударствление хозяйства России можно считать чрезвычайным явлением. Казенное ведение дел выдерживало такие диспропорции воспроизводства, при которых частнокапиталистический рынок рассыпался на куски. Но военно-коммунистическая система государственного предпринимательства, основанная на подавлении интересов остальных субъектов хозяйствования, могла существовать ограниченное время, ибо сопровождалась непрерывной деградацией российской экономики и собственной финансовой базы.

Глава 5

Новая хозяйственная стратегия советской власти

За пережитые в 1914–1920 гг. две войны Россия заплатила непомерную цену – страну охватила всепоражающая национальная деградация. Экономика «откатилась» назад к «допотопным» временам безденежного, бартерного обмена продуктами. Рука об руку с натурализацией шло всеобщее огосударствление хозяйства. Обнищание самых широких слоев населения сочеталось с ускоренной передачей накопленного национального богатства в казенную собственность. Политическое руководство страной стала осуществлять партия большевиков, которая с помощью военной силы установила от имени пролетариата диктатуру, несовместимую с полной реализацией гражданских свобод. Такой ход событий в итоге оказался закономерным. В кризисной ситуации власть захватило и удержало правительство, заставившее повиноваться себе народ, увеличивавшее в случае нужды фискальные тяготы – денежные налоги и натуральные повинности, обеспечившее жизнедеятельность милитаризованной экономики, способное навязать свою волю, не останавливаясь перед насилием.

Есть горький привкус истины в рассуждениях Ф. Броделя о тенденциях развития подобных чрезвычайных исторических процессов. По его мнению, когда рвутся узы вековых традиций, то «такой разрыв представляется как результат накопления слу-

чайностей, нарушений, искажений»¹. Кризис намечает начало распада старой структуры, но рождение и утверждение новой системы происходит «со многими отсрочками и промедлениями», поскольку даже революции не могут полностью отказаться от прошлого.

В 1920 г. иссяк последний источник финансового господства большевиков, позволявший проводить разрушительную экономическую политику. Военно-потребительское отношение к народному хозяйству державы и чрезмерное извлечение ресурсов из производственной сферы достигли предела. В ответ на увеличение продразверстки, подчистую выметавшей остатки хлеба, деревня значительно сократила посевные площади, ограничив их прожиточным минимумом. По этой причине, а также из-за плохой погоды сбор зерновых в 1920 г. едва достиг 60–70% от среднего уровня². Неурожай вызвал лютый голод, падеж скота, спровоцировал Кронштадтский мятеж и вооруженные восстания крестьян.

Государственный аппарат превзошел пороговый уровень разрушительного воздействия на экономику и оказался неспособным собрать требуемое количество ресурсов. В 1920/21 г. предполагалось забрать у крестьян 454 млн пуд. зерна³. Реально с помощью продовольственной разверстки удалось добыть лишь 62% желаемого. Развал «натуральной» бюджетной системы, своего рода «продовольственный дефолт», стал поворотным пунктом к нэпу – новой экономической политике возрождения производительных сил страны.

После замены самодержавия иной структурой политической власти государство по-прежнему оставалось вдохновителем и организатором хозяйственных преобразований. Государство ощущало себя самым сильным субъектом хозяйствования, от поведения которого в нашей экономике зависело почти все. Государственное предпринимательство было своеобразным «перекрестком» поли-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 81.

² См.: Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 208.

³ См.: Рейнгольд И.И. Финансовая политика нэпа (от разверстки и монополии к обложению) // Финансовое оздоровление экономики : опыт нэпа. М., 1990. С. 45.

тики, экономики и продвижений по «социальной лестнице распределения» занимаемых должностей, доходов, распорядительных полномочий и т.п.

Переход от военного коммунизма к иной, более сложной организации хозяйства одобрил в марте, т.е. перед посевной кампанией 1921 г., X съезд РКП(б), отказавшись от государственной хлебной монополии, заменив продовольственную разверстку продовольственным налогом. Чтобы разъяснить необходимость резкой смены правительственного курса, В. И. Ленин вскоре после съезда написал брошюру «О продовольственном налоге», изложив логику нэпа в авторском видении. Руководитель советского государства приглашал «взглянуть на общий, коренной фон той картины, на которой теперь мы чертим узор определенных практических мероприятий политики данного дня»⁴.

Рисуя близкую к реальности картину (теоретическую модель) «великой» и «пестрой» державы, В. И. Ленин выделил пять «общественно-экономических укладов», «систем» или «экономических порядков»: во-первых, патриархальное, в значительной степени натуральное хозяйство, когда крестьянин работал сам на себя⁵; во-вторых, мелкое товарное производство, сбывающее продукты на рынке; в-третьих, частнохозяйственный капитализм, движимый личной инициативой и накоплениями предпринимателей, привлечением наемной рабочей силы; в-четвертых, государственный капитализм, который возник в результате сращивания крупных монополий с государственной властью. В последнем случае оборот частного капитала вынужден был подчиняться централизованному контролю органов хозяйственного управления, получая от них взамен различные привилегии. Наконец, социализм, т.е. казенная собственность на факторы производства и средства обращения, — полная монополия государства на предпринимательскую деятельность⁶.

⁴ Ленин В. И. О продовольственном налоге // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. М., 1974. С. 205.

⁵ В современной литературе в качестве синонимов понятия «труд для непосредственного удовлетворения своих потребностей» используются термины «домашнее хозяйство» и «семейная экономика».

⁶ Ленин В. И. О продовольственном налоге. С. 207.

Строго иерархическое расположение различных социально-экономических систем, по разумению В. И. Ленина, повторяло историю их возникновения. Очередной новый уклад формировался в виде «надстройки» над прежними укладами. Ленинская теоретическая модель отразила объективные тенденции развития России во второй половине XIX – начале XX в.: углубление общественного разделения труда, накопление, концентрация и централизация капитала, перемены в хозяйственном механизме страны. Качественные сдвиги в отраслевой структуре показывали относительное уменьшение доли старых укладов и победное шествие утвердившихся позднее. Как само собою разумеющееся воспринималось на рубеже столетий усиление роли государства, которое было «душой» длительного хозяйственного подъема.

В. И. Ленин считал, что казенный сектор неизбежно вытеснит или заменит остальные социально-экономические уклады, произойдет ликвидация мелкого частного предпринимательства, а управление народным хозяйством будет осуществляться единым центром, т.е. государством. Поводом для подобных суждений послужила практика ведущих европейских стран, которые в годы Первой мировой войны поставили под прямой контроль бюрократии национальные экономики. В огосударствлении российского хозяйства автор видел не чрезвычайное явление мобилизации ресурсов, вызванное боевой обстановкой, а закономерный процесс становления нового общественного строя – социализма.

Справедливости ради надо заметить, что степень государственного вмешательства в экономику в 1914–1918 гг. в разных странах была далеко не одинаковой. Ограничительные меры английского парламента, изменившие условия конкуренции частного предпринимательства, едва ли сопоставимы с преобразованиями экономики Германии, которая превратилась в один милитаристский лагерь с централизованно планируемым промышленным производством. Но тотальная экспансия государства в России времен гражданской войны перещеголяла все западные образцы.

Прослеживалась своеобразная закономерность: чем сильнее война разрушала национальную экономику, тем настойчивее в нее вторгалась официальная власть. Поэтому сплошное огосударст-

вление было признаком крайнего упадка, ненормальным состоянием хозяйства. Подтверждением тому служат данные табл. 5.1. Чрезвычайная эмиссия денег для покрытия военных расходов породила сверхинфляцию, развалила финансовую систему Германии, Австро-Венгрии, России. Авторитарные режимы в этих странах, перейдя пороговые нагрузки военных расходов на экономику, собственными руками подготовили свое революционное крушение и привели к поражению в войне.

Таблица 5.1

Военные расходы и бумажно-денежная эмиссия в 1914–1918 гг.

Страна	Военные расходы	Количество денег в обращении в 1914 г.	Эмиссия денег в 1914–1918 гг.	Доля эмиссии в военных расходах, %	Покупательная способность валюты, % от уровня 1914 г.
Англия, млн ф. ст.	8 606,0	74,7	318,7	3,7	44,2
Франция, млрд фр.	135,0	10,0	21,1	15,6	38,1
Германия, млрд м.	147,3	3,6	19,1	12,9	9,7
Австро-Венгрия, млрд крон	100,0	2,5	28,5	28,5	8,0
Россия, млрд руб.	51,3	2,3	18,3	33,7	6,5

Сост. по: Пушкарева И., Степанов А. «Золотой» рубль в денежной системе России в 1897–1917 гг. // Вopr. экономики. 1992. № 12. С. 115.

Заслуживает внимания оценка военно-коммунистических процессов, данная А. А. Богдановым⁷. Согласно ей внедрение в ка-

⁷ «С развитием войны, – говорил А.А. Богданов, – принципы пайка и казармы распространялись на все большую часть населения; следом за ними шло регулирование цен и сбыта, затем монополизация продуктов и регулирование производства. В странах прочного, богатого ресурсами капитализма дело дальше не заходило, принципы капитализма не подрывались до конца, внедрение коммунистических поправок шло под руководством самой буржуазии, получался «государственный капитализм» военно-германского типа. Отсталую Россию война на истощение довела до распада капиталистической промышленности; ее буржуазия, по малой культурности, не умела и не хотела проводить необходимое регулирование; коммунизацию принуждена была взять в свои руки сама армия, в своей массе – представительница деревенской и городской бедноты, под руководством пролетариата; им пришлось это сделать в борьбе с буржуазией, деловое и политическое банкротство которой повлекло за собой национализации, муниципализации и т.п., к чему вела и революционная, и собственно военная необходимость гражданской войны. Получалась “советская” форма коммунизма в сочетании с остатками – преимущественно торговыми – разложившегося капитализма». (Богданов А. А. Версальское устройство // Вестн. Социалистической академии. 1922. Кн. 1. С. 120–121).

питализм «осадно-коммунистических форм» определялось двумя моментами: хозяйственной катастрофой и всеобщей мобилизацией. Готовые образцы для «распределительного» и «потребительского» коммунизма давала гигантски разросшаяся армия, ибо она по самой своей природе есть «потребительская коммуна».

И все-таки уникальный «советский» тип организации хозяйства имел шанс продолжить существование, ибо не рассыпался от социальных потрясений и принес большевикам победу в революционных баталиях. Он наследовал традиции самодержавного попечительства над отечественными промыслами и ремеслами. Более того, исконная русская государственность, уходящая корнями в глубь веков, окрепла, изменилась качественно после учреждения органов централизованного управления народным хозяйством и национализации решающих условий производства: земли, банков, промышленных предприятий, железнодорожного и водного транспорта.

Превосходство казенного сектора связывалось с предпринимательством в технически передовых отраслях промышленности. Но современная тяжелая индустрия пострадала более всего в годы войны. Жесточайший экономический кризис отбросил страну на несколько десятилетий назад. История сделала зигзаг, заставив Россию еще раз подниматься снизу вверх, отталкиваясь от обедневших крестьянских усадеб.

В этих условиях Совнарком вынужден был приостановить «кавалерийскую атаку» на частный капитал, смириться с его активизацией и даже сдать ряд позиций. Замысел нэпа заключался в организованном «стратегическом отступлении»⁸, позволявшем сдерживать натиск мелкобуржуазной стихии. Политические маневры требовали напряженных усилий, так как экономика практически потеряла управляемость из-за натурализации и разрыва хозяйственных связей.

В критической ситуации руководство Советской республики не выпустило «бразды правления» из своих рук, воспользовалось иерархичностью многоукладного общества. Чтобы командовать

⁸ См.: Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 158.

всем обществом, государственный аппарат занялся восстановлением цепочки промежуточных звеньев от домашней экономики до казенного предпринимательства. Единое управление народным хозяйством облегчалось использованием посредников, их последовательной сочлененностью. Каждый верхний уклад господствовал в виде надстройки над нижним основанием, диктовал свои ограничения, связывал в единую сеть уже сложившиеся, менее развитые социальные системы.

Новая экономическая политика планировалась как стратегические маневры. Она изначально имела в виду возрождение былой мощи государственно-монополистических структур, создание условий перехода к единоукладному, казенному хозяйству. Но к желаемому результату вел иной, окольный путь – поощрение частнокапиталистического и мелкотоварного производства.

Заложенное в концепцию нэпа противоречие между целью и средствами ее достижения предопределило борьбу противоположных тенденций в нашей экономике, а также периодическую смену расстановки социальных сил в стране. Восстановление прежней производительности многоукладного хозяйства России должно было препятствовать его огосударствлению. Но коль скоро правительство намеревалось идти против личной инициативы большинства населения, то ему надлежало лавировать между интересами различных слоев общества.

Завершение гражданской войны избавило правительство от многих расточительных расходов и позволило облегчить бремя натуральных и денежных повинностей населения, устранить фискальную перегрузку хозяйства, при которой количество изымаемых государством ценностей превышало их создание, а производительные силы страны доводились до изнеможения. Доля вынужденных сбережений – расходов на войну – достигала в национальном доходе в годы военного коммунизма 50%. С переходом к нэпу давление государственного предпринимательства на уровень и распределение доходов населения ослабло. Удельный вес накоплений (сбережений) в национальном доходе опустился до среднегодовой довоенной отметки и составлял в 1924/25 г.

8,6%, а в 1925/26 г. 9,5%⁹. Сокращение публично-правового изъятия ресурсов расчистило поле для частного ведения дел и почти полного восстановления современного рыночного хозяйства и его регуляторов. Понижение финансового воздействия государства на экономику до порогового уровня создало предпосылки реализации нэпа.

Первой испытала смягчение податного обложения деревня. В марте 1921 г. вместо продовольственной разверстки был введен продовольственный налог. Последняя продовольственная разверстка 1920/21 г. составляла: хлеба 454 млн пуд., мяса 24 млн пуд., масла 33 млн пуд., картофеля 117 млн пуд., масличных семян 29 млн пуд., яиц около 500 млн шт., сена 50 млн пуд., или в пересчете на «довоенные» деньги 650 млн руб. золотом. Натуральный налог на 1921/22 г. предусматривался в сумме 370 млн руб.¹⁰, т.е. на 43% меньше прошлогоднего сбора. Из-за неурожая он был еще понижен. Так, заготовка зерна с 240 млн пуд. сократилась до 162 млн пуд.¹¹ Всего же устанавливалось 18 продуктовых налогов. В 1922/23 г. уплачивался единый натуральный налог, исчисленный в хлебных единицах ржи или пшеницы. Его вносили также и другой продукцией по соответствующим переводным коэффициентам.

Переход к долевному распределению избытков продовольствия означал признание частной собственности крестьян на продукты своего труда. Поначалу это право ограничивалось прямым безденежным обменом «в пределах местного хозяйственного оборота», но постепенно расширялось. С мая 1921 г. поэтапно снимались препятствовавшие движению товаров административные барьеры: «заградительные отряды», запрещение торговли и т.п.

Возобновление рыночных связей подтолкнуло государственное хозяйство к денатурализации и структурным изменениям. Продукты опять становились товарами, и их обращение нуждалось в посредничестве денег. Но сперва делались попытки наладить без-

⁹ См.: Железнов В.Я. Накопление в народном хозяйстве СССР // Вестн. финансов. 1927. № 9. С. 50.

¹⁰ См.: Рейнгольд И. И. Указ. соч. С. 45–46.

¹¹ См.: История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 2. М., 1976. С. 36.

денежный оборот между промышленностью и земледелием. Организацией натурального обмена занимались Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод), в фонды которого поступала фабрично-заводская продукция, и система потребительской кооперации (Центросоюз), ведавшая заготовкой сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

Для установления ценностных, обменных соотношений между всеми видами товаров в центре и на местах были созданы Эквивалентные комиссии из представителей Наркомпрода, Центросоюза и Центрального статистического управления. Меновые пропорции разрабатывались с учетом довоенных или текущих базарных цен и иных соображений. В качестве эквивалента использовались зерно, соль, мануфактура (ткани, одежда), доски, древесная кора, известь, цемент, керосин и т.д. Внутри каждой ассортиментной группы продуктов применялись показатели взаимного перевода весовых единиц. Например, 100 единиц пшеницы приравнивались к 135 весовым единицам овса, 200 единицам кукурузы – 135 единицам картофеля, 50 единицам говядины, 40 единицам свинины и т.д.¹² Бартерные сделки демонстрировали все известные по учебникам экономики трудности обмена.

Расширение свободного рыночного продуктообмена стихийно возрождало массовую денежную торговлю. Население охотнее покупало и продавало за совзнаки. С весны 1921 г. снабженческие организации хлопотали о разрешении сбывать за деньги залежавшиеся предметы. В июне кооперация, представлявшая «обобществленный» сектор экономики, и частные лица получили право хранить в кассах или на текущих счетах и использовать по собственному усмотрению имевшиеся наличные средства. В августе самостоятельное распоряжение деньгами распространилось и на государственные учреждения. Декрет СНК от 16 августа 1921 г. дал возможность предприятиям, состоявшим на хозяйственном расчете, заказывать и покупать кустарные и ремесленные изделия. 27 октября того же года декрет СНК допустил казенные предприятия на рынок в роли продавцов, а днем раньше были отменены

¹² См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 132.

обязательные эквиваленты и непосредственный товарообмен. Завершился первый, полугодовой этап денатурализации хозяйственного оборота.

С началом нэпа резко возросла потребность бюджета в деньгах. Поэтому включение социалистического уклада в рыночный товарооборот сопровождалось возвращением к обычным, денежным источникам бюджетных поступлений: налогам, доходам от реализации казенных услуг и продукции. Принцип платности в государственном хозяйстве утвердила в 1921 г. серия постановлений и законодательных актов.

Постановление ВЦИК от 26 июля 1921 г. положило начало сбору денежных налогов. Оно ввело налог на ненационализированные торговые, промышленные предприятия и личные промыслы с применением наемного труда. В начале 1922 г. налогообложение было распространено на государственные, кооперативные предприятия и хозяйственные организации, на все личные промыслы. Подоходно-поимущественный налог стал распространяться на жалование городских жителей с ноября 1922 г. Ставки налога имели «вилку» от 0,83 до 15%¹³ и определялись совокупным доходом плательщиков.

Восстановление фискальной системы продолжило российскую традицию непрямого обложения. Чиновникам Наркомфина, как и их царским предшественникам, пришлось по душе простота, быстрота и бесконфликтность сбора косвенных налогов. На протяжении 1922 г. были узаконены основные акцизы со спичек, соли, нефтепродуктов, сахара, чая, дрожжей, свечей и т.п. Зона обложения раздвинула свои границы вслед за применением таможенных и иных пошлин. Одновременно были введены прямые налоги: общегражданский и денежный. Они заменили трудовую и гужевую повинности, исполнявшиеся крестьянами в натуральной форме.

Помимо продовольственного налога, в 1922 г. действовали 25 налогов, из коих 5 было прямых, 13 – косвенных, и 7 видов пошлин¹⁴. Отделение местных бюджетов от общегосударственного

¹³ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 124.

¹⁴ См.: Рейнгольд И. И. Указ. соч. С. 51.

повлекло за собой прибавление новых источников казенного дохода «по градам и весям». 25 мая 1922 г. ВЦИК издал постановление о самом большом местном налоге – подворно-денежном. К концу 1922 г. важнейшие налоги были декларированы и построение фискальной системы вчерне закончено. Но налоговое творчество первых двух лет нэпа не дало весомых результатов. Хотя темпы роста денежных поступлений впечатляли, инфляция оставляла от них жалкие крохи. За первые 9 месяцев 1922 г. денежные налоги не превысили 3% всех доходов государства.

Так же невелика была в казне доля средств, полученных от государственных предприятий и имуществ, от коммунальных служб. Бюджет с января по сентябрь 1922 г. покрывался на 85% за счет натурального продуктового налога и эмиссии денег. За этот период для восполнения бюджетного дефицита было выпущено 90 млрд «совзначных» руб., золотое содержание которых едва дотягивало до 265 млн руб.¹⁵, т.е. равнялось всего 0,3% номинала.

Финансовое ведомство добивалось рационального движения государственных средств. Если в первом квартале 1922 г. соотношение между доходами от эмиссии, налогов, государственных предприятий и имуществ составляло 84,5%, 3,5% и 12,0% соответственно, то в последнем, четвертом, квартале оно выглядело иначе: 46,3%, 24,4% и 29,3% соответственно¹⁶. Почти двукратное уменьшение доли эмиссионного дохода говорило о появлении стабилизационных тенденций в фискальной сфере. Прослеживалась взаимозависимость между расширением товарно-торговых связей производителей и освобождением казны от распределения ресурсов с помощью прямого продуктообмена.

Даже при сохранении неденежного обложения замена продрозверстки сдачей заранее известного объема сельхозпродукции вывела налог из системы вольных цен, отгородила безвозмездное присвоение ценностей фиском от рыночного, эквивалентного обмена товаров и денег. Такой шаг восстановил прежнее разделение

¹⁵ См.: Рейнгольд И. И. Указ. соч. С. 51, 52, 54.

¹⁶ См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 158.

между налогом и рыночными ценами, ограничил систему указанных цен и возобновил регулирующее действие рыночного механизма¹⁷.

Замещая натуральные отношения товарно-денежными, Советское государство приспособлялось к их механизму, использовало его, навязывало формы, отвечавшие своим интересам. На первых порах оно многое заимствовало из довоенной экономики России. Гораздо легче и быстрее воссоздавались уже имевшиеся ранее экономические структуры.

Нэп не изменил российской традиции неизбежной поддержки крупной промышленности. Возродился госзаказ, похожий на прежнюю казенную закупку. Бюджетные заказы пополняли капитал ведущих отраслей российской промышленности. Отрасли, ориентированные на массовый потребительский рынок, отгружали в распоряжение государственного сектора не более 17% своей продукции. Для тяжелой промышленности, напротив, государственная закупка была единственной надеждой на выживание и восстановление. Особенно это касалось металлургии и машиностроения¹⁸.

Кроме оплаты за товары, промышленные предприятия безвозмездно получали из бюджета денежные средства целевого назначения – ассигнования, которые расходовались на восполнение убытков и поддержание капитала фабрик и заводов. С конца 1921 по апрель 1922 г. общая сумма, ассигнованная промышленности, составила 30 млн золотых руб.; из них 45% было направлено в топливную промышленность, 25% – в металлическую, 12% – в текстильную, в остальные отрасли – 18%. С мая по октябрь 1922 г. из

¹⁷ Как отмечал Д.В. Кузовков, «...была ликвидирована та перманентная „война за хлеб“, которая была неустранима в течение 5 лет, начиная с 1916 г. Даже в голодном 1921 г., после невиданного истощения, города имели едва ли не больше хлеба, чем в урожайные 1916–1917 гг.; при первом же урожае в 1922 г. наступило полное продовольственное благополучие. Расхождение между ценами на хлеб и промышленными ценами, которое начиная с 1915 г. неизменно было в пользу хлеба, в 1922 г. резко сменилось ножами [разрывом цен. – Г. Ч.] в пользу промышленной продукции. Дешевая распродажа горожанами своих домашних пожитков окончательно прекратилась» (Кузовков Д. В. Процесс натурализации народного хозяйства (1916–1920 гг.) // Финансовое оздоровление экономики. М., 1990. С. 37).

¹⁸ См.: *Цельникер С. С.* Госзаказы в промышленности // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 298.

бюджета было отпущено промышленности 45,8 млн золотых руб. капитальных вложений, в том числе топливной 31,5%, металлической 23,2%, текстильной 7,4%, химической 6,8%, пищевой 8,0%, остальным отраслям индустрии 20,6%¹⁹.

Из застойного «планового распределения» просматривался один выход – поощрение инициативы и самостоятельности предприятий. Постановление СТО (Совета труда и обороны) «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности» от 12 августа 1921 г. подало сигнал к переходу передовых, технически оборудованных объединений предприятий (трестов) на хозяйственный расчет. Этот режим работы производителей предполагал реализацию готовой продукции по рыночным ценам и покрытие за счет выручки от продажи, расходов на зарплату, сырье, топливо, материалы и прочих затрат.

Возрождение специфического способа ведения казенных дел – хозяйственного расчета – было решающим стратегическим маневром пролетарской диктатуры, благодаря которому удалось отстоять позиции госсектора в важнейших отраслях промышленности и укрепить финансы. Предприятия снимались с централизованного снабжения, дабы разгрузить бюджет. Декрет ВЦИК (Всероссийского центрального исполнительного комитета) от 10 октября 1921 г. объявлял «...что интересы народной казны возводятся на степень высшего государственного порядка, что всемерная охрана этих интересов составляет обязанность каждого советского предприятия и должностного лица»²⁰. Опять, как и при самодержавии, интересы государственной власти подчиняли себе всех и вся...

С введением режима хозяйственного расчета получало приемлемое разрешение основное, коренное, противоречие государственного предпринимательства – противоречие между центральными хозяйственными органами и непосредственными производителями. От этого противостояния нельзя избавиться окончательно раз и навсегда; можно только временно снимать напряженность в отношениях сторон.

¹⁹ См.: Кириллов И. А. Финансирование промышленности // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 229, 230.

²⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1967. С. 259.

Дело в том, что материальные и денежные ресурсы даже в том случае, когда они не перестают быть собственностью государства, обособляются и закрепляются за отдельными предприятиями или учреждениями. Использованием одного и того же имущества ведут различные уровни административной иерархии – от высших правительственных чиновников до рядовых исполнителей. Экономические интересы всех управленческих структур редко совпадают друг с другом, поэтому их нужно постоянно увязывать между собой. В годы нэпа способом (механизмом) согласования интересов субъектов казенной экономики стал хозрасчет.

1921–1922 гг. были переходным периодом в казенном финансировании индустрии, когда многие предприятия переводились в режим хозяйственного расчета и их торговые обороты обособлялись от государственного бюджета. Этот процесс протекал медленно. Хозрасчет постепенно преодолевал сопротивление взаимосвязанных тенденций натурализации, бюрократизации и бесхозяйственности в государственном предпринимательстве. Сперва предприятия пребывали на частичном сметно-бюджетном финансировании. Им разрешалось продавать малую толику своей продукции. Основная ее часть «бронировалась» распределительными органами, которые не прекращали ожесточенные попытки сохранить, наряду с товарно-денежным, натуральный продуктообмен. В свою очередь, советские директора возмущались введением в 1922 г. налогообложения предприятий, уклонялись от этого обязательства, выдвигали аргумент единой «государственности», доказывая «абсурдность» перекладывания денег из одного казенного кармана в другой. Подобная идеология осуждалась экономистами.

В бюджете 1921 г. хозяйство промышленности еще не разграничивалось от государственного хозяйства. Но бюджет, действовавший до октября 1922 г., т.е. до конца 1921/22 хозяйственного года²¹, строился уже на выделении промышленности в самосто-

²¹ С 1 октября 1922 г. в хозяйственную практику было введено понятие «планово-бюджетный» или «отчетный» год. Планово-бюджетный год в СССР длился с 1 октября очередного года по 30 сентября следующего, что соответствовало сельскохозяйственному циклу. После «особого», IV, квартала 1930 г. (т.е. с 1 января 1931 г.) планирование в нашей стране перешло на календарные сроки: с 1 января по 31 декабря каждого года.

тельную хозяйственную сферу. Сохранялась только оплата продукции, поставляемой по госзаказам. Централизованные кредиты на финансирование промышленности не предусматривались.

На хозяйственный расчет переводились преимущественно предприятия легкой промышленности, подъему которой благоприятствовали увеличившаяся заготовка сельскохозяйственного сырья и расширение покупательского спроса населения. Легкая промышленность к тому времени была уже отделена от бюджета и прибегала к помощи кредитования. В тяжелой индустрии первых лет нэпа применялись лишь отдельные элементы хозрасчета. Она отгружала изделия главным образом государственным потребителям и поэтому зависела от состояния дефицитного бюджета, средств, выделяемых на плановые заказы, от вида расчетов и цен. Промышленность в 1922 г. продолжала поставлять продукцию по казенным разнарядкам если не бесплатно, то по ценам ниже себестоимости на 25–65%. С января по май тяжелая индустрия в порядке безденежных расчетов передала различным наркоматам продуктов, не оплаченных потребителями, на 150–170 млн золотых руб.²²

Внедрение хозрасчетных элементов сопровождалось многочисленными существенными переменами в деятельности предприятий. Прежде всего, было организовано «трестирование», т.е. объединение в тресты крупных, технически оборудованных, территориально компактно расположенных предприятий в каждой отрасли индустрии. Концентрация производства способствовала более полной загрузке мощностей действовавших фабрик и заводов, снабжению их оборотными средствами – сырьем, материалами, топливом, деньгами, росту производительности труда, снижению себестоимости выпускавшейся продукции. Необеспеченные материальными, продовольственными и финансовыми ресурсами предприятия временно подлежали остановке и консервации или сдаче в аренду. Государственные монополии – тресты – создавались не только ради простоты управления промышленностью, ее рационализации, но и как мощное оружие в конкурентных битвах с частниками на вольном рынке.

²² См.: История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 105.

В результате повального трестирования, охватившего почти 90% государственной промышленности, возникло много мелких учреждений. Согласно данным по 380 трестам (из 421), в первом квартале 1922/23 г. 140 трестов имели свыше 1 000 рабочих, среди них 21 трест – более 5 000 человек. На долю 240 трестов с количеством занятых до 1 000 человек приходилось около 10% всех рабочих казенной промышленности; при этом в среднем один трест насчитывал 390, а предприятие – 55 рабочих²³.

Трестирование отменило военно-коммунистическую систему «главкизма», где главк управлял всей отраслью, выполнял административные, плано-регулирующие, снабженческие функции, организовывал изготовление и натуробмен продуктов, расходуя бюджетные ресурсы. Теперь уже трест считался основной производственной единицей. Как хозрасчетное объединение он получил самостоятельный доступ на рынок, осуществлял оперативное управление производством в пределах плановых контрольных цифр, утверждаемых ВСНХ. Предприятия же по-прежнему были лишены прав юридического лица.

Исходные условия для хозрасчетной деятельности оказались малоприятными. Об этом, в частности, писал А. М. Гинзбург: «Оборотные средства были предоставлены трестам в явно недостаточных размерах, без всякого соответствия с основными капиталами. К тому же все оборотные средства были предоставлены в большинстве случаев в неликвидных [ненужных или не пользовавшихся спросом – Г. Ч.] товарах. Возможность поднять производство с незначительными средствами оценивалась чересчур оптимистически, и на завтра после их организации тресты попали в полосу самого тяжелого кризиса. Этот кризис, проходивший при отсутствии кредита в стране и недостаточной емкости рынка, преодолевался трестами главным образом путем проживания основных капиталов и разбазаривания фондов, а также с помощью ссуд, получаемых от казны»²⁴.

²³ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 79–80.

²⁴ Гинзбург А. М. Предисловия к сборнику «Законодательство о трестах и синдикатах» // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 143.

Введение хозяйственного расчета усилило деловую активность, ускорило перелив капитала между отраслями и укладами в российской экономике. Чтобы обеспечить себя оборотными средствами, объединенные в тресты предприятия с осени 1921 г. расширили продажу изделий текущего производства, а также старых и неликвидных запасов, скопившихся на складах. Насыщение рынка товарами опережало прирост реального выпуска готовой продукции в промышленности. Некоторые учреждения безбедно существовали на средства от продажи собственных складских накоплений²⁵.

Массовый выброс промышленных продуктов на рынок повлек за собой снижение их цен, так как покупательная способность потребителей в послевоенной России оставалась слабой. Тресты соглашались продавать товары дешевле, лишь бы скорее получить деньги для расчета с поставщиками и своими работниками. Конкуренция между хозрасчетными объединениями еще больше сбивала цены. С января по апрель 1922 г. торговые обороты органов, подведомственных ВСНХ, упали на 69,9%²⁶.

Предпринимательская инициатива советских директоров сопровождалась снижением выручки от реализации готовых изделий и убыточной распродажей имевшихся ресурсных запасов. Органы центрального управления дали этому кризисному процессу оценочное, политико-экономическое название – «разбазаривание капитала». Процесс «разбазаривания» представлял собой объективно обусловленное перераспределение ресурсов в российском хозяйстве в начале восстановительного периода. Капиталы из малоподвижного казенного сектора направлялись в более динамичный частнопредпринимательский уклад, от крупных предприятий к средним и мелким, из отраслей тяжелой промышленности в про-

²⁵ Интересный пример приводит И.А. Благих: «Трест, образованный на основе системы складов бывшего Морского адмиралтейства, снабжал предприятия, выпускающие товары народного потребления, чугуном, цветными металлами, канатами, пенькой и другими материалами вплоть до 1927 г., ничего не производя» (*Благих И. А. «Зигзаги» нэпа // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., 1989. С. 177*).

²⁶ См.: *Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. С. 33.*

изводство потребительских товаров. Особенно выделялся приток денег в торговлю, которая расширялась быстрее производства, вытесняя натуральный обмен продуктами.

Вместе с отдельными частями хозяйственного механизма возрождались общественно-экономические уклады. В состоянии полнейшей разрухи быстрее приходили в себя мелкие производители. Они приступали к делу, возлагая надежду на ручной труд, тягловую силу животных, обходились простейшими средствами производства и минимальным капиталом.

Крестьянство воспрянуло вслед за прекращением разверсточного изъятия аграрной продукции. Если в 1920 г. сельское население в среднем на душу приобрело промтоваров на 3,5 золотых руб., то в 1921/22 г. – первом году новой экономической политики – уже на 5 руб. золотом. Однако данный уровень потребления не достигал даже до четверти довоенного спроса в 21 руб.²⁷

Мощный толчок к расширению запасек и наращиванию производства зерна получила деревня по возвращении домой демобилизованных из армии мужиков. В голодном 1921 г. валовая продукция сельского хозяйства составила 3 535 млн руб. (в довоенных ценах), в следующем 1922 г. – 3 931 млн руб., что соответствовало 53,2% и 59,2% от уровня 1913 г. – 6 639,8 млн руб.²⁸

В индустриальных отраслях оживились небольшие предприятия, перерабатывавшие сырье животного и растительного происхождения. Кустарные промыслы увеличили свое производство с 60 млн руб. в 1921 г. до 100 млн руб. в 1922 г., ремесленные заведения – с 200 до 320 млн руб., средние промышленные предприятия – с 98 до 456 млн руб. золотом. Крупные фабрики и заводы очень медленно выходили из кризиса, выпустив в 1921 г. продукции на 571,3 млн руб., в 1922 г. – примерно на 600 млн руб. золотом. Производство крупной и средней индустрии в 1922 г. достигло 28%, кустарной и ремесленной промышленности – 57% предвоенного уровня²⁹.

²⁷ См.: Рейнгольд И. И. Указ. соч. С. 46.

²⁸ См.: Рыков А. И. Указ. соч. С. 283.

²⁹ Рассчитано по: Рыков А. И. Указ. соч. С. 215, 283.

Правительство занялось повышением эффективности и конкурентоспособности государственного хозяйствования, делая под давлением обстоятельств уступки капиталистическому предпринимательству. Неразборчивая национализация сосредоточила к 1921 г. в руках государства 37 226 предприятий, из коих только 19 008 имели механические двигатели; оставшаяся часть была представлена совсем маленькими простейшими производствами. К трудностям управления столь распыленным имуществом присоединился недостаток сырья, топлива и рабочих рук. Многие предприятия бездействовали.

В июле 1921 г. СНК установил порядок сдачи в аренду предприятий, которые не смогли запустить в ход и содержать советские органы. А в декабре того же года по декрету ВЦИК были денационализированы предприятия с числом рабочих до 5 человек при наличии двигателя и до 10 человек без механического привода. Государственный аппарат быстро разгрузился от «балласта» мелких заведений, сохранив в своем распоряжении «командные высоты» – 4 500 ведущих предприятий, где трудилось 80% всех промышленных рабочих³⁰.

Пустовавшие заводы, мастерские и т.д. активно вовлекались в эксплуатацию арендаторами. Из сданных в аренду на 1 сентября 1922 г. заведений около 8 тыс. составляли мельницы и 3 874 единицы – предприятия другого профиля; из них 40% приходилось на пищевую и кожевенную промышленность, 25% – на деревообрабатывающую, металлообрабатывающую и химическую промышленность, 10% – на текстильную, швейную, обувную промышленность, 25% – на остальные отрасли индустрии³¹.

Арендованные заведения в основном были мелкими; в среднем на предприятии было занято не более 15 рабочих. Сроки арендных договоров колебались в интервале от года до пяти лет. Половину арендаторов составляли частные лица, в том числе бывшие владельцы – 26%. Другая половина предприятий распределялась между потребительской кооперацией – 22 %, государственными

³⁰ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 252.

³¹ См.: Милютин В. П. Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства // Вестн. Социалистической академии. 1923. Кн. 2. С. 173.

учреждениями, трудовыми артелями и прочими организациями. Арендная плата взималась преимущественно в натуральной форме продуктами в размере 10–15 % от валового объема производства³².

Воскрешению частнохозяйственного уклада содействовал декрет от 7 июля 1921 г., разрешивший учредительство промышленных предприятий со 100 и более наемными работниками. Собственники, как и арендаторы, помещали свои средства в те отрасли, где требовался капитал более низкого строения, т.е. с меньшими затратами на машины и оборудование, и где быстрее осуществлялся его оборот, а продукция сбывалась на потребительском рынке.

В 1921–1922 гг. самой прибыльной зоной частного предпринимательства была торговля. «В течение этого промежутка времени, – по словам М. Жирмунского, – пустота, образовавшаяся с введением нэпа между различными элементами производства в стране, не связанными между собой нитями товарообмена, начала заполняться, главным образом, за счет частной предприимчивости»³³.

Уверенно чувствовали себя частники в розничной торговле, где они имели многократное преимущество над государственными и кооперативными продавцами. Эту расстановку сил в рыночной борьбе между различными укладами отразила табл. 5.2.

Таблица 5.2

Структура розничной торговли в 1922 г.

Хозяйственные уклад	Количество постоянных торговых точек		Удельный вес в общем объеме розничного товарооборота, %
	тыс.	%	
Частный	405,6	92,7	75,3
Кооперативный	22,6	5,2	10,3
Государственный	9,3	2,1	14,4
Итого	437,5	100,0	100,0

Рассчитано по: *Нейман Р.* Советская торговля на различных этапах развития народного хозяйства // *Плановое хозяйство.* 1932. № 6–7. С. 108 ; *История социалистической экономики СССР.* Т. 2. С. 157.

³² См.: *Милютин В. П.* Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства // *Вестн. Социалистической академии.* 1923. Кн. 2. С. 174.

³³ См.: *Жирмунский М.* Проблема частного капитала // *Вестн. финансов.* 1926. № 9. С. 16.

Сильные позиции на рынке занимали капиталисты-оптовики. Доля частных лиц в оптовом обороте промышленных и торговых организаций ВСНХ в 1922 г. составляла в среднем 35,8%. По потребительским товарам она была больше. Так, частниками было реализовано свыше 40 % текстильных товаров и резиновых изделий, 47,3 % соли³⁴. Индивидуальные предприниматели занимались преимущественно посреднической оптовой торговлей, получая комиссионные вознаграждения в размере 10–15 % от суммы заключенных сделок.

Хозрасчетные тресты поначалу попали в обременительную зависимость от этих дельцов, диктовавших свои условия купли-продажи. Убытки казенной промышленности периода «разбазаривания» – примерно 150 млн руб. золотом за 1921–1922 гг.³⁵ – превратились в основном в прибыль умелых коммерсантов. Поэтому первые полтора года нэпа шло интенсивное наращивание частного капитала в крупных, концентрированных формах.

Перераспределение капитала в пользу частного сектора ущемляло интересы правящей хозяйственной бюрократии и встречалось ей враждебно. Желание сохранить свои властные полномочия и расширить влияние на экономическую жизнь страны определяло идеологию и поведение государственной управленческой «элиты». Стремление казенного предпринимательства к экспансии находило выражение в высказываниях экономистов той поры³⁶.

Статистические расчеты темпов «первоначального буржуазного накопления» встречаются у Ю. Ларина: «Припрятанных от дореволюционных времен остатков и накоплений периода военного коммунизма от валютных операций и мешочничества можно насчитывать <...> в руках буржуазии примерно миллионов 150. Все

³⁴ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 153.

³⁵ См.: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 33.

³⁶ Д. В. Кузовков писал: «Основной задачей нового государства является постепенное расширение сферы государственного капитализма, за счет частного и за счет полунатурального хозяйства, иначе сказать, – задача первоначального социалистического накопления. Максимальная доля всего прибавочного продукта должна отлагаться и кристаллизоваться в сфере государственного хозяйства, дальнейшее развитие производительных сил должно совершаться, главным образом, в форме нарастания этого хозяйства» (Кузовков Д. В. Финансовая система в период первоначального социалистического накопления // Вестн. Социалистической академии. 1923. Кн. 2. С. 19).

же остальное, вся остальная величина частного торгового, промышленного и кредитного капитала, которая сложилась к 1923 г., т.е. примерно миллионов 350, – все это накоплено частными капиталистами в период первых лет нэпа»³⁷.

Источник, из которого черпали ресурсы новоявленные предприниматели, удивлял обилием. Частные лица в 1921 г. заправляли оборотом капитала в 1 млрд руб. золотом. Из этой суммы на долю государственных, преимущественно товарных кредитов приходилось 850 млн руб. Удельный вес собственных средств капиталистов не превышал 15%³⁸. Но государственное предпринимательство вынужденно было мириться с объективными закономерностями восстановительных процессов.

Следует заметить, что «разбазаривание» в результате рыночной торговли казенных средств и безвозмездные или не полностью оплаченные поставки продукции внутри государственного уклада составляли две стороны одной медали. Оба способа перелива капитала обеспечивали возрождение хозяйственных связей и целостности экономики страны, причем независимо от формы собственности предприятий и учреждений.

Идеологическая окраска единого процесса восстановления национальной экономики несла на себе печать противоречия интересов частных владельцев и государственных управленческих структур. Растрата капитала хозрасчетных трестов в период «разбазаривания» всячески порицалась правительством, хотя потери не превышали бесплатного изъятия казной продукции у предприятий тяжелой промышленности на сумму 150–170 млн руб. золотом. Последняя же мера признавалась полезной, поскольку она содействовала росту производства и доходов в социалистическом секторе, а не в капиталистическом.

Главной ареной конфронтации социалистической и капиталистической систем была родная стихия частного предпринимательства – рынок. Он опять стал единым, без деления на законный обмен и нелегальную торговлю, после отказа советской власти от военно-коммунистической доктрины указных цен. В условиях па-

³⁷ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М. ; Л., 1927. С. 9.

³⁸ Там же. С. 231.

дающей национальной валюты, продолжая необеспеченную эмиссию совзначных рублей, правительство приняло «правила игры» свободного товарно-денежного оборота³⁹.

Перемены в практике ценообразования совпадали с введением хозяйственного расчета на казенных предприятиях. Потребность в регулировании цен на продукты и услуги государственного сектора обрела административное оформление. Декрет СНК от 5 августа 1921 г. узаконил «Положение о Комитете цен» при Наркомфине с участием представителей ВСНХ и ряда иных центральных ведомств. Политика казенных цен была направлена на их упорядочение и приспособление к рыночным условиям.

Чтобы уменьшить потери казенного предпринимательства от конкурентной борьбы между своими хозяйственными единицами, в 1922 г. правительство взялось за создание крупных торговых объединений – синдикатов. Они осуществляли реализацию продукции трестов и заготовку нужных им для производства сырья, топлива, материалов и прочих товаров. Наряду с этим, была учреждена Комиссия по внутренней торговле (Комвнуторг) при Совете труда и обороны. На Комвнуторг возлагались обязанности пресекать конкуренцию среди госорганов в снабжении и сбыте, налаживать прямые, без частных посредников, хозяйственные связи трестов друг с другом и с кооперацией, ликвидировать излишние промежуточные звенья в синдикатской торговле и т.д.

Государственное предпринимательство первых двух лет нэпа в области ценообразования не смогло отойти от тенденций военно-коммунистического периода. Большинство оптовых цен хозяйственных трестов планировалось исходя из простого возмещения затрат на производство и реализацию товаров, аналогично принципу бездефицитности государственного бюджета. «Восстановительные» цены приравнивались к себестоимости продукции и не

³⁹ «С весны 1921 г., – писал Д.В. Кузовков, – система универсального нормирования сменяется хозяйством вольных цен в его чистом виде, которое длится целых два года – до весны 1923 г.; в этом периоде государство стремится сохранить свои доходы не удерживанием цен на прежнем уровне, а путем непрерывного повышения своих цен, тарифов и ставок. <...> Государство не только перестает считать повышение цен преступной „спекуляцией“, но и само усваивает политику цен, применяемую рынком в период эмиссионного хозяйства» (Кузовков Д. В. Процесс натурализации народного хозяйства. С. 19).

предполагали получение предприятиями прибыли. Хозрасчет понимался изначально как метод ведения хозяйства на основе самокупаемости – соответствия расходов доходам производственного объединения.

Иногда органы управления специально устанавливали заниженные цены на ту продукцию тяжелой промышленности, которая распределялась внутри государственного сектора. Некоммерческая ценовая политика, ограничивая средства для развития одних отраслей, наделяла ресурсами другие сферы экономики и приносила выгоду всему комплексу государственного предпринимательства. Подобные стратегические маневры были полезны, а посему выгодны. Они ослабляли финансовую нагрузку на бюджет, ибо сокращались суммы централизованных дотаций на пополнение оборотного капитала трестов и предприятий. Частичная замена денежной оплаты по высоким рыночным ценам натуральными, продуктовыми потоками или взаиморасчетами по умеренным ценам сдерживала рост инфляции в стране, поскольку отпадала необходимость в дополнительной эмиссии наличных денег.

Сознательное занижение цен на продукцию базовых отраслей хозяйства, осуществлявших добычу, производство или первичную переработку исходного сырья и материалов, сводило к минимуму итоговые убытки госсектора. Эта мера предотвращала эффект «снежного кома», когда подъем цен на топливно-сырьевые компоненты, многократно отражаясь в затратах предприятий обрабатывающей индустрии, повышал общий уровень цен в национальной экономике. Правительству легче было компенсировать потери денежного капитала в некоторых отраслях тяжелой промышленности, чем у всех остальных казенных потребителей ее продукции.

Тресты переводились на хозяйственный расчет с целью возмещения издержек производства за счет выручки от продажи продукции. Это предполагало управление главными хозрасчетными параметрами: затратами (себестоимостью) и результатами (ценой). Но активной ценовой политикой трестов в начале нэпа препятствовал ряд факторов: в российской экономике продолжалась инфляция, оставался слабым покупательский спрос населения и казенного хозяйства, истощались запасы капитала и т.д. Поэтому главным

резервом улучшения деятельности предприятий было снижение непомерно высоких издержек производства. Уменьшение себестоимости продукции достигалось путем более полной загрузки оборудования, сокращения потери материалов и рабочего времени, оптимизации соотношения заработной платы и производительности труда. В условиях послевоенной разрухи первостепенную роль сыграло наведение элементарного порядка и дисциплины на предприятиях, возобновление нормальной организации труда.

Восстановление общепринятых форм зарплаты происходило одновременно с переводом предприятий в режим хозяйственного расчета. Декрет от 10 сентября 1921 г. расширил применение сдельной оплаты труда. Определение заработка в соответствии с количеством и качеством изготовленной продукции усилило личную заинтересованность тружеников в повышении их выработки. Преодоление уравнительности в доходах сопровождалось постепенным переходом от натуральной оплаты к денежной. С января 1922 г. по январь 1923 г. доля натуральных выплат в заработках промышленных рабочих в среднем по стране сократилась с 77,5 до 21,7%⁴⁰.

Простейшие мероприятия по стимулированию и организации труда способствовали росту его производительности и повышению заработной платы. В течение года средние месячные заработки в крупной промышленности возросли на 30,7%. Еще весомее оказался прирост производительности труда (выработки) – 41,5%⁴¹. По мере повышения производительности труда снижалась потребность предприятий в работниках, происходило их высвобождение.

Внедрение хозрасчета положило начало неблагоприятным тенденциям – падению числа занятых в государственном секторе экономики и пополнению количества безработных в стране. Только в крупной промышленности количество занятых с 1921 по 1922 г. убавилось на 100 тыс. человек. Всего же численность зарегистрированных на бирже безработных за 1922 г. возросла в 4 раза – со 160 до 641 тыс. человек⁴². Причинами распространения массовой

⁴⁰ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 230.

⁴¹ Там же. С. 232, 238.

⁴² Там же. С. 222, 223.

безработицы, кроме организационно-технических мероприятий, были также демобилизация мужчин из армии, вступление в трудоспособную пору молодежи, увольнение излишнего административно-управленческого персонала.

Отсутствие возможности найти работу и средства к существованию погнало жителей из городов в сельскую местность. Надо было искать способы прокормиться собственным трудом. Такую цену пришлось платить россиянам за необходимость возрождения разрушенного в военные годы отечественного хозяйства. Здесь явно обнаружилось приоритеты казенного предпринимательства, а также высветилось различие между интересами широких слоев населения и государства как субъекта хозяйственной деятельности.

Следующими шагами по укреплению финансового положения в сфере государственного предпринимательства стали консервация (закрытие) убыточных фабрик, заводов и увольнение работников. Государство-работодатель приводило в соответствие имевшиеся в его руках факторы производства. Основного и оборотного капитала не хватало. Поэтому хозяйственные органы заботились о его пополнении и лучшем использовании. Напротив, трудовые ресурсы применялись в избытке. Руководители предприятий освобождались от ненужного персонала, а оставшихся людей заставляли трудиться интенсивнее.

Возобновление оптовой торговли воскресило коммерческий (подтоварный) кредит. Замена денег ценными бумагами и отсрочка платежей восполняли недостаток собственных оборотных средств у промышленных и торговых предприятий, увеличивали покупательский спрос, ускоряли доставку товаров от производителя к потребителю. Вексельное обращение помогало накоплению капитала в частной и кооперативной торговле за счет перелива ресурсов из индустрии. Промышленность была «затоварена», не находила сбыта своей продукции, а финансовые ресурсы кооперации и частных торговцев оставляли желать лучшего. Вексельная форма расчетов перекачивала бездействовавший, «замороженный» в складских запасах предприятий капитал в сферу интенсивного торгового оборота. Распространение коммерческого кредита заложило основу возрождения банковской системы.

Налаживание советской системы банковского кредита началось с учреждения Государственного банка (Госбанка) согласно постановлению ВЦИК от 3 октября и СНК от 10 октября 1921 г. Госбанку поручалось выполнение широкого спектра операций: кредитование государственной промышленности, кооперативных и иных организаций, частных предприятий, крестьянских хозяйств, кустарей; прием и выдача вкладов; покупка и продажа товаров (по поручениям), драгоценных металлов, тратт (переводных векселей), девиз (платежных средств для международных расчетов), иностранных ценных бумаг; кассовое исполнение бюджета; проведение расчетов между предприятиями, учреждениями и т.д.

С момента образования Госбанка главным источником его капитала стали ассигнования из государственного бюджета. Всего до 1 ноября 1922 г. Госбанк получил 28 410 млн руб. бюджетных средств (по курсу денежных знаков 1922 г.). Из них 16 275 млн руб. пошли на формирование собственных фондов, остальные – на выдачу целевых ссуд сельскому хозяйству, промышленности, кооперации и др.⁴³ Эти деньги поступали в результате необеспеченной эмиссии быстро обесценивавшихся казначейских билетов (совзнаков). Падающая валюта тормозила развитие вкладных (пассивных) и кредитных (активных) банковских операций. Тем не менее реальный баланс Госбанка за 1922 г. увеличился в 3 раза – с 20 до 60 млн руб. (в довоенной покупательной силе денег), а сеть его филиалов по территории страны расширилась до 169 учреждений⁴⁴.

С 1922 г. стали возникать новые кредитные учреждения: банк потребительской кооперации (Покобанк), общества взаимного кредита частных торговцев и промышленников, Российский коммерческий банк (Роскомбанк) для внешнеторгового кредитования, Торгово-промышленный банк (Промбанк), коммунальные или городские банки.

В 1921–1922 гг. российская денежная система продолжала деградировать. Зачинщиком беспорядка в сфере движения денег выступало государство, ибо оно не могло свести концы с концами

⁴³ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 115.

⁴⁴ См.: *Юровский Л. Н.* Банки в России и в СССР // Кредит и банки. Теория банковского кредита. Организация банковского дела. Банки в СССР и за границей. Государственное финансовое законодательство Союза ССР. М., 1929. С. 401.

своего бюджета. Чтобы покрыть возникавшую разницу в платежах и поступлениях, казначейство печатало денежные знаки в прогрессивно нараставшем количестве (табл. 5.3).

Таблица 5.3

Эмиссия денег в 1921–1922 гг. по кварталам, млн руб.⁴⁵

Квартал	1921	1922
Январь – март	518 086,8	63 640 830,9
Апрель – июнь	660 486,6	238 770 045,4
Июль – сентябрь	2 182 263,8	531 536 747,8
Октябрь – декабрь	13 009 804,2	1 142 977 597,6

Если за 1920 г. масса бумажных денег увеличилась в 5 раз, то за 1921 г. – в 15 раз, а за 1922 г. – в 116 раз. На 1 января 1923 г. весь объем циркулировавших в стране денег достиг 1 994 464 454 млн руб. Потребность в дополнительных средствах обращения возростала так стремительно, что прежние методы ее удовлетворения – печатание крупных купюр, упрощение образцов и т.д. – уже не спасали, да и сам подсчет денежных единиц становился обременительным.

Ради упрощения счета правительство произвело две чисто технические «деноминации». Они не изменили основ валютного устройства, а лишь переименовали денежные знаки. Первая деноминация сопровождалась печатанием купюр образца 1922 г. По декрету СНК от 3 ноября 1921 г. один новый рубль приравнивался к 10 000 руб. всех предыдущих эмиссий. Выбор соотношения между «нэповской» и старой валютой оказался крайне неудачным; кратное для деления прежних цен было неудобным. Вторая деноминация по декрету от 24 октября 1922 г. ввела денежный знак образца 1923 г., эквивалентный 100 руб. 1922 г. или 1 000 000 руб. знаками всех прошлых выпусков. Обновление экономической политики выразилось в том, что деньги выпуска 1922 г. получили название «государственные денежные знаки», на купюрах прошлых лет стояла надпись «расчетный знак».

Поскольку по обычным каналам в 1921–1922 гг. в бюджет не притекало нужного количества ресурсов, Наркомфин «от души» использовал чрезвычайное средство – эмиссию денег. Опыт новой

⁴⁵ См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 147.

экономической политики свидетельствовал о том, что неограниченное печатание фабриками Гознака денежных купюр, при всей несомненной вредности этой затеи, не ввергнет хозяйство в полный хаос и крах⁴⁶.

Об общей динамике денежного хозяйства нашей страны говорят данные табл. 5.4. Об интенсивности эмиссии позволяет судить показатель ее среднемесячного темпа. Повышение темпов эмиссии началось с июля 1921 г. и продолжалось почти год. Оно достигло рекордных отметок за весь отрезок времени с 1914 г. Дело в том, что в первый год нэпа конъюнктура отечественного хозяйства складывалась крайне тяжело из-за неурожая и голода, а о весомых результатах восстановления доходных статей бюджета говорить было рано.

Таблица 5.4

Динамика денежного обращения и цен в 1921–1922 гг.

Дата	Показатель					
	Средне- месячный темп эмиссии, %	Средне- месячный темп возрас- тания цен, %	Отноше- ние роста цен к темпу эмиссии	Средне- месячная реальная ценность эмиссии, млн зол. руб.	Отношение ценности эмиссии к темпу эмис- сии*, млн зол. руб.	Ценность денежной массы**, млн зол. руб.
1921 г.						
Январь – март	13,0	34,7	2,66	6,9	0,61	69,6
Апрель – июнь	11,7	35,1	3,00	4,33	0,43	47,3
Июль – сентябрь	24,5	3,4	0,14	9,2	0,29	29,1
Октябрь – декабрь	57,7	112,1	1,94	29,3	0,51	55,3
1922 г.						
Январь – март	66,7	264,6	3,97	24,0	0,45	60,9
Апрель – июнь	48,1	22,8	0,39	17,4	0,23	32,0
Июль – сентябрь	39,1	19,3	0,49	30,6	0,55	55,3
Октябрь – декабрь	32,8	53,6	1,63	27,8	0,92	115,9

Примечание. * В первый месяц каждого квартала. ** На начало квартала. Рас-
считано по: *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти. С. 148, 147,
152, 155.

⁴⁶ «„Эмиссионная система“, – писал В. А. Базаров, полемизируя с довоенными взгля-
дами экономической науки, – не катастрофа и не лавинообразный процесс, приводящий
к катастрофе, а своеобразный тип „подвижного равновесия“, имеющий свои устойчивые
закономерности, допускающий методическое изучение» (*Базаров В. А.* О методологии из-
учения денежной эмиссии // Вестн. Социалистической академии. Кн. 4. 1923. С. 29).

Тем не менее стратегическая смена политического курса произошла удачно. Решающую роль сыграла денатурализация хозяйства. Переход к вольным ценам, которые были выше твердых указных цен в десятки раз, также увеличил потребность торгового оборота в деньгах. Денежное обращение «разбухало» даже без изменения объема продуктов, производимых в стране. Спрос на деньги возрастал и в процессе «разбазаривания» оборотных капиталов промышленности. Сфера товарно-денежных отношений расширялась, когда кооперативные и казенные предприятия для поддержания жизнедеятельности вынужденно «выкидывали» на рынок последние складские запасы сырья и изделий.

Реабилитации денежного хозяйства сопутствовало развертывание товарного оборота. Заполнявшийся рынок на первых порах спокойно поглощал вновь эмитированные рубли, без заметного подъема общего индекса свободных цен. Так, с 1 июля 1920 г. по 30 июня 1921 г. денежная масса увеличилась в 4,6 раза, а цены – в 9,9 раза. С 1 июля 1921 г. по 30 июня 1922 г. денежная масса выросла в 136,4 раза, а цены – в 71,8 раза⁴⁷.

Осенние месяцы 1922 г. вновь обнаружили неблагоприятные тенденции. В октябре подъем цен вдвое превзошел прирост количества казначейских билетов. Импульсы начальных мероприятий новой экономической политики угасли. Закончился процесс перехода предприятий госсектора с прямого обмена продукцией к денежной торговле товарами. Завершилось «проедание» запасов оборотного капитала хозрасчетных трестов.

Налоговая реформа застряла на половине пути. Бюджет сохранил преимущественно натуральное строение. Основной налог – продовольственный – вносился сельхозпродуктами. Именно обильный сбор в короткие сроки продовольственного налога после доброго урожая 1922 г. вызвал сжатие внутреннего рынка и скверно повлиял на соотношение цен и бумажно-денежной эмиссии.

Инициатором вливаний денежных знаков в отечественное хозяйство было правительство, заинтересованное в повышении ре-

⁴⁷ См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 150.

альной ценности эмиссии или покупательной силы запускаемых в оборот свежееотпечатанных купюр. Данные о реальной ценности эмиссии прорисовывают тенденцию ее повышения.

Государственное предпринимательство, с одной стороны, подчиняло своим интересам денежную сферу, с другой стороны, вынужденно приспособлялось к закономерностям ее функционирования. Потребность Наркомфина в размещении новых денег в торгово-платежном обороте всякий раз сдерживалась спросом на них – емкостью внутреннего национального рынка. Представление о границах рыночных отношений дает показатель реальной ценности циркулирующей денежной массы.

С переходом к нэпу все важнейшие отрасли обнаружили общую тенденцию к росту. В них происходили восстановительные процессы. Конъюнктура российской экономики испытывала резкие сезонные колебания, связанные с течением сельскохозяйственного года. Если до Первой мировой войны ритм и амплитуду текущих внутригодовых колебаний конъюнктуры российской экономики задавало сельское хозяйство, то по окончании гражданских баталий роль аграрного сектора, понесшего наименьшие потери, стала исключительной. Стабилизирующее влияние промышленного производства, сократившегося в 5 раз по сравнению с 1913 г., пока ощущалось слабо⁴⁸.

Сезонные перепады деловой активности заметно усиливались расстройством финансово-денежной системы. Периоды эмиссионного напряжения совпадали с повышением общей конъюнктуры отечественного хозяйства. Эта синхронность позволяла казне наращивать продуктивность эмиссии. Обратной стороной денежной экспансии государства были невиданный скачок цен и галопирующая инфляция.

⁴⁸ Подробно описывал происходившее С. А. Первущин: «Характерен подъем октября к марту с некоторой заминкой в ноябре (распутица) и январе (послепраздничное затишье) и обычными максимумами в декабре и марте. В апреле наблюдается весенняя депрессия, которая с некоторыми колебаниями (как, например, некоторое повышение в мае–июне) продолжается в течение всего летнего периода с минимумом в июле–августе и заканчивается новым подъемом к сентябрю–октябрю – после реализации урожая» (*Первущин С. А. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 227*).

Лето и осень 1922 г. знаменовали собой серьезный структурный сдвиг в российской экономике. Произошли передвижки в спросе и в ценовых пропорциях. Уровень цен на продукцию сельского хозяйства понизился в сравнении со стоимостью изделий городской промышленности (табл. 5.5).

Таблица 5.5

Индексы цен в 1922 г. (средние цены января = 100)

Месяц	Общий индекс	Продовольственные продукты	Непродовольственные продукты	Одежда и обувь	Золото (10 рублей)
Январь	100	100	100	100	100
Апрель	850	905	788	814	920
Май	1 286	1 305	1 263	1 287	1 260
Июнь	1 586	1 482	1 703	1 704	1 079
Сентябрь	2 194	1 653	2 805	2 601	2 149
Октябрь	3 169	2 284	4 148	4 203	4 690
Ноябрь	5 185	3 415	7 185	7 300	6 498
Декабрь	6 523	4 384	8 940	9 574	9 602

Сост. по: *Первушин С. А.* Хозяйственная конъюнктура. С. 229.

Более детально объяснял изменение спроса и цен Н. Д. Кондратьев⁴⁹. Он указывал на различия в структуре потребления в условиях военного коммунизма и нэпа. В 1918–1920 гг. спрос был односторонним. Промышленность обеспечивалась сырьем, собираемым продразверсткой, по фиксированным ценам. Внутрипромышленный оборот после национализации крупных заводов и фабрик превратился в натуральный обмен продуктами. Запросы покупателей сконцентрировались в основном на предметах продовольствия. Именно они почти сплошь сбывались на «черных» рынках. Спрос на фабрикаты личного потребления был менее напряжен, а применительно к промышленному сырью и средствам производства практически не предъявлялся.

Легализация рынка, разрешение аренды предприятий, перевод трестов на хозрасчет, возобновление внешней торговли в 1921 г. перекроили структуру общественно-денежного спроса и привели

⁴⁹ См.: *Кондратьев Н. Д.* Условия образования и движения товарных цен // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 313.

к соответствующему пересмотру цен. Их динамика складывалась под перекрестным воздействием спроса и предложения товаров. Подобный вывод вытекает из анализа табл. 5.6.

Таблица 5.6

**Соотношение объема производства и стоимости важнейших товаров
в 1922 г., %**

Товар	Производство продукции в 1922 г. по сравнению с 1918 г.	Соотношение цены в 1922 г. и довоенной цены, в дензнаках
Железо и сталь	4,9	400,0
Спички	17,4	123,5
Хлопчатобумажная пряжа	17,9	369,2
Лен	26,9	220,6
Уголь	28,9	333,5
Соль	32,9	963,0
Нефть	50,4	369,0
Льняная пряжа	58,6	210,0

Сост. по: *Кондратьев Н. Д.* Условия образования и движения товарных цен. С. 310.

Товары расположились по мере падения производства, но темпы подъема цен не составили убывающего ряда. Сказалось видоизменение спроса на них. В целом же восстановительные процессы в российской экономике первых лет нэпа ограничивались не только со стороны предложения (производства), но и со стороны платежеспособных потребностей населения и предприятий.

Глава 6

Влияние государственного предпринимательства на формирование конъюнктуры торгового кризиса (1922/23–1923/24 годы)

Признание хозяйственного расчета основополагающим принципом государственного предпринимательства побудило правительство пересмотреть свое отношение к проблемам устойчивости денежного обращения. При быстром – несколько процентов в день – и скачкообразном падении покупательной силы денег невозможно было точно калькулировать себестоимость и цены у продукции, а ведение хозяйства превращалось в рискованную спекуляцию. Дабы не терять времени понапрасну, администрация государственных предприятий не составляла реального баланса и калькуляцию себестоимости. Хозрасчетные заведения просто не продавали собственных изделий до тех пор, пока не обнаруживали на рынке нужной для их производства продукции. Деньги немедленно уплачивались за новые товары. Имея на руках материальные ресурсы, легко было думать, что предприятие функционирует без убытка. Но подтвердить или опровергнуть подобное предположение было сложно.

Немалые трудности в распределении средств испытывало и финансовое хозяйство страны, переходившее от натуральных повинностей к денежному обложению. Наркомфину надо было измыслить такие методы составления государственного бюджета,

чтобы его удавалось исполнять фактически. Так, потребности крупной промышленности, оптовой торговли и финансов вынуждали хозяйственников обращаться к устойчивому мерилу ценности с денежным содержанием.

Поиски сравнительно стабильного денежного измерителя развернулись со второй половины 1921 г. Постановление СНК от 5 ноября 1921 г. потребовало, чтобы бюджет на 1922 г. формировался в довоенных рублях. Сам факт возвращения к традиционной денежной единице был весьма примечательным. Он показывал преимущество в историко-экономическом движении нашего отечества, которая пролагала себе дорогу через все социальные потрясения и разрушения материальной и духовной культуры.

Появилось индексное определение курса рубля. Наркомфин обязан был ежемесячно рассчитывать соотношение между ценностью довоенного золотого рубля и текущей покупательной способностью совзначных казначейских билетов. В основе этой пропорции лежал индекс товарных цен, который в ноябре 1921 г. придвинулся к отметке 60 000 по сравнению с 1913 г. Курс объявлялся вперед на месяц с округлением. В декабре 1921 г. он равнялся 80 000, в январе 1922 г. – 100 000, в феврале – 150 000, в марте – 200 000¹.

Но условия для традиционного денежного счета еще не сложились. Рыночные сделки совершались в реальных советских рублях. Доходы отдельных граждан и групп населения отставали в росте от изменений курса Наркомфина. Обстоятельства вынудили руководство страны пойти на попятную. Декрет ВЦИК и СНК от 30 марта 1922 г. отменил исчисление в довоенных рублях всех казенных доходов и расходов.

Бюджетная котировка советского рубля сменилась банковской с 1 апреля 1922 г. Госбанк назначал цену, по которой он покупал золото за советские денежные знаки. Тем самым бумажный рубль «привязывался» к золоту, а через вес благородного металла в царской монете к покупательной способности «червонного» рубля. Этот подход перебрасывал мостик экономической политики госу-

¹ См.: *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 195.

дарства из прошлого в настоящее. В отличие от условных, товарно-индексных прикидок Наркомфина банковский курс опирался на рыночную стоимость золота в первый год нэпа. Котировка Госбанка была гибче бюджетной и менялась чаще: в ноябре 1921 г. – 2 раза, в декабре – 3 раза, в январе 1922 г. – 5 раз, в феврале – 7 раз, в марте – 3 раза, в апреле – 2 раза, в мае – 5 раз и т.д.²

Эстафету от Госбанка приняла Специальная котировальная комиссия, утвержденная декретом СТО от 25 августа 1922 г. Курс золотого рубля стал уже согласовываться с курсом устойчивых, свободно конвертируемых иностранных валют – доллара, фунта стерлингов. Получилось нечто похожее на интервалютную котировку. Бумажный советский денежный знак прикреплялся теперь уже к двум «якорям» – золоту и зарубежной валюте.

Введение золотовалютного счета цен, наряду с бумажно-рублевым, наметило направление дальнейшей эволюции отечественной денежной системы. Участники торговых сделок стали по собственному почину пользоваться золотыми деньгами старого образца, чеканившимися до Первой мировой войны. Императорские червонцы, оставшиеся на руках у частных лиц, вовлекались в обращение и поступали даже в кассы казенных предприятий.

Не признанный официально царский червонец начал теснить законное платежное средство – бумажный казначейский рубль. Следуя логике развития хозяйственной жизни, правительство предложило пользователям новую денежную единицу – «советский червонец». Декрет СНК от 11 октября 1922 г. предоставил Государственному банку право эмиссии банковских билетов, первые из которых поступили к клиентам через месяц. Экономический оборот обрел устойчивую валюту. Вместе с тем, государство сохранило казначейскую эмиссию бумажных денег для покрытия бюджетного дефицита.

Между деньгами Центрального банка и советскими бумажными рублями никакого определенного соотношения в законе не предусматривалось. Вместо него декретировалось возвращение к довоенной денежной единице. В законодательном акте было запи-

² См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 197.

сано, что червонец равен 1 золотнику 78,24 доли (7,74234 грамма) чистого золота³ или равен 10 руб. в прежней российской золотой монете. Банкноты должны были обеспечиваться драгоценными металлами и твердой иностранной валютой не менее чем на четверть выпущенной суммы червонцев. Остальные 75% червонной эмиссии покрывались ликвидными активами – краткосрочными векселями и легко реализуемыми товарами.

Однако такое солидное инвалютно-металлическое обеспечение не предполагало свободного размена кредитных рублей на золотые слитки. СНК только пообещал попозже ввести взаимное конвертирование червонцев и золота специальным правительственным указом. В отличие от символической привязки к благородным металлам червонные банкноты беспрепятственно превращались в валюту других государств и обратно.

Банковские билеты поначалу эмитировались с крайней осторожностью. В ноябре и декабре 1922 г. было выпущено в обращение немногим более 356 тыс. червонцев⁴. Скромное введение в оборот новых ценных бумаг объяснялось общей ситуацией в российской экономике. В сентябре 1922 г. индекс цен на изделия промышленности превзошел ценовые показатели сельскохозяйственных продуктов. По меткому выражению Н. Д. Кондратьева, «произошла полная революция на рынке»⁵, и конъюнктура деревенских товаров, особенно хлебов, стала резко падать.

Хлебные цены стремительно понизились под воздействием долговременных и текущих причин. Основное направление задавала потребность восстановления нормальных, близких к довоенным отраслевых пропорций в отечественном хозяйстве. Рыночный механизм посредством разницы в ценах поддерживал вынужденную перекачку ресурсов в промышленность, на возмещение растроченных капиталов; а процесс их накопления обычно измеряется годами.

Но коренная, долгосрочная тенденция возрождения российской экономики проявлялась не однозначно, а под влиянием других факторов. Плохой сбор зерна осенью 1921 г. парализовал восходя-

³ Золотник – русская дометрическая мера веса (массы) равная 96 долям (4,266 г). Соответственно 1 доля весила 0,0444375 г.

⁴ См.: *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти. С. 225.

⁵ *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение // Избр. произв. : в 2 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 191.

шую динамику промышленных цен до следующей уборки полей. Урожай 1922 г. оказался на треть богаче прошлогоднего. Но обилие продовольствия повлекло за собой непредвиденный скачок цен и расстройство торговли. Мощный приток крестьянских товаров на рынок столкнулся с трудностями их сбыта.

Жители села вносили продналог преимущественно хлебом, большая часть которого поступала затем к потребителям в порядке натурального снабжения. Это сжимало покупательский спрос на зерно. Оставшиеся запасы «продналогового» хлеба распродавались госорганами по дешевке ради пополнения оборотных средств. Для уплаты денежных налогов земледельцы реализовывали зерно по бросовым ценам. Форсированное предложение вкупе с ослаблением денежного спроса обрушило цены вниз и угнетающе подействовало на хлебный рынок.

Иная картина наблюдалась на рынке промышленной продукции. Бурный рост цен на фабрично-заводские изделия был вызван увеличением почти всех статей себестоимости их изготовления и сбыта. Подъем промышленных цен во второй половине 1922 г. компенсировал объективно необходимый уровень издержек, который возрос из-за хозяйственной деградации.

Темпы восстановления крупной индустрии сдерживались не только малым предложением требуемой продукции, но и отсутствием надлежащего спроса. На традиционные государственные заказы денег в бюджете не хватало. Запросы постепенно оживавших хозрасчетных трестов расширялись медленно. Решающее значение имел самый массовый потребитель «мануфактуры» – деревня.

Но крестьянские закупки фабрикатов стали скромнее в конце 1922 – начале 1923 г. Снижение сельскохозяйственных цен поубавило доходы земледельцев, а крутой подъем цен на промтовары и вовсе лишил их возможности приобретать городскую продукцию в желаемом количестве. Таким образом, революция в ценовых пропорциях на втором году нэпа ввергла оптовую и розничную торговлю в депрессивное состояние. Ситуация выглядела парадоксально. При явном всеобщем дефиците и продовольственных, и промышленных товаров по причине свернувшегося в военное время производства главным препятствием реконструкции отечественной экономики была недостаточная емкость рынка.

Во взаимодействии спроса и предложения инициатива исходила от первого фактора. Величина покупательной способности населения и хозяйственных организаций оказывала на колебание конъюнктуры более ощутимое влияние по сравнению с объемами производимых товаров. Ведь количество находящихся в обращении денег изменялось быстрее, нежели выпуск продукции. Оживление предпринимательской активности в промышленности и сельском хозяйстве, как правило, следовало за улучшением дел в торговле. В свою очередь, умножению числа продаж обычно предшествовал приток денег в обращение. Поэтому на сезонные колебания конъюнктуры российской экономики накладывалось ежемесячное пополнение массы обращавшихся казначейских билетов.

Сжатие внутреннего рынка страны означало сокращение потребности товарооборота в денежных средствах. Поэтому становится понятной та осмотрительность, с которой эмитировались первые червонцы в 1922 г. Дальнейший ход эмиссии твердых кредитных денег представлен данными табл. 6.1.

Восприимчивость экономики к новой валюте характеризовалась отношением «застревавших» в обращении червонцев к их общему количеству, выданному клиентам через кассы филиалов Государственного банка. На протяжении девяти месяцев 1923 г. доля оставшихся в обороте кредитных билетов росла, пока не достигла нормального, устойчивого положения вокруг отметки 90%.

Поначалу червонец использовался как ценная бумага для сохранения стоимости временно свободных совзнаков. Появление «бумаги-товара» потребовало привлечения дополнительных денег для обслуживания своего оборота. На этой стадии червонец не вытеснял казначейского знака, а, напротив, укреплял его, создавал ему дополнительный рынок.

Новая устойчивая валюта поддержала очередное сезонное оживление дел в торговле и промышленности, пик которого пришелся на март. Стабильная валюта поощряла развертывание оптовой торговли, восстанавливала коммерческую ориентацию

Таблица 6.1

**Эмиссия червонцев (десятирублевых кредитных билетов)
в январе 1923 г. – марте 1924 г.**

Дата	Передано в кассу правления Госбанка			Выпущено в обращение за месяц
	всего червонцев	из них осталось в обращении		
		червонцев	% к общей сумме переданных червонцев	
1923 г.				
1 января	1 118 000	356 245	31,86	498 346
1 февраля	1 930 000	854 591	44,28	749 390
1 марта	3 000 000	1 603 981	53,47	962 708
1 апреля	4 500 000	2 566 689	57,04	1 187 486
1 мая	6 000 000	3 754 175	62,57	994 173
1 июня	8 000 000	4 748 348	59,32	2 251 796
1 июля	9 600 000	7 000 144	72,92	4 120 339
1 августа	13 500 000	11 120 483	82,37	5 397 537
1 сентября	18 400 000	16 518 020	89,77	4 885 468
1 октября	23 500 000	21 403 488	91,08	2 013 359
1 ноября	25 450 000	23 416 847	92,01	190 004
1 декабря	26 776 000	23 606 851	88,16	1 310 000
1924 г.				
1 января	28 000 000	24 916 851	88,99	2 379 858
1 февраля	30 300 000	27 296 709	90,08	2 730 390
1 марта	32 800 000	30 027 099	91,55	-

Сост. по: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 226.

товаропроизводителей. Предприятия могли уже калькулировать собственные издержки, цены и прибыли. У государства появился приемлемый критерий разграничения бюджетного и коммерческого способов ведения хозяйства. Последовательным шагом экономической политики стало юридическое оформление хозрасчетной деятельности казенных предприятий.

На гребне краткосрочной волны конъюнктуры, 10 апреля 1923 г. увидел свет декрет ВЦИК и СНК «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерче-

ского расчета (трестах)», который отменял или видоизменял правовые нормы, декларированные постановлением СТО «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности» от 12 августа 1921 г.

Бросалась в глаза смена терминологии. В августе 1921 г. директивы правительственных структур пестрели призывами к налаживанию хозяйственного расчета, к простой самоокупаемости затрат предприятий. Через полтора года руководящие круги отдавали предпочтение иному понятию – «коммерческий расчет». Обновление лозунгов отразило коренную реконструкцию системы государственного предпринимательства. Коммерческий расчет, как явствовало из примечаний, «заботится не только об уменьшении расходов, но и об увеличении доходов, или иначе об увеличении денежной разницы между доходами и расходами, т.е. о прибыли»⁶. Здесь выделены два момента: во-первых, целевая характеристика коммерческой организации государственного предприятия – прибыль; во-вторых, денежный счет доходов и производственных затрат.

Под давлением агрессивной конкуренции частного уклада государственный сектор реформировался. При сохранении единства и планомерности хозяйственного руководства расширялась предпринимательская свобода советских директоров. Тресты, функционировавшие в 1923–1924 гг. на коммерческом расчете, признавались заведениями государственно-капиталистическими, т.е. находившимися в собственности государства, но работавшими по капиталистической модели ради прибыли.

Границы самостоятельности трестов определялись законодательными актами и управленческими решениями вышестоящего руководства, т.е. коренными интересами правящих кругов и потребностями текущей экономической политики. По декрету о коммерческом расчете государственные предприятия получили право свободно распоряжаться только оборотным капиталом. Основной капитал казенных учреждений в отличие от частных заведений

⁶ О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах) : декрет ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 31.

был изъят из гражданского оборота. Более того, государство передавало основной капитал трестам в пользование и владение, оставив право распоряжаться этим важнейшим видом производственных ресурсов себе.

Государство же по праву собственника вознаграждалось участием в прибыли предприятия и «равно другими выгодами, которые приносит развитие государственной промышленности»⁷. Согласно декрету от 10 апреля 1923 г. прибыль распределялась так. В казну поступало 68% прибыли трестов, в том числе 58% в виде обязательных платежей в бюджет и 10% как подоходный налог. Тресты довольствовались 32% от общей суммы балансовой прибыли; из них 20% шло на образование резервного капитала, пока тот не достигнет половины уставного капитала, 10% составляли отчисления в ФУБР (фонд улучшения быта рабочих) и 2% шло на премии членам правления, рабочим и служащим⁸. О том, кто диктовал пропорции и направление использования прибыли, говорила красная строка ст. 45 декрета: «Вся прибыль трестов вносится в доход казны, за исключением...»⁹

Однако выгоды государственного предпринимательства не сводились к присвоению прибыли. Среди его целевых установок фигурировали содействие развитию производительных сил, обеспечение обороноспособности державы, защита национальных интересов на внешних рынках, колонизация необжитых районов страны, проектирование и строительство объектов, возведение которых не по плечу отдельным организациям, и т.д. Весьма характерной была расстановка правительственных приоритетов в первые годы нэпа, когда оборотных средств на всех не хватало, и надо было разобраться, какие заводы и фабрики законсервировать или отдать частникам, а какие, напротив, загрузить интенсивнее. Правящая хозяйственная бюрократия при отборе предприятий руководилась тремя критериями, расположенными по степени важности следующим образом: потребности обороны,

⁷ О государственных промышленных предприятиях... С. 45.

⁸ Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978. С. 160.

⁹ О государственных промышленных предприятиях... С. 61.

возрождение былой мощи отечественной экономики и возможная рентабельность (прибыльность)¹⁰.

Советская власть в 1923 г. приняла «правила игры» свободного рынка и выбрала модель госкапитализма в борьбе с разрозненными капиталистами-предпринимателями. Но перемены не наносили ущерба правящей партийно-хозяйственной номенклатуре. Предприятия госсектора переводились на коммерческий расчет в интересах казны. Интересы промышленных трестов как производственно-экономических единиц играли второстепенную роль. Глубинный, сокровенный замысел знаменитого апрельского декрета 1923 г. – увеличение притока денег в бюджет.

Логика истории была такова. В августе 1921 г. введение хозрасчета отделило финансы многих предприятий от государственного бюджета. Эта мера, с одной стороны, разгрузила казначейство от несвойственных функций управления производством, от избыточных расходов на возмещение издержек предприятий. С другой стороны, часть фабрично-заводской промышленности стала покрывать собственные затраты доходами от продажи на рынке товаров. Следующий шаг – замена хозяйственного расчета коммерческим – напрашивался сам собой. Тресты теперь должны были работать с прибылью, обеспечивая пополнение бюджетных ресурсов и накопление капиталов в госсекторе.

Введение червонца качественно изменило механизм рыночного регулирования отечественной экономики. Образовалась система параллельного циркулирования двух бумажных валют – банковской и казначейской. Сия двойственность затронула все стороны хозяйственной жизни, так или иначе связанные с денежным счетом и ценами. Направление и скорость развития многих экономических процессов определялись динамикой оборота червонцев.

Выпуск кредитных билетов положил начало становлению относительно самостоятельной сферы банковских расчетов в системе денежного обращения. В противоположность чисто бумажному совзнаку червонец опирался на продвижение ценностей в

¹⁰ См.: *Гинзбург А. М.* Предисловия к сборнику «Законодательство о трестах и синдикатах» // *Нэп и хозрасчет*. М., 1991. С. 140.

оптовой торговле. Эмиссия новой валюты осуществлялась в виде кредитования клиентуры. Размещение среди вкладчиков платежных средств являлось активной операцией банка. Он старался ее расширить, ибо получал прибыль. К увеличению объемов заемных ресурсов стремились также торгово-промышленные круги. Интенсивное кредитование индустрии удовлетворяло долгосрочную стратегическую потребность в восполнении недостатка оборотных капиталов предприятий. Совпадение интересов советских банкиров, производителей и сбытовиков подхлестнуло кредитную экспансию.

Выжидательная банковская политика была связана также с неправильной оценкой ситуации управленцами. Им казалось, что червонец обладал всеми свойствами твердой золотой валюты¹¹. Но как выяснилось, червонец подчинялся закономерностям «чисто бумажного» денежного обращения. Количество эмитируемых кредитных билетов напрямую влияло на их покупательную способность. Масштабный выпуск банкнот в июне–сентябре 1923 г. уронил их ценность в оптовой торговле на четверть, в розничной торговле и того больше. Уменьшение же предложения «твердых» денег в октябре–ноябре заметно повысило покупательную способность червонных купюр.

Ценность червонцев непосредственно зависела и от колебания спроса на них со стороны пользователей. Так, летнее сезонное сжатие рынка вело к выгалькиванию излишка денег из оборота, по-

¹¹ О взглядах управленческой номенклатуры в финансово-кредитной сфере поведал Д. В. Кузовков: «Червонец рассматривался как валюта с самостоятельной „золотой сущностью“, ценность которой определялась, с одной стороны, золотым запасом Госбанка, а с другой стороны, разменом его на доллары по золотому паритету. Степень банковского обеспечения и курс по отношению к доллару рассматривались как вполне надежный критерий для суждения о ценности червонца, и поскольку устав Госбанка, требовавший известного отношения между эмиссией червонцев и их обеспечением, добросовестно выполнялся, поскольку курс червонца по отношению к иностранной валюте можно было, опираясь на монополию внешней торговли, поддерживать на уровне золотого паритета, постольку считалось, что ценность червонца, опирающаяся на эти два устоя, не может быть поколеблена. К этому присоединялось соображение, что наше народное хозяйство, в котором до войны циркулировало 2½ миллиарда полноценной валюты, с жадностью и в относительно больших размерах будет впитывать новую „золотую“ валюту» (Кузовков Д. В. Наши валюты (дензнак, червонец, казначейский билет) // Вестн. Коммунистической академии. 1924. Кн. 7. С. 81–82).

нижало покупательную силу банкнот. Напротив, осеннее оживление деловой активности потребовало дополнительного количества денег для купли и продажи, содействовало возвращению части утерянной номинальной стоимости кредитных билетов. Взаимное приспособление и выравнивание спроса и предложения банкнот с мая 1923 г. ухудшились. Рынок денег пресытился новой валютой, и дальнейшее кредитование государственного хозяйства приобрело инфляционный характер. Цены товаров, выраженные в червонцах, ускорили свой рост.

Кроме червонной эмиссии, на амплитуду и ритм колебаний сферы обращения влиял выпуск советских знаков. Общее состояние денежного рынка России определялось взаимодействием двух валют и изменялось с течением времени. Предоставление эмиссионного права Госбанку вначале имело благоприятные последствия. Во-первых, декретирование червонца дало довольно устойчивую валюту, необходимую для калькуляции и бухгалтерских балансов. Хозяйственный расчет стал реальностью. Во-вторых, было устранено нежелательное внедрение в оборот иностранных купюр и золотых монет царской чеканки. Распространение законного платежного средства укрепило государственные финансы. В-третьих, рынок денег поглотил огромную сумму надежных банкнот, что позволило значительно пополнить капитал промышленности и торговли. Казначейская эмиссия не смогла бы достичь такого размаха кредитования. В-четвертых, восстановилась связь с мировым хозяйством, наладились контакты с иностранными кредитными учреждениями¹².

После краткого периода мирного сосуществования червонца и совзнака система параллельного обращения начала изживать себя под напором весенне-летней интервенции банкнот. Состояние общей инфляции усилило валютный хаос. Кредитные билеты и казначейские знаки обесценивались с неодинаковой быстротой. В этой ситуации развернулась борьба между валютами.

Развитие внутреннего противоречия параллельного обращения вело к неизбежной самоликвидации аномального устройства

¹² См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 253–256.

денежно-кредитной системы. В условиях расхождения официального и вольного курса банковских и казначейских билетов спекулятивная горячка охватила крупные хозяйственные центры страны. Чтобы компенсировать или хотя бы минимизировать утерю стоимости денег, каждый обыватель попеременно то запасал, то сбывал червонцы. По той же причине фабрики и заводы прибегали к услугам биржевых и уличных валютных операций.

Нарушился товарооборот города с деревней. Единое хозяйственное пространство страны «дало трещину». Рынок раскололся надвое по числу циркулировавших денежных эквивалентов. Червонец занял место по преимуществу городской, промышленной валюты. Он был еще весьма дорог и недосыгаем для основной массы сельского населения. Деревенский торговый оборот обслуживался советскими знаками, от которых крестьяне стремились избавляться. Важнейший поток товарного обмена российского рынка мелел на глазах.

В конце концов, бюджетная эмиссия наносила ущерб главному действующему лицу «экономической игры обмена» – государству. Печатаение и распределение обесценивавшихся совзнаков принесли все меньше доходов в «казенный карман». Выпуск ничем не обеспеченных бумажных рублей, так называемый эмиссионный налог, в постоянно возрастающей пропорции ложился бременем на плечи самого государственного предпринимательства.

Еще одним злостью системы параллельного обращения стало изобретение стихийных суррогатов мелких денег с целью отмежеваться от советских дензнаков. Лишь принудительными мерами удалось властям погасить вспышку изготовления расчетных знаков, талонов, бонов и тому подобных заменителей мелких устойчивых денег в золотом исчислении.

На стыке весны и лета 1923 г. денежная система России перешла в качественно иное состояние. До сей поры червонец выполнял в основном функцию посредника в осуществлении кредитных сделок. С мая по август происходило превращение банкнот в полноправные денежные купюры. Они стали определять стоимость расширявшегося круга продуктов и услуг. Внедрению червонцев в повседневные рыночные связи способствовало непрерывное по-

нижение их покупательной силы. Одновременно началось вытеснение совзнаков новой твердой валютой. Скорость и этапы этого необратимого процесса иллюстрируют данные табл. 6.2.

Таблица 6.2

Размер и ценность денежной массы червонцев и советских знаков в 1923–1924 гг., млн руб.

Дата	Червонцы		Советские знаки		Суммарная ценность денежной массы по индексу Конъюнктурного института
	Количество в обращении	Ценность денежной массы по индексу Конъюнктурного института	Количество в обращении, по счету 1923 г.	Ценность денежной массы по индексу Конъюнктурного института	
1923 г.					
январь	3,5	3,0	1,994	–	–
февраль	8,5	7,2	2,628	–	–
март	16,0	12,4	3,235	–	–
апрель	25,6	20,3	4,481	–	–
май	37,5	32,7	6,074	114,7	147,4
июнь	47,4	33,9	7,050	88,7	122,3
июль	70,0	34,9	9,031	76,6	111,5
август	111,2	60,3	12,455	60,3	120,6
сентябрь	165,1	97,3	16,855	45,3	142,6
октябрь	207,3	124,5	20,753	31,4	155,9
ноябрь	224,7	132,8	68,944	45,2	178,0
декабрь	226,0	131,3	115,664	41,9	173,2
1924 г.					
январь	237,1	143,0	225,637	33,1	176,1
февраль	259,6	139,9	448,174	10,8	150,7

Рассчитано по: Кузовков Д. Наши валюты (дензнак, червонец, казначейский билет). С. 124, 125, 126 ; Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 270.

С переходом торговли к червонному исчислению банкноты принялись заполнять каналы обращения и делить сферу влияния с казначейскими билетами. Одним из пределов распространения червонцев был состав купюр денежной массы. Цифры табл. 6.3 позволяют проследить тенденцию развития денежной системы с точки зрения ее купюрного строения.

Таблица 6.3

Структура наличной денежной массы в 1913 г. и 1923 г., %

Дата	Доля в денежной массе купюр ценностью (в золотом исчислении)				
	менее 1 руб.	от 1 до 5 руб.	от 5 до 10 руб.	от 10 до 30 руб.	свыше 30 руб.
1913 г.	6,3	13,1	20,8	34,8	25,0
1923 г. 1 января	41,5	18,6	36,9	0,04	2,96
1 июля	11,8	35,5	8,3	13,4	31,0
1 августа	19,6	20,6	9,8	10,7	39,3
1 сентября	12,1	13,6	8,0	15,6	50,7
1 октября	9,4	11,5	0,1	19,4	59,6

Рассчитано по: Кузовков Д. Наши валюты (дензнак, червонец, казначейский билет). С. 182 ; Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 263.

Перед войной деньги номиналом ниже 10 руб. занимали около 40% в общем количестве обращавшейся валюты, а на 1 января 1923 г. почти вся денежная наличность состояла из купюр достоинством менее 10 руб., так как стоимость высшего бумажного совзнака – 10 000 руб. образца 1922 г. – в золоте приравнивалась 5 руб. 71 коп. Число же выпущенных червонцев было пока невелико.

Бурный летний выпуск червонцев произвел перестройку денежной массы. Банкноты вытеснили совзнаки из оптового сбыта в область розничной торговли и разменных денег. Сужение сферы обращения автоматически привело к падению ценности казначейских билетов, несмотря на их аккуратную эмиссию. Поэтому совзначные купюры в золотом эквиваленте из более высоких групп передвинулись ниже. Вдобавок сократилась суммарная ценность мелких, в том числе и червонных денег. Удельный вес купюр стоимостью до 10 руб. золотом с января по октябрь 1923 г. уменьшился с 97 до 21%. Соответственно до 79% возросла доля крупных купюр. Из одной крайности отечественная кредитно-денежная система переметнулась в другую.

Раздача банковских билетов наткнулась на сезонное сжатие рынка. Реальная ценность денежной массы, скорректированная по индексу розничных цен, понизилась за май – июль 1923 г. с

147,4 до 111,5 млн руб. Процесс выдавливания из обращения совзнаков дополнился инфляцией твердой валюты, темп которой с мая по август 1923 г., судя по розничным ценам, составил 35,5%. Ко времени сбора и реализации урожая эмиссия червонцев исчерпала себя. Иссаяк источник обильных доходов, которые получало государство, предоставляя займы своим предприятиям и учреждениям в виде кредитных билетов. Дальнейшее накопление капитала в госсекторе за счет неумеренного выпуска банкнот грозило обвалом их покупательной способности.

Нарушение соразмерности частей денежной массы с августа 1923 г. приняло вид «разменного кризиса», привело к нехватке мелких денег и невозможности размена червонцев. Кризис размена в острых формах продолжался несколько месяцев. Его не удалось пресечь валютной политикой. Он смягчился сам по себе с замедлением хода закупок хлеба. Именно в разгар разменных трудностей покупательная способность червонца опустилась до минимальных значений. Данная ситуация подтвердила возможность такого состояния параллельного обращения, когда ничем не обеспеченная казначейская валюта получает более высокую ценность, нежели банкнотный червонец, с его золотым обеспечением и поддержкой активного внешнеторгового баланса.

Наркомфин и Госбанк резко ограничили выпуск червонцев в сентябре и октябре (см. табл. 6.1) и фактически оборвали его в ноябре 1923 г. Свертывание червонной эмиссии лишило хлебоготовителей кредитов. Из финансового тупика был прямой выход, подсказываемый опытом недавних лет, – «кредитовать» приобретение хлеба путем выпуска казначейских билетов. Это было менее вредно для денежной системы, чем порча надежного измерителя цен. Советские знаки исчезали из обращения сами собой по мере обесценения.

Динамика обращения совзнаков на третьем году нэпа представлена в табл. 6.4. Казначейские билеты в 1923 г. эмитировались неравномерно. В феврале и мае имело место уменьшение количества выпущенных дензнаков, что явилось реакцией на рост цен. В сентябре темп эмиссии перешел рубеж 40%, а с октября 1923 г. фабрики Гознака заработали на всю мощность. Решение о закупке

хлеба на совзнаки дало старт неуправляемому, взрывному расширению эмиссии, которое продолжалось вплоть до марта 1924 г.

Таблица 6.4

Показатели обращения советских денежных знаков в 1923–1924 гг.

Дата	Размер месячной эмиссии, млн руб. по счету 1923 г.	Темп эмиссии, %	Реальная ценность месячной эмиссии советских денежных знаков		Рост цен по индексу статистики труда, %	Отношение роста цен к темпу эмиссии, %	Отношение ценности месячной эмиссии по индексу статистики труда к темпу эмиссии, тыс. руб.
			тыс. червонных руб.	по индексу статистики труда, тыс. руб.			
1923 г.							
январь	0,634	31,8	33 376,0	26 331,9	30,0	94,3	829
февраль	0,607	23,1	26 453,1	20 730,0	12,0	51,9	897
март	1,246	38,5	48 226,1	35 697,4	26,0	67,5	927
апрель	1,594	35,6	41 121,1	34 361,7	39,0	109,6	965
май	0,975	16,0	13 371,8	14 876,2	42,0	262,5	928
июнь	1,981	28,1	30 079,6	20 949,7	52,0	185,1	746
июль	3,424	37,9	37 396,3	22 570,1	66,0	174,1	595
август	4,400	35,3	29 265,7	17 683,5	72,0	204,0	499
сентябрь	12,898	76,5	42 585,5	26 987,9	97,0	126,8	352
октябрь	39,190	131,7	71 118,9	46 599,9	67,0	50,9	353
ноябрь	46,720	67,8	47 654,3	29 550,4	110,0	162,2	435
декабрь	109,973	95,1	54 645,0	31 497,8	136,0	143,0	331
1924 г.							
январь	222,537	98,6	42 304,1	22 598,4	199,0	201,8	230
февраль	361,451	80,6	22 152,8	11 231,5	280,0	347,4	139

Сост. по: *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти. С. 270, 271, 273, 275.

Статистические данные наглядно показывают качественные изменения в денежной системе страны. До апреля 1923 г. внедрение червонца благоприятно сказывалось на состоянии отечественной экономики и не мешало хождению казначейских денег. Темпы роста цен в этот период отставали от темпов эмиссии совзнаков, т.е. их соотношение не поднималось над стопроцентной отметкой.

Еще раз похожая картина наблюдалась в октябре, когда массовый вывоз хлеба на продажу затормозил гонку цен, и они заметно отстали от рванувшегося вверх выпуска казначейских купюр. Последствия залпового выброса «наркомфиновских» рублей не заставили себя ждать. С ноября выраженные в совзнаках цены стали ежемесячно более чем удваиваться.

Показатель отношения ценности эмиссии к ее темпу также позволяет выделить критический поворотный пункт в развитии параллельного обращения. Именно в мае надломилась положительная тенденция укрепления денежного хозяйства и продуктивность выпусков бумажных денег пошла на убыль. Государство все сильнее «нажимало на печатный станок». Осенью 1923 г. разложение казначейской эмиссии приняло необратимый характер.

Финансовая политика правительства поощрила переход крестьян к внесению продовольственного налога деньгами. Производители сельхозпродукции поспешили воспользоваться льготами и курсовыми премиями. Возникла ненормальная ситуация. Возрастание денежных налоговых поступлений пропорционально увеличивало потери государства от обесценения притекавших обратно в казну совзнаков. О размерах бюджетных недоимок говорило сопоставление реальных доходов в сумме 168 млн руб. с недополученными средствами в размере 120 млн руб.¹³ Недоборы по сельхозналогу, убытки на транспорте и в других отраслях госсектора, вызванные падением рубля, пробивали брешь в бюджете. Эти «дыры» латались очередными эмиссиями совзнака, которые вели к исчезновению остатков его покупательной способности.

Бумажные казначейские рубли выталкивались не только из народного хозяйства, но и из государственных финансов. С началом нового 1923/24 планово-хозяйственного года, т.е. с 1 октября, исполнение всего бюджета было переведено на золотое исчисление. Финансирование стало ориентироваться на текущую золотую котировку.

Система параллельного циркулирования двух валют внесла свой вклад в динамику ценообразования. По мере распростране-

¹³ См.: *Кузовков Д. Наши валюты...* С. 88.

ния в торговом обороте червонца индекс промышленных цен все больше удалялся от сползавшего вниз индекса цен сельскохозяйственных товаров. Это противоположное движение – расхождение в разные стороны – стоимостных показателей получило название «ножницы цен». Графическое изображение происходивших процессов представлено на рис. 6.1.

Рис. 6.1. Отношение индексов цен сельскохозяйственных и промышленных товаров к общетоварному индексу Госплана (уровень 1913 г. принят за 100%) (сост. по: Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. С. 386 ; Первушин С. А. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 242)

Цены на рынке формируются под перекрестным воздействием спроса и предложения. Поэтому анализ «ножниц цен» предполагает изучение комплекса причин, которые вызывали изменение товарной и денежной массы. Коренными факторами преобразования торговых связей были общий упадок и перегруппировка производительных сил страны. Динамика объема производства и структуры издержек определила генеральную тенденцию ценовых колебаний.

Повышение цен на промышленные изделия объективно обусловливалось их слабым предложением. Истощение капиталов и плохая организация работы предприятий понизили производитель-

ность труда, уменьшили выпуск продукции, увеличили прямые затраты и накладные расходы, для компенсации которых понадобилось удорожание промтоваров. К исходу 1922 г. цены фабрично-заводских продуктов превысили себестоимость, что создало предпосылку для введения коммерческой модели хозяйственного расчета. В свою очередь, хозрасчетные звенья госсектора продолжили подъем промышленных цен.

Государственное предпринимательство в области ценообразования постепенно укрепляло собственные позиции. Достижением в регулировании рыночной торговли стало учреждение с марта 1922 г. синдикатов, которые концентрировали в своих руках снабженческо-сбытовые функции предприятий. На 1 октября 1923 г. была синдицирована половина крупных трестов, объединявших 80% рабочих соответствующих отраслей¹⁴. Такие мощнейшие организации оптовой торговли занимали господствующее положение на рынке, диктовали цены, игнорировали интересы покупателей, устраняли конкуренцию.

Хозрасчетные тресты и синдикаты проводили откровенно монопольную политику. Ее результаты отчетливо видны на рис. 6.2.

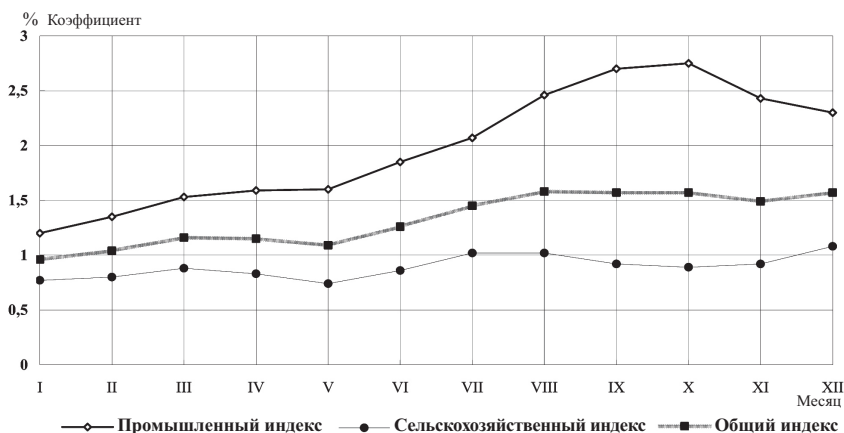

Рис. 6.2. Общий, сельскохозяйственный и промышленный индексы оптовых цен, рассчитанные Госпланом в 1923 г. (сост. по: Малафеев А. Н. Указ.соч. С. 377, 378).

¹⁴ См.: История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 2. М., 1976. С. 83.

Монополисты обычно придерживаются малоизменяющихся цен, а график показывает неуклонный рост цен на промтовары с января по октябрь 1923 г. Это непрерывное возвышение промышленного индекса говорило о том, что наряду с недостаточным предложением продукции и лидерством на товарном рынке казенной индустрии действовал третий, кредитно-денежный фактор.

Летом 1923 г. кредитно-денежная политика превратилась в основной ценообразующий фактор. Темпы эмиссии банковских билетов, обслуживавших индустриальный оборот, заметно превысили скорость выпуска советских знаков, которые применялись в качестве сельской валюты. Такая раскладка увеличила раствор «ножниц цен». Интенсивный выпуск денег в обращение спровоцировал общий рост цен, особенно бурный на изделия промышленности.

Предприятия возмещали возрастающие затраты на производство продукции за счет банковских кредитов. Оптовые торговцы, синдикаты прежде всего, в преддверии сбора урожая и встречной продажи мануфактуры осуществляли массовую закупку промтоваров. Издержки, связанные с приобретением, хранением и сбытом продукции, они тоже компенсировали червонцами, взятыми в ссуду по вексялям или под товар.

Использование заемных средств раскручивало «спираль инфляции». Повышение цен требовало дополнительных денег для реализации продуктов, а все новый и новый выпуск валюты подхлестывал ценовую гонку. Непомерно раздутое кредитное обращение погрузило торговлю страны в глубокую депрессию. «Ножницы цен» максимально раскрылись в октябре 1923 г. Наступил кризис сбыта промышленных продуктов.

Возникновение кризиса сбыта изделий крупной казенной индустрии было следствием процессов, которые в экономической науке описываются теоретической моделью самовоспроизводящейся инфляции. В условиях бумажного денежного обращения количество денежных знаков, с одной стороны, определяет уровень товарных цен, с другой стороны, само зависит от цен на товары. Эта взаимная связь выражается в том, что с увеличением выпуска денег в обращение растут цены. Подъем же цен вызывает необходи-

мость дополнительной эмиссии денег, с тем чтобы у потребителей хватало средств для покупки вздорожавших товаров и услуг. Оба процесса поддерживают друг друга. Раскручивается порочная инфляционная спираль «эмиссия – цены».

Теоретическая модель ускоряющегося обесценения валюты объясняет последствия чрезмерного печатания бумажных купюр «при прочих равных условиях». Предполагается постоянной скоростью обращения денег и заданной величина поступающей в продажу товарной массы, т.е. емкость рынка товаров и услуг. Но в действительности оба условия не остаются неизменными. По мере падения покупательной способности скорость обращения денег возрастает. Граждане, предприятия и организации стараются быстрее избавиться от бумажных рублей, воспользоваться сполна их ценностью. Увеличение скорости хождения равнозначно возрастанию числа обращающихся банкнот и казначейских билетов, т.е. вызывает эффект дополнительной денежной эмиссии. Во второй половине 1923 г. обесценение рубля происходило под влиянием обоих факторов: чрезмерного выпуска в обращение денег – червонцев и совзнаков – и повышения скорости оборота денежной массы. Рост цен, в свою очередь, провоцировал бегство от денег, ускорял обращение бумажных купюр.

Инфляции не бывает нейтральной по отношению к емкости рынков товаров и услуг. Выпуск излишних денежных знаков в обращение активно влияет на размер и структуру спроса и предложения разных продуктов посредством движения цен. Денежная эмиссия управляет динамикой товарных цен в сочетании с перекрестным действием ряда факторов: эластичностью рыночных параметров, степенью насыщенности рынка сбыта, возможностью контролировать условия торговли.

Перечисленные факторы объясняют ситуацию расхождения индексов цен на сельскохозяйственные и промышленные продукты в 1923 г. Динамика цен определялась, прежде всего, тем, что сельскохозяйственные товары и большинство товаров широкого потребления, изготавливаемых индустриальным способом, относятся к категории продукции, пользующейся неэластичным спросом. Сельхозинвентарь и прочие промышленные изделия,

предназначенные для деревенского пользования, отличаются эластичностью рыночных параметров. Поэтому цены на первую группу товаров при инфляционном выпуске денег в обращение могли расти быстрее цен на вторую группу.

Однако на развитие событий оказали влияние другие факторы: насыщенность покупательского спроса и контроль над рынками. Переполненность рынка зерна затруднила его сбыт и содействовала общему понижению цен на сельскохозяйственную продукцию. Наоборот, недостаточное удовлетворение запросов населения поощряло ускоренный подъем цен на рынках промтоваров.

Товары широкого потребления, изготовленные государственными предприятиями, дорожали по всем правилам неэластичного, неконкурентного рынка. Такая динамика поддерживалась возможностью промышленных трестов и синдикатов регулировать предложение товаров и с помощью этого завышать цены. Сельские производители рынок своих продуктов не контролировали и не могли извлекать выгоду из неэластичного спроса на продовольствие. Напротив, отсутствие гибкости спроса при избыточном предложении приводило к существенному падению реальных цен на сельскохозяйственные товары.

Чрезмерное увеличение денежной массы вело к расслоению единого национального рынка на фрагменты (сегменты) с различными темпами подъема цен и с неодинаковыми колебаниями товарооборота. Избирательное воздействие излишних денежных потоков дополнялось параллельным циркулированием двух валют. Преимущество получала сфера обращения твердой валюты, которая обслуживала в основном городские сделки купли-продажи.

Стихийный процесс разделения сегментов общесоюзного рынка ускорился в середине 1923 г. вследствие эмиссионной и кредитной политики государства. С апреля по сентябрь 1923 г. задолженность промышленности банкам возросла с 43,0 до 186,4 млн руб. За то же время бюджетное финансирование промышленности составило 80 млн руб. О пропорциях распределения кредитной эмиссии в пользу города по состоянию на 1 августа

1923 г. говорит тот факт, что в сельское хозяйство направлялось всего 8% ссудных фондов¹⁵.

Темпы выпуска червонцев превосходили темпы эмиссии совзнаков с января по сентябрь 1923 г. Естественно, что за указанные месяцы оборотный капитал промышленности увеличился на 70,5%¹⁶. С мая по сентябрь 1923 г. емкость рынка, пользовавшегося твердой червонной валютой, расширилась с 32,7 до 97,3 млн руб., а объем рынка, на котором ходили совзнаки, сократился со 114,7 до 45,7 млн руб. Перестройка денежного обращения свидетельствовала об относительном уменьшении потребительского спроса населения, в первую очередь крестьянства, и усилении покупательной способности государственных организаций и предприятий.

Рост цен в условиях необеспеченной эмиссии денег препятствовал производственной деятельности, но поощрял торговлю, которая, скорее, приспособливалась к падению ценности бумажных купюр. Щедрое предложение центральным банком червонцев способствовало летнему оживлению оптового городского рынка. Но всплеск деловой активности оптовиков был искусственным, спекулятивным. Он не сопровождался расширением спроса в рознице. Фабричная продукция оседала в местах хранения торговых организаций. Товарные запасы образовывались за счет коммерческого, вексельного кредита. Количество червонцев, выданных по вексялям и под товары, росло и составляло в 1923 г.: 1 апреля 1,97 млн руб., 1 мая 3,41 млн руб., 1 июня 4,28 млн руб., 1 июля 5,01 млн руб., 1 августа 7,24 млн руб., 1 сентября 8,76 млн руб.¹⁷

Концентрация ресурсов в торговле намного опережала пополнение оборотного капитала промышленных предприятий. Платежеспособный спрос субъектов государственного предпринимательства сдвигался от хозрасчетных трестов к синдикатам, т.е. от нужд производителей к запросам торговых посредников. С мая по

¹⁵ См.: *Первушин С. А.* Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 245, 246.

¹⁶ См.: *История социалистической экономики СССР*. Т. 2. С. 267.

¹⁷ См.: *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 246.

октябрь 1923 г. происходил процесс «вымывания» лишних инфляционных денег из сферы производства в сферу обращения.

Повышение оптовых цен синдикатами приобретало дополнительный импульс по мере продвижения товаров в розничную торговлю многоступенчатой системой потребкооперации. Розничные цены кооперации превышали оптовые цены синдикатов на ситец в 2,4 раза, на сахар в 2,2 раза, на гвозди в 1,8 раза, на керосин в 1,3 раза¹⁸. Частные торговцы, обеспечивавшие 90% деревенских покупок, поднимали цены еще на 20–30%.

Инфляционная эмиссия банковских билетов, с одной стороны, поддерживала рост цен на промышленные потребительские товары, с другой стороны, урезала покупательную способность населения. Чисто технические трудности возникли из-за «разменного голода» – дефицита мелких купюр червонцев в обращении, который, по словам современников, «совершенно парализовал» розничную торговлю. Банкноты разменивались с большими скидками от 400 до 900 руб. (дензнаками 1923 г.) на червонец, при его курсе в 4 500 руб.¹⁹

Доходы крестьянства – главного покупателя на потребительском рынке – неуклонно падали в 1923 г. и опустились до критической черты в начале осени, в период интенсивной сдачи продналога и минимально низких цен на зерно. Товарооборот между городом и деревней практически замер в ситуации непреодолимого разрыва цен и доходов. В условиях сезонной распутицы крестьяне почти прекратили покупать изделия государственных предприятий.

В крупной промышленности и оптовой торговле наблюдалось «затоваривание». С начала 1923 г. в казенном секторе экономики непрерывно росли запасы готовой продукции с неэластичным спросом – нереализованные машины и орудия аграрного труда. На заводах и складах синдиката «Сельмаш» скопилось свыше 30 000 плугов, 2 150 сеялок, 3 000 сенокосилок, более 12 000 молотилок и т.д.²⁰ ВСНХ и Госплан принимали постановления, запрещавшие расширять выпуск сельскохозяйственных машин,

¹⁸ См.: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 53.

¹⁹ См.: Первушин С. А. Указ. соч. С. 247.

²⁰ См.: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 46.

угрожая директорам предприятий судом. К осени 1923 г. склады текстильного и кожевенного синдикатов переполнились такими «ходкими» товарами, как мануфактура (ситец) и обувь.

Разразившийся кризис сбыта показал, что наступило качественное изменение потребительского спроса и всей рыночной ситуации. По мере подъема цен спрос населения уменьшался и сосредоточивался на неэластичных товарах, прежде всего на предметах первой необходимости. Резкое падение покупательной способности денег и доходов не только сократило суммарный спрос, но и переключило потребление крестьян с дорогих и высококачественных товаров на их дешевые заменители с худшими потребительскими свойствами.

Видя запредельную дороговизну изделий фабрично-заводской промышленности, сельские жители занялись самостоятельным домашним изготовлением ткани и обуви. Высокие цены возродили мелкую кустарную промышленность, позволили ей успешно соперничать на провинциальных рынках с казенными трестами. О соотношении сил двух различных укладов можно судить по следующим оценкам специалистов: в 1922/23 хозяйственном году в деревне было продано кустарных изделий на сумму 535 млн руб., а городская промышленность сумела сбыть крестьянам продукции лишь на сумму 400 млн руб.²¹ Перемены в платежеспособном спросе отразились на структуре производства и предложения товаров. Это определило конъюнктуру отечественной экономики.

В первые годы нэпа долгосрочная динамика народного хозяйства характеризовалась постепенным подъемом. Шло восстановление довоенных размеров производства продукции, межотраслевого разделения труда, экономических укладов и механизмов регулирования частногосударственной экономики. Вокруг этой длительной, повышательной тенденции колебалось текущее рыночное равновесие спроса и предложения товаров, интересов производителей, торговцев и потребителей.

Улучшение дел в сельском хозяйстве подготовило почву для оживления индустрии и налаживания торговых связей этих отраслей. В такой ситуации образование синдикатов и перевод тре-

²¹ См.: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 54.

стов на коммерческий расчет позволили казенному сектору занять господствующее положение на внутреннем рынке страны и навязать выгодное для себя повышение цен на промтовары. Под давлением государственного предпринимательства стали «дрейфовать» пропорции рыночного обмена.

Движение к новому состоянию рыночного равновесия началось на рубеже 1922–1923 гг. вместе с расхождением «ножниц» промышленных и сельскохозяйственных цен. Оно продолжилось в месяцы интенсивной эмиссии банковской валюты. Государство явно «переборщило», укрепляя собственные позиции на рынке. В процессе увеличения разрыва в ценах городских и сельских продуктов советская экономика удалялась от вектора сбалансированного восстановления и развития. Текущее макроэкономическое (народнохозяйственное) равновесие все сильнее отклонялось от своей многолетней, прогрессивной тенденции.

Предельный уровень обмена торговых эквивалентов был достигнут в октябре 1923 г., когда «раствор ножниц» цен раскрылся максимально, а кризис сбыта изделий крупной промышленности обострился до крайности. Разница цен между промышленным и сельскохозяйственным индексами равнялась 320%. По оценке соучастника происшедшего, председателя ВСНХ А.И. Рыкова, из этой величины на долю «красных директоров» – руководителей фабрик, трестов, синдикатов – приходилось 163%²². Следовательно, одна половина расхождения ценовых пропорций объяснялась объективными условиями производства и вредной практикой монопольного хозяйствования. Другую половину можно записать на счет кредитно-денежной политики Госбанка и Наркомфина.

В рамках государственного предпринимательства был осуществлен комплекс мер, сдвинувших экономику страны в сторону стабильного долгосрочного роста. Сжатие «лезвий ножниц» цен означало нормализацию отношений обмена между двумя важнейшими частями российского хозяйства: государственными «корпорациями» – трестами, синдикатами – и индивидуальными производителями, мелкими частнокапиталистическими предприятиями.

²² См.: Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 256.

Правительство воздействовало на оба сектора экономики с учетом механизмов их регулирования, изменяя условия спроса и предложения товаров. Первым шагом к рыночной стабилизации явилось экстренное ограничение выпуска червонцев. Месячный темп кредитной эмиссии, доходивший в июле до 60%, спустился в сентябре до 30% и застыл близ нулевой отметки в ноябре месяце.

Практически полное прекращение кредитования трестов и синдикатов в октябре – ноябре 1923 г. оборвало спекулятивный всплеск биржевой торговли и накопление нереализованных запасов промышленной продукции. На оптовом рынке воцарилась депрессия. Обороты 100 торговых объединений ВСНХ в сентябре составляли 99,9 млн руб., в октябре – 53,7 млн руб., в ноябре – 59,8 млн руб. Сумма сделок на Московской товарной бирже, взлетевшая в июле до 155,8 млн руб., в сентябре спала до 98,1 млн руб., в октябре – до 80,8 млн руб., в ноябре составила 96,2 млн руб.²³ Аналогичная динамика торгов наблюдалась и на провинциальных биржах.

Застой в торговле заставил продавцов промышленных товаров понижать цены. Общий индекс оптовых цен промышленности с наивысшей отметки в октябре – 2,757 скатился до уровня 2,291 в декабре, т.е. уменьшился на 17%. За то же время оптовые цены снизились: на ситец на 17,6%, гвозди 11,5%, сахарный песок 23,5%, соль 25%, махорку 23,4%, керосин 11,2%, спички 19,8%. Параллельно с оптовыми ценами поубавились и розничные цены: на ситец на 18,8%, гвозди 12,7%, сахарный песок 31,5%, соль 16,8%, махорку 23,6%, керосин 6%, спички 21,1%²⁴.

Падение цен и сжатие торгового оборота отрицательно сказались на производстве промтоваров. Ежемесячная выработка продукции промышленности сократилась с октября по декабрь 1923 г. со 120,8 до 114,9 млн руб., или на 4,9%²⁵. Депрессивная приостановка промышленности подтолкнула директоров предприятий к рационализации хозяйственной деятельности, уменьшению себестоимости производства продукции и накладных расходов. Сни-

²³ См.: *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 250.

²⁴ Рассчитано по: *Малафеев А. Н.* Указ. соч. С. 388.

²⁵ См.: *Первушин С. А.* Указ. соч. С. 250.

жению издержек и оптовых цен трестов способствовало удешевление сырья и понижение акцизных налогов. Условия предложения и реализации индустриальных изделий улучшились.

Экономическая политика правительства повлияла и на частнохозяйственный аграрный уклад. С осени 1923 г. произошло оживление зернового рынка под воздействием растущего спроса на хлеб. «Даровое» снабжение продовольствием рабочих и служащих заменила обычная покупка продуктов по рыночной стоимости. Возобновление традиционного платежеспособного спроса горожан раздвинуло границы внутреннего рынка зерна.

Другим фактором, благодатным для сельского хозяйства, стало возобновление интенсивного экспорта хлеба и увеличение объема хлебозаготовок. Массовая закупка зерна опиралась на эмиссию денег. Мощный поток кредитов расширил спрос и поднял цены на продовольствие. Индекс сельскохозяйственных цен с октября по декабрь 1923 г. вырос с 0,888 до 1,081, или на 21,7%, а к марту 1924 г. он «подлетел» до отметки 1,703, т.е. почти удвоился²⁶.

Подорожание зерна существенно обогатило доходы крестьян, восстановило их спрос на рынке промышленной продукции. С декабря 1923 г. пошла бойкая торговля товарами крупных предприятий. Это уверенное движение хозяйственной конъюнктуры «снизу» – от розницы – передалось в оптовую торговлю. Дополнительным моментом оздоровления промышленного рынка было свертывание «самотканки» по мере снижения цен на фабрично-заводские изделия и возрастание платежеспособного спроса деревни.

Рассасывание товарных запасов дало толчок подъему производства и заработной платы на крупных промышленных предприятиях, послужило сигналом для обратного притока квалифицированной рабочей силы, покинувшей города в голодные годы. Сжатие «ножниц цен» и ликвидация кризиса сбыта приблизили отечественное хозяйство к такому уровню рыночного равновесия, который мог поддерживать длительный, устойчивый экономический рост.

²⁶ См.: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 378.

Осенний кризис сбыта индустриальных изделий явил собой образец «классического» торгового кризиса²⁷, ибо он был вызван перенакоплением товарных запасов и динамикой цен. Механизмом создания кризисной ситуации послужил краткосрочный кредит. На заемные средства тресты и синдикаты организовали спекулятивное повышение промышленных цен, что привело к сокращению покупательского спроса и затовариванию их складов. Итог спекулятивной горячки в рыночной экономике был закономерным. Ограничение доступа к денежным ресурсам вынудило продавцов снижать цены, даже себе в убыток, ради рассасывания товарных залежей и увеличения количества продаж.

Наступление кризиса сбыта знаменовало собой переход советской экономики в качественно иное состояние, отличное от ситуации первых двух лет нэпа. Усложнилась структура внутреннего рынка страны и обогатился механизм его регулирования. Дифференцировался госсектор; из единого бюджетного хозяйства выделился блок предприятий, которые освоили хозрасчетную деятельность и занялись коммерческим ведением дел, ориентированным на максимальную прибыль. Эта часть казенной промышленности, сгруппированная в тресты, составила корпоративный уклад, способный добиваться господствующего положения на рынках продукции. Образование государственных торговых синдикатов превратило рыночное превосходство трестированных предприятий в фактическую монополию.

Помимо продовольствия и изделий ремесленно-кустарного изготовления, в продажу поступили продукты крупной индустрии.

²⁷ Н. Д. Кондратьев вслед за А. Маршаллом писал о трех видах рыночного равновесия. Первый вид рыночного равновесия связан с краткосрочными колебаниями конъюнктуры длительностью от нескольких месяцев до года, в основе которых лежит динамика цен и товарных запасов при постоянном объеме выпуска продукции. Равновесие второго порядка обусловлено инвестициями в расширение производственных мощностей предприятий. С ним связаны более серьезные, среднесрочные колебания конъюнктуры продолжительностью в несколько лет. Долгосрочные, охватывающие десятки лет спады и подъемы в экономике вызываются перестройкой ее отраслевой структуры. Такие большие волны в хозяйственной жизни формируют рыночное равновесие третьего порядка. Подробнее об этом см.: *Маршалл А. Принципы политической экономии* : в 3 т. М., 1984. Т. 2. С. 65–66 ; *Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики*. М., 1989. С. 216–217. Соответственно перечисленным экономическим циклам в практике наблюдается три вида кризисных явлений (нарушений устойчивости макроэкономического равновесия): торговые, инвестиционные и структурные кризисы.

Исходное общественное разделение труда между городской промышленностью и сельским хозяйством после продрозверстки и натурального налога обрело современную форму купли-продажи товаров. Над розничным рыночным оборотом разрослась надстройка оптовой торговли. Возродился институт товарных бирж. Реабилитация банковских учреждений стала средством для осуществления безналичных денежных расчетов и кредитования оптовых сделок. Наличное обращение казначейских денежных знаков, приспособленных для мелких платежей и штучных покупок, дополнилось циркулированием кредитных билетов.

Введение твердой валюты предоставило хозяйственникам надежный измеритель издержек и цен. В экономике проснулась былая чувствительность к ценовым сигналам. Отечественное хозяйство стало более рыночным. Торговля «склеивала» экономику СССР из разрозненных кусков в единый многоукладный, многоотраслевой комплекс с многослойным механизмом регулирования. Рядом с гибкими розничными ценами начали складываться относительно жесткие оптовые цены. Соизмерение доходов и расходов вернуло на свое место мотив присвоения прибыли. Вместе с коммерческим кредитованием объявился и банковский процент, который мог регулировать норму прибыли используемого капитала, а через нее управлять ценами. Возникла потребность подсчитывать и повышать эффективность предпринимательства.

Окрепла взаимозависимость между укладами, возросла мощь доминирующего казенного сектора. Государство уже диктовало свою волю остальным укладам не только посредством безэквивалентного изъятия доли валового национального продукта в виде налогов и необеспеченной эмиссии денег, но и при помощи рыночных рычагов – цен на товары и услуги, кредитной политики Госбанка и т.п.

Обретаемая целостность российского хозяйства ощущалась в изменении характера колебаний конъюнктуры. В первые два года нэпа на динамику советской экономики решающее влияние оказывали урожай в сельском хозяйстве и выпуск в обращение бумажных денежных знаков. На сезонные перепады деловой активности налагали отпечаток месячные или квартальные всплески эмиссии

совзнаков. Равновесие на внутреннем рынке устанавливалось под воздействием натуральных потоков продукции и спроса, обслуживаемого неэластичным наличным обращением «наркомфиновских» рублей.

В 1923 г. в общий процесс конъюнктурных колебаний вплелись некоторые отрасли промышленности, оптовая торговля и банковская система. Особую роль сыграло кредитование в червонной валюте, которое размягчило границы спроса и предложения промышленных трестов и синдикатов, повысило подвижность экономики. Вероятность отклонения макроэкономического равновесия от устойчивого диапазона возросла. Возможность возникновения сбоев в продаже превратилась в действительность.

Переход отечественного хозяйства к критическому состоянию равновесия поддерживался эмиссионной политикой государства. Безоглядный выпуск кредитных денег дал возможность восполнить оборотный капитал казенных предприятий и синдикатов, выстроить «пирамиду» цен, покрывавших внушительные производственные издержки и торговые наценки, перелить часть капитала из промышленности в коммерцию, организовать спекулятивное оживление городского оптового рынка, прокредитовать накопление сверх нормы товарных запасов и компенсировать сокращение розничной продажи промтоваров вексельными взаимозачетами.

Чем дальше уходил баланс торгового оборота российско-го рынка от своей долговременной тенденции, тем более шатким становилось рыночное равновесие. Выяснилось, что шаги, направленные на завоевание новых позиций государственным предпринимательством, вели к противоположным последствиям. Централизованное управление народным хозяйством утрачивало эффективность, поскольку правительство само портило рычаги воздействия на стихийное течение экономических процессов.

Заметно ослабли государственные финансы. Инфляция обесценила все денежные доходы бюджета: поступление средств от казенных предприятий, налоги, собираемые с граждан и вносимые частными предпринимателями, и т.д. Особенно чувствительный урон нанесло Наркомфину относительное падение цен на зерно. Крестьяне сдавали налог совзнаками взамен натурального эквивалента, что на 40% снижало реальную стоимость платежей.

К исходу лета 1923 г. выдохлась кредитная эмиссия. Просроченная кредиторская задолженность трестов и синдикатов возрас- тала из-за невозврата ссуд под векселя. Ухудшилось обеспечение червонцев ликвидными банковскими активами. Темпы инфляции сравнялись с падением покупательной силы бумажных денег в во- енные годы. Государственный банк СССР лишился возможности проводить активную кредитно-денежную политику. Система па- раллельного хождения двух денежных единиц разладилась. Одна ее часть – эмиссия твердой валюты – оказалась заблокированной. Другая составляющая – казначейская эмиссия – была предоставле- на саморазрушению.

Прилив кредитных ресурсов в оптовую торговлю подхлестнул рост цен и спекулятивное расширение биржевых сделок, затруд- нил реализацию изделий трестовской промышленности. Синдика- ты попали в тупик складского затоваривания и разрыва связей с розничными торговцами. В ноябре 1923 г. потерпел банкротство аппарат потребительской кооперации.

Трудности со сбытом продукции уменьшили приток денег на расчетные счета трестов. Участились перебои с выплатой зарабо- той платы персоналу предприятий. Рабочие с фабрик и заводов потянулись в деревню. Началось депрессивное сокращение про- мышленного производства, которое достигло минимума в декабре 1923 г., т.е. через два месяца после падения оборотов товарных бирж до своей нижней, кризисной точки.

Расхождение «ножниц» цен отобрало конкурентные преиму- щества у крупной промышленности. Продукция казенных пред- приятий стала вытесняться с розничного сельского рынка товарами частников – местных кустарей и ремесленников. Деревня изволила «эмансипироваться» от города в ответ на несправедливый переко- с пропорций товарного обмена. Перед хозрасчетными трестами за- маячила перспектива утраты самого емкого рынка – крестьянского.

У государства иссякли резервы для бюджетной и кредитной помощи своим промышленным и торговым заведениям. Стало быть, исчезли условия для критического отклонения макроэконо- мического равновесия от тенденции длительного поступательно- го развития. Правительство было вынуждено вносить поправки в

ход хозяйственных преобразований. Преследуя собственные цели, государственная власть сохранила реконструируемые механизмы рыночного регулирования и отступила под напором рыночных сил. Подавление интересов крестьян, которые составляли самый многочисленный слой налогоплательщиков, потребителей и частных производителей, сменилось мероприятиями противоположной направленности.

Кризис сбыта не следует считать инвестиционным, т.е. кризисом перепроизводства. Он потряс оптовую торговлю и почти не затронул производство на больших предприятиях. Хранение избыточных запасов готовой продукции не было обусловлено наращиванием производственных мощностей фабрик и заводов. Многие из них работали с неполной загрузкой оборудования. Краткосрочные банковские ссуды направлялись, во-первых, на учет векселей с целью продвижения промышленной продукции к потребителю и для заготовки сырья, топлива, во-вторых, на восполнение недостатка оборотного капитала предприятий.

Заемные средства практически не использовались для вложений в основной капитал хозрасчетных трестов, ибо еще не сформировалась система долгосрочного кредитования по причине отсутствия в стране сколько-нибудь значительных накоплений. Инвестиционный комплекс находился на содержании скудного бюджета. Поэтому кризисных явлений, связанных с перенакоплением основного капитала, быть не могло. А конъюнктурные колебания происходили в рыночной части экономики, которая преимущественно охватывала обмен предметами потребления и сырьем между городом и сельской местностью.

Выход отечественного хозяйства из депрессии оказался довольно мягким. В государственном секторе имелись резервы снижения торговых накидок и производственной себестоимости, что было следствием восстановительного подъема экономики. Расплатой за преодоление кризиса сбыта стали окончательная утрата совознака в качестве казначейской валюты и неизбежность дальнейшего реформирования системы денежного обращения.

Продуктивность казначейской эмиссии с мая 1923 г. обнаружила тенденцию к резкому снижению, и в феврале 1924 г. она практически сошла на нет. Дальнейшее массовое тиражирование ста-

рых казначейских денег, сумма которых на 1 марта 1924 г. достигла астрономической величины 809 625 млн руб. по номиналу 1923 г.²⁸, лишилось экономического смысла вместе с остатками их покупательной силы. С позиций государственного предпринимательства эмиссионная политика стала приносить больше ущерба, нежели выгоды. Интересы главного действующего в экономике лица потребовали завершения реформирования денежной системы.

Учитывая сложившуюся ситуацию в экономике, правящая политическая элита приняла четыре законодательных акта по перестройке денежного обращения²⁹. Первым постановлением реформы был декрет ЦИК и СНК от 5 февраля 1924 г. о выпуске казначейских билетов нового образца достоинством 5 руб., 3 руб., 1 руб. золотом. Декрет не устанавливал соответствия ценности казначейского билета ни с советским денежным знаком, ни с банковским червонцем. Законодатели прописали лишь одну норму – количество эмитированных казначейских билетов не должно превышать половины суммы обращающихся червонцев. Это было чисто техническое требование, ведь доля мелких бумажных купюр и металлической монеты в российском денежном обороте традиционно колебалась вокруг отметки 40%. Второй декрет ЦИК и СНК от 14 февраля 1924 г. обязал прекратить изготовление на печатных фабриках Наркомфина советских денежных знаков и их эмиссию.

22 февраля 1924 г. увидел свет декрет ЦИК и СНК о выпуске и чеканке серебряной и медной монеты – третий из серии «денежных» указов правительства. Этот документ был подготовлен с учетом мнения крестьян. Экономисты отмечали особую значимость психологических моментов³⁰. Появление серебра и меди должно было воочию показать, что государство взяло курс на твердую валюту. За основу был принят дореволюционный монетный устав. Гражданам предлагались монеты, которые они привыкли держать в руках до войны. В них сохранились содержание чистого серебра и меди, лигатурный вес, диаметр и пр. Только внешний облик монет был изменен. Они штамповались по новым рисункам.

²⁸ См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 276.

²⁹ Там же. С. 292–299.

³⁰ См.: Лоевский Д. Денежное обращение за 10 лет // Вестн. финансов. 1927. № 11. С. 110.

Постановления о чеканке металлических денег декларировали выпуск серебряной монеты высокой пробы достоинством в 1 руб. и 50 коп., серебряной монеты низкой пробы (биллонной) номиналом в 20 коп., 15 и 10 коп., а также медных монет стоимостью в 5, 3 и 1 коп.

Заключительным актом денежной реформы оказалось постановление СНК от 7 марта 1924 г. о фиксации курса бумажного рубля и выкупе советских знаков. Курс старого бумажного рубля закреплялся на 10 марта 1924 г. в соотношении 50 000 руб. денонмированными знаками 1923 г. за 1 руб. золотом казначейскими билетами нового образца. Если же считать пропорцию к бумажным деньгам в дореволюционных и революционных купюрах до 1921 г., то она выявит обесценение в 50 млрд раз. Так сказались социально-экономические потрясения державы на судьбе ее национальной денежной системы.

Денежная реформа, начатая в феврале 1924 г., в основном была закончена летом того же года. Но преобразования в сфере хождения денег остались в некотором смысле незавершенными. Во-первых, вместе с банковской эмиссией сохранилась казначейская. Во-вторых, соотношение товарных цен не удалось вернуть к исходному уровню лета 1923 г., т.е. к состоянию рынка до осенней инфляции и предреформенной дезорганизации хозяйственного оборота.

Насыщение сферы обращения мелкими казначейскими деньгами в ходе реформы происходило весьма медленно, что видно из табл. 6.5.

Таблица 6.5

Структура наличной денежной массы в 1924 г., %

Дата	Доля в денежной массе купюр ценностью		
	менее 1 руб.	от 1 до 5 руб.	10 руб. и выше
1 января	5,7	20,6	73,7
1 февраля	6,8	13,8	79,4
1 марта	8,6	10,9	80,5
1 апреля	7,1	19,3	73,6
1 мая	8,6	24,3	67,1
1 июня	7,1	32,6	60,3
1 июля	8,1	31,2	60,7
1 августа	10,6	32,7	56,7

Сост. по: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 332.

Обмен бумажных денег на купюры нового образца вызвал жестокий разменный кризис, длившийся несколько месяцев. На момент фиксации обменного курса совзнаков, т.е. на 10 марта, мелкие средства платежа номиналом менее 10 руб. составляли пятую часть всей денежной массы. Только к исходу лета 1924 г. соотношение долей купюр различной ценности достигло нормального уровня: 45% мелких казначейских денег и 55% крупных банкнот.

На протяжении почти четырех месяцев – с февраля по май – недостаток разменных денег сопровождался высокими лажами – излишками над нарицательной стоимостью казначейских билетов и монеты по отношению к червонным банкнотам. Лажи на разменные купюры поднимались до 30 % и выше. Погоня за мелкими денежными знаками была такой же рьяной, как и бегство от них накануне реформы³¹.

Решающим условием стабильности рублевой денежной системы было государственное предпринимательство во всем его многообразии. Проведение денежной реформы оказалось возможным благодаря резкому сокращению бюджетного дефицита, для закрытия которого ранее применялся необеспеченный выпуск бумажных рублей. Но государственные финансы по истечении трех лет нэпа еще не имели источников быстрого и качественного роста.

Приток налоговых сборов и средств государственного кредита ослабил зависимость бюджета от необеспеченного выпуска совзнаков. Удельный вес эмиссионных поступлений в денежных доходах казны снизился с октября 1922 г. по октябрь 1923 г. почти в 4 раза – с 50,3 до 13,5%³². Появилась надежда на сокращение и ликвидацию бюджетного дефицита. Однако налоговая составляющая бюджета не приобрела желаемую эластичность. За годы войн и революций народный доход упал примерно в 2 раза – с 15–16 до 7–8 млрд руб. Если до Первой мировой войны население отдавало в казну 16% своего дохода, то на момент появления новых денег оно вносило налоги в сумме 10% собственных дохо-

³¹ См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 332.

³² См.: Лоевский Д. Денежное обращение за 10 лет. С. 108, 109.

дов. Налогопособность граждан ухудшилась, а бремя обязательных выплат относительно потяжелело³³.

Государственный кредит еще не стал весомым источником привлечения незанятых денег в бюджетные фонды. Наркомфин осуществил два хлебных займа и один сахарный заем, кратковременный. Облигации таких займов продавались за деньги, а погашались натуральной выдачей продуктов. Доходы от размещения хлебных займов составили в 1922 г. 7,6 млн руб., в 1923 г. 47,8 млн руб. золотом³⁴. В 1922 г. был принудительно реализован первый 6%-ный денежный заем. Отход от принципа добровольности государственного кредитования вызывался тем, что его облигации котировались на рынке в 2 раза дешевле номинальной стоимости, которую покупатель уплачивал финансовому ведомству. Таким образом казначейство присваивало курсовую разницу от продажи своих бумаг.

Существование огромного госсектора оказывало двойственное влияние на доходы и расходы бюджета. С одной стороны, правительство вынужденно было компенсировать убытки изрядного числа предприятий. С другой стороны, перевод многих промышленных трестов на коммерческий расчет обеспечил отчисление в бюджет большей части их прибыли. В период нэпа соотношение доходов и потерь в госсекторе неуклонно смещалось в пользу первых, поскольку отечественная экономика выкарабкивалась из «глубокого оврага» разрухи. В целом же, как показывал опыт, наличие национализированной индустрии было фактором финансовой стабилизации.

³³ См.: *Кузовков Д. В.* Перспективы денежного обращения в ближайший период // Вестн. Коммунистической академии. 1925. Кн. 10. С. 178.

³⁴ См.: *Юровский Л.* К истории и теории наших денежных займов // Вестн. финансов. 1929. № 1. С. 4.

Глава 7

Создание индустриально ориентированного государственного предпринимательства (1924/25–1925/26 годы)

В 1924 г. стало явственно ощущаться свертывание предпринимательской свободы и навязывание зависимости промышленных предприятий от вышестоящих управленческих инстанций. Ближайшим поводом к тому послужило опасение очередной червонной инфляции из-за самовольного повышения отпускных цен трестами и синдикатами по завершению денежной реформы.

Правительство пошло по пути подавления хозяйственной самостоятельности отдельных промышленно-торговых объединений монопольного типа – трестов и синдикатов – ради упрочения монополии казенного сектора как единого целого. Такие мотивы лежали у истоков создания Комвнторга, коему поручили содействовать вытеснению частной торговли государственным торговым аппаратом. Подобными устремлениями объяснялось и образование в составе ВСНХ Центрального управления государственной промышленностью – Цугпрома.

Февральские мероприятия 1924 г. Комиссии по внутренней торговле, направленные на уменьшение оптовых, отпускных цен, знаменовали собой наступление второй кампании регулирования ценовых пропорций с момента удачной борьбы с «ножницами» цен осенью 1923 г. Для успеха в этом деле имелись некоторые

предпосылки. Промышленность и торговля располагали неплохими товарными запасами. Стабилизация национальной валюты в процессе денежной реформы ликвидировала причины страховых надбавок к ценам, которые широко применялись для компенсации курсовых потерь в последние месяцы падавшего совзнака. Появление новых денег замедлило скорость обращения платежных средств. Твердые рубли можно было спокойно хранить на счетах и в кассах предприятий, в домах граждан. Спало ажиотажное напряжение спроса, и он уменьшил давление на цены в сторону их повышения. Тенденции ценовых колебаний можно проследить по данным табл. 7.1.

Таблица 7.1

**Индексы товарных цен в 1923–1927 гг., уровень 1913 г. принят за 100
(на первые числа месяцев)**

Дата	Всесоюзный индекс оптовых цен Госплана (ЦСУ)			Всесоюзный индекс розничных цен Конъюнктурного института Наркомфина, частная торговля			Всесоюзный индекс розничных цен Конъюнктурного института Наркомфина, общественная торговля *		
	общий	сельскохозяйственных товаров	промышленных товаров	общий	сельскохозяйственных товаров	промышленных товаров	общий	сельскохозяйственных товаров	промышленных товаров
1923 г.									
июнь	126	86	185	139	95	208	–	–	–
июль	145	102	207	155	106	224	–	–	–
август	158	102	246	184	135	252	–	–	–
сентябрь	157	92	270	168	95	266	–	–	–
октябрь	157	89	276	167	92	273	–	–	–
ноябрь	149	92	243	169	104	259	–	–	–
декабрь	157	108	229	172	121	244	–	–	–
1924 г.									
январь	169	124	229	180	134	235	–	–	–
февраль	186	153	227	201	159	253	–	–	–
март	193	170	219	203	159	255	–	–	–
апрель	180	156	209	207	172	242	–	–	–
май	175	151	203	213	187	238	–	–	–
июнь	166	137	201	206	173	243	–	–	–

Дата	Всесоюзный индекс оптовых цен Госплана (ЦСУ)			Всесоюзный индекс розничных цен Конъюнктурного института Наркомфина, частная торговля			Всесоюзный индекс розничных цен Конъюнктурного института Наркомфина, общественная торговля *		
	общий	сельскохозяйственных товаров	промышленных товаров	общий	сельскохозяйственных товаров	промышленных товаров	общий	сельскохозяйственных товаров	промышленных товаров
1924 июль	169	141	202	210	179	245	–	–	–
август	175	151	203	225	203	248	–	–	–
сентябрь	172	148	201	219	192	248	–	–	–
октябрь	164	130	199	206	172	248	192	163	210
ноябрь	164	135	198	203	167	244	191	162	210
декабрь	168	145	195	205	174	240	192	169	207
1925 г.									
январь	172	152	194	205	177	232	193	171	206
февраль	178	164	193	208	185	232	192	170	205
март	183	176	191	211	193	229	190	166	204
апрель	194	198	191	217	208	227	195	175	206
май	197	202	191	221	217	225	197	182	206
июнь	191	193	190	219	217	222	197	182	204
июль	188	186	190	218	217	219	195	179	204
август	175	161	190	210	199	221	197	182	205
сентябрь	173	155	193	208	190	227	193	175	203
октябрь	174	156	195	215	192	239	197	178	208
ноябрь	175	156	196	217	191	245	196	178	206
1926 г.									
январь	183	169	198	226	204	248	200	183	209
февраль	190	181	200	230	213	248	203	189	210
март	194	188	200	234	219	249	205	195	210
апрель	196	191	202	241	220	262	207	198	212
май	197	190	203	250	230	271	208	201	212
июнь	189	176	203	243	218	268	207	197	213
июль	183	164	204	236	209	266	205	191	212
август	181	162	203	234	206	264	202	187	211

Дата	Всесоюзный индекс оптовых цен Госплана (ЦСУ)			Всесоюзный индекс розничных цен Конъюнктурного института Наркомфина, частная торговля			Всесоюзный индекс розничных цен Конъюнктурного института Наркомфина, общественная торговля *		
	общий	сельскохозяйственных товаров	промышленных товаров	общий	сельскохозяйственных товаров	промышленных товаров	общий	сельскохозяйственных товаров	промышленных товаров
1926 сентябрь	180	156	204	231	201	263	199	182	209
октябрь	179	157	204	230	199	264	198	180	209
ноябрь	178	156	203	234	205	266	198	180	208
декабрь	178	155	204	235	205	268	198	181	208
1927 январь	177	154	203	235	208	270	197	181	207
февраль	179	157	203	236	207	267	197	181	206
март	179	159	200	237	209	268	194	179	202
апрель	177	160	196	238	210	268	190	175	198
май	175	158	194	–	–	–	188	174	196
июнь	174	157	193	–	–	–	185	172	193
июль	173	157	191	–	–	–	184	171	192
август	171	156	189	–	–	–	183	170	191
сентябрь	170	154	188	–	–	–	183	171	189
октябрь	170	154	188	–	–	–	183	173	189

Примечание. * Государственная и кооперативная торговля. Сост. по: Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963). М., 1964. С. 378–380, 382–384.

Общий индекс оптовых цен резко подскочил в феврале – марте 1924 г., но затем до середины лета шел на убыль. Оптовые цены промышленных изделий за те же полгода понизились на 12,2 %. Сельскохозяйственные оптовые цены в июне были выше январских на 9,8%, однако они заметно уменьшились в сравнении с мартовским максимумом. Менее утешительные изменения происходили с ценами розничного рынка. Здесь подъем общего индекса цен в 1924 г. продолжался дольше, чем в оптовом обороте. Разменный

кризис сотрясал розничную торговлю до конца весны, пока для наличных расчетов не хватало мелких денег. Уровень розничных цен немного понизился к июню 1924 г., но так и остался выше январских, февральских и даже мартовских значений.

На динамике цен ошутимо сказывались восстановительные процессы в отечественной экономике, которые подошли к своему завершению в 1926/27 г. Такой вывод позволяет сделать знакомство с показателями таблицы 7.2. Через три года после окончания денежной реформы по ряду параметров советское хозяйство достигло уровня 1913 г. и даже превзошло его.

Таблица 7.2

Основные показатели народного хозяйства России в 1913 г. и СССР в 1923/24–1926/27 гг.

Показатель	1913	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Валовая продукция промышленности, млн довоенных руб.	3 284,4	1552,8	2559,6	3577,2	4 240,9
Добыча каменного угля, тыс. т	27 204	15 780	16 080	24 420	30 931
Добыча нефти, тыс. т	8 808	5 940	6 960	8 820	10 130
Выплавка чугуна, тыс. т	4 206	660	1 291	2 202	2 963
Выплавка стали, тыс. т	4 247	992	1 868	2 910	3 584
Производство цемента, тыс. т	1 118	354	716	1 300	1 555
Выработка хлопчатобумажной ткани, млн м	2 224	835	1 499	2 028	2 339
Производство кожаной обуви, тыс. пар	8 349	4 056	6 300	8 952	12 235
Производство галош, тыс. пар	27 816	6 180	15 732	25 308	29 628
Производство махорки, т	44 232	21 204	29 076	49 668	56 628
Производство бумаги, тыс. т	139	118	214	251	260
Число рабочих крупной, ценовой промышленности, тыс.	2 482	1 634	1 907	2 414	2 550
Среднемесячная заработная плата в крупной промышленности, червонных руб.	25,0 *	25,10	43,50	54,04	60,41
Индекс реальной среднемесячной заработной платы в крупной промышленности, %	100,0	63,5	79,1	90,8	105,3
Грузооборот железнодорожного транспорта, млн т	11,03	5,62	6,95	9,73	11,31

Окончание табл. 7.2

Показатель	1913	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Валовая продукция сельского хозяйства, млн. довоенных руб.	13 050	8 648	11 046	11 462	11 926
Товарная продукция сельского хозяйства, млн довоенных руб.	3 132	1 394	1 817	1 932	2 193
Валовой сбор зерна, млн пуд.	5 410	4 731	4 525	4 763	4 687
Посевные площади, тыс. га	118 162	99 729	105 672	112 418	115 294
Поголовье лошадей, тыс. голов	35 522	25 315	26 782	29 085	31 258
Поголовье крупного рогатого скота, тыс. голов	60 280	57 973	60 601	64 060	67 835
Поголовье овец, коз, тыс. голов	120 833	96 920	111 461	121 642	134 293
Поголовье свиней, тыс. голов	20 337	19 531	18 807	18 137	20 022

Примечание. * Золотых, довоенных рублей. Рассчитано по: Показатели состояния народного хозяйства СССР (1913–1927 гг.) // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11–12. С. 115, 116 ; Показатели состояния народного хозяйства СССР // Там же. 1928. № 1. С. 9 ; *Первушин С. А.* Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 156 ; История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 326, 384, 449 ; *Струмилин С.* Первые опыты планирования // Плановое хозяйство. 1930. № 12. С. 249 ; *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение // Избр. произв. : в 2 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 183 ; *Акуленко В. П.* Направление, темп, равновесие // Плановое хозяйство. 1929. № 4. С. 64.

Постепенное улучшение организации труда, экономия накладных расходов, интенсификация загрузки оборудования позволяли уменьшать себестоимость продукции и понемногу сбавлять отпускные цены трестов в течение целого года. О взаимосвязи изменений себестоимости изделий и цен в промышленности говорят данные табл. 7.3. Движение цен в среднем по всей промышленности и по группам отраслей довольно точно повторяло тенденцию изменения издержек производства.

В динамике себестоимости за рассматриваемое время прослеживалось три периода. Первый период охватывал 1924/25 г., когда снижение производственных издержек шло споро во всех отраслях индустрии. Второй период включал 1925/26 г. и первое полугодие 1926/27 г., когда росли затраты на производство продукции всей промышленности в целом. При этом по отраслям группы «А» се-

бестоимость продукции увеличилась, а по отраслям группы «Б» снижалась. Третий период – остаток 1926/27 г. – опять знаменовался уменьшением средней себестоимости, исчисленной по всей крупной промышленности и по двум ее важнейшим группировкам.

Таблица 7.3

Динамика себестоимости и отпускных цен промышленной продукции в 1924/25–1926/27 гг., % к предыдущему году

Показатель	1924/25	1925/26	1926/27
Себестоимость продукции крупной промышленности	– 13,3	+ 1,7	– 1,8
Отпускные цены продукции крупной промышленности	– 12,0	– 0,5	– 2,7
Себестоимость продукции отраслей группы «А»	– 14,5	+ 3,4	– 0,7
Отпускные цены продукции отраслей группы «А»	– 14,0	+ 3,1	– 1,1
Себестоимость продукции каменноугольной промышленности	– 13,0	– 1,6	+ 2,3
Себестоимость продукции черной металлургии	– 28,0	+ 3,5	+ 1,8
Себестоимость продукции отраслей группы «Б»	– 12,0	– 1,4	– 2,3
Отпускные цены продукции отраслей группы «Б»	– 12,0	– 8,1	– 3,8
Себестоимость продукции текстильной промышленности	– 17,0	– 5,2	– 3,3
Себестоимость продукции кожевенной промышленности	– 23,2	+ 4,6	+ 1,2

Примечание. «–» – уменьшение, «+» – увеличение. Сост. по: Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен // Вестн. финансов. 1927. № 9. С. 26 ; Турецкий Ш. Я. Проблема издержек производства в процессе ценообразования // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 184, 189.

За три года – с 1924/25 по 1926/27 г. – темпы снижения себестоимости и отпускных цен на продукцию крупных предприятий упали. Замедлился и рост объема их производства. Такое взаимное, синхронное движение издержек изготовления, цен и количества выпускаемой продукции не было случайным. Оно отражало специфику завершающей стадии послевоенного восстановительного подъема отечественной экономики.

Уровень затрат на производство продукции в годы нэпа намного превосходил издержки изготовления важнейших товаров довоенной индустрией. Например, соотношение себестоимости производства в 1924/25 г. и в 1913 г. исчислялось по углю в 180%, перельдному чугуноу 185%, железу сортовому 199%, миткалю

(ситцу) 207%¹. Величина издержек производства предопределяла формирование индекса оптовых промышленных цен вблизи отметки 200.

Вновь сложилась близкая к довоенной структура отечественной экономики. В 1925/26 г. отрасли, перерабатывавшие сельскохозяйственное сырье, произвели 55%, а отрасли группы «Б» – 56,1% всей промышленной продукции². Воспроизведение довоенных пропорций в российском хозяйстве высвечивало закономерный характер воссоздания сокрушенных звеньев. Оно подчеркивало преемственность историко-экономического развития державы, в котором последующее состояние весьма жестко предрекалось предыдущими событиями.

Мощный подъем индустрии осуществлялся благодаря стечению обстоятельств. Сформировался емкий рынок промышленной продукции почти всех видов. Оправившееся от невзгод крестьянство разжилось и предъявило солидный устойчивый спрос на фабричные товары широкого потребления, земледельческие орудия, машины и инвентарь. Поддерживаемые сельским рынком пошли в гору легкая, пищевая, химическая (производство резиновой обуви) и другие отрасли группы «Б». Предприятиям этого профиля продукции понадобились детали и узлы для ремонта оборудования, уголь, металл, строительные материалы, сырье. Таким образом, создавался рынок сбыта для производств группы «А».

Всплеск предпринимательской деятельности привлек на фабрики и заводы многие тысячи граждан, которые возымели растущие доходы. Промышленность опять, как и до войны, стала сама для себя рынком. Ее работники покупали потребительские товары фабричной выделки, а предприятия приобретали друг у друга сырье, материалы, топливо, оборудование и пр. Индустрия вернула себе роль лидера отечественного хозяйства.

Скачок деловой активности опирался не только на развивавшийся спрос, но и на запасы неиспользуемых производственных мощностей, которые смогли дать прирост предложения продуктов.

¹ См.: Шапошиников Н. Задачи и предпосылки политики цен // Вестн. финансов. 1927. № 9. С. 26.

² См.: История социалистической экономики СССР : в 7 т. М., 1976. Т. 2. С. 269.

Простаивавшее оборудование вводилось в строй по мере пополнения оборотного капитала фабрик и заводов. Возмещение потерь оборотных фондов пошло полным ходом после появления в обращении банковского червонца. С окончанием денежной реформы насыщение промышленности оборотным капиталом практически завершилось. Если в 1923/24 г. оборотный капитал предприятий вырос на 70%, то в 1924/25 г. – на 29%, а в 1925/26 г. – только на 10%³.

Выпуск твердой валюты предоставил хозяйственникам надежный измеритель издержек и цен. Предприятия стали калькулировать себестоимость, учитывать и покрывать износ основного капитала. Но до 1924 г. в большинстве отраслей промышленности происходило «проедание» фондов капитальных благ, т.е. фактическое возмещение износа зданий, сооружений, станков и т.п. было меньше суммы начисленной амортизации.

Расширение емкости внутреннего рынка и восполнение оборотного и основного капитала крупной индустрии подготовило ее мощный рывок в 1924/25 г. Именно в это время правительство осознало, что отечественное хозяйство осязаемо придвинулось к рубежам предвоенных лет. Руководство СССР отдавало себе отчет в том, что за периодом восстановления неизбежно наступит время реконструкции, что державе предначертано идти курсом дальнейшей индустриализации. Поэтому созданный в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) «...дал директиву об индустриализации страны...»⁴ Форум партии большевиков фактически констатировал преимущество развития Советского Союза. Закономерности экономических процессов вели страну по пути мировой цивилизации – от аграрного общества к индустриальному.

Черeda революционных потрясений перекроила экономический строй России, но не оборвала связь с прошлым. Поскольку крупная промышленность в ходе национализации попала в казенные руки, постольку индустриализацию отныне суждено было вершить силами государственного предпринимательства. СССР явил собой уникальный опыт преобразования аграрно-промыш-

³ См.: История социалистической экономики СССР : в 7 т. М., 1976. Т. 2. С. 267.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 54.

ленной структуры экономики в индустриально-аграрную, когда не только организатором, но и исполнителем сего действия был государственный аппарат.

Итоговые документы XIV съезда ВКП(б) призывали «...вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток мирового хозяйства, а представлял собой самостоятельную экономическую единицу»⁵. Сочная риторика партийной резолюции рисовала достойную цель – величие индустриальной державы. Но движение в светлое будущее пришлось начинать в обратном направлении, по окольному пути.

Народные комиссары «ничтоже сумняшеся» воспользовались рецептом царских министров, проводивших политику попечительства отечественной индустрии. Советское правительство решило возобновить массированный экспорт сельскохозяйственной продукции, леса и т.п. в интересах получения валюты для закупки новой зарубежной техники, прогрессивных технологий, ввоза некоторых видов сырья. Де-факто была скопирована довоенная модель индустриализации России за счет ее включения в международное разделение труда в качестве поставщика хлеба и природных ресурсов передовым странам.

Среди условий продолжения политики индустриализации державы, начатой еще в XIX веке, важнейшее место занимал аграрный сектор как главный резерв накоплений капитала и рабочей силы. Все основные экономические показатели свидетельствовали о постепенном восстановлении производительности крестьянского труда. Росли и денежные доходы сельских обитателей, которые оценивались в 1924/25 г. суммой 3 262 млн руб., в 1925/26 г. 4 321 млн руб., в 1926/27 г. 4 687 млн руб.⁶

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 245.

⁶ См.: *Лившиц М.* К очередным задачам в области обложения деревни // Вестн. финансов. 1928. № 3. С. 4.

В середине 20-х гг. деревня продвигалась к чаемому довольствию. Потребление основных продуктов питания перешагнуло довоенные нормы⁷, между тем валовая продукция сельского хозяйства едва дотянула до отметки 87% от показателя 1913 г. Это относительно уменьшало товарную часть сельскохозяйственной продукции и сокращало долю накопления в валовых доходах аграриев.

О размерах накоплений крестьян говорили прикидочные подсчеты экономистов. По мнению В. Я. Железнова, накопления земледельческого населения равнялись в 1924/25 г. 483,8 млн руб., в 1925/26 г. – 874,8 млн руб.⁸ Н. Д. Кондратьев предполагал, что сумма крестьянского накопления в 1923/24–1925/26 гг. колебалась по годам от 700 до 1 200 млн червонных руб.⁹ Однако денежная форма накопления не превышала 20–30% всей величины сбережений.

Наблюдалось вынужденное накопление у крестьян, сверх рациональных норм. Если к осени 1925 г. хлебные запасы сельских жителей оценивались приблизительно в 150 млн пуд., то через год уже – в 420 млн пуд.¹⁰ Доля отчуждаемой продукции в валовом производстве зерна уменьшилась в 1923/24–1925/26 гг. с 16,3 до 11,9%¹¹. Крестьяне складировали свои товары дома или потребляли их, снижая товарность сельского хозяйства. Мотивы поведения сельских тружеников объяснялись условиями рыночного обмена продуктами между городом и деревней. Они столкнулись с «товарным голодом», когда за наличные деньги нельзя было приобрести нужных промышленных изделий. Недостаток товаров усугублялся их низким качеством и высокими ценами¹².

⁷ *Варишвер С. С., Падейский Н. А.* Перспективы развития внешней торговли // *Вестн. финансов.* 1927. № 9. С. 59 ; *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение // *Избр. произв. : в 2 кн. М., 1993.* Кн. 2. С. 210.

⁸ См.: *Железнов В. Я.* Накопление в народном хозяйстве СССР // *Вестн. финансов.* 1927. № 9. С. 50.

⁹ См.: *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. С. 94.

¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹ См.: *Виноградский Н.* Перспективы товарного снабжения // *Плановое хозяйство.* 1926. № 11. С. 43.

¹² «Деревня, – по словам Н.Д. Кондратьева, – была поставлена перед дилеммой: выбрасывать возможно больше товаров на рынок, получая в обмен деньги, на которые мало что можно купить, или пойти по пути натурального, но реального накопления, а также по пути повышения норм своего потребления. <...> В условиях роста деревенских доходов, наличия накопленных денежных средств, недоступности рынка фабрикатов, отсутствия косвенных стимулов к реализации сельскохозяйственных продуктов, деревня предпочла и не могла не предпочесть второй путь» (*Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. Кн. 2. С. 58).

Механизмами инвестирования в условиях смешанного рыночного хозяйства с преобладанием частного сектора, как правило, служат фондовая биржа и кредитная система. Но в многоукладной нэповской экономике господствовала казенная форма собственности в промышленности. Она практически исключала свободное создание солидных частных предприятий в виде акционерных обществ. В СССР функционировала лишь наполовину реанимированная государственная банковская система. Поэтому для поддержки хозяйственных преобразований оставалось одно испытанное оружие – кредитно-денежная эмиссия в сочетании с активной ценовой политикой.

О результатах эмиссионных мероприятий Госбанка и Наркомфина повествует табл. 7.4, показывая две тенденции. Первая закономерность – это ярко выраженный сезонный характер ежегодных колебаний денежной массы. Количество денег в обращении интенсивно возрастало в летне-осеннее полугодие. Наибольшее напряжение эмиссия выдерживала в месяцы закупки очередного урожая. Напротив, в зимне-весеннюю пору темпы выпуска рублевых купюр падали, и платежные средства частично извлекались из оборота назад.

Другой тенденцией было устойчивое снижение обеспеченности эмитируемых банкнот золотовалютными резервами. С 50% соотношения между кредитными билетами и суммарными запасами благородных металлов и иностранной валюты Госбанк «съехал» к точке 26,4%. До критической черты 20% обеспечения, установленного декретом от 11 октября 1922 г. о выпуске червонца, оставалось уже «рукой подать».

О состоянии советской денежной системы с 1924 по 1927 г. можно судить и по цифрам табл. 7.5. На всем протяжении рассматриваемого временного горизонта количество напечатанной и отчеканенной казначейской валюты перевешивало половину суммы эмитированных банковских червонцев. Тем самым нарушалось требование декрета от 5 февраля 1924 г. о выпуске казначейских билетов нового образца.

Таблица 7.4.

Показатели обращения бумажных денег в 1924–1927 гг.

Дата	Количество бумажных денег в обращении, тыс. руб.	Прирост («+»), сокращение («-») денежной массы в сравнении с прошлым кварталом, %	Сумма банкнот, переданных в кассу правления Госбанка, тыс. руб.	Обеспечение банкнот золото-валютными резервами, %
1924 г. 1 января	321 947	–	280 000	51,1
1 апреля	383 486	+ 19,1	338 000	50,0
1 июля	463 942	+ 21,0	387 500	50,0
1 октября	577 555	+ 24,5	518 866	44,0
1925 г. 1 января	667 808	+ 15,6	595 968	42,5
1 апреля	742 755	+ 11,2	590 295	42,5
1 июля	729 416	– 1,8	664 655	36,4
1 октября	999 964	+ 37,1	756 640	34,8
1926 г. 1 января	1 119 733	+ 12,0	781 364	33,8
1 апреля	1 053 733	– 5,9	724 088	31,5
1 июля	1 060 357	+ 0,6	726 632	31,3
1 октября	1 181 314	+ 11,4	856 771	27,4
1927 г. 1 января	1 239 665	+ 4,9	885 162	28,9
1 апреля	1 173 145	– 5,4	857 306	32,7
1 июля	1 227 756	+ 4,7	905 503	29,7
1 октября	1 486 600	+ 21,1	1 076 000	26,4

Рассчитано по: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). С. 346, 362, 370; Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. № 1. С. 7.

Таблица 7.5

Структура среднегодовой массы наличных денег в 1923/24–1926/27 гг.

Показатель	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Количество металлических и бумажных денег в обращении, млн руб.	417,0	805,2	1 179,8	1 375,2
В том числе:				
казначейской валюты, млн. руб.	143,7	368,2	482,0	549,4
банкнот, млн руб.	273,3	437,0	697,8	825,8
Соотношение количества казначейской валюты и банкнот, %	52,6	84,3	69,1	66,5

Рассчитано по: Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. С. 7.

Изучение показателей табл. 7.4 и 7.5 позволяет выделить три периода в развитии денежного обращения СССР с 1924 по 1927 г. Первый период охватывал 1924 г. и два квартала 1925 г. Следующий вобрал в себя вторую половину 1925 г. Третий период длился с начала 1926 г. до середины 1927 г.

Первый из очерченных календарных сроков ознаменовался окончанием денежной реформы и непредсказуемым ускорением восстановительного подъема промышленности. С 1 апреля 1924 г. по 1 июля 1925 г. масса бумажных денег увеличилась без малого вдвое. Продолжалось насыщение стремительно развертывавшегося хозяйственного оборота деньгами. Монетный двор казначейства чеканил пореформенные металлические монеты, которые заодно с мелкими бумажными купюрами «заливали пожар» разменного кризиса. Госбанк не только кредитовал скоротечные торговые сделки, но и восполнял недостаток капитала предприятий. Поэтому денежные средства застревают в обращении, медленнее возвращались в банковские кассы. Сгладилась сезонность колебаний товарооборота, так как хлебозаготовки растянулись на более долгие по сравнению с довоенными кампаниями месяцы. Соответственно видоизменились ритм и амплитуда эмиссионной активности финансово-кредитной системы СССР.

Второй период, обьяввший два последних квартала 1925 г., был подготовлен предшествовавшими событиями бурного торгово-промышленного подъема. Реальный выпуск банкнот и казначейских билетов превысил разумные пределы и составил за полгода 390 307 тыс. руб., т.е. дал прирост 53,5% к исходному уровню. Результатом такой кредитной экспансии была инфляция. Реакция правительственных кругов была очевидной. Кредитно-денежная политика свернула в колею сдержанности и открыла свой очередной полуторагодовой период – с января 1926 г. до июля 1927 г. Количество бумажных денег в обращении за 18 месяцев последнего этапа возросло на 108 023 тыс. руб., или на 9,6%.

Прослеживалась зависимость между динамикой денежной массы и кредитными операциями банковской системы Советского Союза. Этот вывод подтверждается табл. 7.6.

Изменение большинства показателей кредитно-денежной сферы шло синхронно, четко вырисовывая генеральную линию, сложенную из половинок. Очень высокий прирост кредитных операций наблюдался с 1923 по 1925 г. Далее темп движения всей банковской сферы замедлился. Так, в 1926 г. ее сводный баланс увеличился на 33,3%, хотя за истекшие два года он вырос на 135,5% и 108,4%. Перелом хозяйственной ситуации в 1925/26 г. был связан с постепенным переходом отечественной экономики из режима восстановления в режим реконструкции и индустриализации.

Первый этап экстенсивного распространения кредитных отношений проходил под знаком денежной реформы и дальнейшего становления банковской системы. До 1925/26 г. банки занимались почти исключительно краткосрочным кредитованием. В 1924–1925 гг. экономический рост обогатил резервы капитала предприятий – амортизационные отчисления и прибыль. Их уже можно было использовать в качестве источников долгосрочного кредита. В это время зародились банки, предназначенные для многолетних инвестиций: Центральный сельскохозяйственный банк (ЦСХБанк) СССР и Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цekomбанк).

Таблица 7.6

Показатели состояния денежно-кредитной системы СССР в 1923–1927 гг.

Показатель	На 1 октября каждого года				
	1923	1924	1925	1926	1927
Количество бумажных денег в обращении, млн руб.	282,0	577,6	999,9	1 181,0	1 486,0
Прирост количества бумажных денег в обращении по сравнению с прошлым годом, %	–	104,8	73,1	18,1	25,8
Эмиссия банкнот, млн руб.	235,0	518,9	756,6	856,8	1 076,0
Прирост эмиссии банкнот по сравнению с прошлым годом, %	–	120,8	45,8	13,2	25,6
Вклады и текущие счета, млн руб.	217,1	561,7	1 306,2	1 485,9	1 570,0
Прирост вкладов и текущих счетов по сравнению с прошлым годом, %	–	158,7	132,5	13,8	5,7
Капитал банков, млн руб.	122,9	295,7	567,1	891,9	1 410,2
Прирост капитала банков по сравнению с прошлым годом, %	–	140,6	91,8	57,3	58,1
Специальные средства кредитной системы, млн руб.	149,7	221,4	324,9	466,8	1 069,2
Прирост специальных средств кредитной системы по сравнению с прошлым годом, %	–	47,9	46,7	43,7	129,0
Краткосрочный кредит, млн руб.	458,9	1 098,4	2 444,5	3 051,7	3 976,7
Прирост краткосрочного кредита по сравнению с прошлым годом, %	–	139,4	122,6	24,8	30,3
Долгосрочный кредит, млн руб.	112,8	219,5	572,8	1 187,6	2 371,4
Прирост долгосрочного кредита по сравнению с прошлым годом, %	–	94,6	160,9	107,3	99,7
Баланс банковской системы СССР, млн руб.	859,5	2 023,8	4 218,5	5 624,8	7 863,0
Прирост баланса банковской системы СССР по сравнению с прошлым годом, %	–	135,5	108,4	33,3	39,8

Рассчитано по: Шварц Г. Эволюция кредитной системы // Вестн. финансов. 1929. № 3. С. 82, 83, 85 ; Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 346, 362, 370, 371 ; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126.

До 1925 г. все звенья банковской системы резко прогрессировали, не препятствуя друг другу. Ход дел разъясняли слова экс-

перта-экономиста М. Н. Соболева: «Быстро развивавшийся оборот требовал соответственно быстро увеличивающейся денежной массы, и эмиссия росла у нас на сотни миллионов рублей, орошая кредитное поле. Отчасти в связи с этим ростом эмиссии, отчасти под влиянием собственного бурного роста производства почти во всех отраслях промышленности происходил такой же бурный рост текущих счетов»¹³.

Хозяйственный оборот насытился деньгами в 1925 г. Троекратно увеличилась сумма денег на текущих счетах Наркомфина в Госбанке, что было связано с передачей в октябре того же года наличных средств касс Наркомфина в учреждения Госбанка. В банковские хранилища поступили пассивы в размере 126 млн руб. Некоторые специалисты положительно отозвались о реорганизации¹⁴. Слияние наличности двух центральных ведомств сопровождалось унификацией их эмиссионной процедуры¹⁵.

В 1926 г. скорость подъема экономики упала. Крупная промышленность наращивала производство и сбыт продукции, а рубли на ее банковских счетах таяли. Действовавший порядок присвоения прибыли не давал возможности предприятиям скапливать капитал в значимых объемах. Среди банковских депозитов трестов в лучшем случае мог «застревать» один из пяти рублей прибыли. Поэтому в 1926–1927 гг. сдала свои позиции группа банков, опиравшихся на финансовые резервы государ-

¹³ Соболев М. Н. Некоторые выводы из работы банков в 1925/26 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 12. С. 63.

¹⁴ В частности, по мнению В. Фогеля, «...после денежной реформы 1924 г., давшей нам твердую валюту, дальнейшим естественным и логическим шагом был вопрос об объединении наличности Государственного Казначейства с наличностью Государственного Банка. Такое объединение произошло 1 октября 1925 года» (Фогель В. Реформа кассового устройства // Вестн. финансов. 1929. № 3. С. 52).

¹⁵ О том писал Л. Н. Юровский: «Наркомфин стал вносить банковые билеты своего обменного фонда в Госбанк в виде особого вклада. Фактически это означало, что казначейские билеты выпускаются для подкрепления ресурсов Госбанка. Последний оперировал ими совершенно так же, как и своими, банковыми билетами, т.е. обращал их на выдачу обычных банковых ссуд. Казначейские билеты, выпущенные в этом порядке, имели все виды банкового обеспечения, кроме, однако, одного. Банк не обязан был обеспечивать эти выпуски металлом и иностранной валютой, и он не делал этого. Так <..> в 1926 г. имел уже место единый (по существу) порядок выпуска как банковых, так и казначейских билетов через Государственный Банк по его операциям» (Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 340–341).

ственной промышленности и торговли: Промбанк, Электробанк, Внешторгбанк, провинциальные коммерческие банки.

Прояснилась роль государственного бюджета в формировании расчетных и депозитных операций кредитной системы СССР. С одной стороны, казна забирала почти всю прибыль предприятий собственного сектора экономики. Итогом конфискационной практики оказалось уменьшение суммы текущих счетов и вкладов государственной промышленности, торговли и транспорта. С другой стороны, существенно увеличился приток бюджетных доходов в банковские кассы. Стало быть, в 1923–1927 гг. наблюдалась тенденция к замещению средств текущих счетов и вкладов реальной, производительной части казенного сектора экономики средствами его бюджета. Эта закономерность отчетливо просматривалась и в учреждениях Госбанка, и во всей национальной кредитной сети.

Государственный бюджет выполнял функцию «насоса», перекачивавшего финансовые ресурсы отечественного хозяйства через свои каналы в банковскую систему. Налоговая политика правительства была той «плотиной», которая перегородила прямой поток свободных денежных резервов в банки. Сильные посреднические позиции казначейства превратились в господство над кредитной системой СССР. В середине 20-х годов наметилась тенденция к вырождению так и не сформировавшейся советской кредитной системы в чисто техническое, передаточное устройство, используемое в интересах казны. Государственное предпринимательство низвело Государственный банк до положения эмиссионно-кассового центра. Он служил кассовым резервом экономической политики государства, восполнял дефицит в платежных средствах «социалистических» предприятий и учреждений.

Кредитно-денежная политика воздействовала на развитие рыночной ситуации в стране, что видно по данным табл. 7.7. Уровень оптовых и розничных цен зависел от количества циркулировавших наличных и безналичных платежных средств. Указанные выше периоды развития бумажно-денежного обращения подходят и для характеристики тенденций кредитования. На протяжении первого и третьего периодов темпы расширения учетно-ссудных операций банков превосходили темпы выпуска бумажных купюр.

Таблица 7.7

Динамика показателей денежно-товарного обращения в 1924–1927 гг., %

Дата	Сумма краткосрочных кредитов и ежеквартальных приростов долгосрочных кредитов	Сумма бумажных денег в обращении	Индекс оптовых цен	Индекс розничных цен частной торговли	Стоимость промышленной продукции и хлебозаготовок
1924 г.					
апрель	–	19,1	6,5	15,0	–
июль	–	21,0	– 6,1	1,4	–
октябрь	–	24,5	– 2,9	– 1,9	–
1925 г.					
январь	17,5 *	15,6	4,9	0	12,6 **
апрель	18,4 *	11,2	12,8	5,6	5,9 **
июль	21,8 *	– 1,8	– 3,1	0	5,0 **
октябрь	24,9	37,1	– 7,4	– 1,4	39,7
1926 г.					
январь	5,6	12,0	5,2	5,1	– 5,0
апрель	– 0,3	– 5,9	7,1	6,6	– 3,2
июль	– 4,9	0,6	– 6,6	– 2,0	5,6
октябрь	17,1	11,4	– 2,2	– 2,5	29,4
1927 г.					
январь	6,4	4,9	– 1,1	2,2	– 12,2
апрель	0,3	– 5,4	0	1,3	– 7,8
июль	9,8	4,7	– 2,3	0,9	4,4

Примечание. «+» – прирост, «–» – уменьшение по сравнению с предыдущим кварталом. * Сумма учетно-ссудных операций Госбанка и четырех московских акционерных банков. ** Стоимость промышленной продукции. Рассчитано по : *Киселев С. М.* Значение кредита в конъюнктуре советского народного хозяйства // *Плановое хозяйство.* 1928. № 1. С. 144 ; *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. С. 51, 55 ; *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР. С. 378, 379, 380, 384 ; *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти. С. 346, 362, 370.

Изменение денежной массы в обращении отражалось на уровне цен не сразу, а по прошествии известного срока. На существование такого временного разрыва, или «лага» (в современной научной терминологии), указывали экономисты. Ф. Радецкий писал, что влияние размера эмиссии «...проявлялось не непосредственно, а после некоторого периода времени, требующегося для того,

чтобы выпущенные деньги проникли в потребляющую среду, увеличили ее покупательную способность и ее платежеспособный спрос; такой срок можно принять, примерно, в 3 месяца»¹⁶. Близкие по значению временные лаги выделяли Л. Н. Юровский (1–2 месяца)¹⁷ и Н. Д. Кондратьев (3–4 месяца)¹⁸.

В основе данных табл. 7.7 лежит трехмесячный интервал. Он весьма достоверно передает разрыв во времени между изменением количества обращавшихся денег и индексами цен. Впрочем, ценовые пропорции всесоюзного рынка определялись не только денежной массой, но и товарной. Интенсивно возраставшее предложение продуктов на продажу содействовало понижению цен в торговле. Поквартальные перепады суммарной стоимости промышленной продукции и хлебозаготовок имели большую амплитуду (+ 39,7% и –12,2%), чем скачки денежных агрегатов: кредитов (+ 24,9% и –4,9%), бумажных денег (+ 37,1% и –5,9%). Наблюдалась ярко выраженная сезонная периодичность колебаний товарно-денежных параметров. Ритм перестройки рыночного равновесия задавался годовой цикличностью сельскохозяйственного производства и особенностями организации закупок зерновых культур.

Главную роль в контроле оптовых цен играли синдикаты, чей оборот равнялся в 1923/24 г. 628,2 млн руб., в 1924/25 г. 1 150,8 млн руб., в 1925/26 г. 2 064,3 млн руб. В 1925/26 г. 12 крупнейших синдикатов реализовали более половины всей продукции соответствующих отраслей. По некоторым видам товаров доля казенного оптового сбыта была больше. Так, через склады Всероссийского текстильного синдиката проходило 80% хлопчатобумажных изделий¹⁹.

Из оптовой торговли методично выдворялись частные посредники, которые уступали место кооперативным каналам продвижения товаров. Частным оптовикам в 1925/26 г. было отпущено лишь 7,9% синдикатских изделий, против 18,1% в 1923/24 г. Кооперация

¹⁶ См.: *Радецкий Ф.* Ресурсы Госбанка в пятилетней перспективе // Вестн. финансов. 1929. № 5. С. 39.

¹⁷ См.: *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти. С. 353.

¹⁸ См.: *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. С. 212.

¹⁹ См.: *Малафеев А. Н.* История ценообразования в СССР (1917–1928). М., 1928. С. 78.

же приобрела у синдикатов в 1925/26 г. 42,6% товаров, вместо 32% в 1923/24 г. Другая половина продукции распределялась по государственным торговым цепочкам²⁰. В рознице доля частника тоже убывала, но не столь спешно. Она составляла в 1923/24 г. 57,7%, в 1924/25 г. 42,5%, в 1925/26 г. 42,3%, в 1926/27 г. 36,9%²¹. Тенденция к снижению удельного веса частной розничной торговли соседствовала с ее абсолютным ростом.

Если платежеспособный спрос населения возрастал быстрее предложения товаров по ценам обобществленной торговли, то частники без зазрения совести повышали свои вольные цены. На сдвиг параметров общего рыночного равновесия реагировала и потребкооперация, поднимая товарные цены в рознице. В результате образовывался разрыв в значениях цен оптовой, обобществленной розничной и частной розничной торговли – «оптово-розничные ножницы».

Расхождение ценовых индексов началось в 1924 г., и к середине 1927 г. соотношение частных розничных и оптовых цен на треть превысило довоенный паритет. На четверть раскрылся «раствор ножниц» между розничными ценами частной и обобществленной торговли. Отклонение цен частных лавочников от цен кооператоров говорило о государственном регулировании последних. После перехода к оформлению генеральных договоров синдикатов с Центросоюзом в 1925/26 г. отношение индексов промышленных цен оптового и розничного обобщественного оборота к индексу промышленных цен в частной рознице почти совпадало.

Дистанция между оптовыми отпускными ценами казенных трестов, по которым они сбывали продукцию синдикатам, и розничными ценами вольного рынка увеличилась за тот же период еще больше. Отношение вторых к первым составляло на 1 октября 1923 г. 108%, на 1 октября 1924 г. 140%, на 1 октября 1925 г. 151%, на 1 октября 1926 г. 163%, на 1 марта 1927 г. 169%²².

Причин существования «оптово-розничных ножниц» было несколько. Так, временное различие в динамике цен наблюдалось

²⁰ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 154.

²¹ См.: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 82.

²² См.: Шапошников Н. Указ. соч. С. 23.

ежегодно в месяцы интенсивной заготовки урожая, когда падали оптовые сельскохозяйственные цены, понижая общий индекс. Другим фактором было ухудшение работы торгового аппарата по сравнению с дореволюционной порой. Разница между ценами производителя и потребителя по всей товарной – сельскохозяйственной и промышленной – продукции в среднем по всем видам торговли составляла в 1913 г. 18%, в 1923/24 г. 35,2%, в 1924/25 г. 29,7%, в 1925/26 г. 29%²³. Но главной была третья причина – чрезмерно активная кредитно-денежная политика.

На протяжении полутора лет, до октября 1925 г., «раствор оптово-розничных ножниц» был подвержен преимущественно сезонным колебаниям в интервале 1,12–1,26. Зимой 1926 г. не свершилось ожидаемого сжатия «оптово-розничных ножниц». Хуже того, продолжился напряженный рост всех рыночных цен, начавшийся прошлой осенью. Чуть раньше, во второй половине 1925 г., отечественная экономика впала в новое для себя состояние «товарного голода» или «бестоварья», которое в дальнейшем стало одним из симптоматичных явлений нашей хозяйственной жизни.

Возникновение и обострение дефицита продуктов было естественным итогом государственного предпринимательства в денежно-кредитной сфере и в области ценообразования. Учетно-ссудные операции Госбанка дали прибавку за апрель–июнь 1925 г. – 158,2 млн руб., за июль–сентябрь – еще 284,9 млн руб. В те же кварталы активные операции четырех крупнейших московских акционерных банков возросли на 102 млн руб. и 104,9 млн руб. соответственно²⁴. В дальнейшем рост кредитования замедлился, но не прекратился. В октябре–декабре 1925 г. учетно-ссудные операции Госбанка расширились на 208 млн руб.²⁵, хотя текущие счета предприятий уже не пополнялись новым накоплением капитала. Количество циркулировавших наличных денег в 1925 г. увеличилось за апрель–июнь на 80,4 млн руб., за июль–сентябрь на 296,8 млн руб., за октябрь–ноябрь на 143,8 млн руб.²⁶

²³ См.: *Шапошников Н.* Указ. соч. С. 23.

²⁴ См.: *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. С. 51.

²⁵ См.: *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти. С. 351.

²⁶ См.: *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. С. 52.

Неподкрепленное производством разбухание платежеспособного спроса вызвало последствия двоякого рода: рост цен и недостаток продуктов на рынке. Первое явление было характерным для частной торговли, где свободное ценообразование гибко восстанавливало баланс между количеством товаров и суммой денег в кошельках покупателей. Вторым симптомом был типичным для обществленного торгового оборота. Здесь цены оставались жесткими, ибо в той или иной степени подвергались регулированию компетентными ведомствами.

Торгово-промышленный бум сопровождался приглашением на предприятия сотен тысяч дополнительных работников и повышением заработной платы персонала. Одновременно тяжелели доходы других категорий горожан. Скопление денег в руках населения увеличило напряжение рыночного спроса в индустриальных центрах. Почти все фабрично-заводские изделия широкого потребления раскупались городскими жителями. Такой вывод подтверждается статистическими выкладками. В 1925/26 г. число рабочих крупной промышленности выросло на 26,6%, их среднемесячная зарплата поднялась на 24,2%. Стало быть, общий фонд заработной платы на казенных предприятиях увеличился в 1925/26 г. на 57,2%. За тот же период производство хлопчатобумажной ткани дало прибавление на 35,3%, галош – на 60,9%, кожаной обуви – на 42,1% и т.д. Следовательно, суммарные доходы индустриального населения росли быстрее выпуска многих потребительских товаров.

До деревни доходила малая доля дополнительно изготовленной фабричной продукции, а крестьянский спрос на нее возрастал. Общий индекс сельскохозяйственных цен в 1924/25 г. был выше индекса годичной давности на 24,4%, а индекс хлебных цен – на 40–50%, хотя урожай зерна в 1924 г. был ниже уровня 1923 г. всего на 9,8%²⁷. Реализуя продукцию по сравнительно выгодным ценам, крестьянство богатело. Но степень удовлетворения платежеспособных потребностей тружеников села ухудшалась по мере роста оборотов городского рынка. На товарный дефицит сельчане ответили воздержанием от массового сбыта своей продукции. В 1925 г. не был выполнен план заготовки не только хлеба, но и мяса и масла.

²⁷ См.: Кондратьев Н. Д. Особое мнение. С. 57.

Бестоварье поразило и оптовый оборот. К началу 1926 г. предварительные заказы промышленности достигли такой величины, что ВСНХ обуяло сомнение, хватит ли на грядущий строительный сезон кирпича, строевого леса и т.д. Плановый объем производства цемента был распределен на год вперед. Еще большие сложности возникли в снабжении углем, нефтью, дровами. Забрехала угроза топливного кризиса, поскольку поставщики не справлялись с отгрузкой энергоносителей по уже оплаченным контрактам.

Эмиссионный налог от инфляции выражался не только в подъеме цен, но и в форме «неотоваренных» денег, которые оседали у покупателей. В условиях товарного голода неудовлетворенный, отложенный спрос населения играл роль принудительного сбережения и накопления. Чтобы использовать свободные деньги граждан, государство создало сеть сберегательных касс. О тесной связи дефицита продуктов с процентными вкладами говорят данные табл. 7.8.

Таблица 7.8

Показатели деятельности сберегательных касс в 1923/24–1926/27 гг.

Показатель	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Число сберегательных касс	–	–	9 966	13 063
Число вкладчиков, тыс.	544	663	1 023	1 699
Остатки вкладов, млн руб.	9,7	20,3	60,1	134,6
Средний размер вклада, руб.	17,8	30,6	58,7	78,4

Сост. по: Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. С. 7.

Об особенностях плановых цен и новом режиме функционирования рыночного механизма рассуждали ученые. С. М. Киселев писал, что рыночная цена перестала самостоятельно регулировать спрос и предложение, превратилась в орудие планового распределения ресурсов. Поэтому нарушение рыночного равновесия не может теперь автоматически отражаться на уровне цен²⁸. Показателями текущей рыночной конъюнктуры становятся уже размер товарных запасов и состояние денежно-кредитной системы.

²⁸ См.: Киселев С. М. Указ. соч. С. 138.

Об изменении распределительной функции цены в рамках государственного предпринимательства писал С. Г. Струмилин. Он считал, что в советском хозяйстве, которое само диктует рынку цены на свои продукты, понятие «рентабельность» как общепринятый синоним прибыльности теряет свое контролирующее значение. По убеждению экономиста, мерой рентабельности и возможного накопления в промышленности может быть только норма прибавочного продукта, который включает, кроме прибыли, все налоговые платежи предприятий, относимые на счет накладных расходов²⁹. Обоснование своей точки зрения автор иллюстрировал данными табл. 7.9.

Таблица 7.9

Стоимость продукции, налоги и прибыль отраслей промышленности в 1925/26 г.

Отрасль промышленности	Стоимость продукции по отпускным ценам, млн руб.	Сумма налогов, акцизов и прочих платежей в составе себестоимости продукции		Сумма прибыли	
		млн руб.	в % к стоимости продукции	млн руб.	в % к стоимости продукции
Текстильная	1 450,8	116,1	8,0	209,9	14,4
Металлургия	830,4	26,6	3,2	33,4	3,9
Сахарная	583,7	257,4	44,1	42,4	7,1
Пищевая	544,9	379,8	69,7	38,1	7,0
Нефтяная	313,9	29,5	9,4	56,9	17,9
Угольная	265,0	15,3	5,8	13,5	5,1
Химическая	212,4	14,9	7,0	29,5	13,9
Электротехническая	138,7	7,1	5,1	21,9	15,1
Лесная	94,9	32,8	34,6	4,3	4,5
Бумажная	68,3	4,3	6,3	4,8	7,0
Итого	4 503,0	884,3	19,6	455,1	10,1

Рассчитано по: *Струмилин С. Г.* Процессы ценообразования в СССР // Плановое хозяйство. 1928. № 7. С. 53.

²⁹ См.: *Струмилин С. Г.* Процессы ценообразования в СССР // Плановое хозяйство. 1928. № 7. С. 46, 47.

У советского государственного аппарата как хозяина предприятий не было такой неизбежной жажды получения прибыли, как у индивидуальных предпринимателей. Большую часть платежей предприятий в казну представляли налоговые сборы, которые включались в издержки производства и сбыта. Поэтому правительство спокойно проводило политику стабильных и понижавшихся цен в казенной индустрии и торговле, не боясь обеднеть. Те же мотивы поведения в значительной мере объясняли чересчур широкий интервал разброса нормы прибыли в отпускной цене продукции разных отраслей.

Власть требовала наращивать доходы индустрии в пределах установленных цен путем снижения себестоимости изготовления товаров. Центральное хозяйственное руководство не одобряло стремления трестов к завышению цен ради увеличения прибыли. «Игра не стоила свеч». Прирост платежей из прибыли за счет вздутия цен не компенсировал бы потерь бюджета от обесценения всех денежных доходов в результате инфляционного падения национальной валюты. В этом смысле твердый рубль был важнее высокой рентабельности.

Однако в сентябре 1925 г. все индексы цен дружно поползли в гору. Инфляционная волна наложилась на действие производственно-технологических факторов. «Восстановительная экспансия» индустрии вызвала к жизни процессы, увеличивавшие затраты предприятий: пуск старого оборудования, подъем цен сырья, материалов, топлива, найм менее квалифицированного персонала, повышение заработной платы, замедление роста производительности труда и объема выпуска готовых изделий. Появились симптомы инфляции издержек.

Увеличение себестоимости продукции со своей стороны толкало дальше вверх цены на изделия. Взаимоподдерживающее движение вверх цен и издержек, будучи следствием избыточного кредитования промышленности, длилось 8 месяцев. С сентября 1925 г. по май 1926 г. общий индекс оптовых цен вырос на 13,9%, а общий индекс частной розничной торговли – на 20,2%. Быстрее прочих росли цены на сельскохозяйственные товары: оптовые цены поднялись на 22,6%, розничные – на 21,1%. Сказалось нежелание крестьян продавать свои продукты.

Ухудшение макроэкономической ситуации в Советском Союзе было всеобъемлющим. В подтверждение тому довольно назвать глобальные нарушения: рост и расхождение индексов цен, падение покупательной способности червонца, углубление диспропорций между спросом и предложением товаров, потерю темпов экономического роста из-за ослабления торговых связей города и села и уменьшение объема экспортно-импортных сделок. В условиях распространения бестоварья и неденежного накопления деревни инструменты кредитной и денежной политики, ранее гарантировавшие подъем отечественного хозяйства, переставали действовать. Положение становилось критическим.

Товарный голод 1925 года Н. Д. Кондратьев сравнивал с двумя другими узловыми пунктами в истории нэпа. Он утверждал: «На основе опыта ближайшего прошедшего времени легко установить, что все крупные изменения в направлении нашей экономической политики были всегда связаны с конфликтами между индустрией и сельским хозяйством, между городом и деревней. Если не упоминать самого факта перехода к новой экономической политике, то достаточно указать на осень 1923 г., когда расхождение цен промышленных и сельскохозяйственных товаров и относительное обесценение последних достигло высшей точки»³⁰. В сложившейся обстановке правительство пошло на попятную. В третий раз с 1921 г. государственное предпринимательство уступило не только объективной логике событий, но и крестьянству.

Кредитная экспансия сменилась рестрикцией – ограничением. В первой половине 1926 г. осуществлялось сокращение учетно-ссудных операций банков и сжатие наличной денежной массы. Но лишь к лету выдохся инфляционный всплеск цен и спало напряжение товарного спроса. Ценовое регулирование обрело долгожданное подкрепление эмиссионной политики³¹.

³⁰ Кондратьев Н. Д. Особое мнение. С. 38–39.

³¹ По этому поводу верно писал Н. Шапошников: «Когда потребность в товаре не насыщена и предложение не может быть увеличено соразмерно росту спроса, декретирование определенного снижения цен является недостаточным. <...> В этих случаях, помимо прямого установления продажных цен, необходимо косвенное воздействие на цены путем ослабления денежной мощи потребительского спроса» (см.: Шапошников Н. Указ. соч.). По мнению специалиста, с точки зрения снижения цен важна не стоимость, а объем кредита. Процентная ставка и расходы по оплате банковских кредитов настолько ничтожны, что почти не отражаются на стоимости промышленных товаров.

В целом результаты мероприятий по регулированию цен и эмиссии платежных средств в течение 1924–1927 гг. были противоречивыми. Правительству удалось существенно расширить торгово-хозяйственный оборот, наполняя его деньгами. Банковский кредит выступал надежной подпоркой экономического подъема. Но излишняя эмиссия денег с января 1924 г. по апрель 1927 г. обернулась инфляционной потерей их ценности минимум на 158,2 млн руб.

Кредитно-денежная политика тесно переплеталась с государственным регулированием внешних экономических связей СССР: объема и режима осуществления экспортных и импортных торговых операций; обращения иностранных валют на советской территории; обменного курса червонца на деньги чужих стран; золото-валютных резервов банковской системы и пр.

Посредником во внешних экономических связях был советский червонец, который крутился в основном в двух сферах валютных отношений. Он обслуживал внешнюю торговлю, которую вели казенные и кооперативные организации в режиме государственной монополии, и частный обмен иностранной валюты в целях ее тезаврации – накопления ценностей на руках у граждан в долларах, фунтах стерлингов.

Развитие государственного предпринимательства в области внешнехозяйственного оборота за годы нэпа прошло несколько этапов. Известное представление о них дает табл. 7.10. По динамике отклонений валютного курса червонца от паритета его покупательной силы можно судить о преобладавших тенденциях. Первый период движения курса червонного рубля в сопоставлении с американским долларом начался с обнародования новой валюты. В это время были подготовлены документы, заложившие законодательную базу валютной политики государства: постановление СНК от 20 октября 1922 г. о фондовых биржевых операциях; постановление ВЦИК и СНК от 15 февраля 1923 г. о валютных операциях; постановление ВЦИК и СНК от 19 апреля 1923 г. о порядке вывоза и перевода за границу валютных ценностей³².

³² См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 240.

Таблица 7.10

Индексы оптовых цен и курс валюты СССР и США в 1923–1926 гг.

Дата	Индекс оптовых цен Госплана СССР, 1913 г.=100	Индекс оптовых цен Бюро статистики США, 1913 г.=100	Паритет покупательной силы, рублей за 1 доллар	Курс доллара на Московской бирже, рублей за 1 доллар	Отклонение курса рубля от паритета покупательной силы, %
1923 г.					
январь	–	–	1,75	2,16	–19,0
февраль	–	–	1,93	1,92	0,5
март	–	–	1,90	1,92	– 1,0
апрель	–	–	1,80	2,23	– 19,3
май	–	–	1,82	2,59	– 29,7
июнь	–	–	1,87	2,14	– 12,6
июль	145	151	1,87	2,07	– 9,7
август	158	150	2,05	2,09	– 1,9
сентябрь	157	154	1,98	2,08	– 4,8
октябрь	157	153	2,00	2,01	– 0,5
ноябрь	149	152	1,91	2,13	– 10,3
декабрь	157	151	2,02	2,19	– 7,8
1924 г.					
январь	169	151	2,18	2,20	– 1,0
февраль	186	152	2,38	2,17	9,7
март	193	150	2,50	2,11	18,5
апрель	180	148	2,37	1,95	21,5
май	175	147	2,32	1,95	19,0
июнь	166	145	2,23	1,95	14,4
1925 г.					
апрель	194	156	2,42	1,95	24,1
июль	188	169	2,16	1,95	10,8
август	175	160	2,13	1,95	9,2
сентябрь	173	160	2,10	1,95	7,6
октябрь	174	158	2,14	1,95	9,7
ноябрь	175	158	2,15	1,95	10,3
декабрь	179	156	2,23	1,95	14,4
1926 г.					
январь	183	156	2,28	1,95	16,9
февраль	190	155	2,38	1,95	22,1

Окончание табл. 7.10

Дата	Индекс оптовых цен Госплана СССР, 1913 г.=100	Индекс оптовых цен Бюро статистики США, 1913 г.=100	Паритет покупательной силы, рублей за 1 доллар	Курс доллара на Московской бирже, рублей за 1 доллар	Отклонение курса рубля от паритета покупательной силы, %
1926 март	194	152	2,48	1,95	27,2
апрель	196	151	2,52	1,95	29,2
июль	183	151	2,36	1,95	21,0
октябрь	179	150	2,32	1,95	19,3

Примечание. «+» – переоценка, «-» – недооценка. Рассчитано по: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 378, 379, 380; Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 235, 236, 338, 348, 360, 369.

В 1923 г. наблюдался большой размах колебаний официально-биржевого курса при его близости к вольному курсу. Совпадение курсовых тенденций определялось активным участием в торговле не только государственных и кооперативных заведений, но и частных лиц. Спрос граждан напрямую не зависел от состояния внешней торговли, поскольку они не соприкасались с ней, а диктовался иными мотивами. На желание людей пользоваться иностранными банкнотами и золотом для сохранности и приумножения личных сбережений влияло обращение червонцев.

Первое полугодие с момента декретирования курс червонца был серьезно занижен в сравнении с паритетным. Под воздействием Госбанка соотношение покупательной силы валют приблизилось к золотому паритету и в 1924 г. превысило его. Подъем цен после денежной реформы должен был по правилам рыночного регулирования привести к уменьшению валютной котировки червонного рубля, но этого не случилось. Курс остался стабильным. Так наметилась долгосрочная тенденция к завышению валютного курса рубля.

Постепенно частный спрос на «чужие» деньги превысил их предложение. В апреле 1925 г. произошел первый всплеск валютного спроса. За месяц Госбанк продал золота и иностранных банкнот на 4 с лишним миллиона рублей больше, чем купил³³. Отмеченное

³³ См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 364.

событие оказалось симптоматичным в развитии госпредпринимательства в сфере внешнехозяйственной деятельности. Оно констатировало надлом положительной тенденции укрепления рубля в качестве конвертируемой валюты.

Возросшая нагрузка отразилась на резервах Госбанка. Правительство с весны 1925 г. свело торговлю граждан золотом и иностранной валютой до минимума, и вольный валютный рынок почти прекратил свое существование. Это повлекло за собой раздвоение цен на доллары и подняло курс частных сделок выше официальной котировки.

Частная купля-продажа зарубежных банкнот и золота влияла на условия конвертируемости червонца, но она скорее была индикатором равновесия валютного рынка СССР, чем определяющей причиной динамики валютного курса и банковских валютно-металлических запасов. Главным субъектом регулирования валютного оборота в стране было государство, которое, опираясь на монополию внешней торговли, устанавливало размер ввоза и вывоза товаров, выравнивало баланс платежей. Однако использование мощных рычагов управления хозяйственными связями не гарантировало успеха.

Россия вступила в полосу нэпа после хозяйственной разрухи и коренной ломки социальной структуры, а это не способствовало развертыванию внешнеэкономических отношений. Темпы ростаграничной торговли СССР показаны в табл. 7.11.

Таблица 7.11

Показатели внешней торговли России в 1909–1913 гг. и СССР в 1923–1926 гг., млн золотых руб. (по довоенным ценам)*

Год	Экспорт	Импорт	Баланс
В среднем за 1909–1913	1 501,4	1 139,7	+ 361,7
1923	224,6	201,5	+ 23,1
1924	335,0	254,6	+ 80,4
1925	418,5	473,0	– 54,5
1926	507,2	440,6	+ 66,6

Примечание. «+» – превышение экспорта над импортом; «–» – превышение импорта над экспортом. Сост. по: *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. С. 179.

В 1926 г. экспорт составлял 33,8%, а импорт – 38,7% довоенного уровня. Такой объем внешней торговли России с иностранцами был в 80-х гг. XIX в.³⁴ Развитие внешнеэкономических связей отставало от темпов подъема производства, которое уже вплотную приблизилось к показателям 1913 г. Большие издержки производства и сбыта отечественных товаров препятствовали снижению их цен и вывозу на внешние рынки.

Кредитная экспансия второй половины 1925 г. стимулировала рост внутренних оптовых цен на фоне снижения цен международных сделок. Сбыт в Европу важнейших сельскохозяйственных товаров, а также лесоматериалов стал менее рентабельным и даже убыточным. Выгоднее была продажа многих экспортных продуктов у себя дома. Недостаточный вывоз товаров обернулся недостатком иностранной валюты. Банковская система закрывала возникавшую брешь во внешнеторговых платежах собственными резервами. Золотовалютные ресурсы Госбанка уменьшались с конца 1925 г. до осени 1926 г. В данный период до критического минимума упало обеспечение червонцев. Принцип резервной поддержки эмиссии банкнот был формально соблюден ценою перехода к облегченной процедуре выпуска казначейских рублей.

Поступление излишних советских денег в обращение порождало одновременно противоположные процессы: уменьшение экспорта и предложения иностранной валюты и увеличение спроса на золото, доллары, фунты стерлингов и импортные товары. Дисбаланс между спросом и предложением твердых денежных купюр нарастал из-за завышенного обменного курса рубля. Наибольшие трудности у государственного управления вызывало регулирование равновесия на частном валютном рынке. С августа 1925 г. ощутимо выросли затраты на стабилизацию курса червонца.

В январе 1926 г. потеря валютно-металлических ресурсов приняла угрожающий размер. Продолжение валютных интервенций превратилось для Госбанка в невыносимое бремя. В марте 1926 г., когда отклонение курса от паритета докатилось до 30%, Госбанк положил конец интервенциям на внутреннем рынке. Это

³⁴ См.: *Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 387.*

был специфический порог, которого достигла трансформация отечественной экономики. С тех пор иностранная валюта стала продаваться только организациям для внешнеторговых платежей и гражданам, выезжавшим за рубеж, в пределах объявленных норм. В июле 1926 г. был воспрещен вывоз советской валюты за границу. Некоторое время спустя Госбанк отказался от зарубежной котировки червонца. Связь банкнот с золотом и валютой стала более опосредованной. Плановое распределение иностранной валюты, возникнув как реакция на макроэкономические диспропорции, заменило механизм рыночного регулирования спроса и предложения.

Директива об индустриализации страны, озвученная XIV съездом ВКП(б) в декабре 1925 г., была знаковым событием. Она продемонстрировала, что уже не за горами окончание очередного этапа развития государственного и частного предпринимательства. Близился к завершению отрезок истории динамического равновесия между всеми хозяйственными укладами в отечественной экономике смешанного типа.

Периодизация новой экономической политики правительства большевиков в отношении частного хозяйствования, как и всякая логическая схема, имеет условное значение, но она помогает выявить характерные черты изучаемого предмета. Любопытна в этом смысле разбивка по срокам, предложенная Ю. Лариным в специальном теоретическом исследовании «Частный капитал в СССР». Автор делил нэп на три фрагмента: первый период с 1921 по 1923 г., второй период с 1924 по 1926 г., третий период с 1927 г.³⁵ Важнейшим моментом первого временного интервала, по мнению экономиста, было накопление ресурсов в руках предприимчивых людей всеми доступными, в том числе и незаконными, «хищническими» способами. Второй период был отмечен «нормальной» работой частного капитала преимущественно на основе легальных коммерческих операций, а не злоупотреблений. Заключительный этап вскользь обозначался как «плановый подход» к вопросу о частном капитале, т.е. лишь как истечение предыдущего времен-

³⁵ См.: *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М. ; Л., 1927. С. 8.

ного отрезка. Последняя краткость понятна, поскольку Ю. Ларин подготовил свой обзор и издал книгу в 1927 г.

Приведенную классификацию можно принять в качестве научной гипотезы. Она отражает существенные признаки нэпа. Впрочем, следует внести некоторые уточнения. О наступлении второго периода взаимоотношений государственного и частного предпринимательства свидетельствовали некоторые факты, отмеченные уже в 1923 г.; в январе увидел свет декрет, запрещающий частным лицам выполнять посредническую торговлю между государственными учреждениями, а в апреле был подписан декрет о коммерческом расчете предприятий (трестов).

Этими двумя документами правительство констатировало прекращение периода «разбазаривания» казенных денег и имущества. Приостановился неконтролируемый перелив средств из государственного сектора в иные хозяйственные уклады. Государственное предпринимательство закончило стратегические маневры отступления перед частной инициативой. Стартовал этап их конкурентного противостояния.

В первые годы нэпа частный бизнес облюбовал многочисленные мелкие торговые и промышленные предприятия, приносившие неплохую прибыль. Выгодными были также посреднические операции по договорам с предприятиями и учреждениями казенного сектора, несомненным достоинством которых было кредитование до 85% от всей суммы сделок³⁶.

Введение банковского червонца и денежная реформа создали предпосылки зрелой хозяйственной деятельности граждан: организации предприятий ценовой промышленности, оптовой торговли, биржевых операций, кредитования, сделок с золотом и иностранной валютой. До 1926 г. в СССР функционировала современная модель регуляторов рыночного механизма.

Развивалась частная промышленность. За 1923–1925 гг. число частных ценовых предприятий увеличилось с 856 до 1 786, а количество рабочих на них возросло с 20,4 до 60,5 тыс.³⁷ Доля частных в общем объеме валовой промышленной продукции равня-

³⁶ См.: *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. С. 287.

³⁷ История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 167.

лась в 1924/25 г. 23,7%, в 1925/26 г. 27,1%, в 1926/27 г. 25,6%, а в валовой продукции ценовой индустрии составляла в 1924/25 г. 4%, в 1925/26 г. 4%, в 1926/27 г. 2,4%³⁸.

В частной ценовой промышленности преобладали предприятия, эксплуатируемые гражданами на правах аренды. Такой порядок ведения дел в 1925 г. охватывал 70,7% предприятий. Фабрики и заводы, взятые в пользование по договору аренды, как правило, были мощнее собственных. На долю первых приходилось 75,5% рабочих и 80,8 % валовой продукции частной ценовой промышленности³⁹. В целом же частный капитал приводил в движение маленькие и средние фабрики и заводы.

Эффективность использования рабочей силы на частных предприятиях была выше, чем на казенных. По данным Я.Р. Эмдина, годовая продукция одного рабочего ценовой промышленности СССР в 1925/26 г. составляла на частном предприятии 4 463 руб., на государственном 2 344 руб. в довоенных ценах⁴⁰. По мнению автора, частная промышленность выгадывала в ценовом измерителе, ибо выпускала ходкие и дорогие предметы потребления. Но главное ее преимущество достигалось «...лучшей организацией труда, значительно более строгой дисциплиной труда, более квалифицированным составом работающих, относительно меньшим числом подсобных и обслуживающих рабочих, правильным и своевременным снабжением сырьем и инструментом и т.д.»⁴¹.

В начале 1926 г. среднемесячная зарплата рабочего частного предприятия превышала месячный заработок рабочего казенной индустрии более чем на 20%. Кроме того, людям, занятым в частных заведениях, предоставлялся более продолжительный отпуск⁴². Эта ситуация выглядела вполне закономерной – квалифицированный и высокопроизводительный труд предполагал надлежащее вознаграждение и поощрение.

³⁸ История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 70, 248 ; Т. 3. С. 276.

³⁹ См.: *Дубовиков Ф. Г.* Масштаб работы и значение частной ценовой промышленности // Частный капитал в народном хозяйстве СССР : материалы комиссии ВСНХ СССР. М. ; Л., 1927. С. 38.

⁴⁰ См.: *Эмдин Я. Р.* Положение труда в частной промышленности // Там же. С. 214.

⁴¹ Там же. С. 216.

⁴² См.: *Ларин Ю.* Указ.соч. С. 146, 147.

Частный капитал распределялся по отраслям ценовой промышленности, гарантировавшим сбыт продукции, быстрый оборот средств и хорошую прибыль. Это видно из табл. 7.12.

Таблица 7.12

Отраслевая структура частной ценовой промышленности в 1924/25 г.

Отрасль промышленности	Валовая продукция		Средняя списочная численность рабочих	
	млн руб.	Доля в ценовой промышленности	Чел.	Доля в ценовой промышленности
Пищевая	156,6	10,1	12 841	8,7
Кожевенная, обувная	22,1	6,8	3 155	5,4
Металлическая	21,7	2,3	5 502	2,1
Текстильная	18,4	1,0	3 745	0,7
Деревообрабатывающая	12,8	6,1	5 534	7,7
Швейная	9,5	5,7	2 318	4,7
Горная	9,1	1,4	5 023	1,2
Химическая	6,4	1,9	650	1,1
Бумажная	3,8	3,1	802	2,3
Добыча и обработка минералов	3,6	2,2	2 151	2,0
Полиграфическая	3,3	2,4	1 078	1,7
Прочие отрасли	2,1	1,1	343	1,2
Всего	269,4	4,0	43 142	2,3

Сост. по: Дубовиков Ф. Г. Указ. соч. С. 38.

Предприятия четырех отраслей – пищевой, кожевенно-обувной, текстильной и швейной – выпустили товаров на сумму 206,6 млн руб., что составило 76% валового оборота частной ценовой промышленности в 1924/25 г. В указанных заведениях снискали себе заработки 22 059 рабочих частной индустрии, или 51,1%.

В частной пищевой промышленности выделялось мукомольно-крупяное производство, на долю которого в 1924/25 г. приходилось 18,5% всей ценовой продукции отрасли. На виду были также предприятия, фабриковавшие подакцизные товары. Удель-

ный вес частных заведений в общем обороте составлял по пивомедоваренным предприятиям 15,7%, чайным 6%, крахмало-паточным 5%, винокурно-дрожжевым 1%. Особняком стояли частные производители махорки и изготовители папиросных гильз, поставившие соответственно 17,2% и 30,8% объема валовой продукции этих видов ценовой промышленности⁴³.

Индивидуальное предпринимательство в ценовой индустрии не угрожало государственным трестам. Даже при лучшей организации производства и труда малые частные заведения не могли на равных состязаться с объединениями крупных казенных предприятий. По ключевому параметру конкуренции – доле в общем объеме продаж – господство госсектора было неоспоримым – 96% против 4%. Только в пищевой промышленности рыночный сегмент частных дельцов охватывал десятую часть совокупного оборота. Граждане-предприниматели находились в подчиненном положении, ибо $\frac{3}{4}$ возглавляемых ими предприятий были собственностью государства. Аппарат управленцев диктовал содержание договора аренды имущества, в любой момент мог его пересмотреть, а то и вовсе разорвать подписанное соглашение.

Частники спешили туда, где приличная скорость возмещения капитала обеспечивала высокую рентабельность при минимальных вложениях денег. Об условиях хозяйствования в торговле и промышленности можно судить по данным выборочного статистического обследования бухгалтерских балансов частных предприятий, которые сведены в табл. 7.13.

Из всего капитала, использованного частными лицами, 62,7% функционировало в торговле, 37,3% – в промышленности. Вложения собственного капитала предпринимателей в коммерцию были приблизительно наполовину больше личных инвестиций управляющих в промышленные предприятия. Но удельный вес средств частника в общем объеме капитала в торговле был ниже, чем в промышленности, поскольку торговый оборот активнее привлекал кредитные ресурсы клиентов и банковской сети.

⁴³ См.: Микеладзе П. Проблемы акцизной политики СССР // Вестн. финансов. 1927. № 8. С. 57; История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 256.

Таблица 7.13

Состав средств и источники капиталов частных предприятий в 1924/25 г.

Показатель	Торговые		Промышленные	
	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу
Состав (активы)				
Имущество (строения, машины, оборудование, инвентарь)	25,6	3,8	73,6	17,7
Товары, материалы, топливо	383,6	56,8	202,0	48,5
Задолженность покупателей и прочих дебиторов	218,1	32,3	115,2	27,7
Деньги (касса и текущие счета)	48,5	7,1	25,6	6,1
Итого	675,8	100,0	416,4	100,0
Источники (пассивы)				
Собственный капитал	297,4	44,2	204,8	51,2
Средства вкладчиков	119,1	17,7	73,6	18,4
Заемные средства банков, других предприятий и прочих кредиторов	256,3	38,1	121,6	30,4
Итого	672,8	100,0	400,0	100,0

Рассчитано по: *Кутлер Н.* Конечные результаты первого опыта обследования капиталов, обращающихся в частных предприятиях // *Вестн. финансов.* 1926. № 12. С. 79, 80.

Доля основного капитала в составе хозяйственных средств частной промышленности почти пятикратно превышала аналогичный показатель в индивидуальных торговых заведениях. Отношение основного капитала к собственным фондам частников составляло в торговле 8,6%, а на промышленных предприятиях 35,9%. В то же время удельный вес основного капитала в государственной индустрии в 1924/25 г. равнялся 63,3%⁴⁴. Последняя пропорция определялась спецификой и размером казенных фабрик и заводов. Они были крупнее и лучше оснащены техникой, транспортом, помещениями и пр.

Доля собственного оборотного капитала составляла соответственно в частной торговле 91,4%, в частной промышленности

⁴⁴ См.: *Кутлер Н.* Конечные результаты первого опыта обследования капиталов, обращающихся в частных предприятиях // *Вестн. финансов.* 1926. № 12. С. 77.

64,1%, в государственной индустрии 36,7%. Увеличение удельного веса оборотных фондов повышало степень ликвидности и скорость возмещения капитала.

В частной торговле капитал циркулировал быстрее, чем в частной промышленности. Скорость обращения средств торговли, рассчитанная как отношение годовой выручки от продажи товаров (годового оборота) к среднему капиталу предприятия, в 1924/25 г. составляла: 13 оборотов в год, если учитывался только собственный капитал предпринимателя; 9,3 оборота в год, если к собственному капиталу добавлялись деньги вкладчиков; 5,7 оборота в год, если принимались во внимание все средства предприятия. Аналогичные параметры в частной промышленности равнялись соответственно 6, 4,4 и 3 оборотам в год⁴⁵.

Кооперативные и государственные предприятия уступали в скорости обращения ресурсов частным заведениям. Согласно данным Н. Кутлера, количество оборотов в сети потребительской кооперации в пропорции к собственным капиталам в 1924/25 г. составляло 9,1, а к сумме всех обращающихся средств – 2,7. На государственных предприятиях средняя скорость оборота капитала была менее 2,4 оборота в год⁴⁶. Похожие данные приводил и А. М. Гинзбург. Он считал, что в казенных торгах и кооперации капитал оборачивался 5–6 раз в год, а у частных лиц – 10–16 раз в год. Высокая скорость циркуляции денег позволяла частникам выгодно использовать кредиты, срок возвращения которых лежал в интервале от 1,5 до 2 месяцев⁴⁷.

Большие накладные и торговые расходы вынуждали индивидуальных предпринимателей включать в цену товаров весомые накладки, дабы обеспечить хотя бы минимально приемлемую чистую прибыль. Норма рентабельности, исчисленная как отношение прибыли к обороту, была скромной: в частной торговле 6,9%, в част-

⁴⁵ Кутлер Н. Указ. соч. С. 76, 77.

⁴⁶ Такая зримая разница, по мнению автора, обуславливалась «...как некоторыми органическими свойствами государственных предприятий, так и присущим им высоким строением капиталов, т.е. преобладанием средств, заключающихся в зданиях, машинах и оборудовании» (Кутлер Н. Указ. соч. С. 77).

⁴⁷ См.: Гинзбург А. М. О частном капитале в народном хозяйстве // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. С. 20–21.

ной промышленности 10,7%. Но ускоренный оборот средств умножил норму прибыли. Показатель рентабельности, подсчитанный в виде пропорции прибыли к сумме капитала частных предприятий – собственного и вкладчиков, составлял в 1924/25 г. по торговле 64,3%, по промышленности 45,8%⁴⁸.

По мере развертывания восстановительного подъема хозяйственная мощь государственного сектора крепла, и его регулирующее воздействие на «чуждые» уклады возрастало. Прежде всего, казенное предпринимательство отвоевало у частников позиции в оптовой торговле. Фазы этого процесса можно увидеть в табл. 7.14.

Таблица 7.14

Структура оптовой продажи продукции государственной промышленности в 1923–1925 гг.

Дата	Продажа внутри госсектора		Продажа кооперации		Продажа частным лицам	
	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу
1923 г.						
октябрь – декабрь	411,2	76,6	49,9	9,3	75,9	14,1
1924 г.						
январь – март	491,4	71,7	96,5	14,1	97,5	14,2
апрель – июнь	563,3	73,0	133,0	17,3	75,1	9,7
июль – сентябрь	642,8	72,6	180,9	20,4	61,8	7,0
октябрь – декабрь	759,3	70,0	267,3	24,5	59,5	5,5
1925 г.						
январь – март	758,2	70,1	245,1	23,8	65,4	6,1
апрель – июнь	851,3	71,7	248,0	20,9	87,7	7,4
июль – сентябрь	1 052,9	71,6	317,1	21,6	100,7	6,8
октябрь – декабрь	1 158,0	68,3	429,6	25,3	108,4	6,4

Рассчитано по: Брауде Х. И. Частная торговля // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. С. 128.

Общие тенденции развития розничной торговли просматриваются в табл. 7.15. Государственная и кооперативная торговля увеличила сеть своих магазинов и палаток за два года на 80%. Особенно резко возросло число кооперативных торговых точек – более чем в 2 раза.

⁴⁸ См.: Кутлер Н. Указ. соч. С. 76.

Таблица 7.15

Численность предприятий розничной торговли различных форм хозяйствования в 1924–1926 гг.

Дата	Государственные		Кооперативные		Частные	
	тыс.	% к итогу	тыс.	% к итогу	тыс.	% к итогу
апрель 1924 г. – сентябрь 1924 г.	21,5	4,1	34,1	6,5	473,3	89,4
октябрь 1924 г. – март 1925 г.	27,7	5,3	49,0	9,5	441,0	85,2
октябрь 1925 г. – март 1926 г.	29,7	4,6	70,7	11,1	538,0	84,3

Сост. по: *Ржевуский М.* Условия развития частного оборота // Вестн. финансов. 1926. № 12. С. 69.

Частная торговая сеть расширилась на 13,7%, а ее доля в количестве коммерческих заведений понизилась на 5%. Прирост частной торговой сети не означал существенного улучшения ее конкурентных позиций. Индивидуальные торговые точки доминировали среди низших разрядов. На долю частного капитала в 1925/26 г. приходилось 96% предприятий I и II разряда, 68% предприятий III разряда и менее 20% предприятий IV и V разряда⁴⁹. Различия между торговыми заведениями скорее были качественными, нежели количественными.

Среди казенных и кооперативных торговых точек преобладали крупные магазины. Поэтому развитие обобщественной коммерческой сети вызывало падение удельного веса частного торгового оборота. Перестановка сил основных экономических укладов в розничной торговле видна по данным табл. 7.16.

Государственное предпринимательство формировалось как надстройка над основанием частной экономики. Такое положение обуславливало противоречивость их взаимной связи. С одной стороны, у государственного сектора существовала заинтересованность в развитии многоукладной основы, питавшей его ресурсами.

⁴⁹ См.: *Ржевуский М.* Условия развития частного оборота // Вестн. финансов. 1926. № 12. С. 71.

Таблица 7.16

**Структура розничного товарооборота по формам торговли
в 1922/23–1926/27 гг.**

Год	Государственная		Кооперативная		Частная	
	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу
1922/23	880,0 *	24,7 *			2 680,0	75,3
1923/24	846,0	15,7	1 437,0	26,6	3 116,0	57,7
1924/25	1 189,8	15,3	3 283,6	42,2	3 300,0	42,5
1925/26	1 544,9	13,2	5 224,1	44,5	4 963,1	42,3
1926/27	1 816,6	13,3	6 837,6	49,8	5 063,5	36,9

* Товарооборот всей обобщественной торговли. Сост. по: Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 134 ; История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 159.

Поэтому правящие круги вынуждены были соизмерять свои шаги с хозяйствованием частных предприятий и граждан, приспосабливаться к нему. С другой стороны, казенное ведение дел подчиняло себе и использовало в своих целях все остальные уклады. Государственный аппарат мог изымать средства различных субъектов хозяйствования, препятствовать росту их доходов и накоплению ими собственных капиталов, ограничивать, подавлять и даже запрещать предпринимательскую инициативу физических и юридических лиц в любой сфере экономики, если только усматривал в том какую-нибудь выгоду.

Объективная логика возобновления современной структуры экономики предполагала перераспределение частных средств в фонды казенного предпринимательства. На практике это означало решение вопросов: каковы могут быть объемы перекачивания капитала в госсектор, где лежат пределы нагрузки, какую частные уклады способны вынести без разрушения, подпирая надстройку?

Частные заведения ставились в условия отягощенных «подайтей». Государственная власть выдвигала перед владельцами капитала альтернативу: либо присоединиться к кооперативам, либо постепенно свертывать свою хозяйственную деятельность по при-

чине низкой доходности. По оценкам специалистов, в 1924/25 г. обложение поглощало от 35 до 52% дохода частных лиц⁵⁰.

Замедление темпов развития частной коммерции связано и с ухудшением торговой конъюнктуры по мере исчерпания резервов восстановительного подъема экономики. Облагаемый патентным сбором оборот товаров исчислялся в 9,6 млрд руб. в 1923/24 г., 13,9 млрд руб. в 1924/25 г., 17,6 млрд руб. в 1925/26 г. Оборотные фонды государственной и кооперативной торговли оценивались в 1,3 млрд руб. в 1923/24 г., 1,8 млрд руб. в 1924/25 г., 2,1 млрд руб. в 1925/26 г.⁵¹ Следовательно, объем продаж увеличился за два года на 83,3%, а оборотные средства обобщественной торговли – на 61,5%. Круговращение торгового капитала стало более напряженным.

Одновременно интенсифицировалось использование оборотного капитала промышленности. На один рубль продукции общесоюзной индустрии приходилось оборотных средств в 1924 г. 96 коп., в 1925 г. 79 коп., в 1926 г. 75 коп.⁵² Дополнительную потребность в капитале предприятия покрывали кредитами, но Госбанк периодически проводил их рестрикцию и сжатие денежной массы. Поэтому наблюдался отток средств промышленности из сферы обращения.

Тресты и синдикаты убавляли продажу товаров в кредит. Сокращение коммерческого кредита в первую очередь затрагивало частных предпринимателей. Например, в первой половине 1925 г. Всесоюзный текстильный синдикат уменьшил кредитование кооперации на 6,5%, а частных на 36%, хлопчатобумажный трест сократил отпуск товаров с рассрочкой оплаты кооператорам на 23%, а частным лицам на 39%. В биржевой торговле размер кредита кооперации понизили на 26%, частникам на 36%⁵³.

Мотивы реформационного поведения хозяйственной власти были связаны со сложностью регулирования деятельности частных укладов традиционными методами в конкретной обстанов-

⁵⁰ См.: Гинзбург А. М. Указ. соч. С. 7.

⁵¹ См.: Ржевусский М. Указ. соч. С. 68.

⁵² Там же. С. 69.

⁵³ Там же. С. 72.

ке нэпа. Государство контролировало масштабы хозяйствования частных лиц известными механизмами: налогообложением, предоставлением коммерческих и банковских кредитов. Кроме того, использовалась практика договорных соглашений на поставку товаров казенных предприятий. Единственным рыночным параметром, малодоступным централизованному аппарату управления, оставались свободно складывавшиеся цены частной торговли.

Правительство большевиков не сумело и не захотело управлять частными укладами при помощи тонкой настройки механизмов рыночного регулирования смешанной экономики. Собственный опыт убедил государственный аппарат в том, что лучшим средством «организации» деятельности частного сектора является его преобразование в кооперативную форму под страхом ликвидации. По этому пути и шла эволюция взаимоотношений частного и казенного предпринимательства.

Под давлением государства, в частности через кооперацию, капитал граждан вытеснялся в сферу обращения кредитных ресурсов. Но устойчивое развитие частного капитала в банковской сети оборвалось в 1926 г., что совпадало с общей тенденцией затухания восстановительного подъема отечественной экономики. Общества взаимного кредита испытали серьезнейший кризис, который знаменовал наступление заката их деятельности. Одной из причин расстройств частного кредита была авантюрная политика «грюндерства» столичных банков. Вторая причина активизировала действие первой. Госбанк резко сократил выделение ссуд Обществам взаимного кредита.

Потеря доверия к специальным негосударственным банковским учреждениям, закрытие валютного рынка побуждали частный капитал искать новое поприще для инвестирования. Предприниматели все чаще обращались к исконной системе организации кустарно-ремесленных промыслов. Гонимые из города государством и кооперацией, частные капиталы уходили в сельскую местность и сосредоточивались на обслуживании частных трудовых хозяйств. Капиталисты занимались организацией товарооборота между сельскохозяйственным частным трудовым производителем и городским потребителем, снабжением кустарного производства

и сбытом его изделий, финансированием всех форм частной промышленности, удовлетворяющей потребности рынка, не обеспечиваемые казенным производством.

Процесс восстановления мелкой промышленности в годы нэпа характеризуют данные табл. 7.17. В 1926/27 г. мелкая (неценовая) промышленность практически вернулась к исходным довоенным показателям по объему производства и количеству занятых работников.

Таблица 7.17

Показатели мелкой и кустарно-ремесленной промышленности в 1913–1926 гг.

Показатель	1913	1923/24	1924/25	1925/26
Общий объем валовой продукции, млн золотых руб.	1 904,8	1 531,2	1 767,7	2 028,5
В том числе без мукомольной промышленности	1 181,8	785,8	973,3	1 125,7
Число занятых, тыс. человек	3 990,1	2 625,3	2 822,9	3 387,1
В том числе:				
в городе	971,5	566,6	669,0	833,2
в сельской местности	3 018,6	2 059,7	2 153,9	2 583,9

Сост. по: История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 259 ; Гинзбург А. М. Указ. соч. С. 12.

Государство целенаправленно добивалось кооперирования кустарно-ремесленных промыслов и мелких частных заведений посредством облегчения налогообложения, льготного кредитования. В 1925 г. в кустарной промышленности функционировал 8 641 кооператив с 406,5 тыс. чел., а в 1927 г. уже насчитывалось 10 004 кооператива с 618,8 тыс. участников⁵⁴. Темпы «социализации» (обобществления) примерно совпадали с темпами роста количества работников мелкой промышленности. Доля кооператоров не превышала 15% всех кустарей и ремесленников.

Трансформация частного предпринимательства в годы нэпа была общей тенденцией исторического развития, в которой были свои колебания. Частнокапиталистический и мелкотоварный уклады выполняли функцию основания, несущего на себе государственное предпринимательство. Однако они представляли собой

⁵⁴ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 278.

скорее не жесткий фундамент, а «эластичную подушку», «амортизатор», который смягчал удары казенного сектора на «ухабах» хозяйственной конъюнктуры.

Так, с 1921 г. до лета 1923 г. частники своими капиталами возрождали торговую сеть, товарно-денежный обмен между городом и деревней и внутри крупной индустрии. Они создавали спрос на изделия государственных предприятий, обеспечивали загрузку их производственных мощностей. Перевод трестов на коммерческий расчет с апреля 1923 г. сопровождался «синдицированием» промышленности и вытеснением частного капитала из оптового оборота. Наступление на конкурентные позиции необобщественной торговли прервалось осенью 1923 г. кризисом сбыта промышленных товаров.

С марта 1924 г. на гребне денежной реформы государственная и кооперативная торговля расширяла при помощи кредитной эмиссии свои операции, ухудшала условия частной коммерции вплоть до ноября месяца⁵⁵. В этот период было исправлено налоговое законодательство с целью утяжеления бремени платежей граждан-предпринимателей, а тресты и синдикаты ограничили отпуск товаров индивидуальным торговым посредникам.

Неурожай зерновых культур сжал рыночный спрос, осложнил сбыт городской продукции. Государственное предпринимательство в очередной раз отступило. Смену курса растолковывал экономист А. М. Гинзбург: «В минуты затруднений сбыта финансовое положение промышленности напрягается, промышленности приходится придерживать большие массы товаров на складах и предъявлять большие требования кредитному механизму страны или же соответственно сокращать производство. В такие моменты финансовое напряжение промышленности может быть облегчено усилением торговли с частным капиталом. Так оно было в период ноябрь 1924 года – март 1925 года. <...> Пользуясь товарным кредитом от государственных промышленных и торговых организаций, частный капитал, разумеется, отвлекает часть средств государственного хозяйства, но <...> эти средства были бы значительно больше, если

⁵⁵ См.: М–в С. О роли частного капитала в народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 4. С. 77.

бы контрагентом выступила кооперация или госорганы»⁵⁶. Выгода заключалась в более интенсивном обороте капитала частной торговли; с меньшим кредитом она продвигала большее количество товаров. Новая волна кредитной экспансии во второй половине 1925 г. сопровождалась следующим по счету нажимом на частный сектор. Были введены квартирный налог и налог на сверхприбыль. В ситуации товарного голода поощрялась мелкая промышленность. Предоставлялись льготы гражданам при организации предприятий строительной индустрии и конструкционных материалов.

Кредитная рестрикция 1926 г. опять вынудила казенное предпринимательство идти на компромисс с теми «необщественными» деловыми людьми, которые еще продолжали хозяйничать. Стало быть, частники периодически восполняли своими ресурсами возникавший недостаток оборотных средств предприятий государственного сектора.

Развитие частного предпринимательства с 1921 по 1926 г. происходило переменным темпом, волнообразно, со спадами и подъемами, в направлении расширения. В 1926/27 г. впервые с начала нэпа валовая продукция частного сектора уменьшилась на 2,9% по сравнению с уровнем прошлого года из-за снижения цен и физического объема производства товаров⁵⁷. Такой исход был предопределен и в известном смысле закономерен. Провозглашение курса на индустриализацию СССР обернулось тенденцией к разрушению частного хозяйствования и переделкой многоукладной экономики в двухсекторную – государственно-кооперативную.

Развитие взаимоотношений частного и государственного предпринимательства довольно точно резюмировал Ю. Ларин: «Неизбежное появление ростков капитализма и временный некоторый их абсолютный и отчасти относительный рост происходили в обстановке общего отступления доли и значения частного хозяйства перед хозяйством государственным. <...> Ростки капитализма даже в скромном размере появились не в результате конкурентной победы над соответствующим государственным хозяйством, а только

⁵⁶ Гинзбург А. М. О частном капитале в народном хозяйстве. С. 20.

⁵⁷ См.: Милютин В. Итоги экономического развития СССР и перспективы социалистического строительства // Вестн. Коммунистической академии. Кн. 23. 1927. С. 14.

там, где государство не выступало конкурентом или само находило целесообразным их насаждение. Наоборот, всюду, где государство выступало конкурентом, частный капитал терпел поражение»⁵⁸.

Восстановительный подъем экономики содействовал развитию финансовой системы СССР. Рост бюджетных поступлений конкретизируют данные табл. 7.18. Структура важнейших параметров доходной части государственного бюджета на протяжении четырех лет оставалась в основном стабильной. В частности, налоги и сборы приносили половину всех фискальных денег.

Таблица 7.18

Доходы государственного бюджета СССР в 1923/24–1926/27 гг., млн руб.

Статья доходов	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Налоговые доходы (налоги и сборы)	991	1 604	2 193	3 001
В том числе:				
акцизы	243	505	842	1 210
промысловый налог	234	324	483	676
сельскохозяйственный налог	231	326	252	358
подходный налог	76	113	186	246
таможенные пошлины	67	102	151	189
Неналоговые доходы от государственного хозяйства	536	850	1 237	1 625
В том числе:				
промышленности	45	100	140	279
транспорта и связи (без эксплуатационных затрат)	57	173	231	299
внутренней и внешней торговли	8	37	37	44
кредитных учреждений	7	20	47	68
коммунального и жилищного хозяйства	132	191	276	326
лесов и недр	54	105	238	268
Государственные займы	184	131	146	319
Средства государственного страхования	–	420	670	927
Операции казначейства, связанные с проведением денежной реформы	315	115	–	–
Всего	2 026	3 119	4 246	5 877

Сост. по: Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978. С. 93, 116 ; Плотников К. Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1955. С. 76.

⁵⁸ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 304, 305.

Советский финансовый аппарат продвигался по траектории воссоздания довоенной структуры доходов. Удельный вес социалистических предприятий в 1925/26 г. составлял 43,1% в собранном подоходном налоге и 60% в платежах промыслового налога⁵⁹. В абсолютном выражении это давало соответственно 80 млн руб. и 290 млн руб. Вместе с акцизами и неналоговыми доходами их сумма была тождественна 2 448 млн руб., или 60,1% обычных бюджетных доходов. Казенное хозяйство в 1913 г. обеспечило 60,7% всех поступлений в бюджет.

В первые годы нэпа в нашей стране преобладало прямое обложение, но прослеживалась тенденция к его замещению косвенным налогообложением. Удельный вес последнего в налоговых сборах увеличился с 31,3% в 1923/24 г. до 46,6% в 1926/27 г. При застывшей пропорции таможенных пошлин доля акцизов в налогах повысилась с 24,5 до 40,3%. Опережающий рост акцизного обложения свидетельствовал, что Наркомфин «читил заветы» и продолжал традиции царского финансового ведомства.

Доходы централизованной финансовой системы увеличивались быстрее, чем объем производства и торговли. Все большая часть ресурсов отечественного хозяйства перераспределялась через каналы государственного бюджета. Одновременно росло налогообложение в расчете на душу населения. Утяжеление нагрузки бюджетных изъятий иллюстрируют данные табл. 7.19.

Таблица 7.19

Доходы и налоговые платежи в 1924/25–1926/27 гг.

Показатель	1924/25	1925/26	1926/27
Отношение доходов бюджета к национальному доходу, %	20,0	21,0	24,9
Народный доход на душу населения, руб.	111,4	141,6	161,3
Налоговые платежи на душу населения, руб.	11,5	15,3	20,5
Доля налогового изъятия из народного душевого дохода, %	10,3	10,8	12,7

Рассчитано по: *Старков П., Неусытин А.* Бюджет и народный доход // Плановое хозяйство. 1927. № 10. С. 48, 49 ; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12.

⁵⁹ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 131.

Сопоставить тяготы налогового бремени разных социальных слоев можно по статистическим выкладкам Ю. Ларина. Они указаны в табл. 7.20.

Аналогичную величину показателей высчитал и М. Бубнов. По его оценкам, в 1924/25 г. сельское население отдавало в виде налогов в среднем на одного человека 7,5% дохода, рабочие – 11,1%, прочие представители городского населения – 17,5%⁶⁰. Горожане занимали среди жителей страны менее 20%, но уплачивали в казну свыше половины общей суммы налогов. Городские сословия активнее участвовали в товарно-денежном обороте, и их доходы являли собой обильный источник фискальных платежей. Советские бюрократы, как и столоначальники императорской эпохи, были заинтересованы в попечительстве российской индустрии. Подъем промышленности сопровождался основанием и укрупнением городов и обогащал бюджет потоком налоговых сборов.

Таблица 7.20

Структура численности, доходов и налогообложения различных социальных групп населения в 1926 г., %

Социальная группа	Доля в численности населения	Доля в доходах	Доля в налоговых платежах
Крестьяне бедняки и батраки	25,1	11,5	5,0
Крестьяне середняки	49,0	35,7	25,9
Зажиточные крестьяне («кулаки»)	1,6	5,6	5,4
Рабочие и служащие	16,8	28,0	42,1
Мелкие несельскохозяйственные предприниматели	7,0	14,9	13,9
Крупные несельскохозяйственные предприниматели (капиталисты)	0,5	4,3	7,7
Итого	100	100	100

Сост. по: Ларин Ю. Указ. соч. С. 265.

После денежной реформы изменилась политика правительства в области государственного кредита. Прекратилась принудительная реализация облигаций покупателям. До того навязывание

⁶⁰ См.: Бубнов М. О тяжести обложения населения СССР // Плановое хозяйство. 1926. № 10. С. 118.

займов настолько понижало их курс, что расчетная доходность при погашении облигаций взлетала до невероятной высоты – 140% по второму выигрышному займу 1924 г.⁶¹ Но спрос на ценные бумаги отсутствовал. Публику не вдохновляла ожидаемая выгода.

Переход к добровольному размещению займов совпал с развертыванием личной инициативы и предпринимательства. Для продажи гражданам по подписке были выпущены следующие займы: пятипроцентный выигрышный заем 1925 г., второй крестьянский выигрышный заем 1926 г., внутренний выигрышный заем 1926 г., внутренний десятипроцентный выигрышный заем 1927 г., первый заем индустриализации 1927 г.⁶²

Эмиссии 1924–1925 гг. были сдержанными и не торопились с привлечением огромных денег в бюджет. Наркомфин осуществлял интервенции, скупая собственные облигации в целях повышения их курса. «Вслед за этим, – по словам Г. Вульфа, – начинается период подлинного нэпа в области государственного кредита. Высокая доходность займов, широкая и шумная реклама, оживленный оборот на фондовых биржах, размещение займов по предварительной подписке с последующей разверсткой, планирование государственного кредита в точном соответствии с емкостью рынка и его требованиями, регулирование биржевых цен с учетом реального спроса и предложения – таковы особенности государственного кредита 1925–1927 годов»⁶³.

Осторожная политика выпуска новых займов и частичное снятие облигаций сберегательными кассами в 1925–1926 гг. сделали регулирование фондового рынка сначала возможным, а затем и эффективным. Государственные органы почти целиком контролировали курсовую котировку ценных бумаг. Правительство использовало биржу не только как инструмент привлечения к государственному кредиту анонимных держателей, но и как механизм установления цены на казенные облигации и выяснения тенденций

⁶¹ См.: Железнов В. Я. Ближайшие задачи государственного кредита СССР // Вестн. финансов. 1927. № 4. С. 45.

⁶² См.: Юровский Л. К истории и теории наших государственных займов // Там же. 1929. № 1. С. 15.

⁶³ См.: Вульф Г. Новая стадия в развитии госкредита СССР // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 4. С. 13–14.

развития рынка свободных капиталов. К середине 1926 г. резуль- тативный доход от займов был сведен к 15–18%. На том же уровне стояли тогда и проценты по платежным обязательствам Центро- кассы – краткосрочным ценным бумагам Наркомфина, которые приобретали в основном социалистические предприятия.

Данная норма доходности соответствовала другим рыночным параметрам. Банковский учетный процент составлял на государ- ственном рынке 8–10%, на частном организованном рынке 48– 60%. Чистая прибыль частных заведений колебалась в интервале 23–32%⁶⁴. Таким образом, доходность облигаций была выше учет- ного процента в стабильной банковской системе, но ниже нормы предпринимательской прибыли и процента в еще более рискован- ных, частных кредитных операциях.

О том, как расходились облигации займов по территории стра- ны, дает представление табл. 7.21. Она показывает эволюцию по- литики государственного кредита.

Таблица 7.21

Распределение облигаций государственных займов по населенным пунктам СССР, млн руб.

Населенный пункт	5%-ный краткосрочный заем 1925 г.	Выигрышный заем 1926 г.	10%-ный выигрышный заем 1927 г.	Первый заем индустриали- зации 1927 г.
Ленинград, Москва, Харьков	46,3	22,9	70,8	94,6
Прочие	5,3	7,0	30,7	105,6
Всего	51,6	29,9	101,5	200,2

Сост. по: *Лоевский Д. А.* Кредитная система и государственные займы // Кредит и хозяйство. 1928. № 8. С. 14.

Первоначально расчет делался на привлечение незанятых де- нег состоятельных людей. Впоследствии финансовое ведомство стало ориентироваться на приобретение облигаций широкими сло- ями населения. Была объявлена предварительная подписка на за- ймы и предложена процедура покупки ценных бумаг посредством мелких, растянутых во времени платежей, доступная небогатым

⁶⁴ См.: *Железнов В. Я.* Ближайшие задачи государственного кредита СССР. С. 41, 45, 47.

гражданам. Подобное закрепление облигаций повышало их доходность в течение первых месяцев реализации займов. Но норма дохода была важна не твердым держателям государственных бумаг, а лишь биржевикам.

Займы 1927 г. уже прямо нацеливались на массовые трудовые сбережения. Облигации распространялись не только в трех крупнейших центрах страны, но и попадали к жителям других городов и регионов. Ликвидность – свободная купля-продажа облигаций и гарантия курса позволяли успешно размещать займы.

Государственный кредит качественно преобразился в 1927 г. Займы начали выполнять несвойственную им функцию принудительного ограничения личных доходов граждан. Но кредитные операции 1927 г. показали, что политика государственного кредита Советского Союза ориентируется не на привлечение в займы свободных в момент объявления подписки средств населения, а на текущее накопление широких масс, в первую очередь рабочих.

Доходы государственного бюджета обуславливали его расходы. Формирование структуры расходной части бюджета СССР отражено в табл. 7.22.

Таблица 7.22

Расходы государственного бюджета СССР в 1923/24–1926/27 гг., млн руб.

Статья расходов	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
На народное хозяйство	557	916	1 224	2 085
В том числе:				
промышленность	161	188	281	685
сельское хозяйство	90	233	283	298
транспорт и связь	150	196	283	527
коммунальное и жилищное хозяйство	52	162	257	346
На социально-культурные мероприятия	355	528	746	993
Оборона	402	418	569	651
Содержание органов управления	283	387	532	545
Расходы по государственным займам	75	70	123	101
Государственное страхование	–	420	645	840
Всего	2 022	3 065	4 210	5 780

Сост. по: *Плотников К. Н. Указ. соч. С. 92.*

На протяжении четырех лет советские финансисты хозяйничали умело, бездефицитно. Поступление средств в казну превышало их траты. Баланс доходов и расходов бюджета сводился к минимально активному сальдо. Структура расходной части бюджета оставалась стабильной с 1923/24 по 1925/26 г. Удельный вес финансирования народного хозяйства, социальной сферы, обороны и органов управления колебался весьма незначительно.

Серьезная перегруппировка ресурсов произошла в 1926/27 г. вслед за провозглашением директивы об индустриализации страны. Доля расходов на народное хозяйство в общей сумме бюджетных выплат возросла за год с 29,1 до 36%. Удельный вес финансирования промышленности в расходах казны за тот же срок почти удвоился с 6,7 до 11,9%. На поддержку индустрии в 1926/27 г. тратился каждый третий бюджетный рубль, вложенный в экономику. Развитие промышленности требовало улучшения путей сообщения. Поэтому увеличилась доля государственных инвестиций в транспорт и связь с 6,7% в 1925/26 г. до 9,1% в 1926/27 г.

Завершение восстановительного подъема поставило державу перед необходимостью реконструировать техническую и технологическую базу отечественной экономики. Одним из ответов на запросы времени стала перестройка государственных финансов в интересах индустриализации. Бюджет все больше подчинялся обеспечению экономического роста.

На одной стороне расширялся плацдарм доходной части, наращивались поступления от косвенных, акцизных налогов, которые мало зависели от текущего состояния хозяйственной конъюнктуры и динамики личных доходов населения, отягощалось налоговое обложение частного сектора в пользу казначейства, возрождался государственный кредит. На другой стороне полученные доходы целенаправленно распределялись на нужды социалистического хозяйства, прежде всего промышленности. Государственное предпринимательство переналаживало свой самый мощный экономический механизм – бюджет, приспособлявало его к проведению политики ускоренной индустриализации.

Периодические изменения хозяйственных показателей СССР были похожи на среднесрочные циклы деловой активности в

условиях смешанной экономики. Прослеживался свойственный инвестиционным циклам тренд: подъем – спад. Динамика накопления капитала, выпуска продукции, рыночного товарооборота, денежного обращения была кумулятивной, т.е. «саморазгоняющейся» и вверх, и вниз.

Начало нэпа по-своему повторило закономерность, которую подметил С. А. Первушин в российской экономике довоенной поры⁶⁵. Резкий скачок экономики в 1924/25 г. во многом был обусловлен хорошим сбором хлебов в 1922–1923 гг., приемлемыми для деревни сельскохозяйственными ценами, возобновлением аграрного экспорта. После пика 1924/25 г. наметилась тенденция к затуханию темпов роста валовой продукции промышленности на фоне неспешно расширявшегося сельскохозяйственного производства.

Объем сбережений и накоплений был сравнительно мал. В 1925/26 г. накопление капитала едва дотягивало до 720 млн руб., т.е. до 45% от довоенной отметки⁶⁶. Высокие темпы экономического роста обуславливались спецификой восстановительного процесса. Наличие бездействовавших производственных мощностей позволяло быстро расширять выпуск продукции с минимальными изменениями основных фондов фабрик и заводов. Для улучшения загрузки простаивавшего оборудования довольно было пополнения оборотного капитала, преимущественно путем закачивания денег в обращение. Частные сбережения играли здесь второстепенную роль.

В «процветание» первых лет нэпа гораздо больший вклад вносило воссоздание разрушенных производительных сил, нежели их новое приращение, характерное для «обычных» периодов инвестиционной активности. Еще одним отличием «нэповского взлета» был опережающий рост отраслей потребительского ассортимента. Удельный вес группы «Б» в объеме валовой про-

⁶⁵ В былые годы очередной инвестиционный цикл и мощный подъем нашей промышленности предварялись двумя или тремя высокими урожаями подряд, относительно благоприятными для крестьян ценами на хлеб, увеличением заготовок и вывоза зерна за границу (См.: Первушин С. А. Хозяйственная конъюнктура. С. 191, 192).

⁶⁶ Кондратьев Н. Д. Особое мнение. С. 210, 211.

мышленной продукции за 1923–1926 гг. повысился с 51,9 до 56,1%. Для циклических подъемов типичны противоположные тенденции.

Запаздывающее движение предприятий, выпускавших средства производства, было и причиной, и следствием малых размеров реального накопления основного капитала. Слабость инвестиционного комплекса была специфической чертой советской экономики в 1921–1927 гг. Выход на довоенный рубеж валового промышленного производства в 1927 г. совершился при неполном восстановлении металлургии и машиностроения. Еще скромнее выглядели успехи внешней торговли, которая составляла неотъемлемый элемент инвестиционной сферы, поскольку в 1926/27 г. на ввоз товаров производственного назначения приходилось 88% импорта⁶⁷.

Завершая анализ начала новой экономической политики и функционирования государственного предпринимательства в многоукладном хозяйстве в 1921–1926 гг., можно сделать следующие выводы.

Восстановительные процессы в многоукладной экономике подошли к своему завершению в 1926/27 г., когда по ряду параметров советское хозяйство достигло уровня 1913 г. и даже превзошло его. Однако общий уровень затрат на производство промышленной продукции в годы нэпа был избыточным и предопределял границы формирования индекса оптовых вблизи отметки 200. После военно-революционных разрушений вновь сложилась прежняя отраслевая структура с преобладанием предприятий группы «Б» и сельского хозяйства.

Государственное предпринимательство в 20-е – начале 30-х гг. было сопряжено с циклическими колебаниями конъюнктуры краткосрочной, среднесрочной и длинноволновой (полувековой) периодичности. Кризис сбыта изделий казенной индустрии в 1923 г. был «классическим», краткосрочным торговым кризисом, вызванным перенакоплением товарных запасов и динамикой цен. Его особенности обуславливались различной степенью насыщенности

⁶⁷ См.: Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли // Плановое хозяйство. 1929. № 4. С. 81.

и эластичности рынков промышленной и сельскохозяйственной продукции, а также денежно-кредитной и бюджетной политикой государства.

Восстановительная стадия конъюнктурного цикла нэпа была в известном смысле «симметричным отражением» дезинвестиционного цикла эпохи военного коммунизма (1915–1920 гг.), который состоял из нескольких этапов деградации хозяйства под воздействием государственного предпринимательства. В это время происходило изъятие капитала из реального сектора экономики и преднамеренное, инфляционное обесценение сбережений и доходов граждан. Наблюдалась соподчиненность кризисных процессов в различных областях экономики. Деградации вначале подверглись наиболее зависимые от государственного предпринимательства сферы хозяйства: казенные финансы и кредитно-денежное обращение. Затем она охватила оптовую торговлю и крупную, преимущественно обрабатывающую промышленность и в конце концов затронула сельское хозяйство и розничную торговлю. Темпы спада производства увеличивались по мере повышения капиталоемкости и технического уровня отрасли.

Воссоздание российского хозяйства происходило в противоположном разрушению структурном и хронологическом порядке. Быстрее всех возрождались розничная торговля и сельское хозяйство. За ними следовали отрасли легкой, добывающей промышленности, оптовая торговля, кредитно-денежное обращение и финансовая система. Медленнее всех набирал силы инвестиционный комплекс. Опыт нэпа подтвердил инертность экономики. Особенно устойчивой была отраслевая структура, сохранившая преемственность в хозяйственном развитии. Этот жесткий технологический каркас восстановился после необратимых перемен в государственном устройстве, идеологии, отношениях собственности, невзирая на трансформацию механизма регулирования экономики.

Скорее и легче возобновлялось расширенное воспроизводство мелкотоварных, частнохозяйственных укладов с присущими им механизмами регулирования. Оно закладывало основы нормальной жизнедеятельности сложноорганизованных сфер: корпоративного сектора, денежного обращения, государственных финансов,

социальной инфраструктуры. Хозяйственный подъем обеспечивал восстановление структуры социально-экономических укладов, отраслевой структуры, различных институтов смешанной экономики. Он давал простор для развития частного и казенного предпринимательства и создавал условия для эффективного сосуществования традиционных механизмов рыночного равновесия с разветвленным государственным управлением экономикой. Ресурсов в той или иной степени хватало всем. Макроэкономическая динамика в годы нэпа тесно переплеталась с институциональными преобразованиями. Прослеживалась взаимосвязь между темпами, качеством экономического роста и изменением хозяйственного строя державы.

Глава 8

Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства (1926/27–1928/29 годы)

Обладание «командными высотами» в экономике позволяло госаппарату удачно использовать хорошую конъюнктуру первых лет нэпа. Сочетание политики фиксированных цен внутреннего рынка с завышенным обменным валютным курсом червонца давало возможность максимизировать покупательную силу денежных средств, направляемых в казенную промышленность. Исчерпание резервов экстенсивного, эмиссионного ускорения экономики переломило благоприятную тенденцию к худшему. Вложения капитала в денежной форме преодолели критическую черту его реального накопления. При твердых, заниженных ценах в 1925 г. разразился «товарный голод». Он знаменовал собой поворотный пункт первой волны инвестиционного цикла – от подъема к спаду.

Ограничение эмиссионной и учетно-ссудной деятельности Госбанка в 1926 г. сократило разрыв между номинальным и реальным инвестированием, смягчило дефицит предложения продуктов, уменьшило емкость внутреннего рынка, поубавило темпы роста экономики. Отечественное хозяйство стало погружаться в депрессивное состояние, для которого характерно пополнение товарных запасов, производство, превосходящее покупательский спрос.

Такие времена всегда обостряют противоречие интересов разных субъектов хозяйствования. Сильные стремятся гарантировать собственные выгоды за счет слабых, которые в ответ стараются защищаться. Так, избыточная кредитно-денежная эмиссия, допущенная в интересах казенного сектора, подтолкнула крестьян к натурализации потребления и накопления, к сокращению продажи своих продуктов, вызвала скачок цен в негосударственной торговле, спровоцировала спекулятивный арбитраж частных лиц на товарном и валютном рынках.

В противоборстве с частными укладами государство не довольствовалось мощью своего предпринимательства. Оно занялось трансформацией социально-экономических институтов ради роста капиталовложений и дальнейшей индустриализации страны. Советская власть приступила к преобразованию и вытеснению частного предпринимательства и соответствующих ему механизмов хозяйственного регулирования. Одновременно началось формирование директивно-плановой системы управления экономикой.

Хронический недостаток товаров воскресил практику общенационального планирования чрезвычайных, военно-коммунистических времен. Плановое регулирование раздвигало свои границы по мере увеличения дефицитности продуктов и услуг, а также параллельно с расширением государственного хозяйства и распространением новых методов руководства на кооперацию.

Ведущей тенденцией социально-экономических реформаций становилось кооперирование частников с целью подчинения их коммерческой инициативы интересам государственного предпринимательства. Если подобным способом не удавалось втиснуть свободное индивидуальное хозяйство в узкие рамки централизованно управляемой, «обобществленной» формы, то оно выдавливалось из торгового оборота или попросту запрещалось. Так, в 1926 г. ушли в небытие сделки граждан по купле-продаже иностранной валюты и золота.

Вместе с разрушением частных укладов отмирали присущие им элементы поддержания равновесия хозяйственного оборота. Стало быть, депрессивная стадия инвестиционного цикла продолжила институциональные преобразования. Только вектор преобразований заодно с макроэкономической динамикой повернул-

ся в противоположную сторону. Многоукладное хозяйство стало вырождаться в двухсекторную «социалистическую» экономику, а гибкий, многоуровневый механизм рыночного регулирования начал превращаться в жесткую, упрощенную систему централизованного планового управления. Режим функционирования корпоративного уклада расстался с коммерческой ориентацией и конкуренцией. Оказалось, что институциональные изменения имеют такой же обратимый характер, как и колебания макроэкономической конъюнктуры.

Выяснилось, что ресурсы реального накопления капитала и экономического роста невелики даже для стимулирования среднесрочного инвестиционного бума. Главной причиной тому была низкая производительность труда. Она ограничивала размер прибыли предприятий и уровень доходов граждан, уменьшала объем личных сбережений. В этой ситуации правительству необходимо было заботиться о принудительном или хотя бы поощряемом сбережении средств населения.

С данной проблемой была тесно связана перспектива долгосрочного экономического развития. В 1927 г. отечественная экономика вплотную приблизилась к технологическим пределам функционирования и взаимоотношения казенной индустрии с мелкотоварным крестьянским хозяйством обострились. Требовалась коренная переделка технического и технологического базиса советского хозяйства при помощи закупки за границей оборудования и передовых технологий, а основным источником валюты мог служить экспорт сырья и сельскохозяйственной продукции.

Новая экономическая политика благоприятствовала росту производства и особенно потребления в российской деревне. Но в ходе послевоенного подъема сельское хозяйство восстанавливалось как отсталая, во многом самодостаточная сфера экономической деятельности; оно деградировало качественно. Валовая товарность нашего дореволюционного сельского хозяйства составляла 40%, а после пяти лет нэпа – всего 33%. Этот же параметр в американском аграрном комплексе превосходил 60%, в германском – 80%¹.

¹ См.: *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение // Избр. произв. : в 2 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 349.

Реабилитация рыночных отношений при нэпе воссоздала обстановку конкуренции отдельных крестьянских хозяйств и предпосылки их дифференциации. В то же время действовали два фактора, препятствовавших расслоению крестьянских хозяйств по экономической мощности. Первым фактором противоборства с дифференциацией была государственная политика поддержки своего стратегического союзника – беднейших и средних слоев деревни и подавления ее высших, «эксплуататорских» групп.

Другим фактором было аграрное перенаселение. По расчетам Госплана, в 1926 г. избыточное сельское население СССР определялось в 6,8–8,1 млн человек. Коэффициент использования сельскохозяйственного труда колебался в интервале 50–60%². Показателем перенаселения был процесс дробления относительно больших хозяйств в деревне, который в годы нэпа протекал в 2–2,5 раза интенсивнее, чем до войны. За 1923–1925 гг. число крестьянских хозяйств в Советском Союзе увеличилось с 21,8 до 23,2 млн³.

Советская власть стала заложницей собственной политики. Ликвидация крупных помещичьих владений и передел национализированной земли гарантировали революционерам всяческую поддержку большинства крестьян. Но такие события отбросили назад сельскую экономику. Они разрушили самый производительный и высокотоварный тип хозяйств, свели к минимуму положительный эффект дифференциации деревни. Закономерным результатом популистских деяний оказался рост аграрного перенаселения, а также нивелировка крестьянских хозяйств – ликвидация мелких и дробление крупных.

Новая экономическая политика не смогла полностью восстановить экспортный потенциал сельского хозяйства. Так, в 1925/26 г. производство зерна составило 76,6% от уровня 1913 г., технических культур – 104,2%, продуктов животноводства – 96,1%, а экспорт данных товаров от уровня 1913 г. составил соответственно 20,5, 23,3 и 23,9%⁴. Виной тому был комплекс внутренних и внеш-

² См.: Кондратьев Н. Д. Особое мнение. С. 337.

³ Там же. С. 215, 343.

⁴ Рассчитано по: Кондратьев Н. Д. Особое мнение. С. 181, 187.

них причин. К первым относились ликвидация крупного капиталистического хозяйства, нивелировка деревни, увеличение собственного потребления земледельцев, поощряемое «ножницами цен» и дефицитом промышленных товаров, уменьшение налогообложения крестьян, игравшее роль отрицательного стимулирования при продаже сельхозпродукции.

Среди проблем внешнеэкономической сферы следует отметить утрату за время двух войн традиционных рынков сбыта российских товаров, неблагоприятную динамику соотношения мировых цен и цен внутреннего рынка, завышенный обменный валютный курс червонца, выполнявший функцию экспортной пошлины, ухудшение качества вывозимых продуктов, рост издержек экспорта из-за плохой работы торгового аппарата.

Таким образом, к концу восстановительной стадии среднесрочного цикла в советской экономике сложилась застойная ситуация. Иссякли резервы экстенсивного роста индустрии и сельского хозяйства. Аграрный сектор не мог служить источником обильных накоплений, необходимых для улучшения собственного положения и дальнейшей индустриализации страны. И промышленность, и сельское хозяйство нуждались в реконструкции. Перед государственным предпринимательством встала задача повышения удельного веса накопления в национальном доходе с целью структурной перестройки экономики державы. Необходимо было выбрать приоритетные направления инвестирования.

Состоявшийся 2–19 декабря 1927 г. XV съезд ВКП(б) поставил перед государственным аппаратом задачу «...объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы»⁵. Партийная формулировка констатировала бесперспективность поддержки полунатуральных, низкотоварных, мелких крестьянских хозяйств. Признавалось неотложным укрупнение первичных производственных единиц в аграрном секторе, ибо только оно обеспечивало повышение производительности труда и рост товарности в земледелии посредством перехода к механической обработке полей.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4. С. 57.

Советская власть пожелала отказаться от традиций семейной организации сельского хозяйства. Укрупнение аграрных производственных звеньев, по разумению правящих кругов, должно было происходить в виде преобразования «индивидуальных, собственниковских» крестьянских хозяйств в «коллективные формы». Выбор такого пути объяснял другой пункт резолюции XV съезда ВКП(б) по отчету ЦК, который предусматривал усиление плано-регулирующей роли пролетарского государства в сельском хозяйстве и рост влияния социалистических элементов в самой деревне⁶.

Строя взаимоотношения с мелкотоварным сельским укладом в режиме рыночной торговли, государственное предпринимательство не совладало с ним, не смогло подчинить интересы зажиточных земледельцев интересам ускоренной индустриализации. Подтверждением этому служит обзор итогов хлебозаготовительных кампаний в 1924–1928 гг., представленный в табл. 8.1.

Таблица 8.1

Валовой сбор, заготовка и экспорт зерна в 1924–1928 гг., млн ц

Показатель	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Валовой сбор зерна	724,1	762,2	750,6	723,0	733,2
Объем хлебозаготовок	51,3	95,1	116,4	110,3	107,9
Экспорт зерна	3,5	19,8	25,4	2,9	1,8

Рассчитано по: Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. С. 112, 127; Саркис А. К хлебозаготовительной кампании // Плановое хозяйство. 1932. № 4. С. 77; Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М., 1960. С. 110, 144; Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11–12. С. 116.

Завершение восстановительного цикла характеризовалось стабилизацией и снижением валовых сборов зерна, сокращением его заготовок, т.е. уменьшением предложения товарного хлеба на внутреннем рынке, а также резким падением экспорта зерновых культур.

Наращение трудностей хлебозаготовительных кампаний показывают и данные табл. 8.2.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4. С. 56.

Таблица 8.2

Динамика кредитования хлеботорговых операций и переходящих запасов зерна в 1924/25–1928/29 гг.

Показатель	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Изменение суммы кредитования хлеботорговых операций, млн руб.:*					
июль – сентябрь	+ 45,6	+ 136,3	+ 48,8	+ 95,7	+ 143,1
октябрь – декабрь	+ 49,5	+16,1	+ 93,7	+ 24,5	+ 71,8
январь – март	+ 12,1	+ 2,2	- 66,1	+ 57,2	–
апрель – июнь	- 37,3	-108,3	-113,3	-140,0	–
За весь годовой цикл	+ 69,9	+ 46,3	-36,9	+ 37,4	–
Изменение переходящих запасов зерна, млн ц:*					
июль – сентябрь	–	–	+ 5,6	+ 9,6	+ 6,1
октябрь – декабрь	–	–	+ 12,4	- 0,8	+ 8,8
январь – март	–	–	-9,0	+ 3,8	–
апрель – июнь	–	–	-10,0	-13,7	–
За весь годовой цикл	+ 3,5	+ 1,0	-1,0	- 1,1	–

Примечание. * «+» – увеличение, «-»– уменьшение. Рассчитано по: *Гольденберг А. М.* Эмиссионные перспективы и сельскохозяйственная кампания // *Кредит и хозяйство.* 1928. № 11. С. 11 ; *Рочко Г.* Задачи кредитования хлебных операций // Там же. 1929. № 2. С. 31.

В целом прослеживалась взаимозависимость между объемами хлебозаготовок, размерами зерновых запасов, с одной стороны, и изменением банковского кредитования хлеботорговли – с другой. Приобретение большего количества зерна у производителей обеспечивалось увеличением банковских ссуд, выделяемых на эти цели. Низшей точке объема хлебных запасов, как правило, соответствовал минимальный уровень кредиторской задолженности. Однако действие закономерности «сколько хлеба, столько денег» постепенно ослабевало.

Конъюнктура внутреннего хлебного рынка складывалась под влиянием нескольких причин: структуры посевных площадей, размера урожая, динамики банковского кредитования хлебной торговли, государственной политики закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, административного регулирования заготовок и использования хлеба, общего состояния конъюнктуры экономики страны.

Хлебная кампания неурожайного 1924/25 г. началась с борьбы хозяйственного руководства с повышением цен на зерно в интересах укрепления покупательной способности рубля. Но заниженный уровень «лимитных» цен сократил государственные закупки продовольствия и расчистил поле для деятельности частным торговцам. Недостаточные казенные заготовки обернулись скачком зерновых цен весной. Индекс оптовых сельскохозяйственных цен в апреле – июне 1925 г. превышал оптовый индекс промышленных цен; и весь квартал «ножницы цен» были раскрыты в «обратную» сторону.

Неплохой урожай 1925 г. не смог переломить траекторию повышения оптовых цен на хлеб, ибо платежеспособный спрос доминировал над предложением зерна. Обильные банковские ссуды, выдаваемые на закупки, и форсированный экспорт подталкивали хлебные цены вверх. В том же направлении двигало цены интенсивное увеличение зарплаты городского населения, связанное с бурным восстановлением и избыточным кредитованием индустрии.

Рост цен на сельскохозяйственную продукцию, особенно сырьевого назначения, вызвал симметричный подъем цен промышленных изделий. Инфляционное падение покупательной силы денег не благоприятствовало их оседанию в крестьянских домах. Отсутствие промтоваров для встречной продажи сельским жителям по причине обострявшегося товарного голода не позволило государственным структурам воспользоваться выгодными условиями обмена продуктами между городом и деревней.

Потуги сдерживания роста зерновых цен осенью 1925 г. оказались безуспешными; их результатом опять было развертывание стихийных хлебозаготовок. Рост доходов горожан сформировал рыночный сегмент с высокими ценами на хлеб, который прибыльно эксплуатировали расторопные дельцы. На ценовую конкуренцию с частниками у правительства не хватало ресурсов, поскольку напряженный вывоз злаковых культур за границу оголил запасы.

Отражая конкуренцию соперников, государственное предпринимательство прибегло к административным мерам. В конце

1925 г. было введено «регулирование на транспорте», фактически вытеснившее частные перевозки зерна по железной дороге. Перебои с частными поставками зерна изменили соотношение хлебных цен в производящей и потребляющей зонах. В 1926 г. возник разрыв между заготовительными и реализационными ценами, который достигал 50%, намного превосходя обычные накладные и торговые издержки. По свидетельству Б. Авилова, «разница в ценах частного рынка, даже между соседними районами и губерниями, оказывалась настолько значительной, что торговцы, а также крестьяне потребляющей полосы находили выгодным за сотни верст возить хлеб гужом (на санях), не говоря уже о всяких смешанных способах перевозки (водой на лодках с перевалом на железной дороге или в комбинации с гужевой перевозкой)»⁷.

Еще одним административно-хозяйственным новшеством стала координация деятельности государственных и кооперативных заготовительных ведомств во избежание их конкуренции между собой. С весны 1926 г. закупки хлеба проводились только тремя основными плановыми заготовителями: «Хлебопродуктом», потребительской и сельскохозяйственной кооперацией. Уменьшилось число заготовителей и других сельских товаров⁸. В 1926/27 г. государственные заготовители добились монопольного положения на хлебном рынке. Они осуществляли 86% всех закупок зерна и могли регулировать цены на зерновые культуры.

В торговле продуктами животноводства цены устанавливались частными покупателями и продавцами. Так, на мясном рынке господствовала стихийная конкуренция, ибо централизованные заготовки затрагивали в 1925/26 г. 5,5%, в 1926/27 г. 7,7% общего объема реализации товаров⁹. О размерах торгового оборота продуктов животноводства дает представление табл. 8.3.

⁷ Авилов Б. Разрыв между заготовительными и реализационными хлебными ценами // Плановое хозяйство. 1928. № 7. С. 160.

⁸ См.: Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. С. 113.

⁹ См.: Пистрак Г. Условия реализации сельскохозяйственной продукции // Плановое хозяйство. 1927. № 10. С. 137.

Таблица 8.3

Заготовка продуктов животноводства в 1924/25–1928 гг., тыс. т

Вид продукции	1924/25	1925/26	1926/27	1927	1928
Мясо и скот (живой вес)	329,1	408,3	761,3	1 008,6	1 778,0
Масло животное	48,0	62,0	75,2	78,9	82,1

Сост. по: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. С. 112.

Конъюнктура рынка животноводческих товаров демонстрировала стабильный подъем. Произошло даже экстенсивное изменение специализации аграрного сектора с растениеводческой на животноводческую товарную ориентацию. В 1924/25 г. и 1925/26 г. доля продукции животноводства составляла 45% всей товарной продукции сельского хозяйства, в 1926/27 г. она достигла 52%¹⁰.

В 1926–1928 гг. тенденция ценовых колебаний в торговле продуктами сельского хозяйства задавалась не столько объективными обстоятельствами урожайности и валовых сборов зерна, сколько аграрной политикой советской бюрократии. Овладев положением привилегированного покупателя, «основные плановые заготовители» круто понизили цены на зерно – до уровня себестоимости его производства и удерживали их на этом уровне в 1926/27–1927/28 гг. Естественным итогом такого ценообразования стало невыполнение плановых заданий по хлебозаготовкам. Под напором недовольства крестьян власти отступили и подняли закупочные цены на зерно в кампанию 1928/29 г.¹¹

Проблемы хлебозаготовок порождались не только абсолютным уровнем зерновых цен, но и их пропорцией с ценами других товаров. С 1925/26 г. по 1928/29 г. цены на продукцию животноводства были высокие в сравнении с закупочными ценами на зерновые и технические культуры. Поэтому крестьянам не выгодно было торговать зерном. Им было доходнее скармливать хлеб скоту и птице и предлагать покупателям продукты скотоводства и птицеводства. По причине отсутствия материальной заинтересованности в 1926–1927 гг. убавились посевные площади под техническими культурами.

¹⁰ См.: Пустрак Г. Указ. соч. С. 137.

¹¹ Средние заготовительные цены ржи, пшеницы, овса и ячменя за центнер были равны в 1926/27 г. 5,3 руб., в 1927/28 г. – 5,7 руб., в 1928/29 г. – 6,54 руб. при себестоимости их производства соответственно 5,25, 5,68 и 5,29 руб. (См.: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 122).

Низкие закупочные цены в неурожайном 1927/28 г. окончательно нарушили шаткое равновесие рынка хлебов. Крестьяне отказались предлагать зерно к полномасштабной продаже. Сократился подвоз зерна на пристанционные и пристанские пункты, мельницы и элеваторы. Следующим шагом оптовых покупателей стали заготовки на дому, получение у заготовителей хлеба сохранных расписок и закупки на корню.

Усложнение торгового оборота увеличило затраты кредитно-эмиссионных ресурсов на его обслуживание с 142,5 млн руб. в 1926/27 г. до 177,4 млн руб. в 1927/28 г. при снижении закупок хлеба с 116,4 до 110,3 млн ц¹². Рост кредиторской задолженности заготовителей продолжался в течение девяти месяцев – с июля по март – вместо обычного сосредоточения эмиссии банковских ссуд в первом полугодии хозяйственного года – с июля по декабрь.

Изменение методов хлебозаготовок получило дальнейшее развитие в контрактации посевов зерна. Контракты заключались, как правило, с группами крестьян, объединенных в кооперативы. В 1927/28 г. было законтрактовано 1,8% всех посевов, в 1928/29 г. – уже 19,7%¹³. Увеличение предварительной оплаты покупаемого зерна отразилось на размерах и структуре финансирования хлебо-торговых операций, что подтверждается данными табл. 8.4.

Таблица 8.4

Распределение кредитов Госбанка по видам хлеботорговых операций, в 1927–1928 гг., млн руб.

Направление использования кредитов	1927		1928				
	1. 07	1. 10	1. 01	1. 04	1. 07	1. 10	15. 12
Авансирование будущих заготовок	6,2	35,6	27,9	37,9	13,5	119,5	67,2
Текущие торговые расходы	47,8	53,0	77,3	92,9	63,4	104,6	106,6
Наличные запасы	60,7	122,4	129,3	167,3	81,2	77,1	201,0
Итого	114,7	211,0	234,5	298,1	158,1	301,2	374,8

Сост. по: Рочко Г. Задачи кредитования хлеботорговых операций // Кредит и хозяйство. 1929. № 2. С. 32.

¹² См.: Гольденберг А. М. Эмиссионные перспективы и сельскохозяйственная кампания // Кредит и хозяйство. 1928. № 11. С. 10.

¹³ См.: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 123, 124.

Здесь показательны два момента. Во-первых, рост авансирования будущих заготовок в 1928 г. говорил о развертывании контрактации посевов, о закупке хлеба на срок вперед. Во-вторых, повышение текущих торговых издержек свидетельствовало об удлинении расстояния перевозки зерна из сельской глубинки до транспортных узлов и мест хранения и первичной переработки.

Ради стимулирования продаж зерна руководящая бюрократия принимала разные меры – от увеличения завоза индустриальных изделий в районы выращивания хлеба до усиления налогообложения сельских обитателей, прежде всего зажиточных, а также уголовного преследования крестьян и частных скупщиков, конфискации принадлежавшего им хлеба под предлогом борьбы со спекуляцией. Сюда же следует добавить образование в 1928 г. всесоюзного акционерного общества «Союзхлеб» путем слияния «Хлебопродукта» с местными заготовительными и мельничными организациями¹⁴.

К 1929 г. государственное предпринимательство в аграрной сфере зашло в тупик, не решив важнейшей задачи – повышение товарности сельского хозяйства. Не удалось заставить богатую, высоко-товарную социальную верхушку деревни выращивать больше зерна и отчуждать его по низким ценам в обстановке плохого снабжения промтоварами, даже под угрозой репрессии и конфискации хлебных запасов. Кроме того, однобокая политика цен подавила интересы самых массовых – средних по достатку и малоимущих – слоев крестьянства. Они уменьшили сбыт зерна, увеличив его потребление и использование на нужды животноводства. Заключение контрактов с середняками и бедняками не изменило сложившейся ситуации. Остается фактом, что правительство не справилось с сельскохозяйственным рынком рыночными методами регулирования.

Заготовки хлеба сокращались в 1927/28 г. и в 1928/29 г. Советской власти пришлось свернуть экспорт зерна и вплотную заняться снабжением населения страны хлебопродуктами. О том, что здесь вспыхнул разгоравшийся очаг социальной напряженности, свидетельствовала динамика индексов цен, представленная в табл. 8.5.

¹⁴ См.: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 119.

Таблица 8.5

**Всесоюзные индексы розничных цен Конъюнктурного института
Наркомфина в 1926–1929 гг., уровень 1913 г.
принят за 100 (на первые числа месяцев)**

Дата	Частная торговля			Обобщественная торговля			Общоторговый индекс		
	Об-щий	Сельско-хозяй-ственных товаров	Про-мыш-ленных товаров	Об-щий	Сельско-хозяй-ственных товаров	Про-мыш-ленных товаров	Об-щий	Сельско-хозяй-ственных товаров	Про-мыш-ленных товаров
1926 г. сентябрь	223	196	246	199	182	209	208	187	221
октябрь	224	196	247	198	180	209	206	186	220
ноябрь	226	199	249	198	180	208	207	187	220
декабрь	227	198	251	198	181	208	207	187	220
1927 г. январь	227	198	251	197	181	207	207	187	219
февраль	227	203	247	197	181	206	206	189	218
март	227	205	246	194	179	202	204	188	214
апрель	227	208	242	190	175	198	200	186	209
май	226	209	240	188	174	196	199	185	207
июнь	224	210	235	185	172	193	196	184	203
июль	229	220	235	184	171	192	196	186	202
август	228	217	236	183	170	191	195	185	202
сентябрь	226	214	235	183	171	189	195	185	201
октябрь	226	215	235	183	173	189	198	185	198
ноябрь	228	216	238	183	174	188	194	185	199
декабрь	232	222	240	183	175	188	194	187	199
1928 г. январь	234	225	240	184	175	188	195	189	199
февраль	234	226	241	185	178	189	196	191	199
март	237	231	242	185	178	189	197	192	200
апрель	239	233	242	185	177	189	195	190	198
май	245	249	242	184	178	188	196	191	197
июнь	250	260	242	185	179	188	197	197	197
июль	264	293	243	185	180	188	200	204	198
август	262	287	244	185	180	189	200	203	198
сентябрь	262	285	245	185	179	188	199	201	198

Дата	Частная торговля			Обобщественная торговля			Общоторговый индекс		
	Об-щий	Сельско-хозяй-ственных товаров	Про-мыш-ленных товаров	Об-щий	Сельско-хозяй-ственных товаров	Про-мыш-ленных товаров	Об-щий	Сельско-хозяй-ственных товаров	Про-мыш-ленных товаров
1928 г. октябрь	263	285	247	185	180	188	199	201	198
ноябрь	266	289	250	187	183	189	201	204	199
декабрь	270	293	253	188	184	190	202	206	200
1929 г. январь	273	299	254	189	186	190	203	209	200
февраль	279	309	257	189	186	190	204	210	201
март	291	336	261	190	188	192	208	216	203
апрель	313	381	268	192	191	192	210	223	203
май	333	426	275	193	195	192	214	233	204
июнь	343	450	279	195	200	192	217	240	204

Сост. по: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 383, 384, 385.

С сентября 1926 г. наметилась тенденция к фактически непрерывному росту сельскохозяйственных цен в частной торговле. Через год такая же тенденция проявилась и в обобщественной торговле. Особенно тяжелая ситуация на внутреннем рынке СССР сложилась в 1929 г., которая отражала нарастание степени неудовлетворенности покупательского спроса на деревенские товары. Параллельно общему повышению розничных цен увеличивались «ножницы» между сельскохозяйственными ценами частной и государственно-кооперативной торговли. В сентябре 1928 г. первые были больше вторых в 1,6 раза, в июне 1929 г. – уже в 2,25 раза. Такая пропорция розничных цен соответствовала двукратному разрыву в закупочных ценах на зерно основных плановых и частных заготовителей в кампанию 1928/29 г.¹⁵

На конъюнктурные колебания цен влияла соотносительная динамика предложения товаров на продажу и денежно-кредитной эмиссии, представление о которой дают показатели табл. 8.6.

¹⁵ См.: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 119.

Таблица 8.6

Показатели товарно-денежного обращения в 1926/27–1928/29 гг., млн руб.

Показатель*	1926/27	1927/28	1928/29
Товарная продукция промышленности	12 715	15 072	17 894
Товарная продукция сельского хозяйства	6 587	6 944	7 459
Товарная продукция промышленности и сельского хозяйства	19 302	22 016	25 353
Розничный товарооборот	13 718	15 445**	16 698***
Среднегодовая денежная масса	1 395	1 697	2 169

Примечание. Показатели товарной продукции и розничного товарооборота приведены в ценах 1926/27 г.*, 1928 г.**, 1929 г.*** Рассчитано по: Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12; *Рагольский М.* О вредительской теории Громана-Базарова // Там же. 1930. № 10–11. С. 66; Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. № 12. С. 92–93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Там же. 1929. № 12. С. 126–127; *Малафеев А. Н.* История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964, С. 134.

В 1926/27 г. на внутреннем рынке страны была довольно хорошая ситуация. Прирост денежной массы хотя и превзошел суммарный прирост товарной продукции индустрии и сельского хозяйства, но был меньше темпа раскручивания розничного товарооборота и сопоставим с увеличением объема реализации промышленных изделий. При таких условиях равновесие товарного предложения и денежного спроса поддерживалось относительно стабильными ценами.

Но уже в следующем 1927/28 г. макроэкономическая обстановка осложнилась. Напряжение денежной эмиссии усилилось. Темпы роста розничного товарооборота, напротив, ощутимо упали. Незначительно увеличившийся прирост общего объема промышленной и сельскохозяйственной продукции оказался в 1,5 раза ниже прироста наличного денежного обращения. В 1928/29 г. негативные тенденции получили дополнительный импульс. Отрыв темпов пополнения денежной массы от темпов суммарного увеличения товарной продукции промышленности и сельского хозяйства стал почти двукратным, а от прироста розничного товарооборота составил без малого 3,5 раза. Подобное движение рыночной конъюнктуры мог балансировать лишь инфляционный подъем цен.

Отказ от сдержанного кредитования летом 1927 г. дал начало долговременным макроэкономическим тенденциям. Зимне-весеннее сжатие объема учетно-ссудных операций и наличных денег лишь слегка изгибали траекторию устойчивого роста обоих денежных агрегатов. Под влиянием избыточной эмиссии с 1928 г. набрала силу тенденция почти непрерывного повышения оптовых и розничных цен. Это воздействие видно из данных табл. 8.7.

Таблица 8.7

Структура и ценность наличной денежной массы в 1926–1929 гг.

Дата	Количество денег в обращении			Соотношение казначейской валюты и банкнот, %	Реальная ценность бумажной денежной массы	
	всего, млн руб.	банкнот, млн руб.	казначейской валюты, млн руб.		исчисленная по индексу оптовых цен, млн руб.	исчисленная по индексу розничных цен частной торговли, млн руб.
1926 г. 1 октября	1 291,3	769,7	521,8	67,8	727,8	576,5
1927 г. 1 января	1 354,3	796,7	557,6	70,0	763,8	596,6
1 апреля	1 284,0	772,9	511,1	66,2	724,2	565,6
1 июля	1 419,7	863,2	556,5	64,4	819,2	620,0
1 октября	1 628,3	989,8	638,5	64,5	957,8	720,5
1928 г. 1 января	1 667,8	1 002,9	664,9	66,3	974,2	712,7
1 апреля	1 518,3	906,2	612,1	67,5	888,4	635,3
1 июля	1 701,1	1 019,4	681,7	66,8	990,2	644,4
1 октября	1 971,4	1 063,7	907,7	85,3	1 120,1	749,6
1929 г. 1 января	2 027,8	1 090,7	937,1	85,9	1 148,2	742,8
1 апреля	1 997,7	1 072,9	924,8	86,1	1 118,5	638,2
1 июля	2 212,9	1 192,4	1 020,5	85,6	1 226,0	643,3
1 октября	2 642,2	1 428,2	1 214,0	85,0	1 453,3	748,5

Рассчитано по: Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. С. 92–93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Там же. 1929. С. 126–127; Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 383–385. Данные табл. 8.7 могут отличаться от данных предыдущих таблиц, так как в разных источниках использовалась разная методика расчета показателей. В частности, с 1.10. 1927 г. из денежной массы в народном обращении исключалась казначейская валюта в кассах Госбанка и приписных кассах, банкноты в приписных кассах и суммы в пути. (См.: Денежное обращение и кредит // Кредит и хозяйство. 1927. № 12. С. 109).

В июле 1928 г. качественно ухудшилось налично-денежное обращение страны. До сего времени соотношение ходившей в обороте валюты Наркомфина и купюр Госбанка тяготело к отметке 65%. С октября 1928 г. «нормальная» пропорция между казначейскими и банковскими деньгами перескочила на уровень 85%. Отрыв от 50%-ной нормы, предписанной документами, удвоился.

Обильный выпуск необеспеченных бумажных денег испортил эмиссионный механизм. Подъем цен стал обгонять темпы разбухания номинальной денежной массы. Прирост денежной наличности с 1 971,4 млн руб. в октябре 1928 г. до 1 997,7 млн руб. в апреле 1929 г. обернулся потерей ее реальной ценности, исчисленной по индексу оптовых цен, с 1 120,1 до 1 118,5 млн руб. При корректировке по индексу розничных цен частной торговли увеличение номинальной суммы денег с октября 1928 г. по октябрь 1929 г. на 34% не добавило ничего к их совокупной покупательной способности.

Качественно менялось и банковское кредитование. Государственное предпринимательство в области банковских активов было подчинено наращиванию основного капитала важнейших отраслей экономики. Поэтому преобладающим темпом с 1927 г. развертывались операции капитального кредитования, т.е. долгосрочные ссуды. В 1929 г. объем долгосрочных кредитов превысил размер краткосрочных учетно-ссудных операций¹⁶.

Стимулирование инвестиционного бума при помощи банковской сети поддерживалось коренной перестройкой структуры ее ресурсов, о тенденциях которой можно судить по показателям табл. 8.8. При стабильном удельном весе в балансе займов, переучетов (11,6%–12,0%) и прочих пассивов (7,7%–8,3%) втрое возросла доля специальных капиталов и специальных средств банков – с 10,1% в октябре 1926 г. до 32,1% в июле 1929 г. За то же время снизился удельный вес собственных капиталов банков с 15,9 до 11,7%, вкладов и текущих счетов с 28,8 до 18,5%, эмиссии

¹⁶ См.: Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126–127.

с 24,7 до 18,4%. Расширению долгосрочных кредитов сопутствовал мощный приток специальных средств, предназначенных для многолетнего размещения среди клиентов.

Таблица 8.8

**Источники ресурсов (пассивы) кредитной системы СССР
в 1926–1929 гг., млн руб.**

Дата	Капиталы банков	Сумма специальных средств и специальных капиталов банков	Сумма вкладов и текущих счетов в банках	Эмиссия	Займы, переучет, перезалог	Прочие пассивы	Итого по балансу (нетто)
1926 г. 1 октября	828,8	582,8	1 503,1	1 291,3	610,8	407,2	5 224,0
1927 г. 1 января	893,4	685,4	1 636,1	1 354,3	682,8	438,1	5 690,1
1 апреля	979,3	901,5	1 764,5	1 284,0	736,6	472,7	6 138,6
1 июля	1 177,4	1 081,7	1 560,9	1 419,7	783,0	502,5	6 525,2
1 октября	1 125,3	1 510,5	1 645,0	1 628,3	928,7	563,3	7 401,1
1928 г. 1 января	1 126,6	2 033,1	1 592,0	1 667,8	957,3	667,7	8 044,5
1 апреля	1 153,7	2 416,2	1 782,5	1 518,3	1 024,6	714,6	8 609,9
1 июля	1 214,6	2 803,9	1 759,0	1 701,1	1 115,2	777,9	9 317,7
1 октября	1 232,7	3 045,2	1 779,7	1 971,4	1 176,3	809,0	10 014,3
1929 г. 1 января	1 245,7	3 324,3	2 023,1	2 027,8	1 185,4	872,9	10 679,2
1 апреля	1 350,9	3 629,8	2 154,8	1 997,7	1 282,9	895,1	11 311,2
1 июля	1 416,2	3 874,3	2 232,7	2 212,9	1 367,3	953,7	12 057,1

Рассчитано по: Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. С. 92–93 ; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Там же. 1929. С. 126–127 ; *Авербах И.* К характеристике пассивов кредитной системы СССР // Вестн. финансов. 1929. № 9. С. 59 ; *Шварц Г.* Эволюция кредитной системы // Там же. 1929. № 3. С. 85.

Кредитная экспансия государства перешагнула за пределы имевшихся резервов ссудного капитала. Этот вывод следует из сопоставления динамики банковских активов и пассивов по характеру их использования, представленной в табл. 8.9.

Таблица 8.9

**Динамика активов и пассивов кредитной системы СССР
в 1926–1929 гг., млн руб.**

Показатель	Период времени		
	1 октября 1926 г. – 1 октября 1927 г.	1 октября 1927г. – 1 октября 1928 г.	1 октября 1928г. – 1 июля 1929 г.
Прирост учетно-ссудных операций	2 037,1	2 424,7	1 561,0
В том числе:			
краткосрочных	817,1	606,9	183,1
долгосрочных	1 220,0	1 817,0	1 377,9
Прирост основных (капитальных) ресурсов банков	1 224,2	1 642,1	1 012,6
В том числе:			
прирост собственных капиталов банков	296,5	107,4	183,5
прирост специальных капиталов и специальных средств банков	927,7	1 534,7	829,1
Прирост суммы вкладов и текущих счетов в банках	141,9	134,7	453,0
Прирост прочих пассивов	156,1	245,7	144,1
Прирост эмиссии	337,0	343,1	241,5
Прирост займов, переучета, перезалога	317,9	247,6	191,0

Расчитано по: Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. С. 92–93 ; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Там же. 1929. С. 126–127 ; *Авербах И.* Указ. соч. С. 59 ; *Шварц Г.* Указ. соч. С. 85.

Прирост долголетних кредитов на протяжении почти трех лет превосходил накопление основных (капитальных) ресурсов банков. Аналогично прирост краткосрочных учетно-ссудных операций опережал пополнение деньгами текущих счетов и вкладов. Недостаток ресурсов покрывался за счет перекрестного банковского заимствования, эмиссии банкнот и казначейских билетов, а также прочих пассивов, в том числе сальдо процентов по долгосрочным ссудам.

О внутрибанковской перекачке средств писал Ф. К. Радецкий: «Необходимость увеличения основного капитала хозяйства приводила к тому, что ресурсы краткосрочного кредита обращались в долгосрочное помещение отчасти прямым путем, отчасти косвенным, поскольку краткосрочные ссуды восполняли убыль оборотных средств промышленности, когда они, так или иначе, обращались в капитальное строительство. От этого краткосрочный банковский аппарат ослаблял свою устойчивость и должен был усиливать использование своих резервов – эмиссию»¹⁷. По оценкам эксперта, приблизительно половина непокрытого основным фондом увеличения активных долгосрочных вложений возмещалась переливом ресурсов из краткосрочного оборота. Другая половина прироста капитальных кредитов обеспечивалась прочими пассивами¹⁸.

Государственный банк налегал на эмиссию, стремясь умножить инвестиции в казенный сектор экономики. Отношение годового выпуска червонцев и рублей к приросту краткосрочных кредитов составляло в 1926/27 г. 41,2%, в 1927/28 г. 56,5%, что было чрезмерным. Но далее обращение денег перешло в качественно новое состояние. С октября 1928 г. по июль 1929 г. наплыв бумажных купюр в хозяйство превысил увеличение краткосрочных ссуд на 31,9%. Следовательно, эмиссия не замыкалась в пределах насыщения потребности платежного оборота в деньгах. Она была резервом подвижных, скоротечных помещений средств, а также обогащала фонды финансирования капитального строительства. Избыточный выпуск денег усугублял рыночные диспропорции.

Функционирование банковской системы СССР в режиме излишней эмиссии было вынужденным и по причине трудностей, связанных с пополнением текущих депозитов. Узаконенный порядок распределения прибыли препятствовал накоплению казенными предприятиями собственного оборотного капитала и обеднял их банковские счета. Декрет от 29 июня 1927 г. о государственных промышленных трестах еще сильнее ограничил доступ предприятий к присвоению получаемой прибыли. По расчетам С. Кистенева, в свободном распоряжении трестов в течение года находились

¹⁷ Радецкий Ф. К. Кредитно-банковская система Союза и перспективы ее дальнейшего развития // Кредит и хозяйство. 1929. № 10. С. 20.

¹⁸ См.: Радецкий Ф. К. Текущие проблемы кредита // Там же. 1929. № 3. С. 19.

следующие финансовые ресурсы: 18% чистой прибыли (половина капитала расширения – 11,25% и $\frac{3}{4}$ ФУБРа – 6,75%), составлявшие 4–4,5% от величины оборотного капитала; среднегодовая сумма амортизационных отчислений, достигавшая 7,5% оборотных средств; прирост прибыли в размере 3–5% оборотных средств. Таким образом, общий прилив собственных ресурсов в индустрию за год оценивался в 15–17% от ее оборотных капиталов¹⁹.

Если из этого итога исключить часть амортизации, вносившуюся на банковские счета долгосрочного кредитования, и затраты трестов на капитальный ремонт и строительство, то темп накопления ликвидных активов промышленности окажется значительно меньше скорости подъема ее производства. Промышленность сама брала краткосрочные кредиты для покрытия возникавшего дефицита оборотного капитала. Так, остатки текущих счетов индустрии по шести центральным банкам уменьшились с 221,7 млн руб. в октябре 1927 г. до 177,5 млн руб. в октябре 1928 г.²⁰ Только из текстильной промышленности в 1927/28 г. через отчисления в фонды долгосрочного кредита было изъято 177 млн руб.²¹

Синдикаты также пополняли свой оборотный капитал в большей мере банковскими ссудами, нежели собственными накоплениями. Государственная и кооперативная торговля замещала вытеснявшийся капитал частных коммерсантов. Остатки банковской задолженности по всей товаропроводящей сети, связанные с векселями, подтоварными ссудами, хлебозаготовками, составляли на 1 октября 1926 г. 2 074 млн руб., на 1 октября 1927 г. 2 656 млн руб., на 1 октября 1928 г. приблизительно 3 200 млн руб.²²

Обострение ситуации со свободными денежными ресурсами знаменовало собой наступление нового этапа взаимоотношений промышленности, торговли и банков. В 1926/27 г. между различными кредитными учреждениями разгорелась конкуренция за привлечение средств клиентов на свои текущие счета и во вклады при помощи повышения процента, выплачиваемого владельцам банковских депози-

¹⁹ См.: *Кистенев С.* Пути к изжитию кризиса краткосрочного кредитования // Вестн. финансов. 1929. № 1. С. 27.

²⁰ См.: *Радецкий Ф.* Ресурсы Госбанка в пятилетней перспективе // Там же. 1929. № 5. С. 44.

²¹ См.: *Радецкий Ф. К.* Текущие проблемы кредита. С. 21.

²² См.: *Кистенев С.* Указ. соч. С. 35.

тов. Пресекая борьбу кредитных ведомств, 21 мая 1927 г. ЦИК и СНК СССР утвердили «Постановление о принципах построения кредитной системы», в котором закреплялась главенствующая роль Госбанка в отношениях с остальными банковскими учреждениями, определялись принципы разграничения функций банков и их клиентов.

Совнарком 17 февраля 1928 г. принял решение о слиянии Промбанка с Электробанком и преобразовании их в банк долгосрочного кредита²³. Их текущие ссудные операции были переданы Госбанку, положение которого на рынке краткосрочного торгово-промышленного кредита фактически достигло стадии банковской монополии. Правительство фактически разъединило кредитную систему державы на две самостоятельные сферы по признаку сроков предоставления ссуд. На подобную мысль наводят показатели табл. 8.10.

Таблица 8.10

Состав и баланс кредитной сети СССР в 1926 и 1929 гг.

Наименование банков	1 октября 1926 г.		1 июля 1929 г.	
	Число филиалов	Сумма баланса, млн руб.	Число филиалов	Сумма баланса, млн руб.
Госбанк	486	2 878,9	601	4 447,1
Акционерные банки краткосрочного кредита	118	738,8	9	223,3
Акционерные банки долгосрочного кредита	3	121,7	4	2 034,4
Кооперативные банки	110	225,7	75	649,2
Система коммунальных банков	149	650,3	78	2 189,9
Система сельскохозяйственного кредита	140	1 014,9	105	2 833,0
Общества взаимного кредита	280	95,0	213	30,2
Итого	1 006	5 724,9	872	12 407,1

Сост. по: Радецкий Ф. К. Кредитно-банковская система Союза и перспективы ее дальнейшего развития. С. 17, 18; Юровский Л. Н. Банки в России и в СССР // Кредит и банки. Теория банковского кредита. Организация банковского дела. Банки в СССР и за границей. Государственное финансовое законодательство Союза ССР. М., 1929. С. 426.

²³ См.: Лившиц Ф. Итоги реорганизации кредитной системы // Вестн. финансов. 1929. № 11–12. С. 66.

Стратегия государственного предпринимательства видоизменила условия товародвижения и кредитно-денежного обращения, сложившиеся в первые годы новой экономической политики. Об этом говорят данные табл. 8.11.

Таблица 8.11

Коммерческие и банковские кредиты потребительской кооперации в 1924–1928 гг., млн руб.

Дата	Коммерческие кредиты, оказываемые промышленностью потребкооперации	Банковские кредиты потребкооперации
1 октября 1924 г.	331,4	135,2
1 октября 1925 г.	442,0	217,6
1 октября 1926 г.	568,0	296,6
1 октября 1927 г.	706,7	338,3
1 октября 1928 г.	843,4	463,4

Сост. по: Шер В. В. Кредитование товаропроводящей сети // Кредит и хозяйство. 1929. № 6. С. 23.

Возможности развития кооперативной торговой сети были намного благоприятнее, чем у казенных оптовиков. Это объяснялось различиями в правительственном регулировании параметров их воспроизводства: цен, торговых накидок, распределения торговой прибыли и т.п. В частности, в 1926/27 г. норма торговой прибыли кооператоров была равна 14,5%, а в казенных коммерческих организациях – всего 5,2%. Синдикаты лишь 19% прибыли добавляли к собственным капиталам. Потребкооперация оприходовала у себя в 1926/27 г. 50% прибыли, в 1927/28 г. – 46,3%²⁴.

Вполне закономерной в такой обстановке была иммобилизация собственных оборотных средств промышленности, т.е. отток и «замораживание» оборотных активов в элементах основного капитала. По сводному балансу промышленности союзного значения (без Сахаротреста) собственные средства во вложениях основного капитала составили 3 691 млн руб. на 1 октября 1926 г. и 4 022 млн руб. на 1 октября 1927 г. В балансе мобильных фондов той же промышленности собственные оборотные средства

²⁴ См.: Итин М. Проблема накопления торгового капитала // Вестн. финансов. 1928. № 9. С. 37, 38.

уменьшились с 1 081 млн руб. на 1 октября 1926 г. до 896 млн руб. на 1 октября 1927 г.²⁵

В 1927 г. произошло качественное изменение макроэкономических показателей работы казенного сектора в наиболее предпринимательских сферах: промышленности и оптовой торговле. Повод для этого суждения дает табл. 8.12.

Таблица 8.12

Сводный баланс мобильных оборотных средств промышленности ВСНХ (союзной, республиканской и местной), включая синдикаты, тресты, сырьевые организации и торги в 1926/27 г., млн руб.

Актив	1 октября 1926 г.	1 октября 1927 г.	Пассив	1 октября 1926 г.	1 октября 1927 г.
Производство и материалы	2 117,1	2 367,4	Собственные средства, включая прибыль	2 152,6	1 825,2
Товары и готовые изделия	1 341,0	1 354,8	Долгосрочные ссуды	178,6	370,2
Денежные средства	283,0	228,1	Краткосрочная задолженность по налогам	437,3	466,4
Сальдо дебиторов с кредиторами	315,0	210,0	Краткосрочные кредиты банков	1 287,6	1 498,4
Баланс	4 056,1	4 160,3	Баланс	4 056,1	4 160,3

Сост. по: Орловский В. Пути упрощения расчетов в торговле // Кредит и хозяйство. 1929. № 3. С. 37.

В октябре 1926 г. собственные средства в обороте, указанные в первой статье пассива, еще перекрывали потребности производственного процесса – первую статью актива. Через год у промышленности для полного обеспечения производства не хватало уже собственных оборотных фондов вместе с долгосрочными ссудами – второй статьёй пассива. Другие статьи актива – готовые изделия и товары, денежные средства, коммерческий кредит (сальдо дебиторских расчетов) – покрывались краткосрочными кредитами банков и задолженностью по налоговым платежам в

²⁵ См.: Вейсброд А. О роли коммерческого кредита в советском хозяйстве // Кредит и хозяйство. 1929. № 4. С. 17.

бюджет перед Наркомфином. Индустрия перестала быть кредитоспособной в торговых отношениях с кооперацией.

В основе увеличения коммерческого кредитования кооператоров в 1927–1929 гг. лежало привлечение на эти нужды трестами и синдикатами краткосрочных банковских ссуд. На самом деле хозорганы не кредитовали друг друга, а передавали по цепочке банковский кредит, получаемый от учета векселей. К исходу 1928 г. функционирование синдикатской оптовой торговли в режиме коммерческого кредита и учета векселей казалось уже аномалией.

Государственное предпринимательство уничтожило объективную предпосылку коммерческого кредита – избыток оборотных средств у производителей изделий и их синдикатских объединений. Создав обстановку хронического товарного голода, политико-хозяйственная бюрократия сняла проблему сбыта продукции. В инфляционной, дефицитной экономике деньги из банка получала не организация, которой адресовалась ссуда, а посредник, передававший уже от себя кредит этой организации. Роль торгово-кредитных посредников, т.е. специальных банков, играли синдикаты, чья хозяйственная инициатива противоречила тенденциям усиления централизованного планового руководства.

Но почти все «настоящие», специальные банки были выдворены из госбанковской сферы расчетно-кассового обслуживания и краткосрочного кредитования в сферу долголетних инвестиций. Судьбу изгнанников предстояло испытать и синдикатам. Большинство экономистов в 1929 г. предлагали отказаться от коммерческого кредита и посреднической, расчетно-финансовой роли синдикатов, заменив вексельное обращение прямым банковским кредитом²⁶.

В отличие от традиционной рыночной экономики с преобладанием предложения, где кредитуются продавец товара, в отечественном хозяйстве второй половины 20-х годов XX века деньги притекали к покупателю. Они создавали перевес рыночного спроса и условия инфляционного ускорения экономического роста державы. Ради нагнетания инвестиций реконструировалась и наша банковская система. Госбанк превращался в кассовый резерв

²⁶ См.: *Вейсброд А.* Указ. соч. С. 20 ; *Радецкий Ф. К.* Кредитно-банковская система Союза... С. 22.

советской экономики, удовлетворяя потребности предприятий и организаций в дополнительных денежных ресурсах и восполняя убыль их оборотных фондов.

Реформирование кредитной системы с 1927 г. шло по пути подчинения ее централизованному, директивно-плановому руководству. Начало регулированию ставок было положено постановлением Наркомфина от 27 марта 1927 г., которое в дальнейшем дополнялось резолюциями по отдельным банковским операциям. Разрозненные нормативные акты объединило решение Наркомфина от 29 сентября 1928 г. о предельных процентных ставках по всем основным операциям банковских структур СССР. Постановление от 16 мая 1929 г. понизило предельные ставки выплат владельцам текущих счетов.

В середине 1929 г. «шкала» (шкала) ставок, по оценке специалиста, была умеренной: по ссудам в акционерных, коммунальных и кооперативных банках не свыше 13%, в обществах взаимного кредита не свыше 12%; выплаты по текущим счетам во всех банках не свыше 6%. Ставки по долгосрочным ссудам Промбанка находились в интервале от 2 до 6% годовых²⁷.

Снижение и фиксирование ставок процента по кредитам ограничили его возможности балансировать спрос и предложение на рынке ссудных ресурсов. Утрата банковским процентом роли рыночного регулятора была также вызвана переменами в управлении государственной промышленностью. Вместо показателя балансовой прибыли положительным результатом функционирования фабрик и заводов стало выполнение плановых заданий без оглядки на соотношение доходов и затрат. По свидетельству Ф. Д. Лившица: «напряженные условия работы заслоняют всякие частнохозяйственные расчеты возможного дохода на ссудный капитал предприятия; наоборот, каждое предприятие готово нести любые (в пределах его прибыли) расходы по оплате процента на ссудный капитал, лишь бы осуществить свой производственный план»²⁸.

²⁷ См.: *Лившиц Ф. Д.* Итоги реорганизации кредитной системы. С. 71, 72.

²⁸ *Лившиц Ф. Д.* Ссудный капитал в условиях СССР // *Кредит и хозяйство*. 1929. № 7–8. С. 33.

Противоречие между ненасытной потребностью хозяйственного оборота в кредитах и ограниченными ресурсами банковской сети теперь уже разрешалось при помощи правительственной разнарядки. Государственное предпринимательство изменило экономическое содержание универсальной формы процента на капитал. По мнению экономиста, «в настоящих условиях экономики СССР в форме „процента“ в подавляющем числе случаев и как правило выступает лишь своеобразная универсальная надбавка („универсальный акциз“) на обращающийся ссудный капитал, надбавка, платимая дебитором кредитору, как узаконенное „указное“ вознаграждение за предоставление денежных средств для их производительного использования. Но так как главными денежными кредиторами в СССР являются банки, то процент играет в СССР еще и другую народнохозяйственную роль. Именно в форме процента в банках отлагается строго определенная и ясная по своим размерам часть всего национального накопления в денежной форме»²⁹.

В советской экономике не оставалось места для фондовой биржи (за исключением ограниченного оборота облигаций государственных займов), поэтому для исполнения ее функций были созданы банки долгосрочного кредита. Мобилизацией ресурсов на цели многолетнего инвестирования занимался и государственный бюджет. Обычные перераспределители сбережений и ссудных капиталов – фондовая биржа и банки – осуществляли это размещение в добровольном, возвратном и возмездном (дивиденды, проценты) для отдельных лиц порядке. Казна же наладила принудительное, в основном безвозвратное и безвозмездное, отчуждение части накоплений и сбережений одних субъектов и передачу их другим.

Круговорот ресурсов кредитной сферы напрямую зависел от денежных потоков государственной финансовой системы: суммарных доходов бюджета, эмиссии казначейской валюты, расходов Наркомфина на народнохозяйственные нужды и т.д. Пере-

²⁹ *Лившиц Ф. Д.* Итоги реорганизации кредитной системы. С. 71.

чень основных доходов государственного бюджета представлен в табл. 8.13.

Таблица 8.13

Доходы государственного бюджета СССР в 1926/27–1928/29 гг., млн руб.

Статья дохода	1926/27	1927/28	1928/29
Налоговые доходы (налоги и сборы)	3 001	3 523	4 332
В том числе:			
акцизы	1 210	1 491	1 803
промысловый налог	676	704	1 056
сельскохозяйственный налог	358	354	449
подходный налог и налог на сверхприбыль	246	317	405
таможенные пошлины	189	260	258
Неналоговые доходы от государственного хозяйства	1 625	2 018	2 569
В том числе:			
промышленности	279	345	390
транспорта и связи	299	498	795
внутренней и внешней торговли	44	39	34
кредитных учреждений	68	86	109
коммунального и жилищного хозяйства	326	351	352
лесов и недр	268	310	379
Государственные займы	319	726	725
Средства государственного страхования	927	1 052	1 221
Всего доходов	5 877	7 320	8 830

Сост. по: Плотников К. Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1955. С. 76, 106 ; Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978. С. 166.

Политико-экономическая бюрократия продолжала свою предпринимательскую экспансию. Собираемый ею бюджет прибавлял в размерах быстрее важнейших макроэкономических показателей реального сектора: объемов товарной продукции промышленности и сельского хозяйства, розничного товарооборота. Увеличилась доля народного (национального) дохода, перераспределяемого по каналам Наркомфина. Этот процесс отражен в табл. 8.14.

Таблица 8.14

Соотношение народного дохода и доходов государственного бюджета СССР в 1926/27–1928/29 гг.

Показатель	1926/27	1927/28	1928/29
Народный доход, млн руб.	23 645	25 608	28 148
Доходы государственного бюджета, млн руб.	5 877	7 320	8 830
Доля доходов государственного бюджета в народном доходе, %	24,9	28,6	31,4

Рассчитано по: *Плотников К. Н.* Указ. соч. С. 76, 106 ; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12.

Как видно из данных табл. 8.15, государственный аппарат усиливал налоговое давление на население страны, стремился к замене прямых налогов косвенными, акцизными. Удельный вес акцизов в налоговых платежах составлял в 1926/27 г. 40,3%, в 1928/29 г. 41,6%. Советская бюрократия перешеголяла царскую в навязывании косвенных податей. В 1928/29 г. на среднестатистического гражданина приходилось 11,78 руб. уплаченных акцизов. Если скорректировать эту сумму на индекс подакцизных товаров равный 1,8, то получится 6 руб. 54 коп. В 1913 г. среднедушевое бремя было легче – всего 5 руб. 99 коп.³⁰ Косвенное обложение в период нэпа переносилось тяжелее довоенного из-за снижения покупательной способности людей.

Таблица 8.15

Среднедушевые показатели народного дохода и налоговых платежей в 1926/27–1928/29 гг.

Показатель	1926/27	1927/28	1928/29
Народный доход на душу населения, руб.	161,3	171,2	184,0
Налоговые платежи на душу населения, руб.	20,5	23,6	28,4
Доля налогового изъятия из среднедушевого народного дохода, %	12,7	13,8	15,4

Рассчитано по: *Плотников К. Н.* Очерки истории бюджета советского государства. М., 1955. С. 76, 106 ; *Старков П., Неусытин А.* Бюджет и народный доход // Плановое хозяйство. 1927. № 10. С. 48, 49.

³⁰ См.: *Лебедев П.* Значение акцизного обложения в современном бюджете // Вестник финансов. 1928. № 11. С. 41.

Правительство большевиков вопреки официальной идеологии социальной справедливости выстраивало систему регрессивного налогообложения, падавшего на широкие слои населения. Подтверждает это раскручивание оборота алкогольных напитков. Доля поступлений от продажи спиртных изделий в акцизах составляла в 1924/25 г. – 24,4%, в 1926/27 г. – 43,8%, в 1928/29 г. – 50,3%³¹. В 1928 г. была проведена реформа сельскохозяйственного и промышленного налога, что заметно увеличило размер их платежей в бюджет.

Увеличение в структуре бюджета удельного веса доходов от размещения ценных бумаг Наркомфина свидетельствовало о переменах в политике государственного заимствования. Новый этап в стратегии казенного предпринимательства открыл в конце 1927 г. выпуск 1-го займа индустриализации. Смену приоритетов отметил Г. Вульф. «В дело государственного кредита решительно вовлекаются средства рабочих и служащих, а затем и крестьянства. Государственный кредит отходит от своих пассивных позиций и переходит в наступление. <...> Государственные займы становятся фактором сбережения, они берут не накопления, уже образовавшиеся в личных бюджетах, а требуют образования сбережений путем сжатия личных расходов; финансовые выгоды для держателя займов играют уже второстепенную роль. На первый план выступает политическое и народнохозяйственное значение займов, их необходимость и выгодность не с точки зрения индивидуального интереса, а с точки зрения общественно-политического целого, интересов Советского Союза»³².

Назойливая распродажа облигаций исчерпала запасы праздно лежавших денег и спровоцировала ответную реакцию держателей – «сброску» казенных ценных бумаг на фондовом рынке. Сброска проявила себя как весомый фактор в конце 1927/28 г., достигнув 45 млн руб. В 1928/29 г. сумма реализованных займов достигла 1 028 млн руб., а «сброска» облигаций составила 303,9 млн руб., в частности предприятиями и организациями

³¹ См.: *Лебедев П.* Значение акцизного обложения в современном бюджете // Вестник финансов. 1928. № 11. С. 33, 34.

³² *Вульф Г.* Новая стадия в развитии госкредита СССР // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 4. С. 14.

82,1 млн руб.³³ В свободном фондовом обороте облигаций госзаимов 1928/29 г. фигурировало отрицательное сальдо расчетов казначейства с населением в 221,8 млн руб. Люди освобождались от государственных ценных бумаг и по причине инфляции.

При отсутствии заинтересованности в покупке облигаций советская бюрократия внедрила «коллективную подписку» граждан на государственные займы. Обязательства казначейства обрели статус обязательных для массовой покупки «ценных» бумаг. Изменилось отношение правительства к государственному кредиту. Из резерва покрытия чрезвычайных расходов государственные займы превратились в обильный источник плановых бюджетных доходов.

Государство брало денежные средства у населения займы под проценты и через систему сберегательных касс. Число сберкасс возросло с 14 732 в октябре 1927 г. до 20 068 в октябре 1929 г., а количество вкладчиков увеличилось с 2 611 до 7 630 тыс.³⁴ Экспансия сберегательной сети была преимущественно направлена на охват самого людного контингента клиентов в сельской местности и на привлечение мелких, распыленных накоплений. Процент, выплачиваемый по сберегательным вкладам, был сравним с доходами от госзаимов: по срочным вкладам 9% годовых, по бессрочным вкладам 8%³⁵.

Правительство максимально и комплексно использовало свои каналы аккумуляции средств. За 1926–1929 годы количество казначейской валюты в обращении возросло в 2,3 раза, сумма вкладов в сберегательных кассах увеличилась в 5,3 раза, а сумма государственного долга в 4 раза³⁶. Сбор налогов за те же годы лишь удвоился. Предпринимательская «мудрость» руководства

³³ См.: *Вульф Г.* Указ. соч. С. 15, 17.

³⁴ См.: Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. С. 7 ; *Шварц М.* Некоторые вопросы мобилизации средств населения и сберегательного дела в СССР // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 3. С. 19.

³⁵ См.: *Аболин К.* Новые задачи сберкасс // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 3. С. 12.

³⁶ См.: Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. № 12. С. 92–93 ; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Там же. 1929. № 12. С. 126–127.

страны заключалась в том, что оно одной рукой расплачивалось с народом необеспеченными денежными знаками, а другой забирало их обратно.

Аккумуляция ресурсов была подчинена хозяйственной деятельности государства. Роспись расходов государственного бюджета в табл. 8.16 показывает рост удельного веса финансирования народного хозяйства с 36,1% в 1926/27 г. до 43,4% в 1928/29 г. Важнейшим приоритетом экономической политики была промышленность, чья доля в бюджетных тратах увеличилась с 11,9 до 14,2%. Резкое расширение расходов на сельское хозяйство в 1928/29 г. было началом финансовой поддержки коллективизации деревни.

Таблица 8.16

Расходы государственного бюджета СССР в 1926/27–1928/29 гг., млн руб.

Статья расходов	1926/27	1927/28	1928/29
Расходы на народное хозяйство	2 085	2 815	3 810
В том числе:			
промышленность	685	926	1 248
сельское хозяйство	298	394	714
транспорт и связь	527	712	974
коммунальное и жилищное хозяйство	346	474	562
Расходы на социально-культурные мероприятия	993	1 275	1 621
Оборона	651	765	875
Содержание органов управления	545	530	537
Расходы по государственным займам	101	300	318
Государственное страхование	840	947	1 007
Всего	5 780	7 205	8 784

Сост. по: История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 3. М., 1976. С. 486.

Увеличилась доля финансирования социально-культурной сферы с 17,2 до 18,5%. Особенно весомыми были расходы казны на образование, составившие в 1926/27 г. 687,9 млн руб., а в 1928/29 г. уже 1 109,7 млн руб.³⁷ Государственному сектору

³⁷ См.: К XVI съезду партии // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 5. С. 7.

требовалась квалифицированная рабочая сила, и правительство «раскошеливалось» на развертывание системы просвещения.

Бюджетные расходы на народное хозяйство были самой богатой частью инвестиций в отечественную экономику. Но, кроме них, в состав капитальных вложений входили собственные ресурсы предприятий и организаций – прибыль, амортизационные отчисления вместе с долгосрочными кредитами. Их распределение по отраслям подчинялось интересам индустриализации державы. Всяческие сомнения в том развеивают данные табл. 8.17.

Таблица 8.17

Капитальные вложения в промышленность СССР в 1926/27–1928/29 гг.

Отрасль промышленности	1926/27		1927/28		1928/29	
	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу
Вся промышленность	1 274,2	100,0	1 614,1	100,0	2 072,8	100,0
Отрасли группы «А»	903,3	70,9	1 187,5	73,6	1 616,3	78,0
Электроэнергетика	106,1	8,3	213,3	13,2	333,7	16,1
Угольная	116,2	9,1	124,7	7,7	147,8	7,1
Нефтяная	157,4	12,4	165,4	10,2	185,6	9,0
Машиностроение	134,6	10,6	161,9	10,0	234,6	11,3
Электротехническая	19,5	1,5	28,4	1,8	31,3	1,5
Черная металлургия	95,8	7,5	116,6	7,2	183,3	8,8
Цветная металлургия	6,8	0,5	19,4	1,2	19,9	1,0
Химическая	66,8	5,2	109,0	6,8	136,7	6,6
Стройиндустрия	74,2	5,8	83,4	5,2	141,9	6,8
Отрасли группы «Б»	370,9	29,1	426,6	26,4	465,5	22,0
Текстильная	173,2	13,6	190,1	11,8	204,1	9,8
Швейная и обувная	43,6	3,4	50,8	3,1	65,4	3,2
Пищевая	119,0	9,3	128,5	8,0	161,2	7,8

Сост. по: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 152.

Мощный поток капиталовложений содействовал подъему и совершенствованию промышленности. Этот факт констатируют показатели табл. 8.18.

Таблица 8.18

Основные фонды, производство продукции, число работников, производительность труда в крупной промышленности СССР в 1926/27–1928/29 гг.

Показатель	1926/27	1927/28	1928/29
Основные фонды, млн руб.*	9 017,7	9 894,9	11 018,4
В том числе в отраслях:			
группы «А»	5 074,1	5 752,7	6 578,7
группы «Б»	3 943,6	4 142,2	4 439,7
Валовая продукция, млн руб.	11 379,0	13 833,0	16 180,0
Число работников, тыс. чел.	2 838,6	3 096,0	3 365,9
Выработка продукции на 1 работника, руб.	4 008,7	4 468,0	4 807,0

Примечание. * На конец года. Рассчитано по: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 124, 153 ; Динамика народного хозяйства СССР.

Однако капитальные вложения были недостаточными для полного использования резервов рабочей силы. В Советском Союзе росла безработица. Колебание численности безработных имело сезонный характер. Она уменьшалась в весенне-летние месяцы – в пору активных сельскохозяйственных, мелиоративных, строительных работ, навигации, торфодобычи и т.д. Зимой и осенью количество незанятого трудоспособного населения увеличивалось. С апреля 1926 г. по апрель 1929 г. количество безработных выросло с 1 056 до 1 741 тыс.³⁸, или на 65%, т.е. почти так же, как и капиталовложения в промышленность.

Незаменимым элементом капитальных вложений были внутрипромышленные накопления, состояние которых отражено в табл. 8.19.

Таблица 8.19

Прибыль и амортизационные отчисления промышленности в 1926/27–1928/29 гг., млн руб.

Показатель	1926/27	1927/28	1928/29
Прибыль (за вычетом убытков)	642	800	1 140
В том числе отраслей:			
группы «А»	179	208	355
группы «Б»	463	592	785
Амортизационные отчисления	398	423	470
Итого	1 040	1 223	1 610

Рассчитано по: Дьяченко В. П. Указ. соч. С. 165.

³⁸ См.: История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 3. М., 1978. С. 118.

Основным источником собственного накопления капитала индустрии была прибыль. Ее доля во внутрипромышленных сбережениях увеличилась с 61,7% в 1926/27 г. до 70,8% в 1928/29 г. Большая часть прибыли создавалась в отраслях группы «Б», которые выполняли функцию «донора индустриализации». Масса прибыли увеличивалась за счет роста производства товаров и за счет снижения себестоимости продукции. О динамике производства, цен и себестоимости промышленной продукции говорят данные табл. 8.20.

Таблица 8.20

Динамика производства, цен и себестоимости промышленной продукции в 1926/27 – 1928/29 гг., %

Показатели	1926/27	1927/28	1928/29
Валовая продукция промышленности	+ 14,5	+ 21,6	+ 17,0
Валовая продукция отраслей группы «А»	+ 19,3	+ 18,9	+ 19,6
Валовая продукция отраслей группы «Б»	+ 11,9	+ 23,1	+ 15,6
Отпускные цены промышленной продукции	- 2,8	- 3,9	- 1,0
Отпускные цены продукции отраслей группы «А»	- 1,0	- 3,3	- 2,5
Отпускные цены продукции отраслей группы «Б»	- 4,1	- 4,3	+ 0,4 *
Себестоимость промышленной продукции	- 1,8	- 6,2	- 5,2
Себестоимость продукции отраслей группы «А»	- 0,7	- 6,1	- 6,5
Себестоимость продукции отраслей группы «Б»	- 2,4	- 6,5	- 2,8

Примечание. «+» – прирост, «-» – снижение. * Без пищевой промышленности. Рассчитано по: Динамика народного хозяйства СССР ; *Малафеев А. Н.* Указ. соч. С. 398–400, 406 ; *Турецкий Ш.* Борьба за качественные показатели плана // Плановое хозяйство. 1930. № 9. С. 73.

Увеличение выпуска готовых изделий и уменьшение издержек их производства и реализации обеспечивали рост прибыли промышленности. Понижение цен шло медленнее, нежели уменьшалась себестоимость продукции, и не наносило ущерба норме прибыли. При такой раскладке издержек и цен двузначные темпы подъема производства товаров сопровождались адекватным приращением суммы прибыли.

Правительственная политика цен была методом аккумуляции ресурсов для казенного сектора экономики. По экспертной оцен-

ке Ш. Я. Турецкого, в 1927/28 г. средний уровень себестоимости промышленной продукции по отношению к 1913 г. составлял 1,7, а индекс цен стоял на отметке 1,85. При вздорожании средней себестоимости продукции тяжелой промышленности более чем в 2 раза индекс ее отпускных цен не превышал 1,7. Легкая индустрия развивалась в другой ситуации. Сводная, статистическая себестоимость ее изделий увеличилась по сравнению с предвоенной в 1,7–1,75 раза, а индекс отпускных цен этих товаров удвоился. «Средняя норма прибыли, по мнению автора, в наших условиях резко модифицировалась в сторону изъятия доминирующей доли накопления по линии легкой индустрии»³⁹.

Различие в подходах к ценообразованию в легкой и тяжелой промышленности имело ярко выраженный предпринимательский интерес. Установление завышенных цен на товары широкого потребления извлекало из кармана народа деньги в пользу казны. Размеры такого рыночного передела средств можно приблизительно оценить по нижеследующим расчетам. Если принять среднюю себестоимость изделий легкой индустрии в 1927/28 г. за 1,75, а общий торговый индекс розничных цен на промтовары равным 1,98⁴⁰, то оказывается, что чрезмерное вздорожание товаров достигало 11,6%. Поскольку предметов широкого потребления было продано в 1927/28 г. на сумму 8 926 млн руб.⁴¹, то из них присваиваемая государственной промышленностью наценка составила 1 035,4 млн руб. Это больше, чем вся прибыль, полученная промышленностью в том же году.

Заниженные цены на продукцию отраслей группы «А» также приносили выгоду государственному предпринимательству в его внутривладельческом обороте. Если принять среднюю себестоимость продукции тяжелой индустрии в 1927/28 г. за 2,0, а индекс отпускных цен средств производства равным 1,69⁴², то они окажутся недооцененными на 18,3%. Если продукции тяже-

³⁹ Турецкий Ш. Я. Проблемы издержек производства в процессе ценообразования // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 175.

⁴⁰ См.: Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 401.

⁴¹ См.: Динамика народного хозяйства СССР.

⁴² См.: Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 399.

лой промышленности было реализовано в 1927/28 г. на сумму 4 907 млн руб.⁴³, то государство сэкономило на ее хозяйственном обороте 898 млн руб. Таким образом, «ножницы цен» на продукцию легкой и тяжелой индустрии помогали государственному сектору развиваться с меньшими денежными ресурсами.

Еще одним источником накопления в стратегии ценообразования были «ножницы цен» на промышленную продукцию, приобретаемую деревней, и на заготавливаемые сельскохозяйственные товары. Сводный индекс цен аграрного производства в 1926/27 г. был равен 1,493, в 1927/28 г. 1,564, а общий торговый индекс розничных цен промтоваров составлял соответственно 2,10 и 1,98. Если считать, что деревня реализовала своих продуктов на «внедеревенском» рынке в 1926/27 г. на 2 360 млн руб., в 1927/28 г. на 3 052 млн руб.⁴⁴, то на их недооценке по сравнению с промтоварами крестьяне потеряли соответственно 959,5 млн руб. и 811,8 млн руб. Большую часть этой ценовой разницы присвоило государство.

Эмиссионная политика и государственная стратегия ценообразования формировали динамику конъюнктуры внутреннего рынка. Изменение пропорций между товарной массой и денежно-кредитными агрегатами представлено в табл. 8.21.

Наблюдалась отчетливая тенденция опережающего роста потенциального покупательского спроса по сравнению с предложением товаров на продажу. Это подтверждает значение двух показателей: отношения товарной массы к сумме наличных денег и к массе ликвидных денежных средств.

Отношение стоимости товарной массы к циркулировавшим наличным деньгам уменьшилось с 1925/26 по 1928/29 г. на 22,6%. Пропорция между товарной массой и суммой ликвидных денежных средств за тот же период сократилась на 23,8%. Стало быть, скорость обращения наличных денег и более широкого денежного агрегата замедлилась почти на четверть.

⁴³ См.: Динамика народного хозяйства СССР.

⁴⁴ См.: *Гатовский Л.* О соотношениях цен в 1927/28 и начале 1928/29 гг. // Плановое хозяйство. 1928. № 12. С. 55.

Таблица 8.21

**Показатели товарной массы и денежно-кредитного обращения
в 1925/26–1928/29 гг.**

Показатель	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Товарная масса на внутреннем рынке, млн руб.	14 162	15 847	18 251	20 150
Среднегодовая масса наличных денег, млн руб.	1 180	1 395	1 697	2 170
Среднегодовая сумма текущих счетов и вкладов в банках и сберегательных кассах, млн руб.	1 372	1 757	1 966	2 594
Итого: масса ликвидных денежных средств, млн руб.	2 552	3 152	3 663	4 764
Отношение товарной массы к массе наличных денег	12,00	11,36	10,75	9,29
Отношение товарной массы к массе ликвидных денежных средств	5,55	5,03	4,98	4,23
Среднегодовая сумма краткосрочных кредитов банков, млн руб.	2 733	3 452	4 109	4 687
Отношение товарной массы к сумме краткосрочных кредитов банков	5,18	4,59	4,44	4,30

Рассчитано по: *Радецкий Ф.* Ресурсы Госбанка в пятилетней перспективе. С. 41 ; Динамика народного хозяйства СССР ; Денежное обращение и кредит. С. 107–109 ; Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. № 12. С. 92–93 ; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Там же. 1929. С. 126–127.

В условиях принудительно регулируемых, фиксированных товарных цен снижение скорости хождения денежных знаков было тождественно концентрации у покупателей избыточных средств платежа и обострению дефицита продуктов и услуг. Оно сигнализировало о падении эффективности массы денег и результативности их эмиссии, об уменьшении покупательной способности национальной валюты. Оборот той же товарной массы требовал большего количества рублей.

Показатель отношения товарной массы к сумме краткосрочных банковских кредитов также выявлял отрицательную динамику. На продвижение определенного объема товаров по всесоюзному рынку в 1928/29 г. затрачивалось в среднем на 17% больше краткосрочных кредитных ресурсов, чем в 1925/26 г.

Оптовой торговлей заправляли синдикаты. Только за 1926/27–1928/29 гг. оборот синдикатов по сбыту промышленной продукции

увеличился более чем в 2,5 раза⁴⁵. Столь бурный рост объяснялся динамикой производства и дальнейшим синдицированием индустрии: постепенным сокращением самостоятельной продажи своей продукции трестами и передачей ее на реализацию синдикатам.

Однако экспансия синдикатов не поддерживалась надлежащим пополнением их собственных капиталов. Так, 1 октября 1923 г. в сводном балансе синдикатов собственные средства составляли 38,7%, а 1 октября 1928 г. – 20,2%. Недостаток денежных ресурсов покрывался за счет краткосрочных банковских ссуд. Потребность в кредитах могла быть еще большей, если бы не убыстрялся оборот оптовой торговли. Скорость оборачиваемости капиталов синдикатов возросла с 1,93 оборотов за год в 1923/24 г. до 2,93 в 1926/27 г.⁴⁶ Кредитоемкость оптовой торговли уменьшалась не только по причине рационализации товародвижения – перехода на транзит и т.п., но и в результате обострения товарного голода.

Обстановка хронического дефицита преобразила оборот продуктов на рынке. Сроки вексельного кредитования сократились в среднем в 2 раза по сравнению с дореволюционными 6 месяцами⁴⁷. Как показывает табл. 8.22, обеспеченность торговли запасами упала почти в 4 раза по отношению к предвоенной России, где залежи товаров на складах достигали почти годовичного производства. В городах и рабочих центрах наблюдались постоянные перебои в снабжении. По многим товарам остатки были технически минимальными.

Таблица 8.22

**Товарная масса и товарные запасы в обобществленной торговле
в 1924/25–1927/28 гг.**

Год	Товарная масса, млн руб.	Товарные запасы, млн руб.	Доля запасов в общей массе товаров, %
1924/25	7 474	2 248	30,1
1925/26	10 437	2 694	25,8
1926/27	11 439	3 022	26,4
1927/28	12 741	3 215	25,2

Составлено по: *Орловский В.* О накоплении товарных запасов // Вестн. финансов. 1928. № 10. С. 44.

⁴⁵ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 446.

⁴⁶ См.: *Вейсброд А.* Указ. соч. С. 17.

⁴⁷ См.: *Кириллов И. А.* Финансирование промышленности // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 271.

Напряженность нарастала и в оптовых поставках продукции. Товарные остатки 15 крупнейших синдикатов в 1925/26 г. оценивались в 341,5 млн руб. и были достаточны для покрытия оборота на протяжении 1,64 месяца. В 1927/28 г. товарные остатки в сумме 347,2 млн руб. обеспечивали ведущим сбытовикам оборот продолжительностью лишь в 1,07 месяца⁴⁸.

Кредитные ресурсы торговли слабо связывались в товарных запасах и представляли собой «горячие», с высокой скоростью хождения деньги, обслуживавшие собственно куплю-продажу и транспортировку продуктов. Поэтому отрицательная динамика показателя отношения товарной массы к сумме краткосрочных ссудных операций говорила об инфляционном «перекредитовании» синдикатско-кооперативной торговли и о накоплении избыточного, неудовлетворенного покупательского спроса. Подтверждают логику высказанных аргументов данные табл. 8.23.

Таблица 8.23

Степень удовлетворения потребности в конструкционных материалах в 1925/26–1927/28 гг., %

Наименование материалов	1925/26	1926/27	1927/28
Черный металл	–	82,3	80,0
Кирпич	89,9	84,9	81,9
Цемент	99,0	96,9	94,0
Известь	69,0	75,3	88,4
Алебастр	92,3	98,9	78,0
Лес круглый	77,7	94,1	85,5
Лес пиленный	90,0	80,0	82,0
Оконное стекло	80,4	76,0	69,1

Рассчитано по: Туровский И. Г. Борьба с потерями в народном хозяйстве // Плано-вое хозяйство. 1929. № 12. С. 35.

Углубление диспропорций между спросом и предложением товаров на всесоюзном рынке было закономерным итогом чрезмерной инвестиционной активности советского правительства.

⁴⁸ См.: Орловский В. О накоплении товарных запасов. С. 45.

Прослеживалась прямая зависимость между динамикой показателя отношения товарной массы к денежным агрегатам и показателем степени удовлетворения потребностей.

Расхождение индексов розничных цен в социализированной и частной торговле выступало показателем степени совпадения платежеспособного спроса населения с рыночным предложением товаров, потребляемых в домашних хозяйствах. Статистические расчеты позволяют приблизительно определить порог, до которого традиционный рыночный механизм справлялся с регулированием товарооборота в условиях разрыва гибких вольных и твердых указных цен. Критическое значение «раствора ножниц цен» лежало около отметки 2,0.

После того как в кампанию 1928/29 г. частные заготовительные, а следовательно, и розничные цены на хлеб в 2 раза превысили уровень государственных цен, была организована нормированная торговля хлебом. Во второй половине 1928 г., т.е. с момента закупки нового урожая, карточки (заборные книжки) были введены в ряде областей Советского Союза по инициативе местной администрации. С начала 1929 г. правительство установило нормированный отпуск хлеба населению по всей территории страны⁴⁹.

В апреле 1929 г. разница между индексами розничных продовольственных цен частной и общественной торговли стала двукратной. Со второго квартала 1929 г. карточная система снабжения распространилась на другие продукты питания: сахар, кондитерские изделия, консервы и пр. Переход уже в 1929 г. к нормированному отпуску отдельных промтоваров по членским книжкам и специальным ордерам также не был случайным.

Одновременно с налаживанием нормированной продажи была организована коммерческая торговля дефицитными промышленными и продовольственными товарами. С декабря 1929 г. в социалистических магазинах по дорогим, «коммерческим», ценам стали предлагаться хлопчатобумажные и шерстяные ткани, трикотаж, платки, готовые платья⁵⁰.

⁴⁹ См.: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 137–138.

⁵⁰ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 454.

Таким образом, обобщественная розничная торговля начала выполнять функции частных торговцев. При помощи высоких, подвижных цен она занималась арбитражными сделками, получая солидные доходы, приводила в лучшее соответствие суммарную величину платежеспособного спроса покупателей с рыночным предложением товарной массы, уменьшала инфляционный «навес» денежных знаков над экономикой. Одновременно поддерживалась материальная заинтересованность работников в результатах своего труда и увеличении зарплаток, гасилось социальное возмущение людей вынужденным сбережением денег и отложенными, неудовлетворенными потребностями. Более того, коммерциализация социализированной торговли развязала конкурентную борьбу казенного предпринимательства с частниками, направленную на полное и окончательное вытеснение последних из товарооборота.

Диспропорции между спросом и предложением на рынке достигли критического уровня, за которым закономерно следовало централизованное распределение продуктов по единому плану. В мае 1929 г. V Всесоюзный съезд Советов утвердил первый пятилетний план развития народного хозяйства как государственный закон.

С изменениями конъюнктуры внутреннего рынка страны было тесно взаимосвязано развитие внешней торговли. Динамика экспорта и импорта, с одной стороны, подчинялась интересам индустриализации державы, с другой стороны, приспособлялась к текущему соотношению спроса и предложения товаров в хозяйственном обороте. Как следует из табл. 8.24, наш экспорт сохранял довоенную, преимущественно аграрную специализацию. Но прослеживалась тенденция к росту удельного веса промышленной продукции в экспортных поставках. Если в 1913 г. доля промышленного экспорта составляла 26,2%, в 1923/24 г. – 30,3% от общего вывоза товаров за рубеж, то в 1927/28 г. она достигла 50,6%. Соответственно понижалась доля во внешней торговле сельскохозяйственного экспорта, основу которого составлял вывоз зерна.

Таблица 8.24

**Экспорт России в 1913 г. и СССР в 1923/24–1927/28 гг.,
млн руб. (в ценах соответствующих лет)**

Статья экспорта	1913	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Сельскохозяйственный экспорт						
Всего	1 121,9	364,4	343,6	431,7	471,5	382,3
В том числе:						
хлебопродукты	654,4	223,5	102,9	198,1	233,7	56,6
масло	71,6	26,5	27,6	30,9	34,3	39,2
яйца	90,6	13,4	25,7	23,6	29,0	40,4
лен и кудель	94,2	23,3	52,4	45,4	20,1	21,3
пушнина	21,1	49,7	67,3	69,3	86,1	119,2
Промышленный экспорт						
Всего	398,2	158,3	215,0	244,9	299,1	391,6
В том числе:						
лесоматериалы	164,9	70,4	72,8	58,2	79,8	92,7
нефтепродукты	50,1	37,3	66,6	76,0	89,2	107,0
марганцевая руда	14,6	14,4	17,9	21,3	24,1	13,8
сахар	27,6	5,6	14,0	19,0	31,2	34,3
хлопчатобумажные ткани	43,9	0,9	5,2	14,7	20,9	49,4
Весь экспорт	1 520,1	522,6	558,6	676,6	770,5	773,9

Сост. по: *Кауфман М.* Итоги и перспективы внешней торговли // Плановое хозяйство. 1929. № 4. С. 81.

Традиционно вывоз за пределы страны хлебопродуктов сокращался после неурожайных лет и расширялся в годы богатого сбора зерна. Но резкий четырехкратный спад отгрузки нашего хлеба на мировой рынок в 1927/28 г. был вызван не стихийными природно-климатическими происшествиями, а изъятиями аграрной политики государства. Сбой в поступлении зерна на всесоюзный рынок оголил резервы внешней торговли и не был компенсирован другими статьями сельскохозяйственного экспорта. Объем вывозимой аграрной продукции оказался меньше продажи промышленных товаров зарубежным торговым партнерам.

Ведущее место в промышленном экспорте стали занимать продукты первичной переработки нефти: бензин, керосин, смазочные масла; сырая нефть отвозилась иностранцам в сравнительно

малых количествах⁵¹. В целом в советском экспорте преобладала продовольственно-сырьевая направленность. Основные доходы приносила внешняя торговля зерном, продуктами животноводства, пушниной, лесоматериалами, рудами металлов.

Правительственная стратегия импортных закупок исконно поощряла рост нашей промышленности. Этот вывод вытекает из данных табл. 8.25.

Таблица 8.25

**Импорт России в 1913 г. и СССР в 1923/24–1927/28 гг., млн руб.
(в ценах соответствующих лет)**

Статья импорта	1913	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Импорт товаров производственного назначения						
Всего	884,4	362,8	470,6	590,5	626,2	796,1
Оборудование промышленности и транспорта	172,4	53,9	71,4	107,6	152,8	255,8
Сырье						
Всего	343,1	231,2	244,5	274,0	328,1	383,6
В том числе:						
хлопок	114,0	141,8	133,8	117,8	131,5	154,2
шерсть	60,0	43,9	47,5	41,4	51,1	62,1
кожевенное сырье	25,1	7,6	16,7	24,8	38,6	40,1
черные металлы	56,4	0,9	3,8	10,4	11,3	16,8
цветные металлы	-	14,4	18,8	20,7	45,4	57,7
Полуфабрикаты	212,4	69,9	112,1	145,8	101,8	117,1
Топливо	91,2	6,3	0,8	3,7	5,6	0,6
Товары для сельского хозяйства						
Всего	65,3	11,4	41,7	59,4	37,8	39,0
В том числе:						
машины и тракторы	49,0	6,2	32,2	48,2	23,8	21,8
Импорт предметов потребления						
Всего	392,0	67,1	240,7	153,5	80,8	143,0
В том числе:						
продукты питания	261,3	46,1	204,9	70,4	63,5	115,0
промышленные товары	130,7	21,0	33,9	83,1	17,2	28,0
Все прочие товары	97,6	4,2	12,2	12,3	5,7	5,6
Весь импорт	1 374,0	434,2	723,5	756,3	712,7	944,7

Сост. по: Кауфман М. Указ соч. С. 86.

⁵¹ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 481.

Годы нэпа усилили стремление государственного предпринимательства к индустриализации державы в сравнении с довоенной порой. Удельный вес иностранных товаров производственного назначения в общем импорте в среднем за 1923/24–1927/28 гг. составил 79,7%, против 64,4% – 1913 г.

Развертывание импортно-экспортных операций Советского Союза отставало от развития международной торговли, которая еще в 1925 г. перешагнула предвоенный уровень (табл. 8.26). По подсчетам М. Кауфмана, наша внешняя торговля в 1927 г. добралась лишь до 46% уровня 1913 г. Поэтому квота СССР в мировом товарообороте в 1927 г. едва достигала 1,2%, тогда как на долю России в 1913 г. приходилось 3,04%⁵². Опорой отечественной внешней торговли служил сельскохозяйственный, особенно хлебный экспорт. Но специфической трудностью новой экономической политики был медленный рост товарной продукции зернового комплекса. Выручка от продажи за кордон наших товаров в 1924/25 г. и в 1927/28 г. практически повторяла прошлогодние доходы. Стагнация была инициирована критическим падением экспорта хлебопродуктов.

Таблица 8.26

Баланс внешней торговли России в 1913 г. и СССР в 1923/24–1927/28 гг., млн руб. (в ценах соответствующих лет)

Год	Экспорт	Импорт	Баланс*
1913	1 520,1	1 374,0	+ 146,1
1923/24	522,6	434,2	+ 88,4
1924/25	558,6	723,5	– 164,9
1925/26	676,6	756,3	– 79,7
1926/27	770,5	712,7	+ 57,8
1927/28	773,9	944,7	– 170,8

Примечание. * «+» – превышение экспорта над импортом; «-» – превышение импорта над экспортом. Сост. по: Кауфман М. Указ. соч. С. 81, 86.

Пассивное сальдо внешнеторгового баланса было связано с приобретением на мировых рынках жизненных припасов и с чувствительным расширением производственного импорта, на-

⁵² См.: Кауфман М. Указ. соч. С. 87.

блюдалось в годы бурного промышленного подъема и интенсивных инвестиций. Тому есть объяснение. Увеличение масштабов хозяйственной деятельности сопровождалось ростом доходов населения и адекватным повышением спроса на предметы потребления. Ради удовлетворения дополнительных личных запросов на внутренний рынок отвлекалась часть продовольственных резервов, предназначенных ранее для экспорта, и увеличивался импорт продуктов питания и промышленного ширпотреба. Одновременно возрастал приток из-за границы сырья и материалов, а также оборудования. При сдерживании экспорта и расширении импорта возникали предпосылки их отрицательной разницы.

Советская внешняя торговля подчинялась индустриализации и экономическому росту. В структуре товарообмена с иностранцами превалировали сельскохозяйственный экспорт и промышленный импорт. За рубеж отправлялись преимущественно сырые материалы и продукты первичной обработки. Среди ввозимых товаров доля этого контингента была меньше. Значительный удельный вес в импорте занимали продукты с высокой степенью переработки и, стало быть, с солидной добавленной стоимостью.

Соотношение статей экспорта и импорта обеспечивало повышение нормы накопления в отечественной экономике. Объем ввозимых потребительских благ и продуктов, из которых можно было производить предметы потребления, превосходил суммарную ценность ввоза аналогичных товаров. Таким образом, внешняя торговля сдерживала потребление людей и пополняла фонд накопления государственного предпринимательства. Инвестиционные ресурсы казны умножались путем перераспределения валютной выручки в пользу приобретения иностранных станков, машин, оборудования, а также временно расширялись за счет отрицательного сальдо внешнеторгового баланса.

Поощряя накопление капитала, внешняя торговля содействовала углублению диспропорций между спросом и предложением товаров на всесоюзном рынке, воспроизводила обстановку хронического недостатка продуктов.

Глава 9

Формирование предпосылок инвестиционно-мобилизационного роста государственного предпринимательства (1929–1932 годы)

В восьмом и девятом номерах журнала «Плановое хозяйство» за 1929 г. была напечатана статья Л. Шанина «На путях преодоления нэпа». Красноречивое заглавие публикации верно отразило поворотный пункт в развитии отечественного хозяйства – завершение этапа новой экономической политики Советского государства. Изложенные теоретические взгляды были своеобразным «ренессансом» идей планового хозяйственного руководства 1920–1921 гг., отголоском умозрений поздней военно-коммунистической поры¹. Политико-экономическая бюрократия воспринимала нэп как неизбежную, недолгую приостановку экспансии государственного предпринимательства, как период создания предпосылок централизованного планового руководства всем хозяйством страны.

Начавшийся в 1926 г. демонтаж конкурентно-рыночной организации экономики засвидетельствовал, что в СССР возникла и

¹ Автор разъяснял мотивы поведения верховной власти: «Спасая наше хозяйство нэпом, мы одновременно спасали социалистическое ядро нашего хозяйства от отрицательных сторон нэпа. Именно поэтому, наряду с коммерциализацией оперативной работы, была сохранена система государственного управления и планирования обобщественного сектора» (*Шанин Л.* На путях преодоления нэпа // *Плановое хозяйство.* 1929. № 9. С. 145).

постепенно набирала мощь тенденция, напоминая становление планово-распределительной системы управления хозяйством в условиях военно-революционных потрясений. Внешнее сходство процессов разрушения рыночных регуляторов в период военного коммунизма и во второй половине 20-х гг. XX в. говорило о наличии объективной, закономерной связи событий.

Системные преобразования в бытность военного коммунизма и на исходе нэпа осуществлялись правящей властью ради увеличения количества благ, услуг, факторов производства, присваиваемых, распределяемых или используемых в ее интересах. Между динамикой объема ресурсов, вовлекаемых в сферу казенного предпринимательства, и трансформацией механизма макроэкономического регулирования прослеживалась отчетливая связь.

Государственные органы пользовались правом публичного, насильственного получения средств населения и предприятий, а также возможностью извлечения выгоды из своего доминирующего положения в договорных, рыночных сделках. При помощи нормативных актов и их фактической реализации правительство расширяло зону своего неэквивалентного, безвозмездного предпринимательства, основанного на урезании доходов и уменьшении имущества граждан и юридических лиц. Для концентрации ресурсов в руках казны применялись госзаймы, утяжеление налогов и модификация их структуры, ценообразование в области контролируемого товарооборота, политика заработной платы, эмиссия денег, притеснение или запрещение тех или иных видов частнохозяйственной деятельности, национализация объектов собственности и пр.

Необычное перераспределение средств шло параллельно созданию механизма принудительного ограничения доходов и потребления населения, а также механизма извлечения ресурсов расширенного и даже простого воспроизводства частных и казенных предприятий для использования их в других целях. Происходило подавление экономической свободы граждан и замещение вольного рыночного оборота «плановым», казенным ведением дел.

Уровень централизованного изъятия ресурсов, т.е. вынужденного ограничения потребления людей и масштабов хозяйственной

деятельности частных и государственных предприятий, определяя степень перестройки рыночного механизма регулирования экономики. Эта закономерность имела место в обоих сопоставляемых исторических периодах, несмотря на противоположное направление собираемых госаппаратом средств: на невозвратные военные расходы и на инвестиции в индустриализацию державы.

Новая экономическая политика вела свой отсчет с замены весной 1921 г. продовольственной разверстки продовольственным налогом. В 1929 г. советская власть двинулась в обратную сторону, приступила к воссозданию «продразверсточных» отношений с крестьянством. Казенное предпринимательство, как и в 1916 г., перестраивалось ради получения из деревни требуемого количества продуктов, прежде всего зерна, по централизованно назначаемым ценам.

Непосредственным поводом к отказу от идеологии нэпа послужили «забастовки» в 1928 г. и 1929 г. владельцев высокотоварных, крупных сельских хозяйств – «кулаков», не захотевших продавать зерно государственным заготовителям. Сказались и худшие урожаи 1927 г. и 1928 г. Между тем городское население продолжало ежегодно увеличиваться на 5–6%². В городах возникла острая нехватка хлеба, и с 1928 г. пришлось налаживать нормированную торговлю хлебопродуктами по карточкам. Другим крайне негативным моментом оказалось почти полное свертывание в 1928 г. зернового экспорта. Сохранение такой ситуации «ставило крест» на программе индустриализации державы³.

В целях насыщения рынка сельскохозяйственными продуктами правящие круги выбрали путь вытеснения свободной аграрной торговли и ликвидации частного крестьянского хозяйствования. В качестве средств были использованы уже опробованные формы экономических отношений – производственные кооперативы и закупки по контрактам.

² См.: Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969. С. 24.

³ Ключевое значение зерновой проблемы в ту пору отмечал, в частности, М. Дobb: «Экономическим фактом, который изменил весь климат нэпа между 1925 г. и 1928 г., было серьезное отставание товарных излишков, особенно зерна, от восстановления сельскохозяйственного производства» (Dobb M. *Capitalism, development and planning*. N.Y., 1967. P. 138).

Сельскохозяйственная кооперация в период нэпа развивалась без помех. В ней были заинтересованы деревенские труженики и государственный аппарат. На 1 октября 1928 г. в СССР было 165 тыс. кооперативов, в том числе 11,7 тыс. универсальных, 15 тыс. специальных, 138,3 тыс. производственных⁴. Различными видами сельскохозяйственной кооперации было охвачено 13 млн крестьянских дворов, или 55%. К концу 1928 г. потребительская кооперация в деревне располагала 14 млн пайщиков⁵.

Однако достижения в кооперировании землепашцев соседствовали с падением объема хлебазаготовок. Членство селян в многочисленных специализированных товариществах почти не сказывалось на повышении товарности зернового комплекса. Поэтому государство всеми силами содействовало организации коллективных хозяйств с высоким выходом товарной продукции, особенно в зерновом производстве. Процент товарности хлебной продукции в 1926/27 г. составлял в совхозах (государственных сельскохозяйственных предприятиях) и колхозах 47,2%, в «кулацких» хозяйствах 20%, у середняков и бедняков 11,2%⁶. После XV съезда ВКП(б) колхозное движение ускорилося, о чем свидетельствуют данные табл. 9.1.

Таблица 9.1

Социально-экономические показатели колхозов в 1927–1929 гг.

Показатель	1927	1928	1929
Число колхозов, тыс.	14,8	33,3	57,0
Процент коллективизации (объединения в колхозы) крестьянских хозяйств	0,8	1,7	3,9
Валовая продукция колхозов, млн руб.	103,2	189,0	259,0
Удельный вес товарной продукции в валовой продукции колхозов, процент товарности	33,4	34,0	38,2

Сост. по: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 351, 354.

Число колхозов за два года выросло почти в 4 раза, уровень коллективизации поднялся примерно в 5 раз. Но объем валово-

⁴ См.: История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 3. М., 1976. С. 345.

⁵ См.: Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР // Сов. соц. экономика. 1917–1956 гг. М., 1957. С. 304.

⁶ См.: Вольф М. План социалистической реконструкции сельского хозяйства на 1931 г. // Плановое хозяйство. 1930. № 12. С. 167.

го производства в коллективных хозяйствах повысился лишь в 2,5 раза, а товарной продукции – в 2,9 раза. Стало быть, вновь созданные колхозы оказались хуже прежних.

Для решения зерновой проблемы правительство прибегло к контрактации, которая в 1927 г. охватила почти 2 млн хозяйств, а в 1929 г. – уже около 8 млн⁷. Благодаря выгодам контрактации во второй половине 1929 г. наметилась тенденция к развертыванию массовой коллективизации. С июня по сентябрь в колхозы вступили 911,7 тыс. крестьянских семей. За октябрь–декабрь их примеру последовало еще около 2,4 млн хозяев. Особенно быстро обобществлялись хозяйства в зерновых районах. К октябрю 1929 г. уровень коллективизации поднялся на Северном Кавказе до 19%, на Нижней Волге до 18,3% при среднем показателе по Советскому Союзу в 7,6%⁸.

В 1929 г. колхозы и совхозы произвели приблизительно 64 млн ц зерна, в том числе около 20,8 млн ц товарного хлеба. Этот факт изменил расстановку сил на хлебном рынке. До этого главным действующим лицом зерновой торговли были «кулацкие» хозяйства. Так, в 1927 г. «кулаки» собрали 98,7 млн ц хлеба и вывезли на продажу 20,2 млн ц, колхозно-совхозный урожай зерновых составил лишь 12,8 млн ц, из коих в руки заготовителей попало 5,7 млн ц⁹.

Следовательно, осенью 1929 г. появились предпосылки замещения частнохозяйственного производства зерна выращиванием хлеба на полях «обобществленных» предприятий. Если из-за «забастовок кулаков» и введения нормированной торговли хлебом радикализация казенного предпринимательства стала необходимой, то успехи коллективизации сделали ее возможной, указав направление дальнейшего развития отечественного сельского хозяйства.

С началом 1930 г. произошел коренной перелом в аграрной стратегии государственного аппарата. От ограничения и вытес-

⁷ См.: Краев М. А. Указ. соч. С. 306.

⁸ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 352, 370.

⁹ Там же. С. 371.

нения крепких единоличных крестьянских хозяйств советская бюрократия перешла к сплошной коллективизации деревни, к «ликвидации кулачества как класса», т.е. к насильственному устранению крупного частного земледелия. Для «социализации» крестьянства большевики довольствовались незамысловатым сочетанием древних средств – «кнута и пряника», принуждения и поощрения.

Официальный старт кампании поголовной коллективизации деревни был дан постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Повальная коллективизация сельского хозяйства была своеобразной аграрной революцией. В ходе ее осуществлялись изъятие земли из частного пользования, передел и конфискация крестьянской собственности, превращение основной массы самодеятельного деревенского населения в наемных работников. О скорости революционных преобразований аграрного сектора можно судить по данным табл. 9.2.

Таблица 9.2

Показатели колхозного строительства в 1929–1932 гг.

Показатель	1929	1930	1931	1932
Число колхозов, тыс.	57,0	85,9	224,5	211,1
Процент коллективизации крестьянских хозяйств	3,9	23,6	52,7	61,5
Доля посевной площади колхозов во всем крестьянском посеве, %	3,6	30,9	63,0	75,5

Сост. по: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 377.

В 1930–1931 гг. колхозы были переведены с системы налогообложения единоличных хозяйств на обложение по валовому доходу, как предприятия. Сельскохозяйственным артелям была установлена пониженная ставка налога – 3%¹⁰. О динамике денежных потоков в аграрный сектор можно судить по показателям расходов бюджета, представленных в табл. 9.3.

¹⁰ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 480.

Таблица 9.3

Показатели расходов государственного бюджета на сельское хозяйство в 1927/28–1932 гг.

Показатель	1927/28	1928/29	1929/30	1931	1932
Расходы государственного бюджета на сельское хозяйство, млн руб.	394	714	1 353	2 914	3 944
Удельный вес расходов на сельское хозяйство в общих расходах бюджета на народное хозяйство, %	14,0	18,7	19,9	17,9	15,5

Рассчитано по: Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978. С. 176, 302.

Характерной чертой государственной финансовой поддержки сельского хозяйства была ее тесная взаимосвязь с налаживанием беспрепятственных хлебозаготовок. По завершении в 1931 г. коллективизации крестьян в зерновых регионах сумма казенных вложений капитала в аграрный сектор заметно снизилась. Свидетельством тому являются данные табл. 9.4. Относительно сократилась доля расходов на сельское хозяйство в бюджетном финансировании экономики.

Таблица 9.4

Государственные капитальные вложения в сельское хозяйство в 1929/30–1932 гг., млн руб.

Получатель капитальных вложений	1929/30	1931	1932
Государственные предприятия (без МТС)	1 419	3 882	3 246
МТС (машино-тракторные станции)	442	677	747
Колхозы	362	553	611
Единоличные крестьянские хозяйства	275	79	24
Итого	2 498	5 191	4 628

Рассчитано по: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 479.

Итоги государственного предпринимательства в период проведения поголовной коллективизации деревни оказались противоречивыми. Уже в 1930 г. была формально восстановлена довоенная структура сельского хозяйства. Удельный вес крупных хозяйств в посевных площадях составил 32%, валовых сборах зерна – 36%, товарной продукции – 55%. Те же показатели в 1913 г. составляли

соответственно 34, 40,5 и 61,5%¹¹. Концентрация производства сопровождалась ростом его товарности.

Стратегия нивелирования и распыления крестьянских хозяйств доказала за годы нэпа свою бесперспективность. Укрупнение производственных единиц заложило предпосылки рационализации технологий в растениеводстве и животноводстве, электрификации и механизации земледелия. Тракторный парк сельского хозяйства в конце 1932 г. составлял 148,5 тыс. единиц техники против 26,7 тыс. тракторов в октябре 1927 г.¹²

Колхозы стали частью директивно-плановой системы управления, поскольку обеспечивали подчинение интересов крестьян выгодам государственного предпринимательства. Проведение кампании коллективизации деревни позволило партийно-хозяйственной бюрократии временно разрешить зерновую проблему. Данные табл. 9.5 показывают увеличение товарности зернового комплекса страны, рост объемов заготовок и экспорта хлеба.

Таблица 9.5

Зерновой баланс СССР в 1928–1932 гг., млн ц

№	Показатель	1928	1929	1930	1931	1932
1	Валовой сбор зерна (урожай)	731	717	772	695	696
2	Валовая товарная продукция Всего	157	195	226	237	194
3	В том числе государственные заготовки	108	161	221	228	185
4	Обратное снабжение деревни	74	93	47	49	57
5	Чистая товарная продукция (2–4)*	83	102	179	188	137
6	Экспорт	2	2	48	51	17
7	Импорт	3	1	1	0	2
8	Поставки в город (5–6+7)*	84	101	132	137	122
9	Урожай, оставшийся в деревне (1–5)*	648	615	593	507	559

Примечание. Сост. по: Барсов А. А. Указ. соч. С. 103 ; Элман М. Обеспечили ли прибавочный продукт сельского хозяйства увеличение капиталовложений в СССР во время первого пятилетнего плана? // *Вопр. экономики*. 1992. № 1. С. 95 ; *Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М., 1960. С. 110, 144.* * Цифры в скобках означают номер строки.

¹¹ См.: Минаев С. Сельское хозяйство на путях сплошной коллективизации // *Плановое хозяйство*. 1930. № 6. С. 27

¹² См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 397.

Однако отмеченные положительные результаты бледнели на фоне того глубочайшего кризиса, в который казенное предпринимательство ввергло наш аграрный комплекс посредством его революционной социализации и избыточного изъятия зерна у крестьян. Социальная неурядица в деревне генерировала негативные тенденции в большинстве отраслей растениеводства.

О степени деградации земледелия можно судить по данным табл. 9.6. Более точную оценку дает сопоставление объемов выращенной и проданной продукции с динамикой посевных площадей. С 1928 по 1932 г. посевные площади страны увеличились на 19% – с 113 до 134 млн га. Посевы зерновых культур выросли на 8,1%. Поля под техническими культурами расширились значительно: занятые льном в 1,8 раза, сахарной свеклой в 2 раза, хлопчатником в 2,2 раза¹³.

Таблица 9.6

Товарная продукция растениеводства в 1928–1932 гг., млн ц

Вид продукции	1928	1929	1930	1931	1932
Подсолнечник	14,0	12,0	8,0	14,0	6,0
Хлопок-сырец	7,0	9,0	11,0	13,0	12,0
Лен-волокно	1,6	2,5	1,9	2,6	2,9
Конопля-волокно	1,2	1,5	1,2	0,8	0,4
Сахарная свекла	94,0	59,0	132,0	104,0	61,0
Табак и махорка	1,0	1,1	1,3	1,9	1,3
Картофель	41,0	55,0	88,0	91,9	84,0
Овощи	11,0	15,0	25,0	32,0	23,0

Сост. по: Эллман М. Указ. соч. С. 94.

Среднегодовые валовые сборы зерна уменьшились с 742,3 млн ц в 1925–1928 гг. до 720 млн ц в 1929–1933 гг., или на 3%. Среднегодовая урожайность зерновых снизилась с 8 ц в 1925–1928 гг. до 7,3 ц на га в 1929–1932 гг., или почти на 9%. Сократилась урожайность хлопка, льна-волокну, сахарной свеклы, картофеля¹⁴. Произошло падение интенсивности земледелия при увеличении размеров обрабатываемых площадей.

¹³ История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 407.

¹⁴ См.: Барсов А. А. Указ. соч. С. 84.

Переход к обобществленным формам организации сельскохозяйственного производства сопровождался заметной утратой культуры земледелия. Так, общая средняя урожайность зерновых в 1931 г. составила 6,7 ц/га, в 1932 г. – 6,4 ц/га, в совхозах, соответственно – 5,6 ц/га и 5,3 ц/га, а в колхозах была одинаковой – 6,3 ц/га¹⁵. На состояние дел в сельском хозяйстве повлияло снижение качества обработки земли из-за увеличения нагрузки на тягловую силу. Если в 1928 г. на 1 л.с. (лошадиную силу) живой и тракторной тяги приходилось 3,63 га, то в 1932 г. – уже 6,02 га. Так сказалось резкое сокращение количества лошадей и рабочего скота в деревнях и селах.

Катастрофическое падение поголовья скота и птицы наблюдалось на протяжении всего периода огульной коллективизации. Статистическая сводка этого процесса представлена в табл. 9.7. Прослеживалась тесная зависимость между сбросом поголовья в животноводстве и уменьшением урожая зерна, остававшегося в деревне. Здесь проявилась естественная связь количества живности с имеющимся кормом.

Таблица 9.7

Поголовье скота в 1913–1933 гг., млн голов

Вид скота	1913	1928	1929	1930	1933
Лошади	35,5	33,5	34,2	31,2	16,6
Крупный рогатый скот	60,3	70,7	67,2	52,6	38,4
Овцы	120,8	135,6	132,8	89,9	50,2 *
Свиньи	20,3	26,1	20,5	12,3	12,1

Примечание. * Поголовье овец и коз. Сост. по: *Киндеев К.* Очередные плановые вопросы по реконструкции животноводства // Плановое хозяйство. 1930. № 9. С. 115 ; *Малафеев А. Н.* История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. С. 136.

Количество зерна, скармливаемого домашним животным, уменьшалось одновременно с сокращением потребления хлеба самими крестьянами. Последнее достигло в 1932 г. трагической черты. Зерновые районы в зиму-весну 1933 г. постиг массовый голод, унесший, по оценке Н. П. Шмелева и В. В. Попова, жизни

¹⁵ Барсов А. А. Указ. соч. С. 85.

3–4 млн человек¹⁶. Таким образом, государственное предпринимательство, осуществлявшее чрезмерное изъятие зерна в колхозах и совхозах, привело к плачевным, но закономерным итогам – сжатию личного потребления хлеба в сельской местности до минимального физиологического уровня на грани выживания людей и обвальному падению поголовья в животноводстве.

Валовая продукция животноводства уменьшилась за 1929–1932 гг. более чем в 2 раза¹⁷. Подробнее динамика товарной продукции скотоводства и птицеводства отражена в табл. 9.8.

Таблица 9.8

Товарная продукция животноводства в 1928–1932 гг.

Вид продукции	1928	1929	1930	1931	1932
Мясо (убойный вес), млн ц	17	17	12	11	8
Молоко, млн ц	59	59	54	48	32
Яйцо, млрд шт.	4,7	4,1	2,8	1,8	1,3
Шкуры крупные, млн шт.	13,7	16,7	16,7	14,3	11,9
Шкуры и кожи мелкие, млн шт.	31,4	33,3	37,6	42,4	31,5
Шерсть, млн ц	0,4	0,45	0,5	0,5	0,4

Сост. по: Эллман М. Указ. соч. С. 94.

Частная торговля своими товарами была единственной отдушиной индивидуальной трудовой деятельности деревенских жителей. Она могла приносить неплохие денежные доходы, поскольку ориентировалась на свободные цены. Соотношение указных, плановых, цен и вольных цен частного рынка представлено в табл. 9.9.

Таблица 9.9

**Индексы цен сельскохозяйственной продукции в 1929–1932 гг.
(уровень 1927/28 г. принят за 100)**

Вид цен	1929	1930	1931	1932
Закупочные цены плановых заготовителей	110,6	115,7	118,7	109,3
Цены частного рынка	233,2	525,3	814,6	3005,7
Общоторговый индекс сельскохозяйственных цен производителей	117,7	180,0	198,8	313,5

Сост. по: Барсов А. А. Указ. соч. С. 108.

¹⁶ См.: Шмелев Н. П., Попов В. В. На переломе : перестройка экономики в СССР. М., 1989. С. 77.

¹⁷ См.: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 136.

Резкое снижение закупочных цен и максимальный размер хлебозаготовок в условиях критического падения урожая зерна в 1931 г. можно объяснить усилением централизованного регулирования аграрного сектора и корыстными устремлениями политики перекачивания ресурсов на потребу индустриализации. Цены плановых заготовителей играли роль инфляционного налога, который платил аграрный сектор в пользу казенного предпринимательства.

Обвальный спад производства аграрной продукции в 1931 г. заставил руководство страны принимать меры, поощрявшие рыночный оборот сельскохозяйственных товаров. Была создана законодательная база, регламентирующая организацию колхозной торговли. Постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» и от 10 мая 1932 г. «О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян» был несколько сокращен план государственных заготовок зерна и скота по крестьянскому сектору, а колхозы и колхозники получили право после выполнения заданий государственных закупок и засыпки семенных фондов торговать излишками хлеба и мяса на базарах, в колхозных лавках.

С появлением колхозной торговли система «продразверсточной» контрактации превратилась в анахронизм и с осени 1932 г. она стала заменяться государственными заготовками на основе твердых обязательств, имевших силу налога. Это было своего рода возрождение нэпа или наступление «неонэпа», осуществившего замену продразверстки продналогом.

Коллективизация крестьянства была институциональным изменением механизма рыночного оборота сельхозтоваров. Переход с применением насилия к артельной форме организации производства в сельском хозяйстве разрушил институт частного предпринимательства, заменив его институтом «колхозного» предприятия. Отношение государства к крестьянам как к частным собственникам преобразовалось в отношение казенного предпринимателя к наемным колхозникам. Денежная форма сравнительно эквивалентного товарообмена уступила место полунатуральной системе оплаты труда – «трудодням».

Трансформация института предпринимательства в аграрном секторе была сопряжена с изменением изъятия его ресурсов в пользу государства и с созданием механизма многоуровневого регулирования рыночного оборота сельхозтоваров. Нижний уровень рыночного равновесия определялся ценами и объемами обязательных поставок продовольствия и сырья. Здесь действовали нормы публичного права. Обязательные поставки были своеобразным налогом, который, как разницу в ценах, платило крестьянство в казну. Верхнюю границу рыночного равновесия очерчивали цены колхозной (базарной) торговли. Тут царил свободное ценообразование, зависящее от денежного спроса покупателей и предложения товаров. Добровольное заключение сделок подпадало под действие гражданского права. Между верхним и нижним пределами цен располагался целый спектр «тоже равновесных» цен сверхплановых закупок централизованных заготовителей, государственной и кооперативной торговли.

В 1929 г. степень дефицитности хозяйственных ресурсов достигла очередного порогового уровня и побудила правительство пойти по проторенной в годы военного коммунизма «дорожке» централизованного руководства экономикой. Политическая воля к концентрации распорядительных полномочий была обнародована постановлением ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. «О реорганизации управления промышленностью». В соответствии с партийным документом главки ВСНХ были ликвидированы, а на основе синдикатов были образованы отраслевые промышленные объединения, в которых постарались совместить оперативное управление с планированием хозяйственной деятельности соответствующих промышленных комплексов. Деятельность предприятий была перестроена на принципах хозяйственного расчета.

Хозрасчет предприятий заметно отличался от хозрасчета трестов. Правительство уменьшило долю прибыли, оставляемой в первичной производственной единице с 29,5 до 19,2%. Удельный вес собственных средств расширения хозяйственной деятельности предприятий сократился вдвое – с 20,2 до 10%¹⁸. Стало быть, пере-

¹⁸ См.: Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978. С. 160.

делка системы управления казенной индустрией затевалась также ради большего изъятия денег фабрик и заводов в бюджет.

Создание в 1930 г. жестко централизованной системы управления государственным сектором было поворотным историческим пунктом, означавшим, что казенное предпринимательство перевело отечественную экономику в инвестиционно-мобилизационный режим функционирования. До сих пор правящая власть прибегала к широкомасштабному плановому регулированию российского хозяйства в годы Первой мировой и Гражданской войны с целью концентрации и использования средств для отстаивания собственных интересов.

Становление в начале 1930-х годов директивно-плановой модели хозяйственного руководства свидетельствовало, что государственное предпринимательство исчерпало свободные ресурсы, которые можно было направлять на индустриализацию державы, находясь в рамках многоукладной рыночной экономики. Распространению механизма планового регулирования на все хозяйство СССР препятствовало наличие мелких товаропроизводителей и торговцев.

Частное предпринимательство вряд ли удалось бы целиком интегрировать в зону социализированного хозяйствования из-за противоречивости интересов сторон. Поэтому всеобъемлющее централизованное регулирование экономики предполагало сокращение частного ведения дел до ничтожных размеров. Правительство занялось социализацией и укрупнением первичных производственных звеньев в сельском хозяйстве, ремеслах и кустарной промышленности.

Изменение конкурентной стратегии государственного предпринимательства проявилось еще в 1927 г., когда фискальная направленность налогообложения сменилась тенденцией к подавлению частного бизнеса. В 1930 г. ставки налогов на лиц, имевших торговые и промышленные предприятия, фактически стали запретительными. Весь доход владельцев подлежал сдаче в государственный бюджет. На низведение частных хозяев до неконкурентоспособного состояния была ориентирована политика оплаты железнодорожных перевозок.

Сжатие объемов частнохозяйственной деятельности обуславливалось также нарастанием диспропорций между рыночным спросом и предложением. Денежный спрос не обобществленных производителей не покрывался полностью из-за ограничения доступа к товарным запасам. Свободное предпринимательство зачало в обстановке хронического товарного голода. Особенно резко сокращалась частная торговая сеть после введения карточной системы и нормированной продажи товаров. В 1931 г. частная торговля практически исчезла, а в 1932 г. она была запрещена законодательно¹⁹.

Государственный аппарат мог полностью разгромить несоциализированное предпринимательство в тех сферах, где тому находилась подмена. Так было в цензовой индустрии, ибо здесь передача предприятий из частных рук в распоряжение кооперации или ведомственных управленцев не прерывала процесса изготовления продукции. Аналогично развертывание государственной розничной торговли по коммерческим ценам, близким к уровню рыночного равновесия, худо-бедно замещало частную торговлю по вольным, гибким ценам.

Иная ситуация складывалась в мелкой, кустарной промышленности, которая в 1928 г. поставила на продажу 22,4% всех промышленных изделий и в которой трудились 57,1% индустриальных работников. Примерно 74% перерабатываемого мелкой промышленностью сырья было сельскохозяйственного происхождения. Вне городов проживали 76,2% занятых в кустарной промышленности, производивших 57,5% ее валовой продукции²⁰.

Мелкая промышленность оставалась единственным изготовителем многих предметов потребления и хозяйственного обихода, поэтому о ее закрытии речи идти не могло. Тут, как и в случае с крестьянством, правительство применило стратегию кооперирования кустарей и ремесленников. К концу 1932 г. кооперация захватила уже около $\frac{3}{4}$ всех кустарей. Если в 1928 г. промкооперация объединяла преимущественно снабженческо-сбытовые и кредит-

¹⁹ См.: Дихтяр Г. Г., Куликов А. Г. Развитие советской торговли // Советская социалистическая экономика 1917–1957 гг. М., 1957. С. 439.

²⁰ См.: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 284, 285.

но-промысловые товарищества, то в 1933 г. из 14 811 союзных кооперативов снабженческо-сбытовыми товариществами числились лишь 133, или 0,9% от общего количества. Распределение остальных объединений кустарей и ремесленников выглядело так: производственные артели 12 441, промколхозы 1 022, промысловые артели 785, производственные товарищества 430²¹.

Прослеживалась тенденция к уменьшению физического объема продукции мелкой промышленности, что в немалой степени обуславливалось падением производства сельскохозяйственного сырья. Мелкая промышленность произвела (в пересчете по неизменным ценам 1926/27 г.) продукции в 1927 г. на сумму 4,69 млрд руб., в 1928 г. 4,63 млрд руб., в 1932 г. 4,51 млрд руб.²²

Коллективизация крестьян, кооперирование ремесленников и кустарей, ликвидация частных предприятий видоизменили социальную стратификацию и структуру укладов в экономике страны. Фактически исчезало сословие частных капиталистических предпринимателей, и естественным образом «растворялся» частнохозяйственный уклад. Преодоление нэпа трансформировало пирамиду социально-экономических укладов. Ее новый облик (снизу-вверх) выглядел так: семейное хозяйство, индивидуально-трудовой уклад, колхозно-кооперативный уклад, государственно-корпоративный уклад, сфера бюджетно-финансируемых казенных учреждений и организаций.

Успехи обобществления создали предпосылки планового руководства сельским хозяйством и мелкой промышленностью, превратили отечественное хозяйство в сплошное пространство централизованного управления. Посему переиначивалась практика планирования. Два первых годовых плана пятилетки на 1928/29 г. и 1929/30 г. представляли собой контрольные цифры, т.е. ориентиры для деятельности предприятий и отраслей государственно-го сектора. После «особого» квартала в октябре – декабре 1930 г. политико-экономическая бюрократия перешла к календарному директивному планированию. Годовой план 1931 г. был уже не

²¹ См.: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 290.

²² См.: Струмилин С. Г. Производительность труда в СССР за 40 лет // Советская социалистическая экономика 1917–1957 гг. М., 1957. С. 128.

контрольными цифрами, а государственным документом (распоряжением), обязательным для исполнения всеми отраслями, предприятиями и регионами Советского Союза. Ради усиления планового руководства нашим хозяйством в 1929–1930 гг. было осуществлено экономическое районирование страны. С 1931 г. народнохозяйственные планы содержали разверстку показателей по республикам, краям и областям. О выполнении основных заданий пятилетнего плана к концу 1932 г. было заявлено на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. Стало быть, первая советская пятилетка, начавшаяся в октябре 1928 г., длилась всего 4 года и 3 месяца.

Механизм регулирования отечественного хозяйства реформировался комплексно. Почти сразу же за реорганизацией управления промышленностью последовала кредитная реформа. Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 г. «О кредитной реформе» разрушило систему отпуска товаров и оказания услуг в кредит. Отмена коммерческого кредитования ликвидировала вексельное обращение и учет векселей в банках. Так «зарос быльём» элемент хозяйственного механизма, восстановление которого в первые годы нэпа помогло реанимировать российскую банковскую сеть.

Вексельное обращение было каналом стихийного, внепланового перелива средств из одной отрасли в другую. Оно санкционировало перераспределение капитала между трестами, синдикатами по усмотрению их директората. Вольное хождение векселей нередко препятствовало прямому плановому руководству экономикой, и правительство устранило эту помеху.

В обстановке хронического дефицита товаров традиционная оптовая торговля вырождалась в нормированный снабженческо-сбытовой оборот продукции и система коммерческого кредита перестала функционировать нормально. По той же причине «на закате» нэпа изжила себя синдикатская форма организации торговли. Из-за нараставшего недостатка собственных оборотных средств коммерческий кредит трестов и синдикатов все больше покрывался денежными ссудами банков. Поэтому замена в 1930 г. вексельного обращения прямым банковским кредитованием была очевидным шагом правящей власти.

Постановление СТО от 23 июля 1931 г. «Об оборотных средствах государственных объединений, трестов и других хозяйственных организаций» узаконило строгое разграничение оборотных средств предприятий на собственные и заемные. Довершением кредитной реформы было открытие с 1 ноября 1931 г. всем хозрасчетным предприятиям двух банковских счетов: расчетного счета для собственных оборотных средств и ссудного счета для заемных денег²³.

Попыткой разрешения противоречия казенной собственности было и разъединение сфер долгосрочного инвестирования и краткосрочного кредитования. До реформ начала 30-х годов весомая доля бюджетных денег притекала в экономику в виде возвратных инвестиций. На 1 октября 1928 г. бюджетные средства составляли половину суммы долгосрочных ссуд, выданных банками²⁴.

Однако бюджетные ассигнования, учитываемые как долгосрочные кредиты, накапливались безнадежными долгами и периодически списывались правительством. По свидетельству К. С. Шрейбера, «...7 августа 1928 г. СНК СССР, установив общую сумму консолидированного долга предприятий общесоюзного значения на 1 октября 1927 г. в размере 792 722 тыс. руб., признал из них возвратными лишь 126 105 тыс. руб. 19 марта 1929 г. СНК СССР, установив общую сумму консолидированного долга предприятий общесоюзного значения по бюджетному финансированию 1927/28 г. и 1928/29 г. в сумме 671 081 тыс. руб., признал из них возвратными лишь 118 851 тыс. руб.»²⁵. 21 апреля 1930 г. СНК СССР постановил, что ассигнование средств по единому государственному бюджету и финансирование государственных промышленных, торговых, транспортных и сельскохозяйственных предприятий являются безвозвратными.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 16 декабря 1929 г. о распределении прибыли промышленных трестов дало старт процессу унификации их платежей в доход государства. Этот закон изменил

²³ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 65, 66.

²⁴ Там же. С. 476.

²⁵ См.: Шрейбер К. С. Кредитная реформа и долгосрочный кредит // Кредит и хозяйство. 1930. № 4–5. С. 9.

вкладные операции Банка долгосрочного кредитования, лишил его «кредитной» работы. В мае 1932 г. в системе Наркомфина СССР были образованы четыре специальных банка долгосрочных вложений: Промбанк, Сельхозбанк, Всекобанк, Цескомбанк. На них было возложено финансирование, долгосрочное кредитование капитального строительства и контроль за целевым использованием средств²⁶. Таким образом, расширенное воспроизводство основного капитала предприятий почти полностью перешло в режим безвозвратного и беспроцентного бюджетного финансирования. Кредитная форма капиталовложений сохранилась при инвестировании казенных ресурсов в колхозно-кооперативный сектор.

В рамках кредитных отношений осталось циркулирование оборотного капитала предприятий. Выдача краткосрочных ссуд сосредоточилась в филиалах Госбанка и обособилась от долговременного инвестирования. Это означало отделение рынка денег, в том числе и краткосрочных кредитов, от рынка капиталов. Разграничение сфер воспроизводства основного и оборотного капитала было закономерным результатом нарастания структурных диспропорций в отечественном хозяйстве, обремененном напряженной индустриализацией.

По той же причине ускоренного, инфляционного экономического роста обострились внутренние противоречия и произошел раскол кредитно-денежного обращения. Правительство, введя с 1931 г. кассовое планирование, «разрубило» единый оборот денег на две части: оборот наличных копеек и рублей, обслуживавший движение потребительских товаров, доходов и расходов населения; и оборот безналичных средств платежа, в том числе банковских кредитов, используемых в расчетах предприятий и организаций преимущественно за продукцию производственного назначения. Образовались две самостоятельные области товарно-денежного обращения, каждая со своим уровнем и механизмом равновесия.

Размеры денежной эмиссии увязывались с квартальным кредитным планом, для которого эмиссия являлась источником, покрывавшим часть кредитных вложений. Внедрение кассового

²⁶ См.: Финансы и кредит СССР. М., 1964. С. 84.

планирования позволило партийно-хозяйственному аппарату наладить с 1931 г. жесткий банковский контроль за расходованием фондов заработной платы и проводить желаемую политику доходов соотечественников²⁷.

Осуществление налоговой реформы, узаконенной постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г., было сопряжено с изменением механизма хозяйственного регулирования и структуры социально-экономических укладов. Директивное управление испытывало трудности, сталкиваясь с планированием множества платежей в бюджет. В 1929 г. действовали 63 канала отчислений денег из промышленности в казну. Всего же государственные финансы аккумулировали 86 видов платежей, не одинаковых по своему удельному весу. На первые три показателя падало почти 63% бюджетных поступлений. Последние (прочие) 63 платежа приносили в казну только седьмую часть общей суммы доходов.

Социализация крестьян, кустарей и ремесленников, вытеснение частной розничной торговли перекраивали основы налогообложения. Постепенно пропадали мелкие товаропроизводители и торговцы, платившие казне «отступное» как частные хозяева. Их место занимали сравнительно крупные коллективные предприятия (юридические лица), порядок обложения которых отличался от индивидуальных «повинностей» физических лиц.

Упрощалась процедура планирования и сбора налогов. Оставалось два типа объектов обложения: во-первых, государственные и кооперативные предприятия и организации, функционировавшие в зоне «обобществленного» предпринимательства, а посему обязанные делиться доходом с Наркомфином; во-вторых, граждане, снискавшие себе пропитание собственным, в том числе наемным трудом, отдававшие определенную долю заработанных денег в бюджет.

Налоговая реформа 1930 г. реализовала принципы унификации платежей и однократности обложения. Взамен внушительно-го списка налогов и сборов, которые уплачивали обобществлен-

²⁷ См.: *Атлас* 3. В. Социалистическая денежная система. Проблемы социалистического преобразования и развития денежной системы СССР. М., 1969. С. 283.

ные предприятия в бюджет, были установлены налог с оборота и отчисления от прибыли для государственных предприятий, налог с оборота и подоходный налог для кооперативных заведений.

Налог с оборота назначался безотносительно издержек производства и своей ставкой увеличивал уровень цен, устанавливался он в форме твердо фиксированной суммы и являл собой разновидность косвенного обложения конечного покупателя (потребителя). Он гарантировал стабильный приток денег в бюджет, на который слабо влияли результаты хозрасчетной деятельности предприятий и динамика доходов населения.

В ходе реформы 1930 г. сложилась налоговая система инвестиционно-мобилизационного типа, способная максимально выкачивать денежные средства в централизованные фонды по двум каналам. При помощи отчислений от прибыли и подоходного налога извлекались все «свободные» ресурсы государственных и кооперативных предприятий и организаций. Налог с оборота стал инструментом ограничения потребления и создания вынужденных денежных сбережений граждан, которые отнимало государство. Возможности мобилизации финансовых резервов демонстрируют данные табл. 9.10.

Таблица 9.10

Доходы государственного бюджета СССР в 1929/30–1932 гг., млн руб.

Статья доходов	1929/30 г.	Особый квартал 1930 г.	1931 г.	1932 г.
Всего доходов	13 879	5 269	25 246	38 041
В том числе:				
налог с оборота	5 653 *	2 420	11 672	19 595
прочие налоги и сборы с населения	1 118	438	2 110	2 986
государственные займы	1 278	356	3 269	3 922
отчисления от прибылей	1 264	1 052 **	2 158	2 023
доходы транспорта и связи	1 390	–	1 770	2 964
средства социального страхования	1 418	408	2 242	3 577

Примечание. * Суммы, соответствующие доходам, унифицированным в налоге с оборота. **Вместе с доходами транспорта и связи. Рассчитано по: Дьяченко В. П. Указ. соч. С. 302 ; История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 487.

Доходная часть бюджета Советского Союза за рассматриваемый период увеличилась в 2,7 раза. Годовые темпы ее роста более чем вдвое превышали показатели предыдущего трехлетия. Ускоренная динамика доходов государства была связана с обильной денежной эмиссией и инфляционным подъемом цен. Но не меньшее значение имела реконструкция налогов, сопровождавшаяся увеличением их общего сбора и доли среди источников бюджетных средств.

Удельный вес оплачиваемых населением налогов в доходах бюджета за три года повысился с 48,8 до 59,4%. Особенно потяжелел налог с оборота, давший казне в 1932 г. более половины всех денег. Его сбор напрямую не зависел от хозрасчетных результатов работы предприятий. Так, уменьшение отчислений от прибыли в 1932 г. на 6,3% по сравнению с 1931 г. соседствовало с годовым приростом налога с оборота на 67,9%. Косвенное налогообложение граждан стало опорой директивно-планового формирования бюджета.

Налоговая реформа поддержала предпринимательскую экспансию государственного аппарата. За первую пятилетку удельный вес национального дохода, перераспределяемого по каналам бюджета, удвоился и составил 61,5%. Важнейшим компонентом агрессивной фискальной политики было расширение налоговых изъятий из народного дохода, доля которых в 1932 г. достигла 36,5%²⁸.

Доходы бюджета определяли потенциальные возможности его расходной части, динамика которой в 1929/30–1932 гг. представлена в табл. 9.11.

Роспись расходов бюджета подтверждала, что именно он являлся основой государственного предпринимательства, ориентированного на инвестиции. Удельный вес затрат на народное хозяйство в суммарных расходах увеличился с 51,1 до 67,1%, т.е. почти на треть. Вложение казенных денег в промышленность за рассматриваемые годы выросло в 5 раз и в 1932 г. составило 52,5% всех расходов бюджета на отечественную экономику. Обратной стороной зазорного инвестирования было снижение доли социальных расходов: финан-

²⁸ Рассчитано по: *Плотников К. Н.* Очерки истории бюджета советского государства. М., 1955. С. 76, 106; *Дьяченко В. П.* Указ. соч. С. 166, 302; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12; *Барсов А. А.* Указ. соч. С. 90–91, 108; *Малафеев А. Н.* Указ. соч. С. 400.

сирования жилищно-коммунального хозяйства с 5,4 до 4,7% и затрат на социально-культурные мероприятия с 26,4 до 19,9%.

Таблица 9.11

Расходы государственного бюджета СССР в 1929/30–1932 гг., млн руб.

Статьи расходов	1929/30	Особый квартал 1930	1931	1932
Всего расходов	13 322	5 038	25 097	37 995
Расходы на народное хозяйство	6 814	2 800	16 311	25 494
В том числе:				
промышленность	2 624	1 030	8 117	13 300
сельское хозяйство	1 353	615	2 914	3 944
транспорт и связь	1 521	638	2 420	4 070
торговля, снабжение, заготовки	546	320	1 797	2 273
коммунальное и жилищное хозяйство	720	133	1 029	1 794
Расходы на социально-культурные мероприятия	3 517	1 101	5 396	7 580
Оборона	1 046	434	1 288	1 296
Содержание органов управления	627	135	930	1 185
Расходы по государственным займам	406	75	08	962

Сост. по: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 486.

Количественное изменение в формировании доходной части бюджета и в пропорциях его расходных статей было настолько существенным, что привело к появлению новых качественных свойств государственных финансов. После реформ 1930 г. они стали системой преимущественно косвенного обложения народа и перераспределения собранных средств на нужды советского хозяйства, в первую очередь промышленности.

Введение налога с оборота в корне трансформировало отечественный инвестиционный комплекс. С одной стороны, оно резко увеличило приток в централизованные фонды денежного капитала, с другой стороны, раздвинуло границы его целевого применения, причем не только за счет роста объема ресурсов. Понижение пороговых требований к эффективности затрачиваемых средств уменьшило препятствия для инвестиций, сделало спрос на них ненасыщаемым. Данные табл. 9.12 констатируют, что сфера инвестирования качественно преобразилась после реформ 1930 г.

Таблица 9.12

**Вложение основного капитала в хозяйство СССР в 1928–1931 гг.,
млн руб. (в ценах соответствующих лет)**

Показатель	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Вложение в основные фонды	6 844	7 693	10 534	15 723
В том числе:				
амортизация	3 461	3 577	3 783	4 357
накопление в основные фонды	3 383	4 116	6 751	11 366

Сост. по: Рагольский М. Итоги накопления первой пятилетки // Плановое хозяйство. 1932. № 3. С. 142–143.

Наблюдалась интенсификация капиталопотока в экономику страны. Годовой прирост вложений в основные фонды составил в 1929 г. 12,4%, в 1930 г. 36,9%, в 1931 г. 49,3%. Особенно быстро росли «чистые» инвестиции (накопления): на 64% в 1930 г. и на 68,4% в 1931 г. Такая динамика свидетельствовала о небывалом размахе нового капитального строительства.

Перестройка механизмов регулирования экономики позволила правительству приступить к всеохватывающей переброске ресурсов в тяжелую промышленность. Это подтверждают показатели табл. 9.13.

Пик инвестиционной активности государственного предпринимательства, судя по данным табл. 9.14, пришелся на 1932 г., когда процент расходов на народное хозяйство среди статей бюджета стал максимальным, а доля накопления в национальном доходе достигла наивысшего, предельного, уровня.

Из табличных данных следует, что в процессе социально-экономических реформ 1930 г. партийно-хозяйственные управленцы высшего звена сотворили механизм чрезвычайной мобилизации ресурсов на инвестиционные нужды государственного предпринимательства, позволивший качественно изменить важнейшую макроэкономическую пропорцию между потреблением и накоплением. Формирование директивно-плановой системы в 1930 г. было сопряжено с достижением порогового уровня доли накопления на отметке около 1/4 национального дохода.

Таблица 9.13

**Финансирование социалистической промышленности
в 1927/28–1931 гг., млн руб.**

Показатель	1927/28	1928/29	1929/30	Особый квартал 1930	1931
Сумма финансирования	2 363	2 943	4 877	1 822	10 180
В том числе: капитальное строительство	1 325	1 679	3 422	765	5 900
Источники финансирования: кредитная система	469	463	1 055	435	2 858
собственные накопления (амортизация и прибыль)	1 252	1 580	2 022	560	839
средства бюджета	642	900	1 800	827	6 483
Отчисления промышленности в бюджет	447	499	788	343	824
Сальдо расчетов бюджета с промышленностью	146	401	1 012	484	5 659
Отношение капитальных вложений к собственным накоплениям в отраслях группы «А»	1,13	1,79	3,62	4,36 *	12,78
в отраслях группы «Б»	0,52	0,45	0,51	0,44 *	0,97

Примечание. * 1930 г. Рассчитано по: *Рагольский М.* Вступление в период социализма и основные вопросы расширенного воспроизводства в СССР // Плановое хозяйство. 1931. № 2–3. С. 20 ; *Рагольский М.* Итоги накопления первой пятилетки. С. 150 ; *Путилов А.* К вопросу о накоплении в промышленности // Плановое хозяйство. 1932. № 5. С. 115.

Таблица 9.14

**Структура использованного национального дохода СССР в 1928–1932 гг.,
млн руб. (в ценах соответствующих лет)**

Показатель	1928	1929	1930	1931	1932
Фонд потребления	21 305,7	23 547,1	28 144,1	31 034,9	38 748,8
В том числе: в продуктах промышленности	14 951,6	15 707,8	16 692,0	18 764,3	21 633,5
в продуктах сельского хозяйства	6 354,1	7 839,3	11 452,1	12 270,6	17 115,3
Фонд накопления	3 697,4	4 774,0	8 985,4	15 806,5	23 151,5
В том числе: в продуктах промышленности	2 503,9	4 601,2	9 381,0	15 122,3	22 331,3
в продуктах сельского хозяйства	1 193,5	172,8	– 395,6	684,2	820,2
Национальный доход	25 003,1	28 321,1	37 129,5	46 841,4	61 900,3
Удельный вес фонда накопления в национальном доходе, %	14,8	16,9	24,2	33,7	37,4

Удельный вес фонда накопления в национальном доходе в 1932 г. более чем в 4 раза превысил нормальный российский уровень, характерный для условий мирного рыночного хозяйства со свободным частным предпринимательством. Отечественное хозяйство перешло в качественно новый режим экономического роста, которому уже соответствовали иной уровень макроэкономического равновесия, директивно-плановая система регулирования, специфическое состояние рынков товаров, труда, капитала и денег.

Динамика капиталовложений и выбор источников их финансирования определяли размеры и структуру покупательского спроса на всеоюзном рынке. Нарастание инвестиций само по себе нагнетало обстановку восходящей хозяйственной конъюнктуры. Напряженный спрос на товары генерировал рост издержек производства и цен. Подобным образом влияло на советскую экономику резкое увеличение хозяйственных расходов бюджета даже при бездефицитном казначейском финансировании. Разбалансированность спроса и предложения усиливалась чрезмерно активным банковским кредитованием. Но серьезнее всего давила на рыночные параметры необеспеченная эмиссия денег. Тенденция наплыва денежной массы в каналы обращения отображена на рис. 9.1.

График эмиссии денежных знаков был похож на кривую-экспоненту инвестиций в промышленность. Это говорило о закономерной взаимозависимости обоих процессов. Выпуск бумажных рублей не только сопутствовал росту производства и оборота продукции, но и предварял его как источник капитала. С июня 1931 г. до середины 1932 г. за счет эмиссии денег во все большей мере финансировались текущие затраты предприятий и сметы строительства²⁹. Логичным последствием кредитно-денежной прыти правительства стала галопирующая инфляция, явная в форме взлета цен и скрытая в облике обострявшегося товарного голода.

²⁹ См.: Дэвис Р. Кризис советской экономики 1931–1933 гг.: некоторые нерешенные проблемы // Экономические науки. 1990. № 1. С. 84.

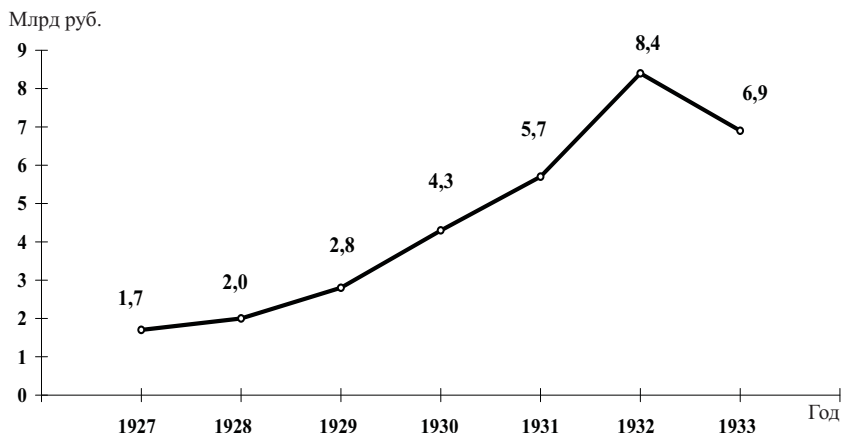

Рис. 9.1. Масса денег в обращении в 1927–1933 гг. (на конец соответствующего года).
Сост. по: Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 404.

Развитие конъюнктуры розничного рынка протоколировали индексы цен (табл. 9.15). Рассматриваемое пятилетие разделил пополам 1930 г. До него в обобществленной розничной торговле сохранялись малоподвижные цены, и в частной рознице повышение цен было терпимым. С 1931 г. начался чувствительный рост цен в государственных и кооперативных магазинах, а у частных торговцев цены взлетели с головокружительным ускорением. Если в 1928/29 г. цены частного рынка, индексируемые по всему спектру товаров, отклонялись от аналогичных цен социализированной торговли на 60%, то летом 1932 г. общий индекс цен частников в 5,8 раза превосходил сводный ценовой индекс обобществленной розницы.

Стремительное расхождение свободных и плановых цен было признаком товарного дефицита, усиливавшегося из-за инфляционной закачки денег в обращение и сокращения производства потребительских благ на фоне прироста населения СССР свыше 2% в год. Косвенно подтверждают сказанное показатели табл. 9.16.

Таблица 9.15

**Среднегодовые индексы розничных цен в 1927/28–1932 гг.
(уровень 1913 г. принят за 100)**

Год	Частная торговля			Обобщественная торговля			Общоторговый индекс		
	Об-щий	Сельско-хозяй-ственных товаров	Про-мыш-ленных товаров	Об-щий	Сельско-хозяй-ственных товаров	Про-мыш-ленных товаров	Об-щий	Сельско-хозяй-ственных товаров	Про-мыш-ленных товаров
1927/28	244	247	242	184	177	188	197	194	198
1928/29	308	367	269	192	192	191	210	222	203
1930	564	826	433	200	196	203	260	291	219
1931	998	1 512	758	252	229	278	354	384	307
1932 *	1 877	3 175	1 288	325	–	–	496	–	–

Примечание. * За первое полугодие. Сост. по: *Малафеев А.Н.* Указ. соч. С. 401.

Таблица 9.16

Показатели потребления населения СССР в 1928–1932 гг.

Показатель	1928	1929	1930	1931	1932
Фонд потребления в ценах 1928 г., млн руб.	21 305,7	22 575,2	23 177,2	22 705,2	22 375,8
В том числе:					
в продуктах промышленности	14 951,6	15 886,4	16 814,9	16 533,8	16 916,9
в продуктах сельского хозяйства	6 354,1	6 688,8	6 362,3	6 171,4	5 458,9
Численность населения, млн чел.	151,2	154,7	158,0	161,8	165,7
Фонд потребления в расчете на душу населения, руб.	140,91	145,93	146,69	140,33	135,04

Рассчитано по: *Барсов А. А.* Указ. соч. С. 90–91 ; *Кац Вл.* Народный доход СССР на новом этапе // Плановое хозяйство. 1931. № 4. С. 101 ; История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 498.

В 1931–1932 гг. абсолютно уменьшался фонд потребления страны, исчисленный в физическом объеме по неизменным ценам 1928 г. Реальное среднедушевое потребление граждан в 1932 г. оказалось на 4% ниже уровня 1928 г. и на 8% ниже, чем в 1930 г. На исходе первой пятилетки наблюдалась удручающая картина народного обнищания.

Насыщенность покупательского спроса ухудшилась. Уровень товарных запасов, измеренный в днях к обороту, на оптовых складах и в розничной торговой сети сократился настолько, что был недостаточным для бесперебойной торговли. Например, скорость обращения запасов тканей в городских магазинах потребительской кооперации изменилась с 32 дней в 1926/27 г. до 10,6 дня в 1932 г., в сельской сети – с 23 дней до 7,5 дня, а в оптовых звеньях – с 5 дней до 2,9 дня. В системе Наркомснаба СССР товарные запасы также были минимальными. Оборачиваемость продуктов в государственной торговой сети в 1932 г. равнялась 14,8 дня³⁰.

К середине 1931 г. нормированная продажа промтоваров по карточкам, заборным книжкам или ордерам распространилась по всей территории Советского Союза. Но развертывание нормированного снабжения еще не гарантировало людям достойного уровня потребления. Контингент граждан, охваченных централизованным снабжением хлебом, увеличился с 26 млн человек в 1930 г. до 40,3 млн человек в 1932 г.³¹, а государственные заготовки зерна в это же время снизились с 22,1 до 18,5 млн т.

Диспропорция между спросом и предложением товаров достигла порогового уровня и вынудила правительство заняться реформированием торговой сферы. Критическая степень дефицитности, особенно продовольственных товаров, подтолкнула к созданию органа хозяйственного управления, который сосредоточил в одних руках централизованное распределение продуктов, регулирование снабжения населения и контроль над производством продовольствия.

В ноябре 1930 г. был образован Народный комиссариат снабжения СССР. Наркомснабу была передана вся пищевая промышленность союзного и республиканского подчинения; к нему отошли функции планирования и регулирования товароснабжения и сельскохозяйственных заготовок. Впрочем, для управления заготовками сельхозпродукции в феврале 1932 г. был создан

³⁰ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 467.

³¹ См.: Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 138.

специальный Комитет заготовок при СТО. В непосредственном ведении Наркомснаба находилась система местных торгов и специальных магазинов³². С целью укрепления планового ценообразования по постановлению СНК от 11 октября 1931 г. был создан Комитет цен при СТО, преобразованный 1 апреля 1932 г. в Комитет товарных фондов и регулирования торговли³³.

Вслед за реорганизацией ВСНХ свершилась перестройка оптовой торговли. Постановление СНК СССР от 23 марта 1932 г. рекомендовало «провинциальным» наркоматам открыть в краях и областях специализированные сбытовые базы и организовать сбытовые ведомства в соответствующих отраслевых объединениях. Таким образом, оптовая торговля превратилась в систему планового централизованного распределения товаров, в скопление баз-распределителей.

Распорядительная структура товарооборота отражала иерархию интересов социальных слоев. Политико-экономическая бюрократия в условиях хронического недостатка продуктов и услуг организовала сеть различных закрытых распределителей, которые обслуживали ее представителей и лиц из привилегированных групп населения. Преимущественным снабжением через потребкооперацию пользовались служащие и рабочие определенных отраслей: угольной, нефтяной, торфяной, металлургической, машиностроительной, лесозаготовительной, водного и железнодорожного транспорта.

Нормированное обеспечение населения продуктами расчленило всесоюзный рынок на обособленные фрагменты, в которых складывались свои специфические условия товародвижения. Сопоставляясь с ними, государственный аппарат нагромоздил в обобщественной торговле пирамиду розничных цен на промышленные товары. Наиболее низкими были розничные цены нормального фонда города. Они регулировали продажу товаров по карточкам. Цены коммерческого фонда превышали цены нормального фонда и подразделялись на среднекоммерческие и более высокие коммер-

³² См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 451.

³³ См.: Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 139.

ческие. По этим ценам покупатели приобретали товары без ограничений. Цены нормального фонда села в основном дублировали коммерческие цены³⁴.

Динамика стихийных цен частной торговли определялась перекрестным влиянием денежной эмиссии, уровня фиксированных цен казенных и кооперативных магазинов, колебанием предложения товаров. Заниженные цены обобщественной торговли порождали поток «неотоваренных» денег, устремлявшийся в сферу свободной купли-продажи. Поэтому чрезмерная эмиссия денежных знаков основной своей массой обрушивалась на частный рынок, где бушевавшая инфляция волнами поднимала цены.

Если в 1929 г. темпы роста денежной массы в 1,5 раза превосходили темпы роста сводного индекса розничных цен частной торговли, то год спустя соотношение показателей стало обратным. В 1931–1932 гг. скорость подъема цен у частников была уже вдвое больше скорости денежной эмиссии. Индекс цен сельскохозяйственных продуктов в частной рознице взлетал еще быстрее из-за падавшего предложения товаров. Избыточный выпуск рублей в обращение довел разлад товарно-денежного обмена до крайних пределов.

К 1929 г. появились проблемы с разменными операциями вследствие исчезновения из обращения серебряной и медной монет. В феврале 1929 г. был прекращен выпуск в обращение медных монет, а июне – серебряных. Началась интенсивная эмиссия бронзовых монет и бумажных купюр. Об этом писал А. Н. Малафеев: «В ряде областей возникли явления разменного кризиса: некоторая часть крестьянства и городского населения стала припрятывать серебряную монету и спекулировать ею. Появились двойные цены: в бумажных деньгах и серебряной монете. В некоторых районах имели место случаи расплаты заготовителей с крестьянами не деньгами, а промтоварами. Отмечались факты натурального обмена крестьянами продуктов питания на табак, текстильные товары и т.д. Доверие к рублю подрывалось, а это, в свою очередь, также способствовало подъему цен»³⁵.

³⁴ См.: Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 146.

³⁵ Там же. С. 172–173.

Развитие рыночной ситуации предвещало закономерный пересмотр цен в социализированной торговле. Во втором квартале 1931 г. были повышены цены на некоторые промышленные и сельскохозяйственные товары так, что средний их уровень за год поднялся в сельской рознице на 42%, в городской на 7,5%. Смена политики ценообразования декретировалась постановлением СНК СССР от 28 мая 1931 г., по которому налог с оборота был выделен в самостоятельную часть отпускной цены, взимавшуюся в бюджет с промышленного предприятия, продававшего товар. До сего момента налоги, реформированные в налог с оборота, относились на себестоимость продукции³⁶.

Переломной датой в динамике розничных цен стало 27 января 1932 г., когда постановлением Комитета цен розничные цены были повышены в городах на 27–200%, а в сельской местности на 14–107%. В марте были повышены цены на табачные изделия. С июня 1932 г. в продажу поступила пшеничная водка, наполовину дороже прежней. С 20 июля были повышены на 20–100% цены на некоторые металлические изделия. Кроме того, в течение 1932 г. повысились цены на отдельные виды товаров из нормального фонда – шерстяные и льняные ткани, махорку и на товарные группы коммерческого фонда – рыбу, консервы, трикотаж, обувь³⁷. Пересмотр цен помог укоротить перечень нормируемых товаров и отчасти уравновесил спрос и предложение в розничном товарообороте.

Существование двойных – «нормальных» и коммерческих – цен было бюрократической попыткой разрешения противоречия между сбережениями и потреблением людей. Цены нормального фонда удешевляли стоимость рабочей силы и заполняли «среднедушевой» потребительский бюджет на уровне физиологического минимума выживания. Они сохраняли «незанятыми» значительные суммы вынужденно сберегаемых доходов граждан. Несвязанные рубли через коммерческие цены улавливались казной. Хотя здесь была своя специфика. Низкие цены, особенно в за-

³⁶ См.: Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 140, 166.

³⁷ Там же. С. 166.

крытых распределителях, предназначались преимущественно для избранных социальных групп населения. Высокие же цены собирали дань поголовно со всех, у кого имелась неистраченная наличность.

Негативной стороной двухмерного административного ценообразования была постоянная несбалансированность платежеспособных потребностей покупателей с товарными фондами, а также фрагментация рыночного пространства по степени льготности купли-продажи. Такая ситуация провоцировала арбитражную спекуляцию между различными рыночными сегментами.

Вытесняя из розничного оборота «частников», правительство «наступило на грабли» корыстных устремлений торговцев из потребкооперации, которых искушало расхождение цен обобщественного сектора и стихийного рынка. Поддавшись соблазну, скооперированные торгаши обогащались, перекачивая собственные товарные фонды в зону спекулятивных сделок на вольном рынке. Дефицит продуктов создавался предприимчивыми дельцами искусственно, ибо он благоприятствовал злоупотреблениям. Потребкооперация не брезговала и «незаконным» повышением цен на ассортимент нормальных фондов.

Встревоженная партийно-хозяйственная бюрократия «взялась» за кооператоров, пресекая проявления «нэпманского духа» и попытки получения нелегальных доходов. Решением СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Центросоюза от 10 мая 1931 г. была осуществлена реорганизация системы потребкооперации на манер казенной торговли: были созданы оптовые отраслевые всесоюзные объединения и местные объединения розничной торговли. Прекратилась нормированная продажа промтоваров.

С 1931 г. изменилась государственная стратегия предпринимательства в сфере розничной торговли. Предпочтение было отдано сосредоточению товарооборота в казенной торговой сети. Приоритетное развитие директивно-плановой торговли лежало в русле реформирования хозяйственного механизма начала 30-х годов. Статистически это подтверждается табл 9.17.

Таблица 9.17

Структура розничного товарооборота СССР по видам торговли в 1928–1933 гг., млн руб.

Год	Государственная	Кооперативная	Частная	Весь товарооборот
1928	2 408,8	9 341,2	3 406,6	15 156,6
1929	3 197,7	11 396,0	2 273,4	16 867,1
1930	4 282,5	11 300,0	1 043,0	16 625,5
1931	6 547,2	18 178,0	–	24 725,2
1932	12 995,4	22 508,9	–	35 504,3
1933	22 162,9	21 239,7	–	43 402,6

Сост. по: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 134, 150.

Показатели табл. 9.17 отобразили хронологию соотношения сил трех социально-экономических укладов в товарном обращении, исходя из цен соответствующих лет. «Преодоление» нэпа завершилось укреплением усеченной иерархии в торговле. Государственный уклад подчинил себе кооперацию и покончил с частным предпринимательством. Понять логику событий помогает сопоставление показателей товарооборота в текущем ценовом измерении с расчетами в фиксированных ценах, которые представлены в табл. 9.18.

Таблица 9.18

Показатели физического объема розничного товарооборота СССР в 1928–1932 гг., млн руб. (в оптовых ценах 1928 г.)

Показатель	1928	1929	1930	1931	1932
Объем всего розничного товарооборота	15 156,6	14 787,1	12 597,0	13 759,5	14 101,5
Продажа промышленных товаров в сельской местности	3 350,6	4 100,3	4 396,2	3 706,3	3 331,2

Рассчитано по: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 134, 150, 401 ; Барсов А. А. Указ. соч. С. 118–119.

Движение реальной товарной массы имело вогнутый нисходящий тренд, непохожий на «бодрый марш» стоимостных параметров совокупного розничного оборота по «ступенькам» ежегодно возрастающих цен. Совпадением в динамике обоих показателей были минимальные значения в 1930 г. Снижению ценности това-

рооборота на 1,4% по сравнению с прошлым 1929 г. соответствовало падение его физического (натурального) объема на 14,8%.

1930 год был кризисным, переломным в развитии отечественной торговли. Конфликт интересов трех ветвей товарного обращения разрешился в пользу сильнейшей, в ущерб выгоде слабым. Уменьшение продуктовых запасов привело к сосредоточению их в фондах обобществленной, в первую очередь казенной сбытовой сети. Розничная продажа государственной торговли в 1930 г. по текущим ценам расширилась на 33,9%, а кооператоры остались на тех же позициях, потеряв в деньгах 0,8% выручки. Обороты последнего года масштабной частной торговли обвалились вниз на 54,1%.

Данные табл. 9.18 фиксируют кризисно-депрессивное состояние розничной торговли на протяжении всей первой пятилетки. Минимальный физический объем розничного товарооборота в 1930 г. был на 16,8% ниже исходного уровня 1928 г. Тот же показатель в 1932 г. был на 7% меньше значений четырехлетней давности, а в расчете на душу населения на 15,1%.

Изменения показателей табл. 9.18 имели противонаправленные траектории. Кампания коллективизации крестьян сделала выпуклой кривую продажи промтоваров в сельской местности. Максимальные поставки индустриальных изделий в деревню осуществлялись в самый разгар товарного голода в стране. Земледельцам преподнесли «пряник», заманивавший в колхозы, – расширилась продажа качественных вещей. Доля «излюбленного» ассортимента сельской потребкооперации – соли, спичек, керосина, хозяйственного мыла, хлопчатобумажных тканей, табачных и алкогольных изделий в розничном товарообороте деревни в 1930 г. опустилась до 30% по сравнению с 40% в 1928 г.³⁸ По мере нарастания процента «околхозивания» крестьян их жизнь оскудевала.

Народ в целом во время первой пятилетки жил хуже, чем непосредственно перед ней. Увеличение доли продовольствия в структуре товарооборота с 48,1% в 1928 г. до 55,1% в 1932 г. было

³⁸ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 461.

явным признаком обеднения граждан. Другим признаком массового обнищания был рост удельного веса хлеба, картофеля, овощей и плодов в рационе людей. Сокращение покупки тканей, обуви, металлической посуды в те годы тоже характеризовало снижение благосостояния населения³⁹.

Конъюнктура всесоюзного розничного рынка была взаимосвязана с состоянием дел в сфере оптового оборота продукции. Естественно, что тесная прямая зависимость прослеживалась лишь между индексами розничных цен на промтовары в обобществленной торговле и индексом отпускных цен в отраслях группы «Б». Так, годовой прирост обоих показателей в 1930 г. и 1931 г. практически совпадал. В период преодоления нэпа внутренний оптовый рынок страны окончательно разделился на два самостоятельных фрагмента – рынок изделий производственного назначения и рынок предметов потребления. К такому выводу располагает изучение табл. 9.19.

Таблица 9.19

Индексы отпускных (оптовых) цен государственной промышленности в 1929–1932 гг. (уровень 1913 года принят за 1 000)

Отрасль промышленности	1929 1 января	1930 1 января	1931 1 января	1932 1 января	1932 1 апреля
Группа «А»	1 633	1 598	1 544	1 626	1 647
топливная	1 594	1 566	1 529	1 764	1 811
металлопромышленность	1 688	1 648	1 586	1 605	1 604
строительных материалов	2 234	2 137	2 079	2 372	2 349
химическая	1 613	1 539	1 468	1 468	1 468
бумажная	1 689	1 689	1 708	1 761	1 761
Группа «Б»	1 898	1 914	2 081	2 841	4 049
пищевая	2 135	2 272	2 825	3 794	4 708
текстильная	1 938	1 926	2 086	3 729	4 207
трикотажная	2 115	2 114	2 575	3 089	3 089
кожевенно-обувная	1 580	1 829	1 908	2 482	3 211
спичечная	2 000	2 000	2 196	2 196	2 971
Вся промышленность	1 779	1 759	1 766	2 019	2 275

Рассчитано по: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 158, 399, 400.

³⁹ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 463.

Если в январе 1929 г. индекс отпускных цен продукции группы «Б» превышал продуктовый индекс группы «А» на 16,2%, то в апреле 1932 г. первый превосходил второй без малого в 2,5 раза. Коренное изменение ценовых пропорций стало следствием реформ 1930 г. Оно свидетельствовало о принципиальных различиях моделей ценообразования двух сегментов оптового рынка. Включение налога с оборота в отпускные цены предметов потребления резко изменило их динамику. За 1931 г. и три месяца 1932 г. индекс цен продукции группы «Б» вырос на 94,6%, между тем как за предыдущие два года он приподнялся лишь на 9,6%. Оптовый индекс средств производства в 1930–1931 гг. снизился на 5,4%, а к апрелю 1932 г. увеличился на 6,7%.

Впрочем, обе модели ценообразования несли единую функциональную нагрузку. Каждая по-своему обеспечивала ресурсами инвестиционную программу индустриализации. Высокие цены массового спроса ограничивали потребление людей, расширяли их вынужденные сбережения и изымали последние в бюджет. Низкие цены продукции производственного назначения увеличивали реальное наполнение денежного фонда накопления.

Фискальная и перераспределительная функции оптовых цен пользовались преимуществом по сравнению с функцией возмещения издержек производства и получения прибыли. Поэтому связь между себестоимостью промышленной продукции и оптовыми ценами проявлялась довольно слабо, зачастую опосредованно. На такие мысли наводит знакомство с показателями табл. 9.20. Данные табл. 9.20 показывают периодизацию изменений себестоимости промышленной продукции. В первые два года пятилетки происходило устойчивое снижение издержек производства по всем основным калькуляционным статьям. В 1931–1932 гг., напротив, возобладала тенденция увеличения себестоимости индустриальных товаров. Фактором, сдерживавшим рост затрат предприятий во втором периоде, было улучшение использования топливно-сырьевых ресурсов, повышение загрузки оборудования и станочного парка. По остальным статьям себестоимости наблюдался рост расходов.

Таблица 9.20

**Динамика оптовых цен и себестоимости промышленной продукции
в 1928/29–1932 гг., %**

Показатель	1928/29	1930	1931	1932
Отпускные цены промышленной продукции	– 1,9	+ 0,4	+ 14,3	+ 12,7
Отпускные цены товаров отраслей группы «А»	– 3,9	– 3,4	+ 5,3	+ 1,3
Отпускные цены товаров отраслей группы «Б»	+ 0,7	+ 8,7	+ 36,5	+ 42,5
Общее изменение себестоимости промышленной продукции	– 5,2	– 6,9	+ 6,8	+ 8,1
В том числе за счет изменения: норм использования сырья, материалов, топлива, оборудования	– 1,5	– 1,9	– 0,9	– 2,2
затрат на заработную плату производственных рабочих	– 1,7	– 1,8	+ 4,4	+ 3,4
общезаводских расходов	– 1,6	– 2,0	+ 2,2	+ 3,0
цен	– 0,4	– 1,2	+ 1,1	+ 3,9

Примечание. «–» – снижение, «+» – повышение. Рассчитано по: *Малафеев А. Н.* Указ. соч. С. 154, 400.

Ухудшение пропорции между производительностью и оплатой труда персонала фабрик и заводов вело к дополнительным затратам по статьям заработная плата производственных рабочих и общезаводские расходы. Падение производительности труда было одной из причин подъема себестоимости продукции промышленности в 1931–1932 гг., что подтверждают цифры табл. 9.21.

Таблица 9.21

**Производство продукции, число работников, производительность труда
в крупной промышленности СССР в 1928–1932 гг.**

Показатель	1928	1929	1930	1931	1932
Валовая продукция в ценах 1926/27 г., млн руб.	16 860	21 204	27 699	34 159	38 831
Число работников, тыс. чел.	3 096,0	3 365,9	4 263,8	5 483,3	6 481,3
Выработка продукции на одного работника, руб.	5 445,7	6 299,7	6 496,3	6 229,6	5 991,2

Рассчитано по: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 124 ; *Струмилин С. Г.* Производительность труда в СССР за 40 лет // Советская социалистическая экономика 1917–1957 гг. М., 1957. С. 126.

Развитие ситуации на рынке товаров повлекло за собой проведение в 1931–1933 гг. тарифной реформы на рынке рабочей силы. Пересмотр условий оплаты труда работников госсектора предопределялся рядом обстоятельств. Предыдущие мероприятия правительства по совершенствованию системы заработной платы в 1927/28 г. уменьшили межотраслевой зазор в размерах ежемесячных выплат наемным работникам. Доходы стали более уравнительными также из-за сближения тарифных ставок высших и низших разрядов, сдерживания сдельных приработков.

Взрывное расширение инвестиций резко увеличило спрос на рабочие руки в промышленности и строительстве. Численность рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, росла так напряженно, что в 1931 г. была ликвидирована городская безработица. В 1932 г. фактически «рассосалось» избыточное население в земледелии. Устранению безработицы способствовал и переход казенных предприятий в 1928/29 г. на 7-часовой рабочий день.

В начале 30-х гг. избыток трудовых ресурсов в отечественной экономике сменился их хронической нехваткой. Государственный аппарат занялся директивно-плановым регулированием рынка труда, в том числе миграции рабочей силы. С 1930 г. в хозяйственную практику вошел «организованный набор» граждан для работы в отраслях, сопряженных с индустриализацией державы.

Массовый наплыв необученной рабочей силы и уравнительная оплата побуждали к нарушениям трудовой дисциплины и уходу кадров с предприятий. Текучесть кадров приводила к поломкам и авариям на предприятиях, увеличению брака, снижению качества изделий и производительности труда, другим потерям от падения квалификационного уровня работавших.

Развитие негативных процессов на рынке труда усилилось с переходом к нормированному распределению предметов потребления. Уравнительный принцип получения материальных благ не стимулировал качественного, интенсивного труда. Хуже того, государственные учреждения не могли снабжать горожан надлежащим объемом продовольствия и промышленного ширпотреба. Среднестатистический уровень потребления населения СССР падал с 1929 по 1932 г.

Тарифная реформа 1931–1933 гг. была проведена вначале в угольной, металлургической промышленности, на железнодорожном транспорте, затем в прочих отраслях промышленности. Новая тарифная сетка увеличила разрыв между ставками крайних разрядов. В большей степени повысилась заработная плата инженерно-технического персонала и квалифицированных рабочих. Активнее распространялась сдельная оплата труда. В целом по народному хозяйству страны среднегодовая зарплата рабочих и служащих увеличилась с 703 руб. в 1928 г. до 1 427 руб. в 1932 г., а общий ее фонд за те же годы расширился с 8,16 до 32,74 млрд руб.⁴⁰

Тарифную реформу надо рассматривать в контексте теоретической модели («спирали») «цены – зарплата», согласно которой рост одного параметра, как правило, сопровождается ростом другого, а их причинно-следственная зависимость меняется местами. Повышение заработной платы позволило правительству значительно поднять уровень цен, сократить за счет этого перечень нормируемых продуктов и улучшить ситуацию на товарном рынке. Увеличение доходов трудящихся частично возместило им потери от коммерциализации розничных цен в казенно-кооперативной торговле. Обратной стороной роста зарплат было повышение себестоимости и цен в ценовой промышленности, ускорение взлета цен вольного рынка.

Увеличение номинальной, денежной заработной платы работников отставало от подъема розничных цен, что приводило к снижению реального заработка. За 1928–1932 гг. среднегодовая зарплата выросла в 2 раза, а индекс розничных цен государственной и кооперативной торговли – в 2,55 раза⁴¹. Увеличение общеторгового индекса розничных цен за пятилетку экспертно можно оценить в 3,4–3,6 раза. Стало быть, двукратному прибавлению денежной заработной платы соответствовало ее реальное уменьшение на 21,6%, скорректированное по индексу цен обобществленной торговли, и падение на 41–44%, исчисленное по индексу цен всей розничной торговли. Такой итог статистических выкладок выглядит

⁴⁰ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 148, 498, 499.

⁴¹ См.: Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 407.

закономерным. Снижение реальной заработной платы наемных работников и рост их численности были основными источниками сбережения и накопления капитала в сфере государственного предпринимательства эпохи первой пятилетки.

Реформация внутреннего рынка нашей страны была тесно связана с динамикой ее внешнеторгового оборота и колебанием конъюнктуры мирового рынка. Общее представление о внешнеэкономическом государственном предпринимательстве в 1929–1933 гг. дает табл. 9.22.

Таблица 9.22

Баланс внешней торговли СССР в 1929–1933 гг.

Год	Экспорт		Импорт		Баланс*, млн руб.
	млн руб.	млн т	млн руб.	млн т	
1929	924	14,1	881	2,0	+ 43
1930	1 036	21,5	1 059	2,8	– 23
1931	811	21,8	1 105	3,5	– 294
1932	575	18,0	704	2,3	– 129
1933	496	17,9	348	1,2	+ 148

Примечание. *«+» – превышение экспорта над импортом, «–» – превышение импорта над экспортом. Сост. по: Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. С. 13.

В советском экспорте преобладали продовольственно-сырьевые ресурсы, как правило, имевшие больший вес и относительно низкие цены. Основу торговли с иностранцами составляла продажа зерна, лесоматериалов, нефтепродуктов и пушнины. На долю этой группы товаров приходилось в 1930 г. 57,1%, а в 1933 г. 45,3% валютных доходов от экспорта⁴².

Импорт Советского Союза более чем на 90% заполнялся средствами производства, которые обладали высокой степенью промышленной обработки и стоили дороже топлива, сырых материалов и продовольствия. На протяжении пятилетки в валовом ввозе возрастала доля машин и оборудования, составляя в 1929 г. 30,1%, в 1930 г. 46,8%, в 1931 г. 53,9%, 1932 г. 55,7%. В силу стечения обстоятельств СССР вышел на первое место в мире по

⁴² См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 311.

закупке машин и оборудования. Отечественное хозяйство поглотило треть их мирового экспорта в 1931 г. и половину в 1932 г.⁴³

Развитие директивно-плановой внешней торговли определялось взаимным колебанием конъюнктуры всесоюзного рынка и международного товарообмена. С 1929 г. в ведущих западных странах разразился глубочайший экономический кризис, повлекший за собой обвальное падение цен и свертывание к 1933 г. мирового товарооборота на $\frac{2}{3}$ по сравнению с докризисным уровнем⁴⁴. Удешевление промышленной продукции подвигло правительство большевиков расширить ее импорт, особенно в 1930–1931 гг. Выгодный ввоз заграничных изделий содействовал индустриальному строительству, поддержал интенсивное накопление капитала.

Партийно-хозяйственная бюрократия форсировала экспортные поставки отечественных продуктов ради увеличения притока валюты, которой оплачивались заграничные товары. Но мировые цены на нашу вывозимую продукцию уменьшались быстрее, чем на импортируемую. Такая раскладка меновых пропорций была объективной. В кризисных ситуациях цены на товары с низкой степенью переработки опускаются ниже по сравнению с ценами высокотехнологичных товаров. О масштабах потерь советской внешней торговли от глобального экономического кризиса можно судить по данным табл. 9.23.

Таблица 9.23

Показатели экспорта зерна СССР в 1929–1933 гг.

Показатель	1929	1930	1931	1932	1933
Экспорт зерна, тыс. т	178	4 764	5 055	1 727	1 683
Экспорт зерна, млн руб.	10,6	217,2	162,0	55,9	43,1
Индекс мировых цен зерна	1,000	0,761	0,538	0,541	0,427

Рассчитано по: Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. С. 144 ; История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 309.

Влияние геополитического фактора на СССР было велико. Резкое падение мировых цен сделало зерновой экспорт малоэффективным. Рост отчуждения и вывоза хлеба сопровождался со-

⁴³ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 313.

⁴⁴ Там же. С. 309.

кращением валютной выручки от его продажи в 1931 г. Население страны было низведено до полуголодного существования, а итоги внешнеэкономического казенного предпринимательства оказались печальными. Экспортные доходы не покрывали полностью платежи по импорту. Сальдо внешнеторгового баланса было отрицательным три года кряду – с 1930 по 1932 г., достигнув в 1931 г. максимальной абсолютной разницы 294 млн руб., или 36,3% от объема экспорта.

Внешний долг СССР увеличился с 470 млн руб. на 1 января 1929 г. до 1 400 млн руб. к 1 января 1933 г., т.е. в 3 раза; только за 1931 г. задолженность почти удвоилась. Практически все заимствование осуществлялось советским правительством за счет краткосрочных кредитов, но в 1931 г. этот источник дополнительной покупательной способности иссяк. Грянул международный кредитный кризис, и мировая торговля переключилась в режим текущей оплаты товарных поставок. Наступило время жить по средствам. Даже для первоочередных индустриальных строек был сокращен завоз оборудования⁴⁵.

В 1933 г. внешняя торговля Советского Союза была приведена в соответствие с реальными экспортными ресурсами. Ее баланс стал положительным. Уменьшился вывоз хлеба по причине голода и недостатка продуктов питания в стране. Впрочем, напряженная отгрузка зерна за рубеж сохранилась, несмотря на невыгодные условия его продажи. Надо было погашать внешний долг. Для расчетов с иностранными банками по ранее взятым кредитам был ограничен и промышленный импорт. Объективные предпосылки продолжения инвестиционной, индустриальной экспансии государственного предпринимательства исчезли. Отечественная экономика погрузилась в обстановку депрессии.

⁴⁵ См.: Дэвис Р. Указ.соч. С. 83.

Глава 10

Макроэкономическая динамика в период нэпа

Реформы советского хозяйства в начале 30-х гг. XX века не лишили его рыночных основ и не устранили циклического характера развития. Период новой экономической политики был своеобразным среднесрочным, инвестиционным циклом, который завершился в 1932 г. кризисным ухудшением конъюнктуры.

Размах и частота колебаний деловой активности в экономике определялись прежде всего промышленностью. Господство индустриального сектора укреплялось по мере его восстановления. Особенно отчетливо оно стало проявляться с 1924/25 г., когда воспрянул рынок товаров производственного назначения и прекратилось «проедание» капитала предприятий. Послевоенный экономический подъем сопровождался усиленным спросом на средства производства. Источником роста советской экономики было увеличение капитала, преимущественно в тяжелой индустрии.

Хозяйственный подъем выдохся из-за недостаточного накопления капитала. Подобный результат был закономерным. Ведь в фазе циклического подъема инвестирование денежных средств опережает создание капитала. При стабильных ценах это расхождение приобретало вид инфляционного превышения платежеспособного спроса на продукты над их рыночным предложением. Быстрее всех увеличивался спрос на топливно-сырьевые ресурсы, затем – на орудия труда, медленнее прочих расширялся спрос на предметы потребления.

Углубление диспропорции между спросом и предложением, денежным инвестированием и реальным накоплением капитала остановило промышленную экспансию. Повышение цен возвратило рынки в состояние «естественного», «равновесного» дефицита факторов производства и продуктов, перевело их в депрессивную фазу среднесрочного цикла.

Спецификой «нэповского» инвестиционного цикла был его реконструктивный характер, обусловленный возрождением и демилитаризацией российской экономики. Реконструктивный цикл имел «двугорбый» тренд «подъема-спада». Траектория двухстадийного цикла просматривается на графике, который изображен на рис. 10.1.

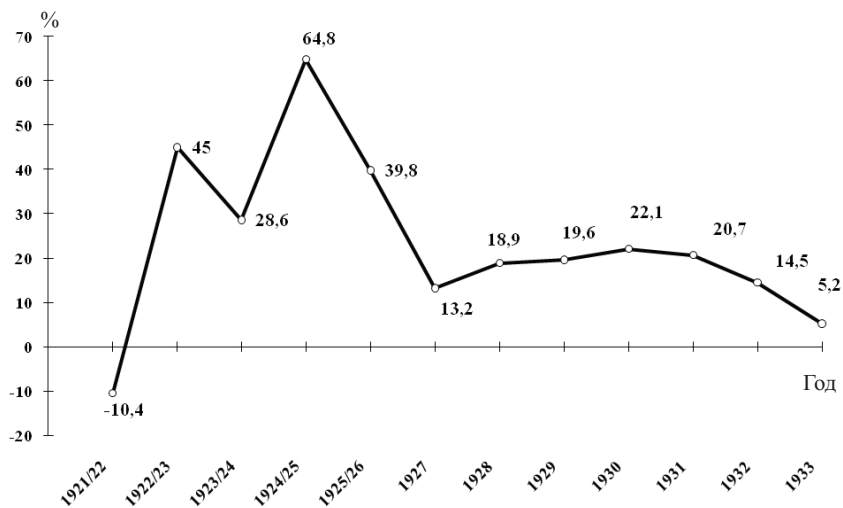

Рис. 10.1. Динамика валовой продукции промышленности в 1921/22–1933 гг. Рассчитано по: Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11–12. С. 116; *Леонтьев Л. А.* Экономическое соревнование двух систем и основная экономическая задача СССР // Советская социалистическая экономика 1917–1957 гг. М., 1957. С. 214

Динамика накопления капитала, выпуска продукции, рыночного товарооборота была кумулятивной, т.е. «саморазгоняющейся» вверх и вниз. Первая волна цикла отличалась priori-

тетным инвестированием в элементы оборотного капитала при относительном избытке основных фондов – бездействовавших производственных мощностей. Второй всплеск инвестиционной активности был следствием принудительного накопления капитала, проводившегося государственным предпринимательством.

Между темпами, качеством экономического роста и преобразованиями социально-экономических институтов существовала взаимозависимость. На первой стадии реконструктивного цикла восстановление государственной властью элементов прежней хозяйственной парадигмы, межотраслевых пропорций и экономический рост поддерживали друг друга. На второй стадии чрезмерное казенное инвестирование сопровождалось перестройкой и разрушением рыночных регуляторов и отраслевой структуры, замедлением хозяйственного развития.

Пиковые значения показателя годового прироста валовой промышленной продукции наблюдались в 1924/25 г. и в 1930 г. Восходящую кривую первой стадии цикла сделал ломаной линией относительно слабый прирост промышленного производства в 1923/24 г. Этот зигзаг был связан с «кризисом сбыта» осенью 1923 г. и плохим урожаем следующего года. Неустойчивую динамику индустриального сектора в начале нэпа определяли отрасли, перерабатывавшие сельскохозяйственное сырье. Темпы роста промышленности стабилизировались после восстановления ее довоенной структуры. В 1932 г. наступил экономический кризис, что подтвердило сокращение числа занятых работников в крупной промышленности на 0,7% в 1933 г.¹

Двухстадийное движение демонстрировал и физический объем национального дохода, графически представленный на рис. 10.2. Первое экстремальное значение прироста национального дохода в 1925/26 г. так же, как и в случае с динамикой валовой промышленной продукции, оказалось заметно выше второго пика в 1930 г.

¹ См.: Струмилин С. Г. Производительность труда в СССР за 40 лет // Советская социалистическая экономика 1917–1957 гг. М., 1957. С. 126.

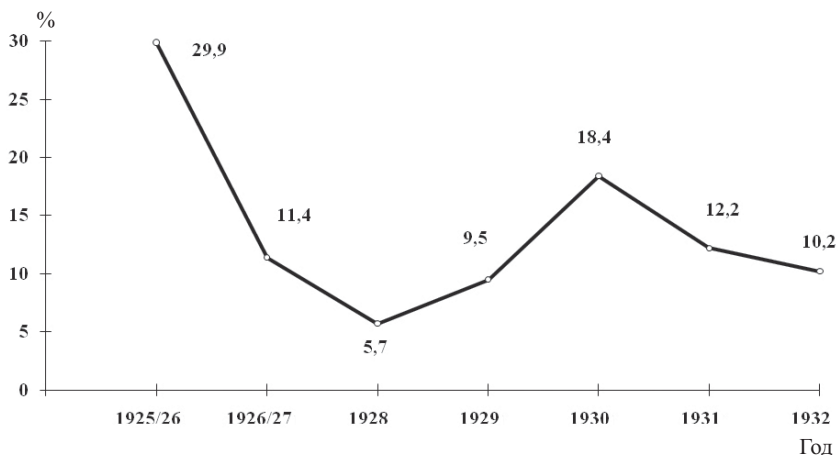

Рис. 10.2. Динамика физического объема национального дохода в 1925/26–1932 г. Рассчитано по: Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969. С. 90–91; Старков П., Неусытин А. Бюджет и народный доход // Плановое хозяйство. 1927. № 10. С. 48; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12.

Показателем инвестиционной активности государственного предпринимательства можно считать темпы изменения бюджетных расходов на народное хозяйство. Они наглядно оформлены рис. 10.3. Динамика бюджетного финансирования экономики вычерчивала кривую, похожую на колебания валового выпуска промышленной продукции. В первой половине изучаемого периода отмечался неравномерный рост обоих показателей. На втором временном отрезке волнообразный контур «подъем – спад» был выражен гораздо отчетливее.

Здесь проявилась закономерность ускоренного вызревания кризисных диспропорций при повышении нормы накопления. Пик инвестиционного напряжения в 1926/27 г. сопровождался замедлением экономического роста. Чрезвычайное увеличение нормы накопления в национальном доходе с 11,3% в 1927/28 г. до 33,7% в 1930 г. и 37,4% в 1931 г. обрушило хозяйственную конъюнктуру. Разбалансированность внутреннего рынка страны, вызванная «перенакоплением» капитала, заставила советское правительство в 1933 г. урезать сумму бюджетных расходов на финансирование народного хозяйства.

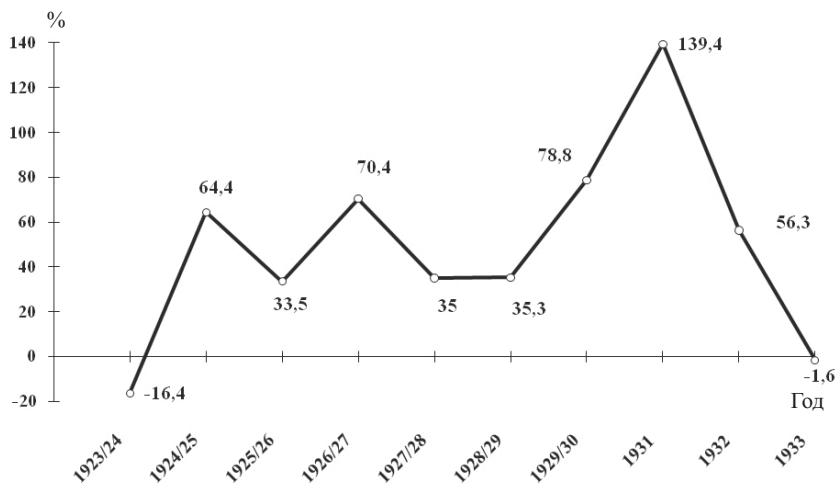

Рис. 10.3 Динамика расходов государственного бюджета на финансирование народного хозяйства в 1923/24–1933 гг. Рассчитано по: *Плотников К. Н.* Очерки истории бюджета советского государства. М., 1955. С. 92, 193 ; *Дьяченко В. П.* История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978. С. 176, 302; История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 2. М., 1976. С. 132.

Тенденция уменьшения валового сбора зерна просматривается по столбцам диаграммы на рис. 10.4.

Среднегодовой сбор хлеба в 1928–1933 гг. был равен 722,2 млн ц и явно уступал уровню предшествовавших пяти лет – 743,4 млн ц. Нисходящий тренд урожаев зерновых культур был связан с графиком нагнетания капиталовложений. «Коэффициент инвестиционного, рыночного напряжения» преодолел в 1928 г. черту, за которой начиналась отрицательная динамика объема производства в некоторых отраслях потребительского профиля: легкой, пищевой промышленности, сельском хозяйстве.

Интенсивный приток капитала в тяжелую индустрию подерживался за счет его изъятия из других сфер хозяйственной деятельности. Оборотные фонды легкой промышленности уменьшились после отказа от широкомасштабного импорта хлопка и шерсти ради ввоза черного и цветных металлов. В аграрном сек-

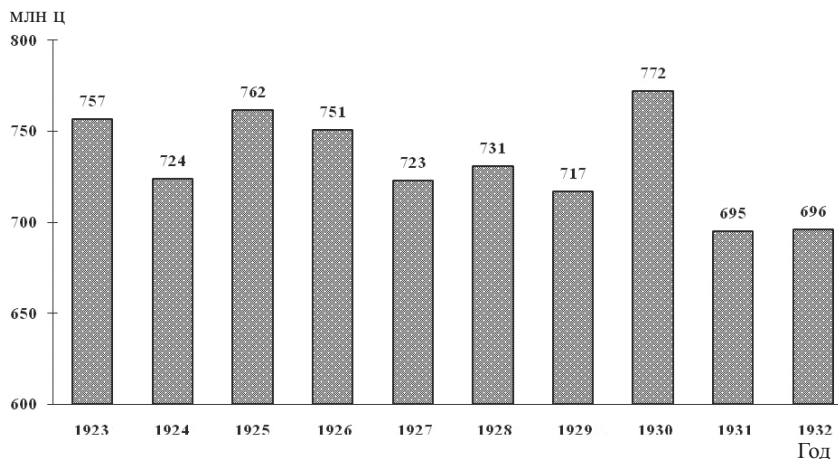

Рис. 10.4. Валовой сбор зерна в 1923–1932 гг., млн р. Сост. по: Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11–12. С. 116 ; Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1928). М., 1928. С. 112, 127 ; Эллман М. Обеспечил ли прибавочный продукт сельского хозяйства увеличение капиталовложений в СССР во время первого пятилетнего плана? // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 95.

торе происходило прямое уничтожение основного капитала. Стоимость убыли скота за 1928–1931 гг. оценивалась в 1,8 млрд руб.²

Указанные потери ресурсов были прямыми дезинвестициями из соответствующих отраслей. В основной капитал превращались текущие элементы воспроизводства, в частности средства не индексируемой заработной платы. По мере увеличения доли сбережений и накопления в национальном доходе реальное содержание зарплаток и уровень потребления граждан ухудшались. В 1931–1932 гг. «сопротивление социально-экономической материи» вполне закономерно достигло порогового значения терпимости. Началось падение производительности труда в государственной промышленности. Текучесть кадров на социалистических предприятиях обрела качественно новое состояние: наемные работники в массовом порядке стали покидать фабрики, заводы, стройки.

² См.: Барсов А. А. Баланс между городом и деревней. М., 1989. С. 85.

Повышение цен в 1932 г. легализовало экономический кризис. Оно приостановило инвестиционную интервенцию казенного предпринимательства, сжав покупательную способность денежного фонда накопления.

Степень «перегрева» конъюнктуры зависела от участия отечественного хозяйства в международном разделении труда. Геополитические компоненты государственного предпринимательства, опиравшегося на аграрно-сырьевой экспорт, по-своему формировали среднесрочный цикл нэпа. Перепад объема хлебного экспорта отражает диаграмма на рис. 10.5.

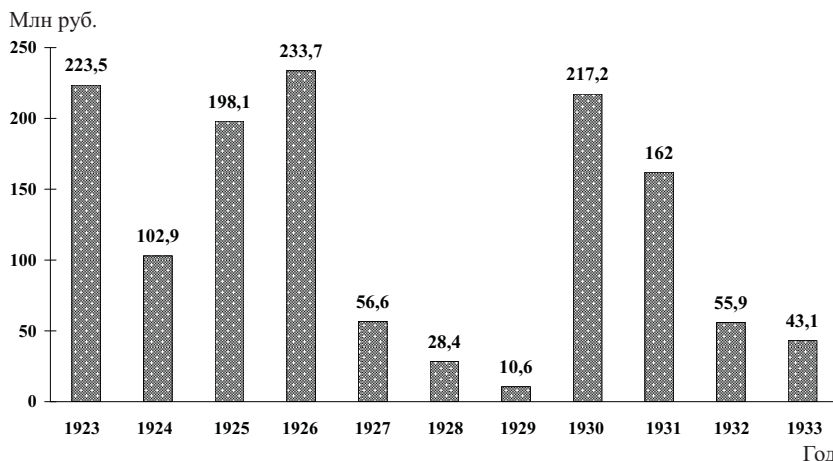

Рис. 10.5. Экспорт зерна в 1923–1933 гг. Сост. по: *Кауфман М.* Итоги и перспективы внешней торговли // *Плановое хозяйство.* 1929. № 4. С. 81 ; *Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг.* М., 1960. С. 110, 144.

Здесь зримо выделяются две полосы напряженного вывоза зерна на мировой рынок: 1923–1926 гг. и 1930–1931 гг. На протяжении всего реконструктивного цикла прослеживалась устойчивая связь между урожаем зерновых культур, экспортом хлеба, накоплением капитала и динамикой промышленного производства. Эта специфическая закономерность циклического роста дореволюционной российской экономики сохранилась и в качестве модели развития «нэповского» хозяйства.

Взаимосвязь колебания конъюнктуры внешнего и внутреннего рынков СССР видна на рис. 10.6.

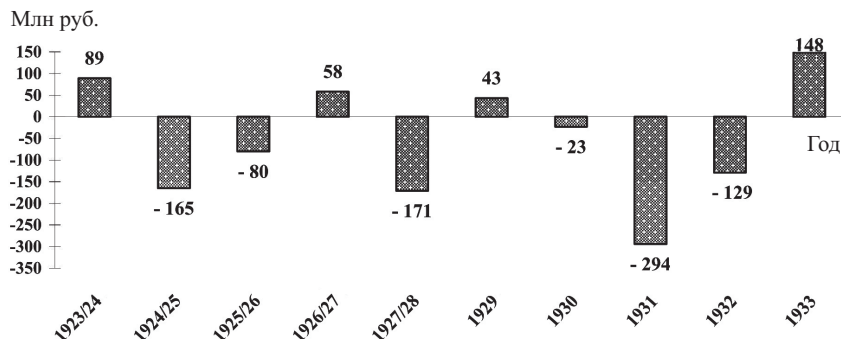

Рис. 10.6. Сальдо баланса внешней торговли в 1923/24–1933 гг. Сост. по: *Кауфман М.* Указ. соч. С. 81, 86 ; *Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг.* С. 13

Превышение импорта над экспортом было характерно для промышленного подъема 1924/25–1925/26 гг. и 1930–1931 гг. Внешнеэкономические условия сыграли свою роль в завершении второй стадии среднесрочного цикла нэпа. Для увеличения импорта были использованы благоприятные возможности снижения мировых цен на промышленные изделия и щедрое кредитование закупок. Обильный ввоз иностранных продуктов партийно-хозяйственной бюрократия пыталась компенсировать разорявшим казну и население вывозом все дешевлешего хлеба. Свертывание международной торговли и обесценение нашего экспорта уменьшили валютные инвестиционные ресурсы государственного предпринимательства. С 1932 г. началось кризисное падение внешнеторговых операций Советского Союза.

Показатели денежно-товарного обращения графически отобразили на рис. 10.7 два узловых пункта в развитии конъюнктуры нэпа – 1925/26 г. и 1930 г. Оба они совпадали с резкими взлетами денежной эмиссии.

Отношение среднегодовой денежной массы к объему розничного товарооборота – показатель, обратный скорости обращения денег.

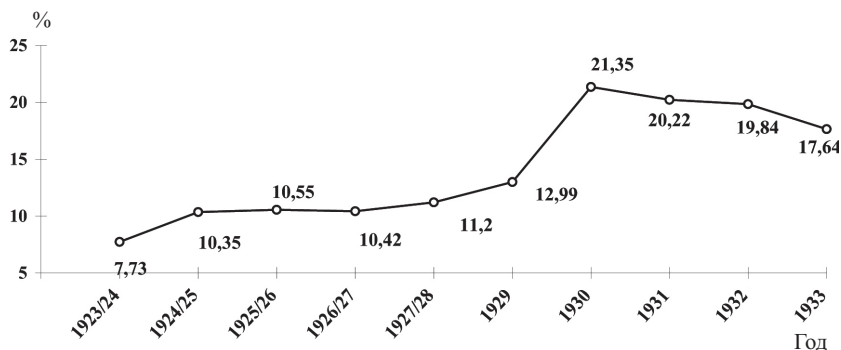

Рис. 10.7. Отношение количества денег в обращении к объему розничного товарооборота в 1923/24–1933 г. Рассчитано по: Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 133, 150, 404 ; Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. С. 115 ; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126–127.

Его увеличение означает, как правило, ухудшение состояния товарно-денежного обмена и может интерпретироваться как замедление хождения рублей, нарастание продуктового дефицита или оседание на руках «неотоваренных» монет и бумажных купюр, избыточный выпуск наличных денежных знаков по сравнению с товарными ресурсами розничной торговли.

Первый пик, 1925/26 г., знаменовал собой приближение к пределам восстановительного подъема и восполнения оборотного капитала предприятий. Второй пик, 1930 г., говорил о пороге инвестиций в основную капитал индустрии. Конъюнктурный цикл нэпа перешагнул через два порога насыщения розничного товарооборота деньгами: первый – на уровне примерно 10%, второй – на вдвое большей отметке. Повышение цен в 1931–1932 гг. и изъятие денег из обращения в 1933 г. несколько «нормализовали» соотношение товарной массы и количества эмитированных денежных знаков.

Циклический подъем обычно сопряжен с обретением неизведанных рынков сбыта отечественных товаров, техническим прогрессом промышленности. Первый «подцикл» эпохи нэпа был обусловлен воссозданием структуры и емкости внутреннего рынка страны и возвращением ее на международные рынки продоволь-

ственно-сырьевых продуктов. Второй «подцикл» отличался фундаментальным техническим переоснащением советского хозяйства, формированием обширного рынка промышленной продукции. Массовый импорт высокотехнологичных изделий и современных технологий заложил предпосылки дальнейшей индустриализации Советского Союза на собственной базе.

В процессе социально-экономических реформ управленцы высшего звена создали механизм чрезвычайной мобилизации ресурсов на инвестиционные нужды государственного предпринимательства, позволивший качественно изменить важнейшую макроэкономическую пропорцию между потреблением и накоплением. Создание системы государственного директивно-планового управления перевело экономику в инвестиционно-мобилизационный режим функционирования. До того государственный аппарат прибегал к широкомасштабному плановому регулированию российского хозяйства и ограничению потребления граждан в годы Первой мировой и Гражданской войн. Норма сбережения в национальном доходе, колебавшаяся в мирное время в интервале 8–9%, в эпоху военного коммунизма достигала 50%. Приближение к такому пороговому уровню сопровождалось деградацией и натурализацией экономики страны. В 1930 г. норма сбережения превысила 25% пороговый уровень, совместимый с экономическим ростом. В 1932 г. удельный вес фонда накопления в национальном доходе составил 37,4%, превысив более чем в 4 раза средний российский уровень, характерный для условий мирного рыночного хозяйства со свободным частным предпринимательством. Качественное изменение пропорции между потреблением и сбережением национального дохода было связано с ликвидацией свободного частного предпринимательства и преобразованием многоукладного хозяйства в казенно-кооперативную экономику.

Подводя итоги обзора конъюнктуры нэпа, можно констатировать, что официальное окончание первой пятилетки в 1932 г. было вызвано кризисными потрясениями хозяйства СССР. Скопившиеся диспропорции фактически остановили экономический рост державы. Потребовалась передышка перед стартом очередного инвестиционного цикла. Для резюме первой пятилетки подходят

слова Ф. Броделя: «Государство было <...> сильнее общества <...> но не сильнее экономики»³.

«Преодоление» нэпа было не только завершающей фазой среднесрочного колебания конъюнктуры, но и переломным моментом большого, полувекового, цикла хозяйственного развития. Понижительная, неблагоприятная стадия большого цикла началась вместе с Первой мировой войной; о том писал автор концепции больших циклов Н. Д. Кондратьев еще в 1925 г.⁴ Поэтому хронологически новая экономическая политика руководства СССР окончилась на исходе очередной длинной волны.

В сумрачные времена, на стыке пятидесятилетних циклов, хозяйство ведущих стран планеты, помимо их прихоти, «катится под откос» конъюнктуры и вязнет в «трясине» длительного структурного кризиса. С 1929 г. государства с мощной рыночной экономикой угодили в историческую полосу, которую уважительно нарекли Великой депрессией. В этом смысле отказ от нэпа был объективно обусловлен и предопределен.

Реформирование отечественной экономики было естественной реакцией правящей власти на обстановку структурного кризиса, в котором оказался Советский Союз в 1929 г., и осуществлялось на «разломе» больших циклов. Дальнейшее функционирование казенного предпринимательства в «традиционно-рыночном» режиме нэпа не способно было развязать узел острейших социально-экономических противоречий.

В ходе реформ начала 30-х гг. был создан хозяйственный механизм, позволивший решать структурные проблемы, пусть даже не оптимальными средствами. Прежде всего, удалось наладить крупномасштабное инвестирование в передовые отрасли индустрии и обеспечить положительные сдвиги в межотраслевых пропорциях. За годы первой пятилетки удельный вес промышленности в валовой продукции СССР вырос с 51 до 70,7%, а доля сельского хо-

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация экономики и капитализм, XV–XVIII в. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 49.

⁴ См.: Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925. Т. 1, вып. 1. С. 45.

зйства уменьшилась с 49 до 29,3%⁵. Это изменение отраслевой структуры совершилось не только за счет подъема индустрии, но и по причине учиненного развала аграрного сектора, тем не менее оно все-таки символизировало собой качественную трансформацию отечественной экономики из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную.

При помощи интенсивных капиталовложений государство справилось с хронической структурной безработицей: трудоустроило городских жителей и минимизировало аграрное перенаселение провинции. Коллективизация крестьян заложила предпосылки перехода от животноводческого возделывания земли к механической обработке почвы, создала условия для высвобождения работников в деревне и их миграции в города на промышленные предприятия и строительные объекты.

Следует признать объективно обусловленным ряд процессов, характерных для структурной реконструкции экономики. Так, стагнация или кризисное сокращение хозяйственной деятельности в традиционных отраслях – легкой, пищевой промышленности, земледелии, животноводстве – вызывались тем, что они служили источником финансовых, трудовых и материальных ресурсов для новорожденных перспективных областей предпринимательства.

Расстройство наличного и безналичного рублевого обращения было не просто свидетельством экспансионистских устремлений высших кругов политико-экономической бюрократии, оно отражало реальные тенденции свертывания торговли на международном и внутреннем рынках. Твердые и устойчивые денежно-валютные системы «здравствуют» на повышательных волнах больших циклов, а эпоха нэпа разместилась на понижательной фазе кондратьевского цикла.

Резкое падение реальных доходов и уровня жизни населения было также признаком наступления структурного кризиса. Без повышения доли сбережений и накоплений в национальном доходе формирование новых сфер занятости трудовых ресурсов было бы

⁵ См.: Локшин Э., Виклин С. На путях социалистической индустриализации // Плановое хозяйство. 1932. № 6–7. С. 36; История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 3. М., 1976. С. 111.

долгим и утомительным. Скоротечностью указанных процессов во многом объяснялась чрезмерная конфликтность взаимоотношений социальных групп.

Завершение нэпа можно квалифицировать как попытку выхода из структурного кризиса, ибо в это время произошло изменение социальной стратификации граждан, механизма регулирования хозяйства, межотраслевых пропорций, уровня макроэкономического равновесия и качества экономического роста.

В 30-е гг. XX в. набрала мощь общемировая тенденция усиления роли государства в экономике. Таково было веление времени; иначе нельзя было преодолеть затянувшуюся депрессию. Реализация этой закономерной тенденции в нашей стране привела к тому, что положение казенного предпринимательства стало почти всеобъемлющим. Государственный аппарат «отредактировал» правила «рыночной игры», поскольку неотложные преобразования требовали пересмотра сложившихся механизмов согласования экономических интересов. Окончательное становление «на закате» нэпа директивно-плановой парадигмы хозяйствования было исторически обусловленным ответом на возникновение структурного кризиса в конце очередного большого цикла конъюнктуры.

Глава 11

Закономерности системных преобразований российского хозяйства в XX веке: становление и перестройка директивно-плановой экономики

Материалы настоящего исследования могут способствовать формированию стратегии социально-экономического развития России в XXI веке. Они позволяют решать методологические, теоретические и практические проблемы экономической науки. Обновление методологии экономической теории дает возможность уточнить концептуальное видение истории России, правильнее оценить нынешние тенденции ее развития.

В современной истории индустриальной экономики России можно выделить три типа периодов развития государственного предпринимательства. Стабильно развивающееся, устойчивое государственное предпринимательство имело место после отмены крепостного права в 1861 г. и до начала Первой мировой войны в 1914 г., а также с момента окончания первой пятилетки и завершения в основном коллективизации крестьянства в 1932 г. и до развертывания рыночных реформ в 1989 г. Второй тип развития – чрезвычайная трансформация государственного предпринимательства – отмечался с Первой мировой и Гражданской войн до перехода к нэпу в 1921 г., когда происходило замещение частного предпринимательства казенным, и в 1989–1998 гг.,

когда государственное предпринимательство интенсивно преобразовывалось в частное. Третьей разновидностью эволюции государственного предпринимательства была его реконструкция в годы нэпа, т.е. в 1921–1932 гг.

Чередование периодов длительного спада и подъема в российской экономике совпадало с изгибами в тенденциях казенного предпринимательства, что свидетельствует об их тесной взаимобусловленности. Государственная власть уступала натиску объективного стечения обстоятельств и приспособлялась к серьезным переменам конъюнктуры. В то же время правительственные мероприятия оказывали прямое влияние на пульсацию хозяйственной жизни страны, определяли размах и частоту конъюнктурного колебания. Кроме того, высшее политико-хозяйственное руководство по собственному почину перекраивало систему рыночного регулирования, изменяло «правила игры» – правовые нормы и обычаи – в экономике. Всякий раз коренное обновление правительственной стратегии намечало перелом в долгосрочных тенденциях развития экономики. Процессы реформации выполняли функцию «стрелок», переводивших хозяйство страны с «пути» повышательной волны конъюнктуры на «путь» понижательной волны, и наоборот.

На протяжении изучаемого исторического горизонта прослеживалось закономерное чередование асимметричного, созидательного и разрушительного воздействия государственного предпринимательства на российское хозяйство. В периоды своего устойчивого функционирования государственное предпринимательство было инициатором и стабилизатором экономического роста страны, компенсируя среднесрочное колебание конъюнктуры бюджетными расходами. Созидательное воздействие государства на экономику приносило многолетний положительный эффект, который сдерживался лишь ограничением ресурсов. Напротив, экстраординарное, деструктивное давление правящей власти на хозяйство было более интенсивным, сжатым во времени и имело гораздо более высокий темп негативных изменений. Радикальные перемены государственного предпринимательства сопровождались изменением уровня и механизмов поддержания макроэкономического равновесия.

Периоды устойчивого функционирования государственного предпринимательства характеризовались рядом закономерностей – повторяющихся при определенных условиях причинно-следственных связей. Правящая власть реализовывала стратегию индустриально ориентированного экономического роста, усиливавшую ее финансовую мощь и социально-политическое влияние. Индустриализация страны повышала денежные доходы граждан и предприятий, увеличивала поток налоговых платежей в бюджет. Экономический подъем консолидировал общество даже при подчинении интересов большинства населения выгодам корпоративного сектора.

Осуществление правительством долгосрочных масштабных инвестиционных проектов расширяло емкость внутреннего рынка. Практика солидных государственных заказов содействовала становлению современной тяжелой индустрии в виде крупного, высококонцентрированного производства. Бюджетная система была приспособлена для перераспределения средств в отрасли группы «А» и отличалась преобладанием косвенного налогообложения, высоким удельным весом доходов от казенного производства, от использования государственных монополий и имущества, а также относительной независимостью от среднесрочных перепадов конъюнктуры. Высшее руководство страны сдерживало личные доходы людей, рост потребительского сектора в народном хозяйстве с целью высвобождения и инвестирования ресурсов в тяжелую промышленность гражданского и военного назначения. По тем же соображениям устанавливался и порядок внешнеэкономических связей.

Периоды стабильного развития государственного предпринимательства в рамках одной хозяйственной парадигмы продолжались немногим более полувека (1861–1913 гг. и 1933–1989 гг.), т.е. были соизмеримы с длинными волнами. Они включали в себя фрагменты понижательных фаз больших циклов (общей протяженностью 25–30 лет), отличавшихся неустойчивым ростом, депрессивным состоянием экономики, и повышательные фазы больших циклов (в интервале 25–30 лет), демонстрировавшие бурный хозяйственный подъем. Повышательные фазы были связаны с

государственной поддержкой освоения нового технологического уклада, колонизации и урбанизации малообжитых территорий, массовых миграций населения в места создания дополнительных рабочих мест, с проведением денежных реформ в 1897 г. и в 1947 г.

Периоды чрезвычайной трансформации (в 1914–1921 гг., 1989–1998 гг.) и реконструкция (в 1921–1932 гг.) государственно-предпринимательства располагались на отрезках понижательных фаз длинных волн. Кризисное разрушение хозяйственной парадигмы предшествовавшего большого цикла шло параллельно с возникновением новых элементов равновесного регулирования экономики. Однако становление очередной парадигмы хозяйствования и соответствующей модели государственного предпринимательства завершалось после восстановления положительной макроэкономической динамики и институциональных реформ.

Эволюция казенного ведения дел в отечественной экономике была сопряжена с существованием трех видов среднесрочных циклов: инвестиционных, реконструктивных и дезинвестиционных. Инвестиционные циклы отмечались в периоды стабильного развития государственного предпринимательства, поскольку нормально протекали процессы сбережения и вложения капитала. Так, в директивно-плановой системе хозяйства действовал специфический механизм генерирования инвестиционных циклов в условиях «естественного», хронического товарного дефицита.

Реконструктивный цикл периода нэпа характеризовался «двух-волновым» трендом «подъем – спад». Отличием первой волны цикла было преимущественное инвестирование в элементы оборотного капитала при относительном избытке бездействовавших производственных мощностей. Восстановление государственной властью элементов прежней хозяйственной парадигмы, межотраслевых пропорций и экономический рост поддерживали друг друга. Вторая волна была следствием принудительного накопления, проводимого государственным предпринимательством. Чрезмерное казенное инвестирование сопровождалось перестройкой и разрушением рыночных регуляторов и отраслевой структуры, замедлением хозяйственного развития.

Комплекс реформ начала 1930-х гг. означал завершение новой экономической политики. Преобразованию подверглись все содержащиеся в национальном хозяйстве типы рынков: товаров, труда, денег и капитала. Перечень процессов реформации точно совпадал с названной классификацией рынков.

Реформа управления казенной промышленностью, коллективизация сельского хозяйства, кооперирование кустарей и ремесленников изменили ситуацию и механизм регулирования оборота на товарном рынке. Директивно-плановая система руководства экономикой стала почти всеобъемлющей. Государственная политика фиксированных оптовых и розничных цен выключила ценообразование из механизма выравнивания спроса и предложения. Единственным подвижным параметром на товарных рынках с твердыми ценами оставался объем производства (продаж). Такое положение устраивало социальную прослойку бюрократии, всегда жаждущую упрощения, унификации и стабильности.

В то же время до крайности дошло обособление рынка продукции производственного назначения от рынка потребительских товаров. Каждый сегмент отличался порядком планового предложения и распределения ресурсов и продуктов, своей моделью ценообразования, определявшей уровень и структуру цен, процедурой оплаты покупаемых товаров. Ценовые пропорции использовались для переброски ресурсов в тяжелую индустрию из аграрного сектора, отраслей-изготовителей ширпотреба и личных доходов граждан.

Указные цены погасили стремление казенных и кооперативных предприятий к максимизации прибыли, ликвидировали коммерческий расчет, видоизменили конкуренцию. Ведущим мотивом хозяйственной деятельности промышленников и торговцев стало выполнение плановых заданий, «спущенных сверху». Рыночное предложение зависело не столько от объема ненасыщенного покупательского спроса, сколько от планов изготовления продукции.

Сохранение твердых цен избавляло правительство от необходимости индексировать доходы работников, пособия и выплаты нетрудоспособным людям. Создавалась видимость надежной со-

циальной защиты населения. При неизменных ценах возникал эффект устойчивости национальной валюты, и можно было покрывать непомерные государственные расходы эмиссией бумажных денег.

Однако в обстановке жесткой, централизованной регламентации цен неизбежно нарастал отложенный, неудовлетворенный спрос покупателей. Чтобы уменьшить его давление, руководство страны вынужденно мирилось с базарной торговлей по гибким, равновесным ценам и подражало ей в коммерциализации части обобщественных магазинов.

Фиксированные цены обуславливали низкие ставки заработной платы и закладывали предпосылки солидного накопления капитала в системе государственного предпринимательства. Рынок труда характеризовался массовым предложением дешевой рабочей силы, прибывавшей из сельской местности и домашнего хозяйства. Она использовалась полностью, но отнюдь не эффективно. При неэластичных размерах оплаты труда наемных работников переменным параметром регулирования рынка труда была занятость населения.

Отсутствие безработицы не было признаком благополучия на рынке трудовых ресурсов. Запрещение частного предпринимательства позволило политико-хозяйственной бюрократии ограничить заработную плату текущим потреблением работников, исключить возможность накопления ими собственного капитала. Понижение реальной оплаты труда, с одной стороны, заставляло гораздо большее количество людей, особенно женщин и подростков, искать работу, с другой стороны, создавало избыточный спрос предприятий и учреждений на рабочие руки.

Тарифная реформа внесла некоторую упорядоченность в функционирование рынка труда. Она сориентировала миграцию работников на сферы деятельности, связанные с индустриализацией державы. Были усилены стимулы к повышению квалификации и производительности труда. Но зарплата так и не стала регулятором рыночного равновесия спроса и предложения рабочих рук.

До кредитной реформы на денежном рынке неоднократно отмечался коренной переворот. Так, в 1926 г. был запрещен свобод-

ный обмен рублей на золото, иностранные купюры, а также и прекращена котировка советского червонца на зарубежных биржах. Условный валютный курс червонца дополнился нормированным распределением заграничной валюты. Слияние банковской и бюджетной эмиссии стерло различие между банкнотами и казначейскими билетами, ссудами банка и необеспеченным государственным заимствованием. Перевод предприятий с коммерческого на хозяйственный расчет нейтрализовал регулирующую функцию банковского процента. Ради выполнения плана директорский корпус привлекал требуемое количество кредитных ресурсов, невзирая на уровень уплачиваемых по ссудам процентов. Это создавало ситуацию избыточного спроса на деньги.

Вместе с отменой коммерческого кредита банковская сеть распространилась с гибким регламентированием условий выдачи ссуд, ибо определение учетной ставки по операциям с векселями оказалось теперь ненужным. С денежного рынка исчезло долгосрочное кредитование. Учреждения Госбанка сосредоточились на краткосрочном кредитовании, т.е. на циркулировании ликвидных, платежных средств.

Государственный банк СССР будучи в одном лице эмиссионным органом и системой кредитования превратился в расчетно-кассовый центр отечественной экономики. Налично-денежное обращение, которое обеспечивало сферу личных доходов и куплю-продажу потребительских благ, было отделено от безналичных перечислений, обслуживавших остальной хозяйственный оборот. В таких условиях денежный рынок регулировался решениями финансово-кредитных органов, поскольку обращение денег пассивно приспособлялось к потребностям торгового обмена и платежного оборота. Функционирование денежного рынка управлялось не ставкой банковского процента или другими инструментами тонкой настройки кредитно-денежной сферы, а эмиссиями или изъятием денег из обращения.

Налоговая реформа и конверсия государственных займов преобразили рынок капитала. При помощи налога с оборота и налога на прибыль финансовое ведомство собирало в своих фондах почти весь общественный прибавочный продукт. Подавляющая его доля

тратилась на развитие хозяйства в виде беспроцентных и безвозмездных субсидий. Авансируя самих себя, государственные управленческие структуры перестали начислять проценты на вклады-ваемый капитал, заменив долгосрочное кредитование бесплатным ассигнованием из бюджета. Под символический процент распространялись облигации государственных займов, превращенных в бессрочный долг правительства народу.

Ресурсы капитала лишились своей нормальной цены – процента. Их распределение осуществлялось в обстановке избыточного рыночного спроса на дешевые инвестиции. Состояние «фондового рынка» определялось не нормой прибыли на вложенный капитал, а размером государственного ассигнования из бюджета. Хозяйственные ведомства делили единый фонд капиталовложений в соответствии с собственной экономической мощью и политическим влиянием.

Твердо установленные цены, ставки заработной платы, проценты за кредит поддерживали покупательную способность рубля. Деньги выполняли функцию условной счетной единицы. Такая стабильность благоволила инвестиционной активности государственного предпринимательства, но снижала способность экономики к гибкой самонастройке. Возрастала вероятность длительного несовпадения спроса и предложения. При фиксированных оптовых и розничных ценах важнейшим параметром в казенном хозяйстве оставался объем производства товаров и услуг. Поэтому планирование выпуска продукции по отраслям и предприятиям было стержнем централизованного руководства.

Директивно-плановая система трансформировала рыночное хозяйство, став его оригинальной разновидностью. Относительно устойчивыми параметрами в советской экономике были товарные цены, заработная плата, банковский процент, норма прибыли. Равновесие на рынках товаров, труда, денег и капитала регулировалось соответствующими подвижными показателями: объемом производства (продаж) продукции, занятостью работников, денежной массой в обращении и капитальными вложениями. Экономический рост обеспечивался интенсивным государствен-

ным инвестированием, переступавшим за грань инфляционной загрузки производственных мощностей предприятий и создававшим ситуацию хронического избыточного спроса на факторы производства и продукты.

Советская директивно-плановая экономика развивалась в условиях «естественного», хронического товарного голода. Степень дефицитности продуктов изменялась периодически (циклически): нарастала по мере подъема конъюнктуры и уменьшалась с ослаблением инвестиционной активности.

Темпы экономического роста падали вместе с распространением недостатка товаров. Относительное перепроизводство средств производства по сравнению с выпуском предметов потребления проявлялось в «извращенной» форме их чрезвычайной нехватки, в диспропорциях между отраслями, между спросом и предложением продуктов. При достижении критической черты дефицитности ресурсов и межотраслевой диспропорции рост производства иссякал.

Выходом из кризисной ситуации служил всеобщий пересмотр некоммерчески заниженных цен в сторону повышения. Эта мера возвращала на рынок временное, относительное равновесие, снимала напряжение бестоварья и открывала дорогу для движения по очередному циклическому подъему хозяйственной конъюнктуры. Периодический широкомасштабный пересмотр оптовых цен и тарифов проводился в 1936, 1939, 1949–1955, 1966–1967, 1973–1974 гг. и 1982 г., а также определял среднесрочный ритм жизни отечественного хозяйства в течение полувека. В директивно-плановой экономике функционировал специфический механизм генерирования инвестиционных циклов в условиях хронического товарного дефицита.

Стало быть, советская экономика и соответствующая ей директивно-плановая парадигма оказались способными к самовозобновлению и эволюции в исторической перспективе. Циклическая форма развития воспроизводила исходные предпосылки собственного существования. Товарный дефицит порождался централизованным хозяйственным регулированием – политикой

низких фиксированных цен, инфляционными кредитно-денежными эмиссиями и т.д. В свою очередь, он предполагал директивное управление торговым оборотом, которое лишь на время смягчало нехватку продуктов. Потребность в централизованном плановом руководстве распределением и использованием ресурсов страны сохранялась на всех стадиях периодического колебания экономического роста.

С негативными последствиями директивно-планового управления наше государство спокойно справлялось во времена хорошей конъюнктуры. Но долгосрочный перелом к худшему заставил вносить коррективы в руководство экономикой. Попытки ее реформирования предпринимались неоднократно: в середине 1960-х гг., на стыке 1970–1980-х гг. и, наконец, во второй половине 1980-х гг. Провозглашение политики «перестройки» свидетельствовало об исчерпании резервов роста советской экономики. Триумф и падение парадигмы директивно-планового хозяйствования уместились в один кондратьевский цикл.

Специфику исторического развития российской экономики в XX столетии предопределили два глубочайших кризиса. Оба они были сопряжены с существованием директивно-плановой системы хозяйства. Один кризис был спровоцирован участием России с 1914 г. в Первой мировой войне, продолжался до окончания Гражданской войны в 1920 г. и привел к становлению экономики директивно-планового типа. Истоки другого кризиса обнаружили на исходе 1980-х годов в ходе «перестройки» централизованно управляемой, казенно-кооперативной экономики СССР в смешанное, частногосударственное, конкурентно-рыночное хозяйство. Сравнение социально-экономических потрясений в начале и конце века позволяет лучше понять тенденции хозяйственного развития нашей страны.

Российские реформы конца 1980–1990-х гг. имели много общих моментов с преобразованиями народной жизни периода 1914–1920 гг. Повторяемость событий показывает закономерности перехода от одной парадигмы хозяйствования к другой в условиях революционной ломки всех общественных устоев.

Инициатива процессов системной трансформации исходила от самого сильного субъекта хозяйствования – государства. Экстраординарные, пороговые изменения количества ресурсов, втягиваемых в оборот государственного сектора экономики, сопровождались соответствующими переменами в хозяйственном законодательстве, трудовой этике народа и его социальном расслоении, режиме функционирования регуляторов рыночного равновесия, конъюнктурных колебаниях и фундаментальных условиях общественного воспроизводства. Превышение государственным аппаратом допустимого, порогового воздействия на экономику сопровождалось ее деградацией и приводило к революционной трансформации. Так было в обоих рассматриваемых системных кризисах. Анализ чрезвычайного бюджетного финансирования позволяет понять динамику преобразований хозяйственного строя державы.

Оба системных кризиса имели один и тот же исходный пункт – ослабление бюджета в результате развертывания общегосударственной политики борьбы с пьянством. Антиалкогольные кампании императора России Николая II и Президента СССР М. С. Горбачева сопровождались серьезными преобразованиями в остальных хозяйственных сферах. Они внесли свой вклад в создание предпосылок революционных потрясений, развала и изменения основ государственности, катастрофической деградации отечественной экономики.

После отмены казенной винной монополии и запрета продажи спиртных напитков в августе 1914 г. началось необратимое разрушение бюджета Российской империи. В 1914 г. винная монополия принесла казне 935 млн руб., или 26 % всех обычных доходов. В 1916 г. доход от казенной продажи питей составил около 50 млн руб.¹ Потеря четверти бюджетных ресурсов в условиях возраставших военных расходов не сулила ничего хорошего.

Об изменениях государственного бюджета России в годы войны по сравнению с мирным, предвоенным периодом говорят данные табл. 11.1.

¹ См.: *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 553, 562.

Таблица 11.1

**Основные финансовые и кредитно-денежные показатели России
в 1911–1917 гг.**

Показатель	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
Обычные доходы бюджета, млн руб.	2 952	3 106	3 240	3 521	2 898	4 154	–
Обычные расходы бюджета, млн руб.	2 536	2 722	3 012	3 302	3 408	4 236	–
Чрезвычайные доходы бюджета*, млн руб.	–	–	–	1 438	10 302	9 566	–
Чрезвычайные расходы бюджета, млн руб.	310	449	238	1 656	8 815	14 553	40 000
Сальдо бюджета, млн руб.	106	– 65	– 10	1	977	– 5 069	–
Количество наличных денег в обращении, млн руб. (на конец года)	2 100	2 244	2 393	3 675	6 397	9 992	28 378
Среднегодовой индекс оптовых цен, 1910 = 100	101,6	107,9	107,0	108,1	139,1	217,2	720,1

Примечание. *Внутренние и внешние займы, средства банков, правительственных и общественных учреждений. Рассчитано по: *Вавилин И. П.* Иностраннный капитал в России. Л., 1925. С. 35 ; *Пасвольский Л., Моультон Р.* Русские долги и восстановление России. М., 1925. С. 61 ; Статистический ежегодник на 1914 год. СПб., 1914. С. 356, 357, 358, 359, 468, 617 ; *Первушин С. А.* Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 166, 221 ; *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 12, 16, 71.

Если в 1914 г. правительство успешно справилось с военными расходами, то в 1915 г. состояние казенных финансов стало критическим. В 1916 г. затраты царской власти на войну превысили пороговый уровень. После этого началось разрушение бюджетной сферы, и функционирование отечественной экономики перешло в режим деградации и распада. Роспись бюджета 1917 г. предусматривала все выплаты казначейства в сумме 24 млрд бумажных руб., но фактические расходы достигли почти 40 млрд руб.² В 1918 г. денежное исчисление и планирование бюджета потеряли всякий смысл.

² См.: *Пасвольский Л., Моультон Р.* Русские долги и восстановление России. М., 1925. С. 62.

На основе статистических данных можно приблизительно оценить параметры предельной нагрузки расходов на бюджетные ресурсы. В 1916 г. непокрытый кассовый дефицит российского бюджета превысил величину обычных доходов от налогов, пошлин, государственных регалий, имущества и т.п. Этот факт допустимо интерпретировать как переход в новое качественное состояние государственных финансов.

Другим параметром, характеризующим финансовую ситуацию в экономике, можно считать отношение бюджетного дефицита к сумме валового национального продукта (дохода). Величина последнего в 1916 г., по экспертным оценкам³, составляла 80–90% от довоенного уровня в 16 млрд руб. золотом⁴. Скорректированный по индексу оптовых цен ВВП в 1916 г. исчислялся в интервале 27,8–31,2 млрд бумажных руб. Следовательно, отношение «чистого» дефицита государственного бюджета к ВВП составило 16,3–18,2%, а отношение всех необеспеченных традиционными финансовыми ресурсами расходов к ВВП – 46,9–52,6%.

На финансирование военных нужд обычных доходов не хватало, поэтому царское правительство активно использовало внутренние и внешние займы, эмиссию денежных знаков. В 1916 г. уже средств государственного кредита оказалось мало для оплаты военных приготовлений, и выпуск необеспеченных денег превратился в важнейший источник казенных расходов. Поток излишних денег поднимал волны инфляции. В этих условиях извлечение ресурсов при помощи эмиссии зависело от соотносительной динамики количества денег в обращении и цен. В 1916 г. темпы роста оптовых цен сравнялись с темпами роста наличной денежной массы и перегнали их. Эффективность эмиссионных операций заметно снизилась, а кризисное падение экономики ускорилось.

³ Показатели промышленного производства в 1916 г. по отдельным видам колебались в интервале 69–118% (см.: *Первушин С. А.* Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 221). Валовой сбор зерна в 1916 г. составил 72% от среднего уровня 1909–1913 гг. (см.: *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 126).

⁴ См.: *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 12.

Тенденция к упадку производительных сил страны зародилась вскоре после объявления кампании 1914 г. Обстоятельства военного времени положили начало процессам, которые влияли друг на друга и усиливали совокупное действие. Содержание от мобилизованной армии и субсидирование оборонно-промышленного комплекса требовали таких огромных затрат, что не покрывались обычными доходами бюджета. Правительству приходилось расширять свое вмешательство в экономику, чтобы добыть недостающие средства и свести концы с концами казначейского баланса.

Плачевное состояние финансов, директивное управление, займы и эмиссии разрушали традиционный механизм самонастройки российской экономики, изживали частную инициативу и рыночные методы регулирования. Инфляция в сфере денежного обращения разрывала многие товарно-торговые связи и, как следствие, ускоряла падение объемов производства. Исеякали запасы основного и оборотного капитала. Обесценивались денежные доходы, и казна вновь возвращалась к исходной ситуации бюджетного дефицита.

Все перечисленные процессы поддерживали и взаимно обуславливали друг друга, образуя замкнутый круг. Сокращение притока ресурсов всякий раз поощряло государство еще глубже «залезать в карман» народа и ужесточать воздействие на экономику. Дальнейшее истощение стратегических резервов и потеря управляемости в народном хозяйстве открывали очередной цикл развития тенденции к всеобщему огосударствлению. Количественные изменения в экономике достигали пороговых значений и вызывали трансформацию хозяйственного механизма, социальной структуры, динамики конъюнктуры. Узловым пунктом оказалось предельное увеличение бюджетных расходов в 1916 г. Переступив этот «порог», самодержавие подорвало собственную финансовую базу и «пустило под откос» отечественную экономику. Процессы ее развала стали необратимыми на несколько лет вперед. Утрата финансового господства влекла за собой крушение политической власти в 1917 году.

По схожему сценарию чрезвычайного бюджетного финансирования развивался «революционный кризис» в СССР 70 лет спустя.

Макроэкономические параметры перехода от директивно-плановой экономики к рыночному хозяйству на рубеже 1980–1990-х гг. отражены в табл. 11.2.

Таблица 11.2

**Основные финансовые и кредитно-денежные показатели СССР
в 1985–1990 гг. и России в 1991–1992 гг.**

Показатель	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992
Валовой внутренний продукт (ВВП), млрд руб.	777,3	799,1	825,9	875,5	938,7	958,2	1300,1	18086,0
Доходы бюджета, млрд руб.	367,7	366,0	360,1	365,1	384,9	410,1	316,4	5693,8
Расходы бюджета, млрд руб.	386,0	415,6	429,3	445,9	465,1	485,6	731,5	9754,5
Кассовый дефицит бюджета, млрд руб.	18,3	49,6	69,2	80,8	80,2	75,5	415,1	4060,7
Наличные деньги в обращении (M0), млрд руб.	70,7	72,7	77,6	85,8	100,4	122,7	126,1	940,5
Денежная масса в обращении (M2), млрд руб.	377,0	393,2	439,4	502,5	575,4	663,1	750,2	4087,4
Индекс оптовых цен промышленности	100,0	101,0	101,5	102,4	104,1	107,3	255,3	5231,0
Индекс потребительских цен	100,0	101,3	102,8	103,6	106,5	113,8	305,0	7954,0

Рассчитано по: *Илларионов А.* Попытки проведения политики финансовой стабилизации // *Вопр. экономики.* 1995. № 7. С. 22, 23, 25.

Финансовая опора правительства М. С. Горбачева – Н. И. Рыжкова начала расшатываться антиалкогольной кампанией в 1985 г. Сокращение притока акцизных налогов от продажи вино-водочной продукции резко снизило обычные доходы государственного бюджета. Развертывание в неблагоприятной обстановке инвестиционной политики «ускорения» и переоснащения машиностроительного комплекса вызвало хронический дефицит в казенных финансах. Его усугубили расходы на ликвидацию последствий чернобыльской аварии и землетрясения в Армении, падение доходов от экспорта энергоносителей и пр.

Кассовый разрыв между расходами и доходами государства возрастал абсолютно и относительно, достигая 10% валового внутреннего продукта. Бюджетная «недостача» покрывалась в основном привлечением кредитных ресурсов. Расплатой за финансовую экспансию было увеличение количества денег в обращении – агрегатов М0 и М2, а также «ползучий» рост цен и обострение товарного дефицита в стране. Но такая ситуация еще была терпимой.

Чрезвычайное положение в финансовой сфере СССР возникло в результате действий руководства РСФСР во главе с Б. Н. Ельциным по переводу крупнейших предприятий союзного значения под юрисдикцию России с одновременным снижением ставки налога на их прибыль. Возникший бюджетный дефицит восполнялся за счет кредитной эмиссии Госбанка СССР и Центрального банка России. Решающий перелом произошел весной 1991 г., когда предприятия, обеспечивавшие большую часть доходов единого бюджета Советского Союза, получили статус российских и прекратили перечислять в него налоги. Участь руководства державы во главе с М. С. Горбачевым и единого государства СССР была предрешена.

В «предреволюционном» 1991 г. размер кассового дефицита бюджета превысил пороговый уровень. Сумма дефицита превысила абсолютную величину обычных доходов консолидированного бюджета. Совокупный дефицит российского бюджета и части союзного бюджета, приходившийся на территорию России, достиг отметки 32% российского ВВП. Темпы роста индексов оптовых и розничных цен превысили темпы роста показателей денежной массы. Перешагнув за «порог дозволенного» в бюджетном финансировании, правящая власть во главе с Б. Н. Ельциным отправила нашу экономику «по стопам» военно-коммунистического периода, к всеобщей деградации и распаду.

В обоих исследуемых системных кризисах «предпринимательская» экспансия высших кругов бюрократии, пройдя ряд этапов, пресекалась пороговым разрушением экономики, за которым следовала утрата финансового могущества государственного аппарата. Наступала пора стабилизации казенного финансирования и создания предпосылок восстановления отечественного хозяйства.

Так, в 1918 г. экономика России достигла очередного поворотного пункта в своем историческом движении. Тенденция кризисного ухудшения конъюнктуры получила новое качественное выражение. Разрушение производительных сил приобрело динамику обвала. Товарно-денежное хозяйство страны стало вырождаться в натуральное, переходя к безденежному обмену и распределению продуктов.

В этих условиях «естественным» шагом революционного правительства стала национализация предприятий важнейших отраслей отечественного хозяйства, позволившая непосредственно присваивать необходимые товары и услуги. Все большее число фабрик и заводов переходили с режима коммерческого расчета на сметно-бюджетное субсидирование вследствие хронических убытков и вырождения товарно-денежных связей в натуральные. Налоговые обязанности населения в пользу государства исполнялись как натуральные повинности: дровяная, гужевая для подвоза грузов к транспортным узлам, всеобщая трудовая.

По мере инфляционного падения покупательной силы денег и расширения бартерного обмена товарами денежный бюджет советской власти превращался в материальный. Эффективность выпуска бумажных денег с целью безвозмездного присвоения продуктов быстро падала. Ценность эмиссии в довоенных, золотых рублях составила в 1918 г. 536,2 млн, в 1919 г. 224,6 млн, а в 1920 г. 122,0 млн⁵.

Основой бюджетного устройства страны в те годы становилась продовольственная разверстка – обязательная сдача крестьянами государству сельскохозяйственных продуктов по установленным, крайне низким ценам. Фактически это было произвольное, постоянно возрастающее натуральное налогообложение. Только хлеба и зернофуража Народный комиссариат продовольствия заготовил в 1918/19 г. 107,9 млн пуд., в 1919/20 г. 212,5 млн пуд., в 1920/21 г. 283,9 млн пуд.⁶ Изъятие продовольствия в казенное распоряжение замещало обычные налоги бюджета и доходы от денежной

⁵ См.: *Юровский Л. Н.* Указ. соч. С. 276.

⁶ Там же. С. 64.

эмиссии. Ценность продуктов, извлеченных разверсткой, в золотых рублях составляла в 1918/19 г. 127 млн, в 1919/20 г. 253 млн, в 1920/21 г. 451 млн⁷.

В 1920 г. иссяк последний источник финансового господства большевиков, позволявший проводить разрушительную экономическую политику. Военно-потребительское отношение к народному хозяйству державы и чрезмерное извлечение ресурсов из производственной сферы достигло предела. В ответ на увеличение продразверстки, забиравшей остатки хлеба, деревня значительно сократила посевные площади, ограничив их прожиточным минимумом. По этой причине, а также из-за плохой погоды сбор зерновых в 1920 г. едва достиг 60–70% от среднего уровня⁸. Неурожаем вызвал лютый голод, падеж скота, спровоцировал Кронштадтский мятеж и вооруженные восстания крестьян.

Государственный аппарат оказался неспособным собирать требуемое количество ресурсов. Такой вывод вытекает из сопоставления плановых заданий продовольственной разверстки с их практическим выполнением. В 1920/21 г. предполагалось забрать у крестьян 454 млн пуд. зерна⁹. Реально удалось добыть лишь 62% желаемого. Развал «натуральной» бюджетной системы, своего рода «продовольственный дефолт», стал поворотным пунктом к нэпу.

Точно так же, как и поведение большевиков в период гражданской войны, осуществление «рыночных реформ» 1990-х гг. определялось целями и интересами правящей политико-хозяйственной элиты. Объективную необходимость реорганизации директивно-плановой системы в современное рыночное хозяйство властвующая номенклатура использовала для собственной выгоды. Она постаралась максимально превратить государственное предпринимательство в зону своего частного (группового) бизнеса, т.е. присвоить как можно больше государственной собствен-

⁷ См.: Крицман Л. Н. Героический период Великой русской революции // Вестн. Коммунистической академии. 1924. Кн. 9. С. 123.

⁸ См.: Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 208.

⁹ См.: Рейнгольд И. И. Финансовая политика нэпа (от разверстки и монополии к обложению) // Финансовое оздоровление экономики : опыт нэпа. М., 1990. С. 45.

ности и доходов от нее, а также воспользоваться прочими каналами поступления средств в бюджетные фонды.

Знание мотивов поведения облеченных властью и имевших доступ к производственным и денежным ресурсам людей позволяет понять логику проводившихся ими преобразований хозяйственного строя России. Громадные размер и доходы отечественного казенного предпринимательства в конце 80-х гг. XX века объясняют силу и быстроту, с которой оно разрушалось и превращалось в сферу обслуживания частных интересов. Поэтому вполне «нормальным» выглядит выбор политико-экономической верхушкой «шоковой терапии» – скоротечного варианта проведения рыночных реформ.

Современные преобразования отечественного хозяйства осуществлялись в несколько этапов. Первым шагом стала либерализация цен в начале 1992 г. В условиях гиперинфляции правительство фактически отказалось индексировать денежные вклады населения в сберегательных кассах (банках), заработную плату, пенсии, социальные пособия. Так госаппарат сбросил с себя бремя прежнего внутреннего долга и заметно облегчил прочие бюджетные расходы.

Ближайшим последствием ограничения государственных расходов стало стремительное ускорение спада производства валового внутреннего продукта и сжатие потребительского спроса работников бюджетной сферы. Сокращение объема производства на предприятиях влекло за собой снижение занятости и доходов их работников. Оскудение покупательского спроса «ударяло бумерангом» по производителям, делая «ненужными» многие товары, сужая рынки сбыта. Ситуация «перепроизводства» вновь заставляла сокращать выпуск продукции и открывала движение по очередному порочному кругу. Непрерывное падение производства и доходов уменьшало базу налогообложения и разоряло государственные финансы.

При снижении объема и эффективности производства увеличение доходов у одной части общества происходило за счет их сокращения у всех остальных. Обильными источниками обогащения нового привилегированного социального слоя в условиях специ-

ально созданного дефицита денег были эмиссионный доход от получения льготных кредитов Центрального банка и добавленная при продвижении от производителей к покупателям наценка.

Второй этап реформирования был связан с приватизацией объектов собственности. Кампания, проводившаяся в 1992–1994 гг. под лозунгом «народной приватизации», позволила присвоить солидную часть национального богатства узкой группе предприимчивых лиц, а большинство населения лишилось прав на созданное ранее общенародное имущество. Одновременно на волне спекуляций ваучерами и акциями приватизируемых предприятий выстраивались и обваливались «финансовые пирамиды», приносящие их создателям огромные барыши за счет средств миллионов обманутых вкладчиков.

Политика приватизации вызвала хаос в отношениях собственности и трансформировала стереотип предпринимательского поведения. Утрата ответственности за вверенное имущество подвигла многих руководителей к его хищению, инициировала разрывывание многих ранее эффективных предприятий. Возможность быстрого получения доходов за счет присвоения казенного имущества и последующей его спекулятивной перепродажи ориентировала энергичных предпринимателей на раздел имевшегося общественного богатства, а не на производство новых благ и удовлетворение потребностей рынка.

Передел собственности вносил дезорганизацию в производственную деятельность, разрывал традиционные хозяйственные связи предприятий, увеличивал их затраты на торговые операции. Одновременно сокращались денежные ресурсы реального сектора экономики. Предприятия теряли свои оборотные средства, «проедали» основной капитал. Денежная масса перетекала в сферу финансовых спекуляций, где поддерживалась очень высокая норма доходности сделок с иностранной валютой, акциями приватизируемых предприятий, государственными ценными бумагами. Демонетизация экономики порождала кризис взаимных неплатежей и обостряла бюджетный кризис.

Российский капитал не только перетекал из производственной сферы и сбережений граждан в спекулятивные операции, но и в

значительной части вывозился за рубеж, истощая резервы инвестиций, ускоряя падение объема ВВП. Потери отечественного хозяйства от экспорта капитала, по экспертным оценкам, составили в 1992–1998 гг. почти 570 млн руб. в ценах 1990 г. Удручающие структурные изменения макроэкономических параметров наглядно представлены в табл. 11.3.

Таблица 11.3

**Основные финансовые показатели России в 1992–2000 гг.,
млрд руб. (в ценах 1990 г.)**

Показатель	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Валовой внутренний продукт	519,7	473,7	413,1	370,6	368,7	387,2	356,9	368,8	410,7
Валовое сбережение	210,1	137,6	79,0	93,0	78,0	83,7	68,0	99,2	138,0
Валовое накопление	– 39,0	5,9	0,0	38,7	28,6	88,2	57,8	56,5	72,4
Чистый экспорт капитала	249,1	131,7	79,0	54,3	49,4	– 4,5	10,2	42,7	65,6
Доходы бюджета	145,7	137,4	116,1	105,1	96,0	111,2	89,4	94,1	122,0
Расходы бюджета	163,2	159,3	155,2	117,0	112,2	131,2	109,6	97,5	114,0
Профицит (+), дефицит (–)	– 17,5	– 21,9	– 39,1	– 11,9	– 16,2	– 20,0	– 20,2	– 3,4	+ 8,0
Внутренний государственный долг	–	0,55	7,14	18,43	40,75	60,13	50,23	20,95	10,76
Привлечение средств в бюджет от продажи ГКО, ОФЗ	–	0,55	3,84	6,45	6,05	5,11	– 6,56	– 5,26	– 4,24
Расходы на обслуживание государственного долга	–	–	–	–	7,66	6,47	19,39	14,73	16,09

Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. М., 2001. С. 279, 281, 529, 530, 539 ; Ханин Г. И. Альтернативные методы определения объема экспорта капитала из России // ЭКО. 2001. № 1. С. 26.

Третий этап «доморощенной» либерализации охватывал 1995–1998 гг. Он характеризовался втягиванием государственного бюджета

та, сбережений населения и денежных ресурсов производственной сферы в «пирамиду» государственного долга. На протяжении трех лет действовала узаконенная система казнокрадства, перераспределявшая расходы федерального бюджета в пользу оплаты сверхвысоких процентов по обязательствам государственного долга.

Продуманная финансовая политика была важнейшим условием сооружения «пирамиды» казенных долговых обязательств. Властвующие структуры почти полностью лишили государственный бюджет ряда традиционных источников дохода: государственной монополии на оборот алкогольных напитков, прибыли государственных предприятий, дивидендов от пакетов акций и облигаций коммерческих структур, таможенных пошлин на вывоз необработанного сырья и других форм изъятия природной ренты, поступлений от продажи приватизируемого имущества и пр. Эти доходы, минуя «карман» государства, попадали в частные руки.

Искусственно пробитую в бюджете брешь реформаторы закрывали при помощи выпуска ГКО и ОФЗ, быстро наращивая государственный долг, заимствуя деньги под двух- и трехзначные проценты. Для обслуживания оборота своих ценных бумаг правительство намеренно сокращало затраты на социальные нужды. Так сводился баланс доходов и расходов бюджета. Правящая политико-экономическая элита практически ограничила заботы финансовых ведомств выкачиванием налогов из производственной сферы и населения ради сверхприбылей «пирамиды» ГКО и ОФЗ.

Но политика непомерного изъятия казенных ресурсов в интересах финансовой «олигархии» не могла продолжаться бесконечно, поскольку она лишь увеличивала долговое бремя. С 1997 г. ежемесячные расходы на погашение и обслуживание внутреннего долга превышали все налоговые поступления в федеральный бюджет. Официально признанный 17 августа 1998 г. крах финансовой «пирамиды» государственных краткосрочных обязательств вместе с решением Центрального банка о замораживании валютных операций капитального характера и девальвации рубля означал банкротство государства, которое стало закономерным итогом «военно-коммунистической» политики либералов. Настало время финансовой стабилизации.

Обе полосы радикальных преобразований государственного предпринимательства в начале и конце XX в. представляли собой многолетний социально-экономический кризис, революционную ломку общественных устоев. Закономерный характер институциональной и макроэкономической деградации проявлялся в следующем.

Воспроизводственные процессы в эпоху военного коммунизма и в годы либеральных реформ Б. Н. Ельцина представляли собой дезинвестиционные циклы, состоявшие из нескольких этапов деградации хозяйства и государственного предпринимательства. В это время происходило изъятие капитала из реального сектора экономики и осуществлялось инфляционное обесценение сбережений и доходов граждан.

Дезинвестиционные циклы инициировались политико-хозяйственной бюрократией посредством достижения запредельного дефицита казенных финансов. Покрытие непомерных бюджетных расходов запускало механизм самовоспроизводящегося кризиса: чем активнее государственный аппарат пытался решать свои финансовые проблемы, отбирая ресурсы у массы населения и предприятий, тем больше разрушалась экономика и сильнее преобразовался механизм ее регулирования и способы воздействия на нее правящей власти. Чем активнее государственный аппарат вторглся в «естественное» течение воспроизводственных процессов, тем весомее становилась его роль в поддержании макроэкономической сбалансированности и тем слабее реализовались функции рыночной самонастройки хозяйства.

Наблюдалась соподчиненность кризисных процессов в различных областях экономики. Деградации вначале подвергались наиболее зависимые от государственного предпринимательства сферы хозяйства: казенные финансы и кредитно-денежное обращение. Затем она охватывала оптовую торговлю и крупную, преимущественно обрабатывающую промышленность и в конце концов затрагивала сельское хозяйство и розничную торговлю. Темпы спада производства увеличивались по мере повышения технического уровня отрасли. Наиболее тяжелое положение складывалось в инвестиционном комплексе.

Процессы революционной трансформации экономики сопровождались потерей примерно половины производственного потенциала страны, разрушением централизованной финансовой системы, деградацией денежного обращения (обесценением рубля, необеспеченной эмиссией денег, появлением денежных суррогатов, хождением иностранной валюты), аномальным распространением натурального товарообмена. Катастрофически ухудшались условия жизни людей: сокращалась численность населения из-за превышения смертности над рождаемостью; падал уровень доходов и потребления подавляющего большинства россиян; возникала массовая, хроническая безработица; происходил значительный отток за границу высококвалифицированных кадров.

Системные кризисы характеризовались закономерным институциональным упадком. Изменялись основы государственности: держава рассыпалась на самостоятельные государственные образования, разрывалось единое хозяйственное пространство; происходила смена политического правления страной, и новый слой политико-экономических управленцев занимался переделом национального богатства в своих интересах. При экспроприации бывших собственников (национализации или приватизации) резко ухудшалось использование имущества в хозяйственных целях, происходила утрата капитала в сфере реальной экономики. Модифицировались образцы предпринимательского поведения: предприятия в массовом порядке продолжали убыточное производство продукции. Их руководство было озабочено не столько получением прибыли, сколько поддержанием жизнеспособности хозяйственных комплексов, доходов директората и занятости работников. Действовала устойчивая мотивация к свертыванию производственной деятельности предприятий.

Инициатором обеих российских «перестроек» были различные слои правящей политико-экономической бюрократии (высшего эшелона госаппарата и главных управленцев корпоративного сектора). Они были ведущими дезорганизаторами, ибо в своих интересах занимались развалом нашего общества и хозяйства, используя механизм бюджета. Однако нараставшая волна качествен-

ных макроэкономических и институциональных изменений лишала партийно-хозяйственное руководство остатков финансовой мощи и вынуждала менять предпринимательскую стратегию. Пороговые социально-экономические разрушения вынуждали «организаторов» системных кризисов прекращать сию бесперспективную политику и приступать к оздоровлению государственных финансов и возрождению отечественного хозяйства.

Социально-экономическое реформирование в нашей стране было связано с пороговыми уровнями воздействия государства на экономику, ключевыми параметрами которого служат пропорция между потреблением и сбережением в национальном доходе, норма централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и характер их инвестирования или расходования. Это подтверждается анализом макроэкономических условий возникновения централизованного планового управления экономикой в годы военного коммунизма и на исходе нэпа.

До Первой мировой войны сбережение составляло не более 10% от ВВП, а потребление – чуть более 90%. За три с половиной года боевых действий казна извела около 50 млрд руб. Если скорректировать эту номинальную цифру на покупательную силу денег по индексам товарных цен, то она составит 21 млрд довоенных руб. Народный (национальный) доход России в 1913 г. оценивался в 16 млрд руб.¹⁰ Следовательно, почти половина национального дохода страны приносилась в жертву «высшим государственным» соображениям. Из-за принудительного сбережения удельный вес фонда потребления в национальном доходе опустился почти до 50%, а норма сбережений выросла в 5 раз. Такое качественное изменение пропорции между потреблением и сбережением населения невозможно было обеспечить в рамках традиционного смешанного рыночного хозяйства со свободным частным предпринимательством. По мере увеличения присваиваемых государственным аппаратом ресурсов изменялся механизм регулирования отечественной экономики. Директивно-плановая система экономики начала складываться уже в 1915 г.

¹⁰ См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 15.

С переходом к нэпу давление государственного предпринимательства на уровень и распределение доходов населения ослабло. Удельный вес накопления (сбережений) в национальном доходе опустился к среднегодовой довоенной отметке и составлял в 1924/25 г. 8,6%, а в 1925/26 г. 9,5%¹¹. Размер доходов государственного бюджета в сравнении с национальным доходом в те же годы колебался вокруг отметки 20%.

Сокращение публично-правовых изъятий ресурсов расчистило поле для частного ведения дел и почти полного восстановления современного рыночного хозяйства и его регуляторов. В первые «неповские» годы получили признание многоукладность экономики, частная собственность и частное предпринимательство, коммерческий расчет на казенных предприятиях, конкуренция хозяйствующих субъектов, свобода оптовой и розничной торговли, гибкое ценообразование, банковские и биржевые операции, коммерческий кредит и учет векселей, обращение твердой, конвертируемой валюты и т.д. «Нормальные» рыночные учреждения (банки, биржи, частные торговые и промышленные предприятия и пр.) «воскресали» в результате реформирования и уменьшения масштаба казенного ведения дел, по мере возрастания объема и денатурализации хозяйственного оборота. Таким образом, понижение финансового воздействия государства на экономику до порогового уровня создало предпосылки нэпа.

Проведенные в 1930 г. реформы управления промышленностью, кредитной системы, налогообложения в сочетании с коллективизацией крестьянства, кустарей и ремесленников воссоздали механизм чрезвычайного изъятия ресурсов на нужды государственного предпринимательства. Создание системы государственного директивно-планового управления перевело экономику в инвестиционно-мобилизационный режим функционирования.

Провозглашение курса на индустриализацию страны означало, что правительство вновь приступило к принудительному ограничению потребления граждан с целью наращивания сбережений ресурсов и их использования для накопления капитала в промыш-

¹¹ См.: Железнов В. Я. Накопление в народном хозяйстве СССР // Вестн. финансов. 1927. № 9. С. 50.

ленности. В 1930 г. норма сбережения превысила 25%-ный пороговый уровень, совместимый с экономическим ростом. Существование директивно-плановой системы советской экономики было связано с поддержанием нормы чистого накопления выше порогового уровня в 23–25%. Вполне объяснимым выглядит падение нормы валового сбережения в ВВП в период рыночного реформирования директивно-плановой системы с 38% в 1991 г. до 19% в 1998 г.

Стало быть, процессы системной трансформации российской экономики в военно-революционный период (1914–1920 гг.), во второй половине 1920 – начале 1930-х гг. и в конце 1980–1990-х гг. имели общие моменты. Повторяемость событий показывает закономерности перехода от одной парадигмы хозяйствования к другой в условиях революционной ломки всех общественных устоев. Преобразования осуществлялись правящей властью с целью увеличения количества благ, услуг, факторов производства, присваиваемых, распределяемых или используемых в ее интересах. Между динамикой объема ресурсов, вовлекаемых в сферу казенного предпринимательства, пороговыми изменениями макроэкономических параметров и трансформацией механизма хозяйственного регулирования прослеживалась отчетливая связь.

Научное издание

Черемисинов Георгий Александрович

**ПАРАДИГМА
ДИРЕКТИВНО-ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ**

В двух частях

Часть I

Редактор *Е. А. Малютина*
Технический редактор *В. В. Володина*
Корректор *Е. Б. Крылова*
Оригинал-макет подготовила *Н. В. Ковалёва*

Подписано в печать 25.12.2012. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,23 (21,75). Тираж 100 экз. Заказ 40 Т.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.